МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ПРАВА и ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ЛИЦАХ И СУДЬБАХ ЕЁ СОЗИДАТЕЛЕЙ: IX–XXI вв.

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
посвященной 65-летию Липецкой области

г. Липецк, 4 октября 2019 г.

Липецк – 2019

УДК 947
ББК 63.3 (2) я 43
Р723

Печатается по решению кафедры отечественной
и всеобщей истории
института истории, права и общественных наук
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Протокол № 3 от 08 ноября 2019 года

Информация о материалах сборника представлена в систему РИНЦ
по договору № 2214-10/2014 к от 9.10.2014 года

Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: материалы VI Международной научной конференции, посвященной 65-летию Липецкой области / Липецк, 4 октября 2019 года. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. – 293 с.

ISBN 978-5-907168-48-0

Сборник включает материалы VI Международной научной конференции «Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.» (Липецк, 4 октября 2019 г.), в которой приняли участие ученые Венгрии, России, Украины, Швеции, учителя, работники архивов, библиотек, музеев.

Для специалистов и всех, кто интересуется родной историей.

Редакционная коллегия:

Л.П. Грот, канд. и. наук, **Г. Дьени,** канд. и. наук,
А.Н. Долгих, д-р и. наук (ответств. редактор),
Л.И. Земцов, д-р и. наук, **В.Н. Томилин**, д-р и. наук,
В.В. Фомин, д-р и. наук (ответств. редактор),
И.А. Шевченко, канд. и. наук

ISBN 978-5-907168-48-0

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГРОТ Л.П. Как скандинавы Америку открывали, или почему их «гребцы» не создали американо-индейскую Русь?……6
ФОМИН В.В. «Взвешенный и объективный норманизм» о скандинавских «гребцах» как создателях Русского государства……..16
ОЛЕЙНИЧЕНКО А.В. О мнимом отличии руси и славян в восточных источниках……...26
ПАШКОВ С.В. Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Костомарова по варяго-русскому вопросу……....39
ДИТЯТКИН Д.Г. Проблема генезиса древнерусской государственности на современном этапе изучения……...43
ШУЛЬГИН В.Н. Конфессионально-политический подвиг Владимира Святого (986–988 гг.) и его современные отражения……...46
ДЬЁНИ Г. Замечания о возможности использования устности в качестве исторического источника……..53
ДЕЖКИН И.Б. Могла ли Рязань остановить Батыево нашествие?.....57
ПАШКОВА Л.В. Оценка в историографии московско-тверского-новгородского договора 1375 г.……64
ИСАКОВ А.А. Алексей Пильемов – участник борьбы иосифлян и нестяжателей……...67
ПРОШУНИНА Е.В. Местное управление крепости на этапе строительства: конфликт между воеводой Ельца А.Д. Звенигородским и городским головой И.Н. Мясным в 1593 г.……72
ЛЯПИН Д.А., ГАЙТЕРОВА К.Г. Общинное землевладение на Юге России в XVII в. как форма хозяйственного освоения окружающего пространства…..75
МОКШИН Г.Н. Город Землянск в эпоху петровских преобразований……...81
ТРОПИН Н.А. Город Елец в конце XVIII в. по данным описаний Генерального межевания……83
НАУМОВА Г.Р. Василий Никитич Татищев и его время……85
МЕЛЬНИКОВА А.Р. Образование Древнерусского государства в пьесах Екатерины II……..88
СИТНИКОВА Г.В. «Великолепный князь Тавриды»: Г.А. Потемкин глазами современников……...92
ЖИТИН Р.М., ПАТРИНА Л.Н., САБЕТОВА М.В. Книгоиздание на территории Тамбовского края в конце XVIII в. как фактор формирования книжной культуры дворянства……...104
СУКОВИЦЫНА Е.А. О проблеме интерпретации раннего российского консерватизма и его особенности в современной отечественной историографии……...109
ДОЛГИХ А.Н. «…И с миром, и с позором…»: к вопросу о политическом кризисе в России в Тильзитскую эпоху……114
ИСАКОВА Л.В. Густав Эверс как биограф Отто Фридриха фон Рихтера (по материалам «египетской экспедиции» лифляндского востоковеда)……...125

ТОПИЛЬСКИЙ А.Г., ЖИТИН Р.М. Личные библиотеки и специфика читательских интересов тамбовских дворян первой половины XIX в……..129
ЗЕМЦОВ Л.И. Славянская идея в творчестве Н.Я. Данилевского (к 150-летию начала публикации книги «Россия и Европа»)……135
ФОМИН В.В. Южнобалтийские славяне в творчестве А.И. Павинского…….141
КУНАВИН К.С. Б.П. Мансуров до «Иерусалимского проекта»: история формирования профессиональных качеств……...146
АЛЛЕНОВ А.Н., Р.М. ЖИТИН. Б.П. Мансуров и начальники Русской духовной миссии в Иерусалиме: специфика взаимоотношений (1857–1889 гг.)……..149
ИВАНИЩЕВА В.Е. С.Я. Капустин и его окружение…….154
БУГАНОВ А.В. Государство и власть в представлениях русских крестьян…158
СВИРИДОВ И.С. Духовные проявления великорусского крестьянства во второй половине XIX в……..164
ЛАУХИНА Г.В. Женские кустарные промыслы Центрального Черноземья как фактор роста женского самосознания в крестьянской среде в 60-90-е гг. XIX в……169
ЖИТИН Р.М. Сельскохозяйственные наемные работники в имениях тамбовских помещиков: процедуры найма и формы занятости (вторая половина XIX в.)……175
СЕВОСТЬЯНОВА А.В. Доходы крестьянского хозяйства Воронежской губернии во второй половине XIX в. (по материалам бюджетных обследований)...179
ЖИТИН Р.М. Практики управления и управляющие крупными имениями Тамбовской губернии во второй половине XIX в……182
БОЛОТОВА Е.Ю. Социокультурная сфера деятельности российской кооперации начала XX в. в современных исследованиях……...186
ЖИРОВ Н.А., КЛЕВЦОВА О.В. Состояние земской медицины в Елецком уезде Орловской губернии в конце XIX – начале XX в……..191
ЖИТИН Р.М., ТОПИЛЬСКИЙ А.Г. Особенности социально-экономической модернизации Земетчинского имения Долгоруких в начале XX в……194
ШЕВЧЕНКО И.А. Епископ Митрофан (Краснопольский) – председатель думской Комиссии о мерах борьбы за народную трезвость……...198
ЧЕРНЫХ Е.В. А.Ф. Кони и проблема реформирования попечительств о народной трезвости……..202
ШЕВЧЕНКО И.А. Меры борьбы за народную трезвость в России начала XX в. в предложениях и проектах современников…….207
ВАНДАЛКОВСКАЯ М.Г. Освободительное движение России XIX в. в творчестве В.Е. Чешихина-Ветринского……211
СЕМЕЕВА С.А. Психология терроризма партии социалистов-революционеров……213
БОЧАРОВА З.С. «Солдат революции» О.С. Минор……...216
ГОРЬКОВА Е.В. Особенности развития трудового законодательства России в 1917–1921 гг.: историко-правовой анализ…….220
СМИРНОВА М.В. Роль Г.В. Чичерина в становлении советской внешней политики……..228

СОМОВ В.А. К проблеме научного осмысления роли И.В. Сталина
в формировании Советского государства…….233
ФОМИНА Т.П. С.А. Чаплыгин и его вклад в развитие науки……236
БОЛОТОВ Н.А. Проблемы восстановления экономики СССР
в послевоенный период……..238
ТЕМНИКОВА Е.Е. Некоторые итоги изучения крестьянства
в первые послевоенные годы в отечественной историографии……..242
ТОМИЛИН В.Н. Колхозы Липецкой области после реорганизации МТС…...245
ТРУБИЦИН А.Г. Состояние сельского хозяйства Липецкой области
к середине 1950-х гг. (по материалам Липецкого обкома КПСС)……..254
УВАРОВ Г.В. Секретарь ЦК КПСС А.Б. Аристов и его роль
в событиях 1956 г. в Венгрии…….258
ЧЕРЕШНЕВА Л.А. Стратегия мирного сосуществования СССР
и Компартия Индии…….265
УПОРОВ И.В. Отторжение, или драма могучего русского писателя,
не принятого ни прошлым советским государством, ни нынешней
«демократической» Россией……...271
ФРАНЦУЗЕНКО Д.Д. Организация работы по патриотическому воспитанию
учащихся в средних общеобразовательных школах……275
ЗЕМЦОВ Г.Л. Археологическая картография памятников гуннского времени
на территории Верхнего Подонья…….279
ТОПИЛЬСКИЙ А.Г., ЖИТИН Р.М. Издания сельскохозяйственной тематики
в Восточной Галиции во второй половине XIX – начале XX в……..281
ТОПИЛЬСКИЙ А.Г., ЖИТИН Р.М. Рациональное природопользование в хозяй-
ствахВосточной Галиции во второй половине XIX – начале XX в……284
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….287
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……289

Л.П. ГРОТ

КАК СКАНДИНАВЫ АМЕРИКУ ОТКРЫВАЛИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ИХ «ГРЕБЦЫ» НЕ СОЗДАЛИ АМЕРИКАНО-ИНДЕЙСКУЮ РУСЬ?

Кому из подвергающих сомнению «скандинавство» летописных варягов не приходилось слышать отповедь в наивности и отсылку к норманским походам средневековья, описанным в западноевропейских источниках, как неоспоримому доказательству правоты норманистской концепции по начальному периоду русской истории. Убеждение в том, что названные источники, повествующие о норманских походах в Западной Европе, могут отлично доказывать присутствие норманнов в русских землях того же периода, закрепилось в нашей исторической мысли с XIX в. Логика рассуждений, которые мы наблюдаем уже у А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, М.П. Погодина и др., была следующей: норманны господствовали «по всему взморью, ближнему и дальнему, ходили беспрепятственно на все четыре стороны» и, конечно, не могли оставить в покое Русь, «для них самую удобную, подлежащую и подходящую».

Иными словами говоря, присутствие скандинавов на Руси норманисты увидели, вперив взор в зеркало западноевропейской истории. Но, как известно, только на косвенных данных приговоров не выносят. Да и что за странная логика: если в западных пределах Европы события шли неким образом, то точно таким же образом они должны были идти в ее восточных пределах? Скорее, наоборот: в Восточной Европе, согласно диалектике развития, должна была быть отличная от Запада историческая ситуация – природа сильна многообразием видов. Она и была иной, но с утверждением норманизма специфику русской истории перестали изучать, подменяя ее натяжками под сюжеты западноевропейской истории, впрочем, также мифологизированные в части их «скандинавской» тематики (1).

В духе этой мифологизации продолжают писать и современные норманисты. В их работах скандинавам по-прежнему отводится ведущая роль в образовании Древнерусского государства и в создании древнерусского института верховной княжеской власти. Кроме того, скандинавам приписывается главенствующая и организующая роль в открытии Балтийско-Волжского пути, функционирование которого якобы обеспечивалось именно скандинавскими купцами и воинами: «Активная деятельность скандинавов на севере Восточной Европы в VIII–X вв., таким образом, имела результатом возникновение трансъевропейского торгового пути, связавшего Западную и Северную со странами Арабского халифата. В зоне этого пути местные племена подвергались мощному воздействию торговой экономики, которая стимулировала ускоренное социально-политическое развитие местных обществ» (2). Аналогичные «концепции» развиваются в работах В.Я. Петрухина (совместно с Е.А. Мельниковой), А.А. Горского (как авторских, так и совместных с В.А. Кучкиным, П.В. Лукиным и П.С. Стефановичем), А.Ю. Дворниченко, В.В. Пузанова, М.Б. Свердлова, Е.А. Шинакова, В.В. Мурашевой, С.П. Щавелева и др.

Абсурдность идеи о какой-либо не то что главенствующей, но даже самой минимальной роли скандинавов в процессе складывания и развития древнерусской государственности была убедительно показана в целом ряде работ (3).

Но в головах современных норманистов прочно законсервировались стереотипы XVIII в., согласно которым варяги – это выходцы из Швеции, Норвегии и Дании. Так пишет, например, о варягах курский философ и историк С.П. Щавелев: «Перед нами скандинавы, то есть шведы, норвежцы и датчане. Германоязычные народы. Начиная с конца VIII века, их вооруженные отряды стали все чаще покидать родину и пересекать моря в поисках добычи, славы, приключений... Одна из групп скандинавов (преимущественно шведов), что совершали походы на восток Европы, именовалась "русью". ... Среди славян и их соседей пришельцы составили как бы офицерский корпус у военного ополчения аборигенов». По убеждению ученого, «пришельцы» являлись представителями «более развитых в культурном отношении историко-географических зон», на периферии которых и образовывались центры восточнославянского политогенеза – зарождения собственной государственности. Без помощи скандинавов, по его мнению, «аборигены» не могли дальше развивать торговые связи и военные операции, поскольку скандинавы выступали носителями более сложной культуры и обладали соответствующим менталитетом – первооткрывателей, авантюристов, лидеров, в силу чего и основали государство Русь (4).

Для меня совершенно очевидно, что С.П. Щавелев, не будучи скандинавистом, не имеет возможности самостоятельно ознакомиться со скандинавским материалом и просто повторяет заученные норманистские штампы. И почему бы философу и историку Щавелеву не писать о Руси Рюрика как о членах некоей корпорации, которая со сказочной легкостью и быстротой якобы объединила население и ресурсы большей части Северо-Запада Восточной Европы, если о том же пишет и скандинавист Е.А. Мельникова в вышеприведенной работе. Хотя скандинавистам положено знать жизнь и возможности скандинавских обществ средневекового периода, причем знать из источников, а не из вторых рук. Но простое сличение актуальных скандинавских источников с сентенциями Мельниковой и других норманистов обнаруживает полную несостоятельность любых утверждений о возможностях выходцев из скандинавских стран в IX–X вв. (а также и позднее!) осуществить такое грандиозное мероприятие, как организацию трансъевропейского торгового пути в Восточной Европе и создать мощную торговую экономику, которая бы стимулировала ускоренное социально-политическое развитие летописных княжений.

Этот вопрос и будет раскрыт в данной статье, а в качестве доказательств будут приведены данные из исландских саг, в которых рассказывается о плаваниях выходцев из скандинавских стран к побережью Северной Америки. Данный сюжет привлекателен тем, что там скандинавы действуют только на свой страх и риск, а не вкупе с представителями других европейских стран. Исторические параллели с западноевропейской историей, которые норманисты пытаются выдавать за историю скандинавов в Западной Европе и использовать в качестве аналогов для истории с призванием варягов в русской истории (например, историю Роллона или Рольфа Пешехода, известного тем, что он завершил

свою карьеру в качестве первого правителя Нормандского герцогства; историю Сицилийского королевства, историю Вильгельма Завоевателя и др.), недействительны. Эти примеры принадлежат истории западноевропейских стран, о чем подробно рассказывается в моей статье «Обзор современного норманизма» (5).

История о том, как скандинавы открывали Америку, имеется в двух сагах: в «Саге о гренландцах» («Grönlänningarnas saga») и в «Саге об Эрике Рыжем» («Erik den Rödes saga»). Исследователи этих саг считают, что они не совпадают в некоторых деталях, но несовпадения скорее дополняют друг друга, что только усиливает ценность данных исторических источников.

Целесообразно напомнить, что основной корпус исландских саг был создан в период XIII–XIV вв. Следовательно, в них описываются события трехсотлетней давности, начиная со времени заселения Исландия с 870-х годов. Ценнейший источник по русской истории – ПВЛ – создан в начале XII в., и какой норманист не витийствовал по поводу того, что призвание Рюрика в начале второй половины IX в. слишком далеко отстоит во времени ее написания, в силу чего летописец не мог, дескать, хорошо знать описываемые события. Традиция сохранения и передачи информации в устной традиции – тема отдельной статьи. А здесь я привела данное сравнение для того, чтобы подчеркнуть различное, селективное отношение норманистов к русским источникам и к источникам скандинавским.

В статье будут использованы шведские переводы исландских саг из современного трехтомного издания (6). Переводы исландской литературы на шведский язык начались с XVII в. – времени интенсивного развития в Швеции исторической мысли, включая и произведения шведского политического мифа о вымышленном величии шведских королей в древности. В течение прошлого столетия была переведена большая часть исландских саг, прежде всего Яльмаром Альвингом (Hjalmar Alving) и Оке Ольмарксом (Åke Ohlmarks): «Isländska sagor» (1935–1945) и «De isländska sagorna» (1962–1964).

Исландские саги являются основным источником, из которого мы узнаем, что первооткрывателями Северной Америки стали выходцы из Исландии и Гренландии. Поселения в Исландии, возникшие примерно с 870-х гг., были частью волны скандинавской экспансии. Хотя большая часть первых поселенцев прибыла в Исландию с западного побережья Норвегии, среди них были выходцы и с Британских островов (Ирландии и Великобритании), включая представителей кельтского происхождения. Исландцы же стали в X в. и первопоселенцами в Гренландии, откуда они продолжили свои поездки вплоть до североамериканского побережья (7).

Согласно «Landnamsboken» (исл. «Landnámabók») или «Книге о Заселении Земли», Исландия была обнаружена Гардаром Свеварссоном, свеем по происхождению. У Гардара было земельное угодье на острове Зеландия (дат. Sjælland). Он был женат на женщине с Гебрид. И где-то в период 860–865 гг. отправился Гардар на родину жены, чтобы получить наследство после тестя. По пути он попал в шторм. Его корабль отнесло далеко к западу и прибило к восточному берегу неизвестной земли – будущей Исландии. Гардар объехал неизвестную землю и увидел, что это – остров. Он назвал его островом Гардара. На

севере острова он отыскал удобную, хорошо защищенную бухту, где и остановился. Там на берегу Гардар построил жилище и остался на зимовку. Следующим летом Гардар покинул остров. По возвращении домой он рассказал об острове и описал его наилучшим образом. О дальнейшей судьбе Гардара сведений нет. Немного известно о его потомках. Его сын Уни ездил на открытый отцом остров и попытался передать его под власть норвежского короля, заручившись обещанием, что тот сделает его ярлом на острове. Но Уни был убит другими поселенцами, успевшими обосноваться в Исландии. После Уни остался сын Хроар. Он упоминается в «Саге о Ньяле» – одной из поздних саг об исландцах, созданных, предположительно в конце XIII–XIV вв. (8).

Вскоре после открытия острова Гардаром туда потянулись переселенцы из Норвегии. Один из них – выходец из Ругаланд на юго-западе современной Норвегии – и дал острову название Исландия. В 870-е гг. в Исландию стали переезжать люди из других районов Норвегии. В исландских сагах описывается, как крестьянские семьи, погрузив на корабли скот и домашний скарб, отплывали на новый остров. Поток переселенцев увеличился после того, как король Харальд Прекрасноволосый (850–933) подчинил своей власти значительную часть страны и провозгласил себя первым королем Норвегии. Позднее поселенцы из Исландии стали добираться и до Гренландии.

Я остановилась на истории заселения Исландии еще и потому, что период ее заселения совпадает с такими важными событиями русской истории, как призвание князя Рюрика в 862 г. в княженье Словен и последовавшее правление князя Олега, создавшего к 882 г. гигантскую державу на Русской равнине. Рюрика норманисты выводят откуда-то из страны свеев (современная Средняя Швеция), а Олега – из захолустного норвежского хутора Беруръедра. Но, как показывает история Гардара Свеварссона, современникам-скандинавам ничего не было известно о грандиозных делах, совершавшихся скандинавскими отрядами в Восточной Европе в то время, когда Гардар и его земляки отправлялись на скудный и малонаселенный север Атлантики, хотя, как видно из исландских саг, народная молва в то время разносила важные новости достаточно быстро и запечатлевала их в народной памяти.

Так, в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» хрониста Адама Бременского (ум. в 1080-е гг.) упоминается Винланд с описанием ее природы, с рассказом о дикорастущей пшенице и о диком винограде, из которого получается отличное вино. Адам подчеркивает достоверность этих сведений, полученных им в личных беседах с королем данов Свеном Эстридссеном (1020–1076) (9). Как видим, сведения, хоть сколько-нибудь служившие доброй славе общества и короны, бережно хранились в скандинавских странах и передавались из поколение в поколение. Но никаких сведений о скандинаве Рюрике и скандинаве Олеге мы у Адама Бременского не найдем, хотя эти исторические деятели были создателями государства, которое могло померяться с империей Карла Великого. И это естественно: все рассказы о Рюрике и варягах из Швеции или о князе Олеге как норвежском хуторянине были изначально сочинены в XVII–XVIII вв. шведскими историками и литераторами.

Поселенцы из Исландии и Гренландии были первыми европейцами, увидевшими североамериканский континент. Согласно «Саге о гренландцах» («Grönlänningarnas saga»), первым, кто увидел Америку, был торговец из Исландии по имени Бьярни Херьюльфссон (Bjarni Herjulfsson), который где-то около 985 г., направляясь в Гренландию, сбился с курса и оказался у берегов неизвестной земли: «Херьюльф был сыном Барда Херьюльфссона. Он был родственником первопоселенца Ингольва. Ингольв наделил Херьюльфа и его людей землей между Вогом и Рейкьянесом. Херьюльф жил вначале в местности Дрепстокк. Его жену звали Торгерд, а их сына звали Бьярни. Он был очень способным человеком. С младых лет его влекли путешествия. Бьярни сумел и богатства приобрести, и заслужить почет. Зимы он попеременно проводил то в поездках, то с родителями. Вскоре он обзавелся собственным судном. Когда в прошедшую зиму Бьярни был в Норвегии, Херьюльф решил отправиться с Эйриком в Гренландию и оставил свое подворье... Херьюльф поселился на Херьюльфснесе и заслужил большое уважение. Эйрик Рыжий поселился на Браттахлиде. Он жил в большой чести, и все были зависимы от него. Детей Эйрика звали Лейф, Торвальд, Торстейн и дочь Фрейдис.

В то же лето, когда Херьюльф покинул свой дом, его сын Бьярни прибыл на своем корабле в Eyrar (Исландия. – *Л.Г*). Команда поинтересовалась его дальнейшими планами, и Бьярни сообщил, что не собирается менять свой обычай проводить зиму с отцом, поэтому поведет свой корабль в Гренландию и остановится у своего отца. Команда согласилась последовать за ним. Но никто из них не плавал раньше в Гренландию. Тем не менее они отчалили и вышли в открытое море. Поднялся северный ветер, опустился туман, они были в плавании уже несколько дней, и не знали, где они находились. Наконец, выглянуло солнце, и можно было начать ориентироваться по солнцу. Проплыв еще один день, они вдруг увидели землю» (10).

В течение нескольких дней Бьярни и его команда плыли вдоль берегов неизвестной земли, но на берег решили не сходить, т.к. Бьярни хотелось побыстрее добраться до Гренландии. В конце концов они добрались до этого острова, и Бьярни оставался с отцом до самой его смерти. Но он много рассказывал о виденных им неизвестных землях. Сын Эрика Рыжего Лейф заинтересовался его рассказом и встретился с Бьярни. Лейф купил его корабль, нанял команду и отправился в плавание. Первая земля, которой они достигли, имела каменистый горный ландшафт, а горные вершины были покрыты ледниками. Лейф назвал эту землю Хеллюланд. Вторую землю, которую они отыскали, Лейф назвал Маркланд. Она была низменной, лесистой. Они поплыли дальше и доплыли до острова, лежащего к северу. Там они сошли на берег, решив остаться на зимовку и построить дома. Реки там были богаты семгой, причем рыбины были намного большего размера, чем им приходилось видеть раньше. Климат был мягким. Они подумали, что для скота даже не понадобится заготавливать корм на зиму, поскольку заморозки не губили траву, она только немного желтела.

Когда постройка домов была закончена, Лейф разделил свою команду на два отряда. Часть людей должна была оставаться при домах, а вторая отправля-

лась исследовать территорию. Как-то вернувшись домой, они обнаружили, что не досчитываются одного человека. Это был воспитатель Лейфа по имени Тюркир. Через некоторое время Тюркир появился и рассказал, что он нашел заросли виноградных лоз и плоды винограда. Когда Лейф засомневался, то Тюркир напомнил, что на его родине (родным языком Тюркира был немецкий) было много виноградников, и он знает, о чем говорит. Новую страну назвали Винланд. Люди Лейфа по его приказу занялись сбором винограда. Весной перед отъездом в Гренландию стали рубить виноградные лозы, валить деревья и грузить все это на корабль. По возвращении в Гренландию стали готовить новую поездку в Винланд, но уже по инициативе брата Лейфа Торвальда, который считал, что вновь открытые земли надо обследовать более тщательно. Лейф предложил Торвальду воспользоваться его кораблем (11).

Так рассказывается об открытии Америки в «Саге о гренландцах» («Grönlänningarnas saga»). А «Сага об Эрике Рыжем» («Erik den Rödes saga») начинает историю открытия Америки сразу с рассказа о сыне Эрика Рыжего Лейфе Эрикссоне. Как бы то ни было, «Сага о гренландцах» («Grönlänningarnas saga») описывает шесть поездок в Америку, среди них и поездку Бьярни, а также более продолжительные экспедиции Лейфа Эрикссона, а «Сага об Эрике Рыжем» («Erik den Rödes saga») называет только три поездки, из которых наиболее продолжительная была совершена исландским торговцем Торфинном Карлсефни (Þorfinn Karlsefni). О нем рассказывается и в «Саге о гренландцах» («Grönlänningarnas saga»).

Таково в общих чертах описание открытия североамериканского континента жителями Исландии и Гренландии. Современная археология, особенно раскопки, проведенные Хельге и Анной-Стиной Ингстадами в Л'Анс-о-Медоуз (L'Anse aux Meadows) на севере Ньюфаундленда, подтверждают, что мореходы из Гренландии и Исландии побывали в Северной Америке и построили там дома того же типа, что были открыты в Исландии. Обнаруженные археологами остатки поселений датируются XI в., и это самые ранние европейские поселения на североамериканском континенте. Правда, между археологами до сих пор не утихают споры о том, действительно ли обнаруженные археологами остатки поселений можно отождествлять с поселением Лейфа Эрикссона на Винланд или нет. Но к теме статьи эти споры прямого отношения не имеют. Задача статьи – только проанализировать дошедшие до нас в скандинавских источниках описания деятельности скандинавов в открытой ими Америке.

Итак, мы узнаем из саг о том, что по следам Лейфа Эрикссона в Америку отправился его брат Торвальд. В «Саге о гренландцах» рассказывается, что Торвальд набрал команду из 30 человек. Они добрались до Винланд, до стоянки Лейфа и остались там на зиму. Пропитание добывали рыбной ловлей. Весной они решили начать исследование открытой ими страны. Страна показалась им прекрасной, богатой лесом. Лес подходил близко к морю, прибрежная часть была песчаной. Кроме того, было много озер. Следов человеческих поселений обнаружить не удалось. На одном островке, расположенном к западу, они нашли дикорастущую пшеницу.

Следующим летом исследования новой земли продолжались. Торвальд и его спутники нашли очень красивую бухту, где решили устроить небольшую гавань и причалы для судов, а также построить постоянное жилище. Но неожиданно они столкнулись с аборигенами, прятавшимися в этой бухте под кожаными ладьями. Спутники Торвальда захватили 8 человек и убили их, но одному удалось бежать. Через некоторое время из глубин фьорда появилось множество аборигенов. Индейцы обстреляли скандинавов, Торвальд был ранен и умер от ран, но его команда вынуждена была остаться здесь на зиму. Весной же отправились назад в Гренландию, нагрузив корабль виноградом.

В то же время в Гренландии события шли своим чередом. Торстейн, третий сын Эрика Рыжего и брат Лейфа и Торвальда, женился на Гюдрид. Он решил снарядить экспедицию в Винланд, чтобы забрать труп своего брата Торвальда. Ему удалось набрать команду в 25 человек и отправиться с ними и с женой Гюдрид в Винланд. Они плыли все лето и в преддверии зимы остановились на западном побережье Гренландии. Зимой распространилась эпидемия болезни, от которой умерли многие из команды Торстейна, включая его самого. Однако следующим летом стали снаряжать новую экспедицию в Винланд. Ее организатором выступил прибывший из Норвегии богач Торфинн Карлсефни (Þorfinnr Karlsefni). Он набрал команду из 60 человек. Поскольку на новом месте собирались обустраиваться на хозяйство, то взяли с собой несколько голов скота. Торстейн попросил Лейфа передать ему дом Лейфа в Винланд, но Лейф согласился только сдать его во временное пользование. К путешествию подготовились основательно, удалось даже забить кита, что на долгое время обеспечило путешественников провизией.

Жизнь в Винланд сначала складывалась удачно для новопоселенцев. Они заготавливали древесину, собирали виноград, охотились на дичь. Но в конце зимы произошла новая встреча с аборигенами (skrälingar). Большая группа мужчин вышла из леса и направилась к жилищам Торстейна и его команды. У аборигенов были с собой шкурки голубой белки, соболя и другие меха. Но их испугало коровье стадо, которое паслось вблизи, и они попятились, но, справившись со страхом, направились к подворью Карлсефни и попытались войти в дом. Карлсефни заперся в доме. Не зная языка, им сложно было понять друг друга. Тогда аборигены высыпали свои меха и показали, что они пришли для торговли и в обмен на меха хотели бы получить оружие. Но Карлсефни запретил своим людям давать аборигенам оружие. Вместо этого он велел женщинам выйти к аборигенам и вынести им молочные продукты. Аборигены согласились принять продукты, а люди Карлсефни забрали себе меха. В начале следующей зимы опять пришли аборигены и принесли с собой меха для обмена. Но один из аборигенов был убит человеком Карлсефни, а остальные бросили мешки с мехами и убежали, но вернулись с подкреплением, и завязалось сражение. Многие из аборигенов погибли, оставшиеся бежали с места сражения (12).

В «Саге об Эрике Рыжем» есть некоторые дополнения к «Саге о гренландцах». Например, приводится описание внешности аборигенов, причем крайне недоброжелательное описание: «В кожаных лодках сидели малорослые некрасивые мужчины с редкими волосами на голове. У них были большие глаза

и высокие скулы. Они рассматривали какое-то время скандинавских пришельцев, а потом уплыли к югу, огибая мыс... Однажды весной появилось множество аборигенов. Они показали знаками, что пришли для торгового обмена, и объяснили, что хотели бы обменять необработанную кожу на красную материю: за ленточку красной материи предлагалась необработанная шкура оленя. Красную ленту аборигены обвязывали вокруг головы» (13).

Прошло какое-то время, и к скандинавам явилось множество аборигенов, но уже с не мирными целями. Между аборигенами и людьми Карлсефни произошла схватка. Погибшие были и с той, и с другой стороны. После этой стычки Карлсефни и его люди посоветовались и решили, что хоть эта страна и хороша, но жить здесь приходится под постоянной угрозой нападения со стороны ее прежних жителей, поэтому лучше вернуться домой. Подготовили корабль к отплытию и взяли курс на север. Проплывая мимо одного берега, увидели там несколько спящих аборигенов и убили их. По прошествии какого-то времени Карлсефни и его команда добрались до Гренландии (14).

Как видно из приведенных источников, реальные возможности выходцев из Скандинавии осваивать другие страны не имеют ничего общего с тем, что рассказывают норманисты. Видим мы что-либо общее с величественными картинами деятельности скандинавов в Восточной Европе? Налаживание торгового трансъевропейского пути? Создание мощной торговой экономики, которая бы стимулировала ускоренное социально-политическое развитие местных обществ? Консолидировали ли скандинавы в Америке обширную территорию? Создали ли сеть предгородских поселений и раннегосударственные структуры? В ответ можно только рассмеяться.

Первооткрыватели Америки были простыми крестьянами, жившими натуральным хозяйством и собирательством и не представлявшими, что значит создание «мощной торговой экономики». Крестьянские семьи перебирались на новые земли со своими коровами и со своими крестьянскими навыками: соорудить немудреное жилище, доить коров и завести домашнее молочное производство, т.е. жить по старинке своими народными традициями. Стоит обратить внимание на то, что инициативу завязать торговые отношения проявили не скандинавы, а американские аборигены. Это они пришли с ценной пушниной и предложили обменять ее на те продукты, которые были у европейцев. А скандинавы удовлетворялись тем, что давала природа: собирали виноград, заготавливали древесину. Исландские саги дают возможность предположить, что и с этим товаром они дальше Исландии и Норвегии не ходили. Карлсефни называют торговцем, но товар он реализовывал тоже в пределах Скандинавии.

Например, в «Саге о гренландцах» рассказывается, что Карлсефни, добравшись из Винланд в Гренландию, через какое-то время снарядил корабль и отправился в Норвегию, куда он удачно добрался и остался там на зиму. Сага рассказывает, что в Норвегии он продал свой груз и что его и его супругу Гюдрид очень хорошо принимали самые именитые люди Норвегии. С наступлением весны Карлсефни стал готовить корабль для возвращения в Исландию. В это время явился к нему человек «из южных земель, из Бремена в стране саксов». Этот человек стал торговать у него кусок обработанной древесины и

предложил ему полмарки золотом. Карлсефни решил, что цена очень хорошая, и продал ему. Он не знал, что это была карельская береза (15).

Норманисты уверяют нас, что выходцами из Скандинавии, вершившими «викингские» подвиги, были воины и торговцы. А кого видим мы в приведенных здесь сагах? Обычное простонародье с ограниченным кругом интересов. Помимо крестьянства, это были мелкие торговцы, которые перепродавали продукты своего хозяйства посредникам, приезжавшим в Скандинавию с европейского континента. Они не были носителями городской культуры, поэтому ни о каком строительстве предгородских поселений руками этих скандинавских пришельцев не может быть и речи. На североамериканском побережье они строили землянки или полуземлянки, крытые дерном, и этого вполне хватало для их нужд. Контакты с американскими аборигенами показывают, что навыка или желания налаживать отношения с местными народами у скандинавов не было. Исландия и Гренландия в этом смысле никаких проблем не создавали, поскольку были безлюдными территориями, покинутыми местным населением.

А вот на американском континенте местное население имелось, и скандинавы в скором времени бежали оттуда, не в силах обосноваться и наладить отношения с аборигенами. Отчего же здесь не проявился их менталитет, в котором Щавелев видит менталитет первооткрывателей, авантюристов, лидеров, благодаря которому они якобы и основали государство Русь? Надо сказать, что норманисты, прежде всего скандинависты, не любят вдаваться в подробности освоения исландцами и гренландцами североамериканских земель. Оно и понятно: слишком много в этой истории имеется неудобных моментов. Но Щавелев смело берется разъяснить имеющийся казус: «Конечно, не везде викинги смогли закрепиться. Откуда-то они... вынуждены были уйти (как из Северной Америки – победить бесчисленных индейцев без огнестрельного оружия было нереально)... Сравнение объектов скандинавской экспансии показывает, что создать государство, стать его военно-политической элитой скандинавы сумели там, где для этого уже сложились внутренние предпосылки...» (16).

Так вот, оказывается, в чем дело! Индейцы виноваты: не «сложили» предпосылок для Лейфа Эриксона и Торфинна Карлсефни. А то бы они развернулись и в рекордные сроки объединили бы североамериканские земли, в результате чего возникло бы первое раннегосударственное образование в Северной Америке. А вслед за этим лихие скандинавы организовали бы Миссисипско-Миссурийский водный путь и создали трансамериканский торговый путь, которым бы соединили родную Гренландию с цивилизациями Мезоамерики (и тем самым бы воспользовались богатствами ацтеков и раньше испанцев начали бы бредить сказочным «Эльдорадо»). Звучит абсурдно? Но именно таким же абсурдом являются норманистские «концепции» о скандинавах-основоположниках древнерусской государственности. Перефразируя слова Ю. Свеннунга (1895–1985), шведского исследователя донаучной шведской историографии XVI–XVIII вв., о том, что в ней шовинистические причуды фантазии шведов были доведены до полного абсурда (17), можно сказать, что сторонники «концепции» о шведо-варягах как «стимуляторах» ускоренного социально-политического развития в Восточной Европе IX–X вв. и как создателях

древнерусской государственности, достигли вершины абсурда, где и застыли, используя выражение А.В. Назаренко, в летаргическом убеждении, будто все проблемы начал древнерусской истории решены и пересмотру не подлежат (18).

При этом норманисты не желают замечать, что названное летаргическое убеждение покоится на ни на чем не основанной подмене этнонима *варяг* словом *скандинав*, т.е. житель Скандинавского полуострова. К этой подмене подсоединяются еще две: слово *скандинав* полностью отождествляется с норманнами из латиноязычных хроник и с *викингами*-пиратами из исландских саг и других западноевропейских источников (19). В результате этой чреды манипуляций с источниками в норманистских работах народ варягов с южнобалтийского побережья без всяких проблем смешивается с викингами-пиратами, что предоставляет норманизму богатые возможности создавать самые нелепые фантазии на темы начального периода русской истории. И прав В.В. Фомин, считая, что отстаивание догмата скандинавского начала Русского государства объясняется еще и тем, что норманисты «всю свою жизнь положили на пустое дело...» (20), отсюда и их категорическое нежелание признать очевидную истину: в создании древнерусской государственности участвовали выходцы из южнобалтийских варягов, а не некие жители Скандинавского полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грот Л.П. Обзор современного норманизма (часть первая) // Исторический формат. 2019. № 1 (в печати).
2. Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–X веках // Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 433-440.
3. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005; Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове: Сб. статей и монографий. М., 2012. С. 311-553; Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003; Сахаров А.Н. Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Сб. РИО. Т. 8 (156). М., 2003. С. 9-17; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; его же. Начальная история Руси. М., 2008; его же. Варяги и Русь // Варяги и Русь: Сборник статей и монографий. М., 2015. С. 7-112.
4. Щавелев С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980) Актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Ученого совета. Курск, 2012. С. 4-40.
5. Грот Л.П. Обзор современного норманизма.
6. Islänningasagorna. Samtliga släktsagor och fyrtionio tåtar. SAGA förlag, Reykjavik, Island. 2014. Band I. Redaktion Kristian Jóhannesson, Gunnar D. Hansson, Karl G. Johansson.
7. Islänningasagorna. S. XI, XXVII-XXVIII.
8. Ohlmarks Åke. De isländska sagorna, band 1. Steinsviks bokförlag, 1964. S. 15-17, 36-150.
9. Adam av Bremen Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar / Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Stockholm, 1984. S. 236.
10. Islänningasagorna. S. 310.
11. Ibid. S. 311-313.
12. Ibid. S. 315-318.
13. Ibid. S. 337.
14. Ibid. S. 338-340.
15. Ibid. S. 321.
16. Щавелев С.П. Указ. соч. С. 19.
17. Svennung J. Zur Geschichte des goticismus. Stockholm, 1967. S. 89-91.
18. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 370.
19. Грот Л.П. Мифы о викингах и политика // VII Бартеневские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. Липецк, 2018. С. 19-29.
20. Фомин В.В. Истоки Руси и русской государственности // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Липецк, 2012. С. 17-18.

В.В. ФОМИН

«ВЗВЕШЕННЫЙ И ОБЪЕКТИВНЫЙ НОРМАНИЗМ» О СКАНДИНАВСКИХ «ГРЕБЦАХ» КАК СОЗДАТЕЛЯХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

«Советский антинорманизм», норманистский по своей сути, привел к торжеству в нашей науке, по оценке археолога А.А. Хлевова 1990-х гг., «взвешенного и объективного норманизма», по причине чего варяжский вопрос им был перемещен «всецело в сферу историографического бытия», т.е. сдан в архив, в связи с чем его следовало теперь безоговорочно принимать только в норманистской трактовке. Тогда же историк А.С. Кан резюмировал, что «гласность второй половины 80-х годов открыла путь академической свободе, а вместе с нею и научному, т.е. умеренному, норманизму» (1). Суть такого норманизма хорошо видна в объяснении происхождения имени «Русь» и прежде всего в работах самых активных «взвешенных и объективных норманистов» – филолога Е.А. Мельниковой и археолога В.Я. Петрухина, без проблем узреваю-щих, наверное, во всех сторонах русской жизни IX–XI вв. проявления сверхбурной жизнедеятельности скандинавов.

С начала 1990-х гг. они уверяют (вместе и порознь) в том, что очевидна скандинавская этимология слова варяг, выступающего в ПВЛ «как единственное собирательное обозначение скандинавских народов». Подчеркивая, что в огромном и достаточно представительном корпусе древнескандинавских письменных источников это слово не употребляется «для обозначения скандинавов, находящихся или побывавших на Руси», объясняли такую ситуацию тем, что на Руси оно возникло в скандинавской среде (заключение князем Игорем договора со скандинавскими наемниками в 944 г. «могло вызвать к жизни их название *warangr от vár – «верность, обет, клятва») и в русской традиции закрепилось «как обозначение скандинавов, отличных от руси – княжеской дружины, призванной по ряду: это различение руси и варягов прослеживается уже в описании призвания в “Повести временных лет” и перерастает в дальнейшем в противопоставление тех и других» (2). Столь же активно и столь же плодовитомноготиражно они утверждают о скандинавской этимологии имени «Русь». При этом Петрухин внушал, что «в современную историографию возвращается ошельмованная, но никем не опровергнутая (после работ В. Томсена и М. Фасмера) скандинавская – “варяжская” этимология названия “русь”» (хотя что было возвращать, когда скандинавская – но отнюдь не варяжская – версия прочно вошла в советскую науку, в чем сам этот археолог сыграл немалую роль. Да и одновременно с ним И.В. Ведюшкина в 1995 г. констатировала, что «важнейшей приметой последних лет оказалось триумфальное шествие скандинавской этимологии русского имени…» (3)).

Согласно Мельниковой (и в этом случае повторяющей «истины», отстаиваемые ею и ее соавтором еще в качестве «советских антинорманистов»), «Русь» восходит «к древнескандинавскому корню *rōþ-*, производному от германского глагола **rōwan* (значок * указывает на реконструируемые формы. –

В.Ф.), “грести, плавать на весельном корабле” (ср. др.-исл. *róa*). Слово **roþ(e)R* (др.-исл. *róðr*) означало “гребец, участник похода на гребных судах”, а также и сам поход... Так, предполагается, – отмечала она гипотетический характер излагаемой версии, – называли себя скандинавы, совершавшие в VII–VIII вв. плавания в Восточную Прибалтику и в глубь Восточной Европы, в Приладожье, населенные финскими племенами», которые «усвоили их самоназвание в форме *ruotsi*, поняв его как этноним (таково значение этого слова и его производных в современных финских языках). Включившиеся в финно-скандинавские контакты восточные славяне заимствовали местное обозначение скандинавов, которое приобрело в восточнославянском языке форму *русь*» (видя в известиях византийского Жития Георгия Амастридского свидетельство пребывания скандинавов в Северном Причерноморье в начале IX в., поясняла, что «наименование Рώς, первоначально обозначавшее скандинавов, является, вероятно, рефлексом самоназвания этих отрядов – *rōþs* (*menn*), которое отразилось в финских языках как *ruotsi* и в древнерусском языке как *русь*»).

То, что сказанное Мельниковой имеет отношение к науке лишь в ее понимании норманистами, ибо не имеет ни лингвистического, ни какого другого обоснования, лишний раз она же сама продемонстрировала в 2011 г. в «научно-методическом журнале для учителей истории и обществознания» «История», просто взяв и «удревнив» начало плавания скандинавов «в Восточную Прибалтику». А именно взяла да и исправила в приведенном тексте «VII–VIII вв.» на «V в.», тем самым двумя столетиями ранее устроив встречу своим героям с финнами: «Так, предполагается, называли себя скандинавы, совершавшие в V в. плавания в Восточную Прибалтику и уже в VII–VIII вв. проникавшие вглубь Восточной Европы, в Приладожье, населенное финскими племенами».

«Виновником» жонглирования Мельниковой веками невольно стал археолог В.В. Седов. Потому как он, в 1998–1999 гг., касаясь скандинавской этимологии имени «Русь», отстаиваемой Мельниковой с Петрухиным, продемонстрировал, что построение rōps>ruotsi>rootsi с историко-археологической точки зрения «никак не оправдано»: «если Ruotsi/Rootsi является общезападнофинским заимствованием, то оно должно проникнуть из древнегерманского не в вендельско-викингское время, а раньше – до распада западнофинской общности, то есть до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных языков прибалтийских финнов». Однако археология, констатировал Седов, не сомневавшийся, надлежит подчеркнуть, в норманстве варягов, не фиксирует проникновение скандинавов в западнофинский ареал в половине I тыс. н.э.: «они надежно датируются только вендельско-викингским периодом» (4).

Но Мельникова, не приняв такой «антинорманистский» довод, показывающий несостоятельность ее концепции, легко его обошла способом, не имеющим отношения к науке. Можно догадываться, как она обойдет факт, на котором в 1994 г. заострял внимание И.П. Шаскольский: «чисто языковедческое построение о происхождении слова *Русь* из прибалтийско-финского *ruotsi* встречает серьезные возражения с исторических позиций», потому как наличие во всех прибалтийско-финских языках слова, производного от него, свидетельствует, что *ruotsi* «принадлежит к древнейшему словарному фонду прибалтий-

ско-финской языковой семьи и его возникновение не могло быть связано с походами викингов (как пытались доказать В. Томсен и его последователи); оно возникло на тысячу лет ранее, ибо с конца I тыс. до н.э. стало уже происходить распадение прибалтийско-финского праязыка на племенные диалекты» (5).

Весьма категоричны лингвистические выводы археолога Петрухина: «слишком убедительно выглядит происхождение самого имени *русь* из скандинавских языков при посредстве прибалтийско-финских», что финноязычное название Швеции Ruotsi/Rootsi «закономерно дает в древнерусском языке слово *русь*» (это мнение, транслировал он, принадлежит сторонникам «традиционного – летописного – происхождения названия *русь*», ибо имеются «данные прямых источников о скандинавском происхождении названия *русь*», «предание о происхождении руси из Скандинавии», которое руководствовался летописец. Но ничего подобного нет вообще).

Игнорируя заключения отечественных и зарубежных лингвистов Ю. Мягисте, А.В. Назаренко, Г. Шрамма, О.Н. Трубачева, К.А. Максимовича несмотря на присущий им норманизм, категорично отвергающих эту версию (т.е. отмечающих ее и лингвистическую несостоятельность), ученый аргументировал свою позицию тем, что «последние историко-этимологические разыскания (имеются в виду «разыскания» его и Мельниковой, повторяющие предположения Томсена, все же признававшего, что они есть «только гипотеза». – *В.Ф.*) показали, что эти названия восходят к др.-сканд. словам с основой *rōþs-, rōþsmenn, rōþsmarpr, rōþskarl со значением “гребец, участник похода на гребных судах”», причем «по-славянски скандинавское наименование “рос” звучало как “русь”» (Назаренко подчеркивал в 2013 г., «что др. сканд. **rōþsmenn* или какой-то иной аналогичный композит в качестве непосредственного гипотетического прототипа слав. *русь* принять невозможно, ибо невозможно допустить, что и в греческом, и в немецком, и в арабском, независимо друг от друга, одновременно произошел странный процесс морфологического разложения скандинавоязычного сложного слова с последующей редукцией до его первой части; иными словами, непонятно, как из **rōþsmenn* получилось требуемое **rōþs*» (6)).

И выходцы из Швеции, заключал Петрухин, называли себя в IX в., что «нас не может удивлять» (да как раз даже очень удивляет!), «гребцами», т.е. «походным, а не племенным именем», ибо шли на востоке, согласно скандинавской терминологии, «“в русь”, гребной поход…» (очевидно, что именно так называли себя «росы» – в греческой огласовке – Бертинских анналов и участники походов на Византию, что норманская русь совершала набеги на ее города – Сурож и Амастриду), что «собственно и само имя *русь* в IX – первой половине X в. означает княжескую дружину, идущую в поход на гребных судах», и имя которой было нейтрально: «оно не было нагружено негативной семантикой племенного противопоставления… напротив, дружина была “открыта” для договора о службе, ряда» (повторил археолог и сказанное им с Мельниковой в советское время, что у Константина Багрянородного русь противопоставляется славянам как дружина, пользующаяся скандинавским языком, хотя у императора об этом, разумеется, нет ни слова. В свою очередь его давний соавтор отдельно утверждал, что параллельный список бесспорно скандинавских и сла-

вянских названий днепровских порогов «указывает на свободное владение информатором» императора, «вероятно, знатным росом (скандинавом), как древнескандинавским (древнешведским), так и древнерусским языками. Можно предположить, что в среде знати в это время господствовало двуязычие»).

Точки зрения лингвистов Трубачева и Назаренко, предложивших иные варианты происхождения имени «русь», археолог Петрухин решительно отклонил: «стоит лишь совместить попытки несовместимых лингвистических реконструкций, выводящих имя *русь* из "индоарийских компонентов" в Северном Причерноморье… или связывающих это имя с неким народом *ruzzi*, наименование которого отразилось в топониме *Ruzarâmarcha* в Баварии», якобы означающим, «что русь знали в немецких землях уже до IX в.», ибо «ни "руги", ни *Ruzarâmarcha* ранних немецких источников, очевидно, не имеют прямого отношения к исторической руси IX в.» (в 2009 г. Назаренко, ведя речь о гипотезе Трубачева об индоарийском происхождении этнонима *русь* и при этом не жалуя «антинорманистов», заметил: «…Подавляющее большинство вполне серьезных историков продолжает жить в летаргическом убеждении, будто проблема давно и навсегда закрыта чуть ли не со времен В. Томсена, и всякое уклонение от этимологии др.-русск. *русь*<др.-сканд. **rōþs-* "гребной, имеющий отношение к гребным судам" карается отлучением от науки. В этих условиях любая попытка завести даже деликатный, нюансированный разговор поперек скандинавоцентричной *opinio communis* (общее мнение. – *В.Ф.*) требует научной смелости» (7). Уже из этих слов, произнесенных в адрес выдающегося нашего лингвиста, можно понять, сколько смелости и принципиальности требуется антинорманистам для демонстрации, начиная с М.В. Ломоносова, несостоятельности увязки имени «Русь» с финским названием Швеции «Ruotsi», и как с ними нисколько не деликатничают, пользуясь во все времена поддержкой властных структур, их оппоненты, не желающие, глядя на наши древности шведским взглядом, видеть очевидного).

Уверяя, что с весьма «большими источниковедческими несообразностями связана» гипотеза Седова о существовании до призвания варягов «Русского каганата» (на левобережье Днепра, на землях славянской волынцевской культуры конца VII–VIII вв.), Петрухин его отрицание скандинавской этимологии имени «русь» отвергал потому, что он «совершает распространенную при попытках междисциплинарных исследований логическую ошибку» и не учитывает, «что абсолютные датировки процессов языковой дифференциации бесписьменных языков сами основываются на гипотетических сопоставлениях с данными археологии и не могут служить базой для датировок исторических событий. Наоборот, история имени *русь*, каковой она предстает в исторических источниках, может пролить свет на процессы языкового развития».

Вместе с тем Петрухин объяснял (в том числе в книге для детей «Истоки России. Исторические рассказы» и в изданном огромным по нашим временам тиражом – 150 000 экземпляров – «Справочнике учителя истории. 5-11 классы», т.е. выходя, как и Мельникова, за рамки научной аудитории) «почему шведы именовали себя на Востоке гребцами, а не викингами, как они звались на Западе?» (и также отмечая, «что по соседству со Скандинавией и Русью,

в Юго-Восточной Прибалтике, Пруссии и соседних землях балтийских славян» скандинавы называли себя не «гребцами», но викингами): «Дело в том, что на Запад скандинавы отправлялись в поход на больших парусных судах. На реках же Восточной Европы эти суда были непригодны: часто приходилось не только плыть против течения. Здесь нужна была сила гребцов», т.е. руси, имя которых эстонцы и финны передали славянам (8).

Однако норманны в Западной Европе постоянно плавали на гребных судах также против течения рек, разумеется, используя при этом весла: Сены, Шельды, Соммы, Лауры, Гаронны, Адура, Мааса, Рейна, Эльбы, Вьенны, Роны, Темзы, Банна, Лиффея, Бойна, Шаннона (рек было много и на Южной Балтике). Но тамошнему населению гребцами-русью они, считая себя только воинами, не представлялись. Д.А. Мачинский в 1989 г., говоря о «кюльфингах» скандинавских источников как о русских колбягах и принимая этимологию этого названия от др.-исл. kulfa – «дубинка», заметил: «“дубинщики; вооруженные дубинками” – имеет, возможно, уничижительный смысл», звучал «несколько презрительно» (9). Не лучше, конечно, звучало бы и «гребцы» – с веслами и без. Потому скандинавы не могли так представляться чужеродной среде – ни финнам с эстонцами, ни восточным славянам, которых они уже авансом занесли в число своих подданных, плательщиков дани и рабов. Они – викинги и в качестве только таковых, а не выборочно, выступали везде. Они – викинги и в качестве только таковых, а не выборочно, выступали везде. И потому на восток (как и на запад) от Швеции ходили не в придуманные Мельниковой и Петрухиным «гребно-весельные походы» *roþ(e)R’ов, а в викингские походы, на что прямо указывают саги (например, «Сага о Харальде Прекрасноволосом», «Сага о Харальде Серая Шкура»).

Ко всему же социальная категория «родсов-гребцов» впервые упоминается, как это показал в 1820–1830-х гг. русский швед Г.А. Розенкампф, лишь в XIII в. (и потому упландские гребцы-«ротси» не могли сообщить «свое имя России») и «что слово rodhsin-гребцы, – напоминал вывод Розенкампфа норманист В.А. Мошин в 1929 г., – даже в XVIII-м веке имело значение профессии и никогда не употреблялось в значении племенного термина, который мог бы вызвать образование финского и русского термина Ruotsi-Русь» (10). Наконец, в Восточную Прибалтику скандинавы должны были прибыть не на гребных, а на больших («длинных») парусных судах, ибо следовало преодолеть где-то 250 –300 км довольно бурного моря (да еще 390 км по Финскому заливу до устья Невы), что было не под силу никаким гребцам, хоть их и нареки «др.-сканд. словом с основой *roþs-». Причем они высаживались на берег, где сразу же встречались с финнами, которым, не плавая еще по рекам, по воле норманистов должны были представляться гребцами (явная несуразица связи имени «Русь» с «гребцами» видна и непрофессионалу, читающему в ПВЛ о «законе русском»–«законе гребцов»?, который присутствует в договорах 911 и 945 гг. Руси с Византией, и о «роде русском» – «роде гребцов»?, от имени которого вели переговоры с ее дипломатами наши послы).

Е.А. Мельникова, приводя *roþ(e)R’ов на Русь, связывает с ними – «скандинавскими купцами и воинами» – открытие и функционирование трансконти-

нентального Балтийско-Волжского пути, считает, что в середине IX в. вдоль него появились торгово-ремесленные поселения и военные стоянки, «где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент», что некоторые из скандинавских купцов, для большинства которых в X в. конечным пунктом был Булгар – столица Волжской Булгарии, «достигали Каспийского моря и даже Багдада». Уверенно предполагая, «что до определенного времени скандинавы осуществляли контроль над большинством (если не над всеми) узловых пунктов пути», отразившийся в Сказании о призвании варягов «как сообщение о взимании дани варягами-находниками, а в арабских источниках (восходящих к сообщениям IX в.) – как противопоставление народа ар-рус (правителей, воинов, знати) народу ас-сакалиба (земледельцев), с которого русы собирают дань», заключила: «“Вокняжение” Рюрика – видимо, предводителя одного из отрядов викингов – вряд ли являло нечто принципиально новое для поселений на Балтийско-Волжском пути».

Потому как «скандинавы – лучшие воины Европы того времени – были реальной силой в регионе, и привлечение одной из их групп для защиты от других было естественным... Более того, не связанные с каким-то одним племенем, они представляли нейтральную надплеменную силу, способную обеспечить и стабильное функционирование пути, и регулярный сбор даней с местного населения, и подавление межплеменных конфликтов». В 2002 г. Мельникова более четче резюмировала: образование названного пути «объективно послужило одним из важных фактов (если не решающей предпосылкой) зарождения государственности на севере Восточной Европы. Естественным завершением этих процессов становится возникновение в этом регионе раннегосударственного образования, во главе которого в 860-е годы становится – по соглашению с местной знатью – скандинавский военный вождь» (11) (приведенные рассуждения абсолютно не согласуются с принципиальной важности фактом, давно уже установленным в науке: до первой трети IX в. включительно «основная и при том сравнительно более ранняя группа западноевропейских кладов обнаружена не на скандинавских землях, а на землях балтийских славян» и что «до середины IX в. не устанавливается» сколько-нибудь значительного проникновения арабских монет «на о. Готланд и в материковую Швецию (больше их обнаруживается в областях западных славян)» (12), точнее будет сказать, южнобалтийских, что безошибочно указывает на этнос первых купцов, открывавших и активно использовавших водные пути Восточной Европы).

В 2005–2016 гг. исследовательница, удревнив время «запуска» скандинавами Волжско-Балтийского пути («на протяжении VIII – первой половины IX в.», или «на протяжении VIII в.»), утверждала, что «пролонгация балтийской системы коммуникаций в Восточную Европу связана с деятельностью скандинавов, проникновение которых в Финский залив и на Ладожское оз., по археологическим данным, происходит уже в 5–7 вв.», что «скандинавские вожди» обеспечивали безопасность торговой деятельности и плаваний по этому пути (в торговых центрах, контролируемой скандинавской элитой, находились скандинавские военные гарнизоны), создали его инфраструктуру, без чего нормальное

функционирование магистрали было бы невозможно, и что стимулировало как социальное развитие племен, живших в ее зоне, так и «возникновение государственного образования вдоль Балтийско-Волжского пути…».

По ее убеждению, с Рюриком, который был предводителем «одного из многих военных отрядов, действовавших в IX в. в Поволховье и контролировавших северо-западную часть Балтийско-Волжского пути», был заключен договор, отразившийся в варяжской легенде. Этот договор ставил Рюрика «в определенную зависимость от местного общества», стимулировал «быструю интеграцию скандинавов в восточнославянскую среду», «институционализировал контроль скандинавов над Балтийско-Волжским путем», «заложил основы возникновения раннегосударственных структур, в первую очередь института центральной власти, ведущую роль в осуществлении которой играли скандинавы». Вместе с тем она проводила мысль, что в конце 830-х гг. «отдельные отряды скандинавов начинают время от времени спускаться по Днепру, нападая на византийские владения, пока в середине IX в. не устанавливают контроль над Киевом (первые его скандинавские правители: Аскольд и Дир. – *В.Ф.*), делая его своей военной базой для набегов на Византию и ее черноморские колонии», что «новый правитель-скандинав» Киева Олег, с которым пришли скандинавские военные отряды, объединил «две политии: Ладожско-Ильменскую и Среднеднепровскую, что положило начало Древнерусскому государству» (13).

В 2002 г. Мельникова уверяла, что византийские и западноевропейские памятники «указывают на появление скандинавов в Черном море по крайней мере с начала IX века» (но таких свидетельств нет ни в одном источнике), что к этому времени относится появление в Византии людей, носящих «скандинавские имена: около 825 года некий Ингер становится митрополитом Никеи; Ингером звали и отца Евдокии, жены императора Василия I (родилась около 837 года)». Словно предвидя такое «умозаключение», рожденное в 1973 г. К. Манго и вызывающее в памяти оценку А.Л. Шлецера: «*Сходство в именах, страсть к словопроизводству* – две плодовитейшие матери догадок, систем и глупостей», Г. Эверс в 1814 г. заметил: бабку Константина Багрянородного «все византийцы называют дочерью благороднаго Ингера... Неужели етот Ингер, которой, по сказанию Кедрина, происходил из Мартинакскаго рода, был также скандинав?» (тогда же она отсутствие скандинавских вещей в Среднем и Нижнем Поднепровье в IX в. объясняла «особым характером» первоначального проникновения туда скандинавов», которые, разведывая речные пути, ведущие в Черное море через Волгу и Днепр, «не задерживались на своем пути и соответственно почти не оставляли отчетливых следов в материальной культуре») (14).

Под воздействием разговоров Мельниковой и Петрухина о шведской природе слова «Русь» никак не мог оказаться забытым Рослаген (часть береговой полосы области Упланд, что напротив Финского залива, от названия которой шведы еще в XVII в. начали выводить имя «Русь» (15)). В 1999 г. А.С. Кан, полагая, что Ruotsi производно от rodr или rodz, напомнил о существовании в Швеции приморской области Roslagen, ведущей свое название от средневекового Roden. На следующий год В.Я. Петрухин сказал, что с Рослагеном «не раз

(начиная с А. Шлецера) связывали происхождение имени *русь*: в самом деле этот топоним содержит ту же основу *rōþs-, что и реконструируемые слова, означавшие гребцов-дружинников и давшие основу названия *русь*» (16). Но «законность» Рослагену как историческому аргументу обеспечила в 2001 г., прекрасно при этом осознавая, что идет на подлог, Е.А. Мельникова, даруя новое возрождение норманистскому фениксу (хотя буквально перед этим, в 2000 г., норвежский ученый Х. Станг заострял внимание – да к тому же в русском издании – на том, что «скандинавские филологи норманистской школы сами отрицали связь названия "Русь" с названием "Родслаген", или вернее с корнем **roPer* "гребля", ибо в родительном падеже это дало бы **roParbyggiar*, для обозначения населения указанного района, т.е. без -с, в слове *Русь*» (17)).

Не принимая никаких резонов, Мельникова, переиздавая свою монографию «Скандинавские рунические надписи (тексты, перевод, комментарий)» (М., 1977), написанную ею в статусе кандидата филологических наук, ввела в нее, уже будучи доктором исторических наук (с 1991 г.), материал, в котором особое внимание уделила рунам пирейского льва, показывающим, на ее шведский взгляд, причастность Рослагена к нашей истории: «Представляется справедливым мнение Э. Брате, что группу [?] *roþrs* x *lanti* следует интерпретировать как хороним **Rođrsland*… Учитывая шведское, а точнее, среднешведское происхождение надписи (о чем с непреложностью свидетельствует орнаментика), ближайшей аналогией хоронима является название прибрежной области Упланда, которая в современном языке носит наименование *Roslagen*», восходящее «к др.-исл. *róðr* (**rōþra-*), др.-шв. *rōþer* "гребля" (ср. др.-исл. *rōa* "грести, плыть на гребном судне"), откуда "поход на гребных судах", а также, видимо, "отряд, участвующий в походе на гребных судах" (именно это слово считается большинством исследователей исходным для зап.-финск. *ruotsi* > *русь*)» (18).

Такое звучание рун пирейского льва становится хрестоматийным в работах норманистов (например, археолога Д.А. Мачинского, историков В.Г. Вовиной-Лебедевой и Л.В. Войтовича, лингвиста С.Л. Николаева с сотоварищами, включая того же Войтовича, превратившего ПВЛ, в которой нет ни слова в пользу норманской теории, в иллюстрацию к ней). Особенно издаваемых в 2011–2012 гг., т.е. к празднованию и в момент празднования 1150-летия зарождения российской государственности, начало которой было завязано на 862 г., летописном годе призвания варягов и варяжской руси. В связи же с тем, что ни ПВЛ, ни какой-то другой источник прямо не говорят об их этносе и их родине, то для популяризации скандинавской природы этих героев русской истории очень оказался своевременным мельниковский Рослаген, который позволял материализовать хотя бы какую-то малость из утверждений норманистов.

Точку в разыгравшихся фантазиях по поводу Рослагена, якобы «земли росов», откуда якобы шагнули на просторы Восточной Европы политоним Русь (Русская земля) и этноним русь, поставила в 2012 г. Л.П. Грот. Специально обратившись к рунам пирейского льва, она указала на их сфальсифицированный характер и ошибочное их прочтение шведским филологом Э. Брате в 1913–1914 гг. (продублированное Мельниковой с заверением, что «его работа является и поныне основным и наиболее надежным источником сведений о па-

мятнике»). Как констатирует Грот, «дешифровка» Брате, получившая первоначально большое распространение, в конечном итоге была квалифицирована шведскими руноведами как антинаучная (так, профессор упсальского университета С. Янссон в 1984 г. в признал ее фантазией исследователя, наделенного «пылким воображением», но лишенного «критического подхода») и что «едва различимые рунные знаки не дают никакой возможности реконструировать топоним *Roþrslanti*/Roslagen» (о невозможности прочтения этих рун говорят сейчас и другие представители шведской науки: И. Уллен и Д. Харрисон).

Исследовательница также отмечает, что «прибрежная полоса Средней Швеции, первичное название которой было Roden, а Roslagen – вторичное, в XI в. находилась в процессе образования…»: по расчетам шведских специалистов, «уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, в IX в. был минимум на 6-8 м выше нынешнего» (т.е. во времена варягов он находился под толщей воды), что Руден в форме Roslagen (Rodzlagen) появляется «только в 1493 г., и далее в 1511, 1526 и в 1528» и что «попытки преобразования глагола ro-/грести и существительного rodd/гребля через Руден в Руотси и Русь, поскольку наличие соответствующих праформ в шведском языке раннесредневекового периода, по-прежнему, не вышло за рамки умозрительного допущения в виде ряда гипотетических композитов, т.е. проще говоря, эти праформы в реальности нигде не обнаружены…» (19) (с заключением Грот согласуется «смертельный приговор» Рослагену, вынесенный в 2002 г. очень убежденным норманистом – немецким лингвистом Г. Шраммом: «…*Ruotsi* никогда не значило *гребцов* и *людей* из *Рослагена*, что ему так навязчиво пытаются доказать» (20).

Выдуманные норманистами «праформы» и никогда не будут обнаружены, потому что нельзя найти то, чего не было. Но если что-то подобное извлекается на свет Божий (а с ним и «гребцы», превращаемые в «русь»), то понятно, что это есть лишь «ловкость рук» «взвешенных норманистов», а не наука.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хлевов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. СПб., 1994. С. 3-5, 19-20; его же. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 69, 91; Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 50. См. также: Фомин В.В. «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277). С. 126-133; его же. «Советский антинорманизм» на примере трудов И.П. Шаскольского // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 4 (5). С. 54-65; его же. Норманистская сущность «советского антинорманизма» // Исторический формат. 2018. Ч. 1. № 3-4. С. 98-164.

2. См., напр.: Мельникова Е.А. Варяги // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 341-342; ее же. Варяжская доля // Родина. 2002. № 11-12. С. 30; ее же. Варяги // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 102-104; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56-68; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск-М., 1995. С. 108-109, 242-243; его же. Путь из варяг в греки: становление Древнерусского государства и его международные связи // Труды VI Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4. С. 130; его же. Путь из варяг в греки // Родина. 2002. № 11-12. С. 52, 55; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 249-252, 259.

3. Ведюшкина И.В. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГВЕ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 101.

4. Седов В.В. Русский каганат IX века // ОИ. 1998. № 4. С. 14-15, прим. 52; его же. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 66.

5. Шаскольский И.П. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма (историографический обзор) // ОИ. 1994. № 2. С. 159, прим. 16 на с. 160.

6. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой / Авторы М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Е.А. Мельникова, А.В. Назаренко, А.В. Подосинов. М., 2013. С. 293-294.
7. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 370.
8. См., напр.: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной... С. 84, 98, 109, 242-243; его же. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства // ДГВЕ. 1992–1993 гг. С. 117, 119, 121; его же. Скандинавия и Русь на путях мировой цивилизации // Путь из варяг в греки и из грек… М., 1996. С. 9, 12; его же. «Из варяг в греки»: начало исторического пути России // Славянский альманах. М., 1997. С. 64-65; его же. «От тех варяг прозвася…» // Родина. 1997. № 10. С. 14, 16; его же. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 79-80, 84, 86, 99-100, 106-107, 116, 120; его же. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999 г. М., 2001. С. 127, 129-139, прим. 37 на с. 136; его же. Путь из варяг в греки. С. 52-53; его же. Древняя Русь IX–1263 г. М., 2005. С. 56-57; его же. Кто и зачем призывал варягов? // Родина. 2012. № 9. С. 28-29; его же. Викинги на Западе и русь на Востоке // National Geographic. 2017. Март. С. 63-64; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Указ. соч. С. 237-244, 252, 271-272, 283; Петрухин В., Торопцев А. Истоки России. Исторические рассказы. Изд. 2-е. М., 2003. С. 60-61; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках. С. 56-68; Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 18; ее же. Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / М.В. Бибиков, Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон и др.; Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 12-13; ее же. Варяжская доля. С. 31; ее же. Сокровищница сведений о Древней Руси // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 2011. Сентябрь. С. 14; Справочник учителя истории. 5-11 классы / Авт.-сост. М.Н. Чернова. М., 2008. С. 73.
9. Мачинский Д.А. Колбяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1989. С. 94, 100.
10. Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи. СПб., 1827. С. 11-22; его же. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. Изд. 2-е. СПб., 1839. С. 249-259; Мошин В.А. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // Sbornik praci I sjezdu slovankých filologu v Praze 1929. Svarek II. Praha, 1931. С. 618.
11. Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Материалы Международного симпозиума. Казань, 8-10 сентября 1998 г. Казань, 1998. С. 80-84; ее же. Варяжская доля. С. 30; ее же. Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры: Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 157-165.
12. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 89; История Швеции. М., 1974. С. 66; Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 51.
13. Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев // ДГВЕ. 2005 г. М., 2008. С. 60, 62, 64-66, 72-75, прим. 45 на с. 58; ее же. Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе (сравнительно-типологический аспект) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 89-100; ее же. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 23-26; ее же. «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010. С. 142-147; ее же. …И Рюрика не было бы без Шарлеманя // Родина. 2012. № 9. С. 30-36; ее же. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы за западе и востоке Европы // ИВ. Т. 1 (148). М., 2012. С. 24-38; ее же. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 49-66; ее же. Балтийско-Волжский путь // Древняя Русь в средневековом мире. С. 49-50; ее же. Сказание о призвании варяжских князей // Там же. С. 744; ее же. Англия и Русь: у истоков контактов // Российская история. 2016. № 4. С. 9-10.
14. Шлецер А.Л. Нестор. СПб., 1816. Ч. II. С. 114; Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. М., 1826. Кн. 1-2. С. 71-72; Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 60; Мельникова Е.А. Варяжская доля. С. 30-32.
15. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 21-22.
16. Кан А.С. Указ. соч. С. 40; Петрухин В.Я. Древняя Русь. С. 106.
17. Станг Х. Наименование Руси (герульская версия). СПб., 2000. С. 62.
18. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 265-272.
19. Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2012. С. 329, 331-353; ее же. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012. С. 55, 70, 79, 99-115, 213-234, 318-323; ее же. Призвание варягов, или Норманны, которых не было. М., 2013. С. 55, 70, 79, 99-115, 213-234, 318-323. См. также: Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как

диагноз. М., 2013. С. 292-308; его же. Фальсификации современного норманизма// Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв.: Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 17-18 мая 2013 г. Липецк, 2013. С. 265-283.
20. Schramm *G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002. S. 107.

А.В. ОЛЕЙНИЧЕНКО

О МНИМОМ ОТЛИЧИИ РУСИ ОТ СЛАВЯН В ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

На восточные источники арабских и персидских авторов VIII–XIV вв., как источники по истории Руси, исследователи обратили внимание давно, но широко использовать их начали только с XIX в. Сначала сведения о славянах и русах восточных авторов задействовали ученые Западной Европы. Вслед за ними подтянулись и наши, особенно после того, как вышли переводы на русский язык восточных памятников А.Я. Гаркави (1868 г.) и Д.А. Хвольсона (1869 г.). Норманисты сразу увидели в них очередное «доказательство» скандинавского происхождения русов. Первым широко использовать эти источники для обоснования норманизма начал Х.М. Френ и после него Ф. Вестберг (1).

Однако уже первые исследования показали ненадежность, противоречивость и поверхностность многих восточных источников, касающихся славянских земель Восточной и Центральной Европы. Это было обусловлено тем, что большая часть этих трудов были компиляциями разнохарактерных сведений, зачастую несинхронных времени создания компиляции. Большинство восточных авторов были слабо осведомлены о землях славян и знали о них только с чьих-то слов. Из ранних восточных авторов известны только четверо, которые посещали Восточную и Центральную Европу. Харун Ибн Йахйя побывал у балканских славян где-то во второй половине IX в. Сочинение его не сохранилось, и известно только по извлечениям в Ибн Русте (начало X в.) и в Худуд ал-Алам (конец X в.). Ибн Фадлан предпринял путешествие в Волжскую Булгарию (921–923 гг.). Он не был на Руси, но встретил русских купцов на Волге. При этом он также называл и волжских булгар «сакалиба» (славяне). Ибрахим Ибн Йакуб побывал во времена Оттона I в землях западных славян и в частности у ободритов. И, наконец, Абу Хамид ал-Гартани (1080–1169) совершил поездку из Волжской Булгарии в Венгрию через Русь и обратно в 1150–1153 гг. (2).

Указывая на противоречивость восточных источников, А.Г. Кузьмин отмечал: «Природа внутренних противоречий арабских текстов, в общем, понятна. Арабские купцы встречались с русами или так себя называвшими местными жителями и в Германии, и в Хазарии, и на Северном Кавказе, и в Причерноморье, и на Днепре, и в Волжской Болгарии. Отзвуки о походах русов слышались и в Испании, и по южному побережью Каспия. О русах рассказывали многое и разное. Позднейшие же компиляторы и переписчики должны были сводить все эти весьма разнохарактерные и разновременные данные» (3). И сводили они эти данные как могли, используя рассуждения и представления той эпохи. Фактически используя различные цитаты из восточных источников, можно выводить любые теории об этнической принадлежности руси.

Польский историк Х. Ловмяньский по этому поводу заявлял: «Арабские авторы, сохранившие известия преимущественно не слишком точные, дошедшие к тому же в пересказах и позднейших переделках, черпали информацию часто из вторых рук, как правило, не были знакомы непосредственно с экзотической для них Восточной Европой и потому предоставляли исследователям широкие возможности для обоснования различных теорий и не могли содействовать выяснению происхождения руси без скрупулезного анализа других, особенно местных источников» (4). В данной связи показательно разобрать два вопроса, относящиеся к мнимому отличию руси от славян. Одиниз них, это различия в этнографических описаниях. Второй – нападение язычников-норманнов на Севилью в 844 г., которых некоторые восточные авторы ошибочно отождествили с русью. Для того чтобы разобрать аргументацию норманистов на основании этнографических заметок о славянах и руси, удобно обратиться к статье Г.С. Лебедева (5), которая до сих пор цитируется в научной литературе. В своей статье археолог попытался свести воедино свидетельства восточных авторов о славянах и руси и показать их отличие. Приведем все свидетельства из этой статьи.

Свидетельства о славянах:

1) Одеваются в длинные до лодыжек полотняные рубахи и высокие сапоги (Худуд ал-Алам).

2) Вооружены копьями, дротиками и щитами (Ибн Русте, у Гардизи – короткий меч).

3) Ведут оседлый образ жизни, возделывают пашни, сеют просо, разводят свиней, держат пчел (Ибн Русте, Гардизи). Употребляют мед (Ибн Русте).

4) Жилища – полуземлянки с печами-каменками (Ибн Русте). Зиму проводят в небольших крепостях, лето в лесу (Гардизи).

5) Мертвых сжигают и хоронят в урнах на кургане. Жен погребают вместе с мужами (Ибн Русте). Справляют тризну.

6) Моются в банях. Баня – проконопаченная мхом постройка с очагом и резервуаром для воды, где парятся вениками (Бакри со слов Ибн Йакуба)

7) Используют различные музыкальные инструменты (Гардизи, Марвази, Бакри, Ибн Русте)

Свидетельства о русах:

1) Одеваются в короткие куртки, кафтаны с золотыми пуговицами, шапки, плащи, широкие шаровары до колен, гетры (Ибн Русте, Гардизи, Ибн Фадлан). Носят золотые браслеты (Ибн Фадлан). Женщины носят мониста и кольца, к которым прикреплены нагрудные коробочки (Ибн Фадлан). Русы бреют или красят бороды (Ибн Хаукал).

2) Не расстаются с мечами, вооружены секирами и ножами, мечи у них франкские (Ибн Фадлан). Не проявляют смелости на коне. Нападают на славян на кораблях. Русы вероломны и отважны (Ибн Русте).

3) Русы не имеют недвижимого имущества, ни полей, ни пашен. Торгуют мехами (Ибн Хордадбех, Ибн Русте).

4) Нет деревень, но имеют много городов (Ибн Русте). Строят большие дома, где помещаются 10-20 человек со своими наложницами (Ибн Фадлан).

5) Захоронения имеют либо камерные (Ибн Русте), либо в ладье (Ибн Фадлан).

6) Способ омовения с помощью общей лохани (Ибн Фадлан).

7) Знахари приносят в жертву людей и животных через повешение их на дереве (Ибн-Русте).

Рассмотрим пункты, показавшиеся Лебедеву признаками различия русов и славян. По поводу различия в одежде нужно отметить, что реальных образцов мужской и женской одежды восточных славян от домонгольского периода до нас не дошло. Какую одежду, каких видов, по какому поводу и в какой сезон носили мужчины и женщины, установить довольно проблематично. Описания восточных авторов не являются полными описаниями гардероба. И они были крайне ограничены в источниках информации о Восточной и Центральной Европе. Их информаторы далеко не всегда имели большой опыт общения со славянами и русами, и не со всеми слоями их общества, и они были вынуждены довольствоваться тем, что попалось и бросилось в глаза их информаторам в определенном месте в определенный сезон. Кроме того, восточные авторы далеко не всегда преследовали чисто описательные цели. Так, если взять свидетельство Ибн Хаукаля, то он отмечает у русов из одежды только короткие куртки (6). Но в данном случае он указывает лишь на одно характерное отличие русов от хазар, булгар и печенегов – русы носили короткие куртки, а остальные – длинные. Хаукал стремился передать наиболее характерные, приметные элементы костюма, признаки, по которым можно различать тот или иной народ, что могло бы быть полезным купцам и путешественникам. Однако если рассматривать источники, где есть такой подход, мы не найдем ни одного случая, где бы было противопоставление в одежде русов от славян.

Конечно же, варианты одежды славян не ограничивались только длинными рубахами и сапогами, хотя вполне возможно, что это была довольно приметная черта повседневной одежды славян. Безусловно, у них были различные варианты одежды и на зиму, и на лето, как и подходящая одежда для праздников и работы. Вряд ли если кто-то из восточных славян отправлялся куда-то на лошади, он ехал в длинной рубахе до лодыжек. Да и для передвижения в лодке или ладье это было непрактично.

Фактически то, что сравнивает Лебедев, – это одежды богатого руса во время погребения и один из массовых вариантов одежды славян. При этом археолог слукавил, опустив в описании одежды руса сапоги, так как они входят и в описание одежды славян. Более того, у того же Ибн Фадлана мы встречаем два довольно противоречивых описания одежды русов. С одной стороны, богатого руса при погребении одели в «шаровары, гетры, сапоги, куртку, парчовый *хафтан* (здесь и ниже курсив мой. – *А.О.*) с пуговицами из золота, надели ему на голову шапку из парчи, соболью...». С другой стороны, «они не носят ни курток, ни *хафтанов*, но у них мужчина носит кису (кусок шерстяной ткани, которым и одевались, и накрывали постель. – *А.О.*)» (7). Приведение более богатых одежд русов в сравнении со славянами призвано показать более высокий социальный статус первых (которых норманисты выдают за скандинавов) по сравнению со славянским населением Руси. Но при желании у ал-Мукаддаси

мы легко найдем фразу, описывающую славян как более богатых, чем русов, что должно было выражаться и в одежде: «Славян больше, чем русов, и они обильнее богатством» (8).

В прикрепленных нагрудных коробочках Лебедев распознал скорлупообразные фибулы, которые для многих археологов-норманистов являются этническим маркером скандинавских женщин. Но, во-первых, это всего лишь догадки исследователя (активно подхваченные норманистами), которые ни на чем не основаны, во-вторых, сама мысль о данных фибулах как этническом маркере, крайне сомнительна. Фибулы повсеместно использовались как застежки и украшения на одежде по всей Европе. Эти предметы покупались купцами на рынках и могли привозиться ими своим женщинам в подарок. Могли копироваться при этом местными мастерами. Они не были какими-то специальными этническими атрибутами на повседневной или церемониальной одежде. Одни и те же фибулы могли использоваться в различных фасонах женской одежды.

В.В. Фомин констатирует, что «у прибалтийских ливов скандинавские фибулы в первых столетиях II тыс. н.э. вошли в состав местного этнографического костюма и были дополнены вполне самобытными роскошными нагрудными привесками. В курганах Приладожья те же фибулы встречаются, как правило, в сочетании с финскими шумящими подвесками, игравшими роль племенного убора и амулетов, причем подвески прикреплены цепочками к фибулам. В Приладожье и Ярославском Поволжье скандинавские украшения обнаружены в погребениях с местным ритуалом» (9). В.В. Седов приводит описание скандинавского женского костюма: фибулы «были непременной принадлежностью скандинавского женского костюма. С их помощью закреплялись на плечах бретели женской одежды, поэтому в Скандинавии в захоронениях обычно находятся по две фибулы». При этом он отмечает: «В Гнездовских могильниках исследовано свыше двух десятков курганных погребений с такими фибулами – в шестнадцати встречено по одной фибуле, в одном – четыре, в остальных по две» (10). А это свидетельствует о том, что в Гнездове эти фибулы использовались на других фасонах одежды. Да и из самого описания Ибн Фадлана не следует, что это скорлупообразные фибулы: «И у каждой коробочки – кольцо, у которого нож, также прикрепленный на груди» (11).

Указание на то, что русы бреют бороды, противоречит как раз известным фактам о культуре германских народов. Еще С.А. Гедеонов отмечал: «Как славянские источники свидетельствуют о всеславянском обычае бритья или пострижения бороды и волос, так, напротив, германские –о неприкосновенности и религиозном значении той и других у всех народов германского племени. Длинные волосы были отличительным знаком свободного мужа; бритая голова – клеймом раба… В древней Эдде (Rigsmal) говорится о волосах и бороде свободных людей, ярлов и конунгов. Jomsvikinga сага сохранила предание о том, как осужденные на обезглавление норманские викинги заботились перед смертью о неприкосновенности своих волос… Обритие головы почиталось у германских и скандинавских народов высшим бесчестием» (12). Это никак не вяжется с известным описанием Льва Диакона князя Святослава.

Что касается различия в вооружении, то использование меча является не этническим отличием, а, скорее, социальным признаком. Кроме того, они были у профессиональных воинов, которые как раз и отправлялись в далекие походы, в том числе и на Каспий, где их видели мусульмане. Позволить себе меч могли только достаточно обеспеченные люди. Мечи встречаются в погребениях славянских князей как на Руси (например, погребение в Черной могиле в Чернигове), так и у балтийских славян. Сам Лебедев признает, и на это указывают восточные источники, что мечи были франкские, и, таким образом, никаким этническим маркером они не являются. Представление же о том, что эти мечи могли привозить на Русь только скандинавы, является просто ходячим домыслом норманистов. То, что хочет представить Лебедев, является сравнением массового оружия славян и оружия привилегированных слоев и профессиональных воинов. Естественно, что не все русы использовали мечи, но имели и другие виды оружия, в том числе и копья, и щиты (Ибн Мискавайх) (13).

Противопоставление Лебедевым славян, как деревенских жителей, русам, как городским жителям, лишено вообще какого-либо смысла. Во-первых, сами восточные источники нигде прямо не пишут, о том, что славяне – исключительно деревенские жители, во-вторых, есть прямые указания у отдельных авторов на наличие городов у славян. Масуди, например, сообщает о славянах: «Они имеют многие города…» (14), Ибн Русте пишет о городе на границе славян Ва и о столице славянского правителя Дж.рваб (15). Худуд-ал-Алам сообщает о славянском городе Вабнит, жители которого похожи на русов, и о городе Хордаб – «большой город и место пребывания царя» (16). У восточных авторов есть упоминание Кракова и Праги (17). Огромный археологический материал и многочисленные письменные источники не оставляют сомнений, что славяне имели города. Достаточно вспомнить упоминавшиеся в латинских источниках города балтийских славян-варягов, такие как Стариград (город вагров, противопоставляемый в названии Новгороду), Волин (по уверениям Адама Бременского, крупнейший город Европы), эмпорий Рерик (где правил князь Готлиб, по свидетельствам немецких хроник, отец Рюрика), Мекленбург и другие (18). Кроме того, восточные авторы упоминают крепости славян (19), которые, скорее всего, были городами, т.е. укрепленными поселениями, а не просто военными объектами для проживания профессиональных воинов.

Вообще указание Ибн-Русте на то, что у славян «лесная страна, в лесах они и живут» (20), не означает, что они сельские жители, не имеющие городов. Эти описания взяты из географических описаний климатов и означают просто то, что славяне проживают в лесистой местности. Это не свидетельствует об отсутствии городской инфраструктуры. То, что русы имеют города, наоборот, только опровергает построения норманистов, так как сами скандинавы до XIII в. не имели городов. Наличие городов на Руси удивляло скандинавов, и не зря они называли Русь «Гардарики» (Страна городов). Наличие городов у русов вступает в противоречие с сообщениями тех же компиляторов об отсутствии недвижимого имущества у них: «Городов у них большое число, и живут на просторе». По этому поводу А.Я. Гаркави замечает, что Ибн-Русте «скомпилировал из разных источников и сам не заметил противоречия к вышеприведен-

ным собственным словам: Они не имеют ни недвижимого имущества, ни городов (или селений), ни пашен»» (21). В противовес этому Идриси пишет: «Что же касается земли ар-Русийа, то это большая страна, но города ее невелики, а возделанные земли чередуются с необработанными». Он же указывает на виноградники и обработанные поля в окрестностях Матрахи (Тмуторокани) (22). Все эти противоречия возникали вследствие того, что сведения о русских купцах переносили на все древнерусское общество.

Противоречия есть и относительно основных занятий славян. Так, у Ибн Русте мы находим как информацию о том, что славяне возделывали более всего просо, так и информацию о том, что «у них нет ни виноградников, ни пашен» (23). Фактически в подобных выражениях он описывается и русь, как мы видели выше. Фраза о преобладающем возделывании проса также не заслуживает особого доверия. Вполне возможно, что это утверждение появилось при смешении сведений о славян со сведениями о печенегах. Д.А. Хвольсон приводит сообщение Абу-Долефа (X в.), который побывал у печенегов и рассказал о том, что их земля простирается до славян и что они употребляют в пищу только просо (24). Уже Гартани, который лично побывал на Руси, пишет, что «эта страна обширная, обильная медом и пшеницей, и ячменем, и большими яблоками, лучше которых нет ничего» (25).

У восточных авторов также встречаются указания не только на торговлю руси, но и на славянскую торговлю. Ибн Йакуб сообщает, что в Прагу приходят «из города Кракова русы и славяне с товарами» (26). В славянском городе Джарват, по словам Гардизи, проходила трехдневная ярмарка, и шла активная торговля, где наверняка присутствовали и торговали славянские купцы (27). Ибн Факих рассказывает о торговле славянских купцов (28).

Большие дома из рассказа Ибн Фадлана известны по раскопкам в Ладоге. Но они также не есть отличительная черта скандинавов. Большие дома известны у балтийских славян, в частности, по раскопкам в Гросс-Радане. Герборд описывает такие здания (называвшиеся контины), которые были в польском Поморье (29). В.П. Петренко указывает на параллели между зданием в Гросс-Радене и «большим домом», обнаруженным в Старой Ладоге (30). Камерные захоронения, вопреки Лебедеву, не являются специфически скандинавским обрядом. Как отмечает А. Пауль, они встречаются у славян от Вагрии до Киева. В землях балтийских славян они были найдены в Старигради, Ральсвике, Гросс Штремкендорфе, Узедоме, Узаделе, Вустерхаузене, Цедыне. В Польше они были найдены в Любаве, Любони, Островоже, Скоковко.

Лодочные захоронения были открыты в Гросс Штромкендорфе (VIII–IX вв.), в Ральсвике на Рюгене (VIII–XII вв.) и даже достаточно далеко от моря в Цедыне. Это могли быть как кремации, так и ингумации, при этом использовались как большие корабли, так и маленькие лодки. На южнобалтийском острове Рюген было найдено захоронение точно такое, как описывает Ибн Фадлан – кремация с кораблем с последующей насыпкой кургана (31). О таких же обычаях у славян пишет и Саксон Грамматик (32). Но камерные и лодочные погребения были достаточно редки как для славянских земель, так и для Скандинавии, так как это были, в основном, погребениями знати, а в случае с лодоч-

ными захоронениями – еще и связанной с морской или речной торговлей. Описанный у Ибн Фадлана обряд был обрядом погребения богатого купца.

Самым распространенным погребальным обычаем как у западных славян, так и у восточных, была кремация. И восточные источники дают приблизительно сходное описание основного погребального обычая русов и славян. Ибн Русте пишет: «Когда кто-то из них умирает, его сжигают на огне… На другой день, после сожжения этого умершего они идут к нему, берут пепел с этого места, кладут в глиняный сосуд и ставят на холм». И Истахри сообщает: «Русы сожигают тела свои, когда умирают, а с богатыми их сожигаются девушки для блаженства душ своих» (33). У Ибн Фадлана уточняется, что после кремации в корабле насыпается курган. Сжигание в лодке или корабле тоже, как мы видим, встречалась в славянских землях, но значительно реже. Собственно определить археологически процент лодочных кремаций на Руси довольно затруднительно, так как определить, из чего сооружался погребальный костер, в большинстве случаев невозможно. Если корабль или лодка не имели заклепок или других характерных металлических атрибутов, можно только гадать, что служило дровами. Во всем ведь остальном обряд был приблизительно таким же.

Лебедев заявляет, что даже обычай омовения из общей лохани является исключительно германским, а не славянским. Причем эта странная уверенность у него вытекает всего лишь из факта наблюдений археологов в Гнездове. Но то, что Гнездово является скандинавским поселением, а не славянским, еще нужно доказать. А если для доказательства присутствия скандинавов в Гнездове привлекать восточные источники, а выводы о скандинавстве руси в восточных источниках строить на археологических наблюдениях в Гнездове, то это не доказательство, а «переливание из пустого в порожнее». Кроме того, как справедливо заметил А.Г. Кузьмин, из текста Ибн Фадлана не следует с очевидностью, что девушка подносила по очереди русам лохань с одной и той же водой (34).

Что касается человеческих жертвоприношений, то нет никаких достоверных данных, что в VIII–X вв. славяне или скандинавы практиковали их, если, конечно, под жертвоприношениями понимать регулярно совершаемые обряды в честь богов, а не удушение жен на погребении мужа или казни военнопленных. Сам Лебедев ссылается на указание Эдды, но это не реалии викингской эпохи, а отзвуки какого-то архаичного прошлого, причем очень неясные. Сообщения летописи о попытке принесения в жертву варягов-христиан в Киеве в 983 г. (35) и западных хроник о жертвоприношении христиан у балтийских славян (36) являются не более чем церковной пропагандой. Знаменитый рассказ пламенного византийского патриота и церковного деятеля Льва Диакона о жертвоприношении русов, который смотрел на них как на варваров и стремился выставить их в диком и неприглядном свете (37), также вызывает подозрения в объективности. Казнь пленных Лев Диакон называет «кровавой жертвой», но это не более, чем риторический прием. С таким же успехом кровавыми жертвами можно называть и изуверские казни военнопленных самими византийцами, которые при этом были христианами.

Интересно, что и в скандинавских источниках казни военнопленных не представляются как жертвы богам. Известный рассказ из Саги о йомсвикингах

ярко живописует расправу подвыпивших викингов над пленными, в том числе и тяжело раненными, скорее, забавы ради. Удушение младенца призвано только подчеркнуть дикость и варварство русов. Никаких других данных, в том числе и археологических, нет. Никаких следов человеческих жертвоприношений или мест для таких ритуалов в VIII–X вв. ни в Киеве, ни где бы то ни было у славян найдено не было. Практика жертвоприношений не складывается мгновенно, и ее невозможно в одночасье сломать на огромной территории. Тем более она не возникает как реакция на знакомство с христианами или представителями других религий. Более того, мы не находим ни увещеваний против человеческих жертвоприношений, ни противодействия властей практике таких обычаев в летописях, если бы таковое практиковались накануне крещения Руси в IX–Xвв. В данном случае это традиционный выпад мусульманских писателей (такой же, как и церковных деятелей) в адрес язычников, не более. Также возникает вопрос, почему скандинавы, якобы распространившие на Руси обычаи человеческих жертвоприношений, не познакомили с ними Западную Европу, на которую они совершали регулярные нападения (и в землях которой поселялись).

Сообщения о нападениях русов на славян у восточных авторов выглядят как наиболее сильный аргумент норманизма. Но это только на первый взгляд. Эти свидетельства лишены какой-либо конкретики, которая бы позволила более точно локализовать место и время этих событий по другим источникам. Норманисты утверждают, что речь идет о нападении скандинавов на забитых и безропотных восточных славян, что из самих восточных источников никак не следует. Русы воевали и с западными славянскими племенами, и само складывание Древнерусского государства и подчинение восточных славян метрополии в Киеве также происходило довольно драматично и сопровождалось военными столкновениями. Восточные авторы слышали о разных видах русов. Сохранился известный рассказ о трех видах руси, который повторяется у многих авторов. Но часто последние получали известия о разных Русиях, не понимая их различной локализации, и смешивали эти сообщения.

Восточные авторы помещали русов и в Восточной Европе с центром в Киеве (Истахри), и на Черном море в районе Керченского пролива (Идриси), и на лесистом острове с влажным климатом, который, скорее всего, является островом Рюген. В этой связи интересно сообщение испанского еврея Ибрахим ибн Йакуба, который посетил Европу в 960–980-х гг. и оставил заметки о своем путешествии. Его сообщение о русах выглядит крайне противоречиво и ставило многих исследователей в тупик. «Граничит с Мешко на востоке русы и на севере пруссы. Жилища пруссов у Окружающего моря… Нападают на них русы на кораблях с запада» (38). Т.е. вроде русы живут на востоке, а нападают с запада на кораблях. Но никакого противоречия здесь нет – как раз на западе от пруссов и поляков по Балтийскому морю находится остров Рюген, жители которого также назывались русью (Rutheni западных источников). Существовала Русь и в районе города Любека в землях ободритов (39), также на западе от этих территорий. У Герборда есть описание нападения руси с острова Рюген на славян города Штетина в 1127 г. В начале этого рассказа он пишет: ««Рутены (русь. – *А.О.*) беспокоили частыми нападками поморян и приводят в расстройство гра-

ницы штетинцев военными кораблями» (40). Латинские источники дают яркие примеры того, что южнобалтийские славяне, так же как и скандинавские викинги, промышляли разбоем на море и совершали нападения с моря на различные территории, в том числе и на скандинавов (41).

В целом же, нужно отметить, что сообщения восточных авторов о характере жизни и быта славян и руси слишком поверхностны и обрывочны, чтобы строить на них какие-то надежные этнические теории. Кроме того, эти источники содержат большое число неточностей и противоречий. Одни источники сообщают, что есть пахотные земли у русов, другие, что нет. Одни утверждают, что у них нет недвижимого имущества, другие сообщают о наличии городов, что, безусловно, подразумевает такое имущество, одни сообщают об опрятности в одежде, другие о неопрятности и т.д.

Большое число противоречий и неточностей в описаниях славян и руси обусловлено тем, что лично не знакомые с жизнью широких слоев населения славянских земель восточные авторы не могли сделать обобщенные описания характера занятий и быта славянских народов. Они использовали, в основном, свидетельства других людей, которые, в свою очередь, имели тоже крайне ограниченный опыт общения со славянами и русами и выводили характеристику того или иного народа из личных встреч с единичными представителями славян и руси, как правило, за пределами их земель. Обобщения, построенные на таких свидетельствах, которые к тому же могли относится к разным уголкам огромных славянских земель и относиться к разным временным периодам, неизбежно вели к противоречиям и ошибкам иногда даже у одного и того же компилятора.

Другого рода ошибки возникали у восточных авторов тогда, когда они пытались вывести этническую принадлежность отдельных групп людей из своих представлений о географической и этнической картине мира. Одним из таких ошибочных отождествлений является нападение норманн на Севилью в 844 г. О нападении норманнов на Севилью писали много арабских авторов. Это Ибн ал-Кутиййа, Ибн Хаййан, ал-'Узри, ал-Бакри, Ибн ал-Афир, Ибн Саид ал-Магриби, Ибн 'Изари, ан-Нувайри, Ибн Халдун, ал-Маккари и др. Часть из них указывала, что это норманны, но большинство не знали, кто они, и называли их просто маджусами, т.е. язычниками. Так, например, Ибн ал-Кутиййа (ум. 977) пишет: «...'Абд ар-Рахман построил в Севилье мечеть и воздвиг вокруг города стену по причине взятия ее маджусами, после того как вторглись они туда в году 230 (844/45), первой даты, когда упоминается [подобное]. Было их вторжение в его ('Абд ар-Рахмана) дни». Только у ал-Катиба, Хаукаля и ал-Масуди есть указание на то, что нападавшие были русью. Правда Масуди относит это нападение к 912–913 г., но, в целом, не вызывает сомнения, что речь идет о том же самом нападении на Севилью в 844 г.

Ахмед-эль-Якуби-ал-Катиб жил Египте и писал свою книгу земель в 889–891 гг., т.е. спустя почти 50 лет после этих событий, очевидцем которых он не был. В своем труде он пишет: «На запад от города, именуемого Эльгесира, есть город, именуемый Севилья, лежащий на большой реке, которая есть река Кордобы. В этот город ворвались в 229 году (844 г.) язычники (маджусы),

именуемые русью, и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли» (42). Нет данных о том, чьими свидетельствами он пользовался, но, как и другие арабские авторы, он знал, что нападавшие были маджусами. На Ближнем Востоке, в прикаспийских странах и востоке Средиземноморья, были хорошо известны только одни язычники, которые нападали с моря на прибрежные страны, – это русь.

В период, когда произошло нападение на Сивилью, русы предпринимали также нападения с моря на Византию: в период с 825 по 842 г. – на город Амастриду, в 860 г. – на Константинополь. Восточные источники также путались относительно направления, с которого произошло нападение на Севилью. Часть их указывает, что маджусы пришли по Средиземному морю. Передавая старые предания, Ибн Хаййан (987/88–1076) так начинал рассказ о нападении на Севилью: «Рассказ о нападении флота маджусов из ал-урдуманийун – да проклянет их Аллах – со стороны Румийского моря на западное побережье Андалусии...». Сопоставляя данные о том, что нападавшие были маджусами, и сведения о том, что они пришли со стороны Средиземного моря, ал-Катиби пришел к заключению, что нападающие были русами.

Интересно, что ал-Масуди (896–956), арабский ученый и путешественник, прямо указывает, что к выводу о тождестве нападавших маджусов с русью он пришел не на основании каких-то свидетельств, а на основании ученых рассуждений. Правда при этом он знал, что все-таки маджусы пришли со стороны Атлантического океана: «Около 300 (912–913) года пришли по морю к Андалусии корабли, на них – какие-то люди, и напали на ее побережье. Жители Андалусии думали, что это были маджусы, которые приходят в это море каждые 200 лет, и прибывают они к их стране через пролив, вытекающий из моря Океан, но не через тот пролив, на котором [стоит] медный маяк. Я же думаю, а Аллах лучше знает, что этот пролив соединяется с [морями] Понт и Меотис, и этот народ – русы, о котором мы уже упоминали, ибо никто, кроме них, не ходит по этому морю, соединяющемуся с морем Океан» (43).

Масуди указывает, что сами жители Андалусии не знали, что это за язычники, но они якобы приходят каждые 200 лет. При этом Масуди пишет, что они пришли не через Гибралтар (пролив, где стоит медный маяк), а через другой рукав Океана, т.е. Балтийское море. Арабский географ, как и некоторые европейские, долго полагали, что Балтийское море проливом соединяется с Черным и Азовским морями, как это показано на карте Ибн Хаукаля (44). А так как только русы, в его представлениях, плавали по этим морям, то он и пришел к соответствующему заключению. Приблизительно также рассуждал и Ибн Хаукал, придя еще к тому, что вместе с русами на Андалусию стали нападать и тюрки-печенеги, и славяне, и булгары на своих кораблях (45).

Таким образом, и свидетельство ал-Катиба, как и свидетельства Масуди и Хаукаля о нападении на Севилью в 844 г., не могут быть доказательством тождества руси со скандинавами. И даже такой пламенный норманист, как датчанин В. Томсен, вынужден был признать: «мы не можем приводить ни слов Ахмеда ал-Катиба, ни мнения Масуди в положительное доказательство того, что руссы арабских писателей суть именно норманны» (не лишним будет привести оценку этим ученых вообще сведений восточных памятников: «Однако, как бы

ни были интересны эти различные повествования о руси, они проливают мало света на вопрос о национальности руси», по причине чего, заключал он, «любая теория происхождения руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей. При этих условиях следует пользоваться этими сочинениями с большою осторожностью». Но данный совет классика норманизма его русские последователи игнорируют полностью) (46).

В целом же, можно сказать, что свидетельства восточных источников не дают никаких оснований сомневаться в том, что русы являлись славянами. Само по себе отдельное упоминание славян и руси не является показателем их этнического различия. Это может объясняться несколькими причинами. Во-первых, они могли не слышать о принадлежности руси к славянам, а источники, которыми они пользовались, не содержали такой информации. Сами же авторы, никогда не бывавшие в землях славян или не сталкиваясь с представителями руси и славян, не могли провести этническую идентификацию. Тем более они не могли отождествлять их с норманнами, о которых вообще ничего не знали. Во-вторых, они могли знать о том, что восточных славян, в отличие от западных и южных, называют «русами», и использовать термин в этом смысле без дальнейших уточнений. Да и в самих процессах объединения восточнославянских племен в Древнерусское государство (современниками которых многие из них были) и распространения имени «русь» на большую территорию им было не просто разобраться. Даже в русских летописях есть отзвуки этих процессов, когда русь употребляется в «узком смысле» этого слова.

Восточные авторы знают несколько видов руси, но все свидетельства их о проживании руси не выходят за рамки славянских земель. Никто из восточных авторов не рассматривает их как жителей Скандинавии, о которой они вообще ничего не знали. «Дальше за славянами только море с городом Туле и Островами Счастливых» (47). Один из видов руси, судя по описаниям, проживал в Восточной Европе в землях восточных славян. Они – соседи хазар, турок (венгров), буртасов, булгар, славян. Страна русов граничит со славянами (Ибн Ийас). Причем из описаний видно, что они располагаются между западными славянами и Волжской Булгарией (Истахри, Ибн Хаукал). Они проживают в верховьях Волги. Волга вообще река русов (Ибн Хаукал), течет из страны русов (Ибн Хаукал). Живут они также на одном из берегов Черного моря (ал-Хараки), по соседству с Византией (Ибн Хаукал). Об этих русах восточные авторы пишут как о великом народе, имеющем отдельные виды (Масуди), описывают его как многочисленный (ал-Марвази) и большой (Ибн Ийас) народ. Невозможно представить, что речь идет о каком-то маленьком неизвестном роде или племени из Скандинавии, о котором даже ничего не известно в самой Скандинавии.

Из рассказа о трех видах руси, который повторяется у многих авторов, один связан с городом Куйаба (Киев) в землях восточных славян, а название второго вида руси Славия (Салавийа у Истахри, С.лавиййа у Ибн Хаукаля), не оставляет сомнения, что речь идет о славянах. Восточные авторы указывают на ежегодное полюдье в славянских землях (48), что находится в полном соответствии с сообщениями Константина Багрянородного о полюдье в Руси (49). Другой вид русов связан у восточных авторов с островом русов. Это лесистый ост-

ров с влажным климатом и болотистой почвой, который можно обойти за 3 дня, который представляет из себя как бы естественную крепость, на котором проживает около 100 000 человек, жители которого не занимаются сельским хозяйством и совершают морские набеги на другие страны, в том числе и на соседних славян. Все эти описания как нельзя лучше подходят под описание острова Рюген, где проживали славяне, именуемые русью (50).

Восточные авторы указывали, что правителя руси называют хакан (Ибн Русте, Худуд ал-Алам). Такой титул носили русские князья и, в частности, князь Владимир Святой. Скандинавские конунги такого титула никогда не носили. Восточные авторы нигде не пытаются противопоставить славян и русов в отношении климатических условий проживания, в одежде, быте, типах жилищ, языке, хотя подчеркивают отличие русов от хазар, печенегов, буртасов. И те, и другие проживают в лесистой местности, и те, и другие носят одежду из льна. Более осведомленные авторы отмечают, что и те, и другие (в отличие от скандинавов) имеют города, занимаются сельским хозяйством, ведут активную торговлю с другими странами.

Восточные авторы указывают на культурную близость славян и руси. И те, и другие – маджусы (язычники). Они селятся в общем квартале в Итиле, столице хазар, их судит один судья (Масуди). У них схожие погребальные обычаи – кремация покойников с последующей насыпкой кургана. И у тех, и других встречаются случаи погребения жены или наложницы вместе с мужем. Особняком здесь стоят только погребения более обеспеченных и привилегированных слоев населения, где встречаются камерные погребения и погребения в корабле. Есть и прямые отождествления руси и славян у восточных авторов. Так, Ибн Хордадбех (ум. 890), который непосредственно сталкивался с русскими купцами, прибывавшими в страны южного Каспия, называет русов видом славян. «Что касается купцов русов, а они – вид славян, то они везут меха бобра, меха черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славян к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [Та?]нису, реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берет с них десятину их властитель. Затем отправляются к морю Джурджана и выходят на каком-либо облюбованном его берегу, а окружность этого моря – 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они – христиане, и платят джизью» (51). Причем автор отмечает, что русские купцы пользуются славянскими переводчиками.

Ибн Факих около 903 г. составил «Книгу стран». Он пользовался теми же источниками, что и Ибн Хордадбех. Описывая тех же самых купцов, везущих меха из Черного моря через Дон и Волгу в Каспийское, он называет их славянами (52). Отождествляет русь со славянами и Масуди (53).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 66.
2. Мишин Д.Е. Сакалиба. Славяне в исламском мире. М., 2002. С. 28-41.
3. Кузьмин А.Г. Рождение русского народа // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 191.
4. Ловмяньский Х. Указ. соч. С. 67.

5. Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руси // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 21-24.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009. С. 94.
7. Там же. С. 68, 73-74.
8. Там же. С. 51.
9. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 387-388.
10. Седов В.В. Славяне. М., 2002. С. 554.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 68.
12. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 269.
13. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С.101.
14. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. М., 2015. С. 125.
15. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 44, 47.
16. Там же. С. 54.
17. Там же. С.79.
18. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской, редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011. С. 40-41, 156, 166.
19. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 58.
20. Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 264.
21. Там же. С. 268.
22. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 129-130.
23. Там же. С. 44.
24. Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даста. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах. М., 2015. С. 48.
25. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 143.
26. Там же. С. 79.
27. Там же. С. 58.
28. Там же. С. 35.
29. Фамицин А.С. Божества древних славян. М., 2014. С. 61-62.
30. Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. СПб., 1985. С. 111-112.
31. Пауль. А. Культура варягов и их соседей по берегам Балтики. URL: http://pereformat.ru/2014/08/kultura-varyagov/
32. Саксон Грамматик. Деяния данов. М., 2017. Т. 1. С. 180.
33. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 45; Гаркави А.Я. Указ. соч. С. 193.
34. Кузьмин А.Г. Рождение русского народа // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010. С. 292.
35. Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 80.
36. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Указ. соч. С. 213.
37. Лев Диакон. История. М., 1988. С.7 8.
38. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 79.
39. Фомин В.В. Указ. соч. С. 431.
40. Herbordi Dialogus de vita Ottonis episcopi Babenbergensis // SRG III. 31. Hannoverae, 1868. P. 144-145. А также MGH SS. 12. III, 32. P. 819.
41. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Указ. соч. С. 114, 156, 213, 280.
42. ал-Йа'куби. Книга стран. М., 2011. С. 103.
43. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С.1 12-113.
44. Там же. С. 91.
45. Там же. С. 90.
46. Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1. С. 163, 172.
47. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 26.
48. Там же. С. 47.
49. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 51.
50. Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // ДГ. 1980 г. М., 1981. С. 167-172.
51. Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 30-31.
52. Там же. С.35.
53. Там же. С. 117.

С.В. ПАШКОВ

ДИСКУССИЯ М.П. ПОГОДИНА И Н.И. КОСТОМАРОВА ПО ВАРЯГО-РУССКОМУ ВОПРОСУ

История Древней Руси была главной темой исследований крупного ученого и общественного деятеля XIX в. М.П. Погодина (1800–1875). Начало образования Русского государства он связывает с приходом варягов к славянам. При изучении известных сведений ПВЛ о призвании новгородцами Рюрика с братьями историк ставит несколько главных вопросов, первым из которых является: «Кто такие варяги и варяги-русь, и какими свойствами они отличались?» (1).

Этим вопросом ученый занимался в течение всей научной деятельности, оставаясь, как точно отметил его принципиальный оппонент Д.И. Иловайский, «самым ревностным представителем норманизма, и едва только кем-нибудь заявлялись сомнения, он немедленно выступал бойцом» (2). Историку пришлось защищать норманское происхождение руси в течение всей жизни. Если кто-то высказывал иную точку зрения, он сразу же разбирал ее и опровергал в своих статьях. И в ходе этих прений Погодин изменял свои взгляды на отдельные аспекты проблемы. Наиболее показательной и заслуживающей особого внимания является его дискуссия с Н.И. Костомаровым, поскольку она прошла не только на страницах журналов и научных изданий, но и в форме публичного диспута.

В 1860 г. Николай Иванович опубликовал в «Современнике» работу «О начале Руси», в которой доказывал жмудское (литовское) происхождение руси (3). Погодин полагал, что этот «эпизод, скорее, можно причислить к тем попятным шагам, которые заметил еще Шлецер, рассуждая о судьбах русской истории: она идет обыкновенно три шага вперед, и потом два опять назад» (4). Ведь, справедливо говорил Михаил Петрович, в науке объективно существуют различные теории и подходы в решении проблемных вопросов, что «мнения имеют жизнь», и что они «пропадают, скрываются и опять возникают, помолодевшие, принаряженные» (5).

Погодин в опровержение жмудской теории написал статью, в которой признал Николая Ивановича «честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей», поэтому потребовал во имя науки «полной сатисфакции, то есть торжественного отступления из жмуди, или полного отражения» приведенных им доказательств. В противном случае он бросает Костомарову перчатку и вызывает на дуэль: «Без шуток, приехав на неделю в Петербург, я предлагаю вам публичное рассуждение, в университете, географическом обществе или академии, в присутствии лиц, принимающих живое участие в вопросе» (6).

Костомаров принял вызов «с полным уважением как к науке, так и к почтенному ее ветерану», считая «это предложение высокой для себя честью», и объявил, что он найдет его, «с оружием в руках, везде и всегда, куда только назначит явиться». Согласие это оказалось для Погодина неожиданным. Чуть позже, при обсуждении организации диспута с «профессорами, академиками, литераторами», он был уверен, что большинство собравшихся скажет: «О чем же вам спорить, господа? Дело ясно. Есть только недоразумения на той и на

другой стороне: вам нужно только объясниться, пожалуй, перед нами». Однако «этого не послышалось». Погодин понял, что для них его правота не очевидна: «Большинство или запамятовало на ту пору старые основания, или не познакомилось внимательно с новыми, или увлеклось только мыслью о споре, независимо от его содержания». Итак, «как ни неожиданно» было для него «услышать согласие Костомарова», но не мог же он сказать ему, будто струсив: «Нет, я пошутил!» Поэтому он отвечал ему: «Разумеется: ну, так идем на бой!» (7).

Согласившись на диспут, он оставил мысль добиться публичного отказа Костомарова от своих взглядов и, следовательно, утверждения норманской теории. Историк решил, что это прение «должно было принять особый характер и иметь в виду более публику, чем науку» (8). Ведь рассуждать перед собравшимися «о том или другом месте из летописи, о значении того или другого слова в языке, прибегать к тонкостям логики было бы слишком неуместно». В первую очередь, следовало «подумать о том, чтоб публика не получила отвращения от ученых состязаний, а напротив, расположилась бы еще более в их пользу». Поэтому «надо было сообщить спору, по возможности, общую занимательность, показать образчик, как можно говорить о самых сухих предметах с участием, и дать молодым людям пример спокойного ученого состязания». Костомаров согласился с этой идеей. Оппоненты «решились, обдумав свои речи, соответственно вновь открывшимся целям, сойтись накануне на несколько часов, чтоб раскинуть сообща план мирного сражения». Также встретились они «перед обедом в день самого диспута и переговорили окончательно о пределах состязания». И чтобы не оставить «спора без конца, без развязки», которую обычно ждет публика, они, «соразмерив удары, определили и формулировали взаимные возможные уступки» (9). Таким образом, соперники «сговорились предварительно»: они «уравновесили взаимные возражения, сделали несколько репетиций и на публичное прение отправились в одном экипаже» (10).

Костомаров предлагал «выбрать посредников, не менее трех особ, известных ученых, оказавших русской истории действительную пользу», таких, «которые не писали о варяжском вопросе и не принимали участия в спорах по поводу его», чтобы спор этот, «как часто бывает со спорами, не окончился ничем», и чтобы каждый «не стоял упорно в своем мнении». Погодин, однако, отверг эту идею. Он заявил, что предложенные Костомаровым посредники – Н.В. Калачев, К.Д. Кавелин, Ф.И. Буслаев – «люди, слишком ко мне близкие по университетской памяти», поэтому «едва ли возьмутся принять на себя окончательное решение».

Историк считал, что «это дело внутреннего, личного убеждения», которое следует предоставить слушателям. Главная же цель диспута – «возбудить в молодых деятелях участие к вопросу о происхождении Руси, который так для нас важен, особенно в наше время, когда скоро исполнится тысяча лет основанному ею государству». Он говорил, что нельзя «третейским судом» решать «ученые вопросы», иначе «легко было бы науке идти вперед». Достаточно передать все, «что можем, в пользу наших мнений, а окончательный вывод должно, кажется, предоставить сознанию всякого слушателя, смотря по тому, какое в ком выработается убеждение». Впрочем, Костомаров впоследствии вспоминал, что «По-

годин сначала согласился на арбитров, именно тех самых», на которых он указал, «но потом переменил свое мнение, очевидно потому, что начал ожидать от избираемых лиц не того, чего бы желал» (11).

Диспут проходил в Санкт-Петербургском университете. Погодин вспоминал, что «народу набралось столько, что, когда он сел на кафедру», то «не мог буквально оборотиться, чтоб не задеть головою соседа». Как констатировал один из очевидцев, обыгравший известные слова из ПВЛ, «публика была велика и обильна, а порядка в ней не было» (12). В своей вступительной речи Погодин заявил, что, «являясь с таким рвением, как будто бы для эстетического наслаждения произведениями изящных искусств, общество представляет самое ясное, разительное» доказательство, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов, для нас важных и нужных, теоретических и практических» (13). После спора Михаил Петрович также говорил, что «в продолжение состязания» отметил «одно утешительное явление» – «совершенное беспристрастие со стороны русских к результату спора». Однако в письме Костомарову после диспута Погодин жаловался на поведение студентов. Николай Иванович отвечал, что он предлагал «арбитров», но оппонент сам отказался, сдавшись «на суд публике», провозгласив «торжественно, что она созрела для суждения о таких вопросах». Впрочем, Михаил Петрович не отказывался от мысли, что «публика может и должна принимать участие во всяких суждениях», но она «может ошибаться». Если он приписал ей «зрелость для участия, для суждения о всех вопросах», это не значит, что она непогрешима (14).

Наблюдатели дискуссии по-разному оценили ее. В одной публикации были приведены слова зрителя, представленные как общее мнение: «Я думал, что диспут будет интереснее. Но, право, не жаль ни денег, ни времени. Когда б чаще бывали такие диспуты – как бы хорошо было». Иные полагали, что поведение публики дискредитировало значение прения: «Оно началось; но студенты, которые составляли большинство слушателей, беспрестанно мешали делу рукоплесканиями и всякими знаками одобрения или неодобрения. Какое неуважение к науке, и где и от кого!». «Прежде мы не знали куда идем, а теперь не знаем и откуда», – эту остроту свидетеля научной «дуэли» многие считали соответствующей положению вещей. По замечанию современников, публика – «легковерная молодежь» – склонялась «больше на сторону Костомарова». Он же полагал, что молодое поколение на его стороне вовсе не потому, что «уверилось в литовском происхождении руси», так как и сам «не считает это дело решенным», а потому, что в своих трудах «указывает ему путь низвергать освященные временем предрассудки в русской истории». Если же публика ошиблась, заключал Костомаров, то виноват сам Погодин, представив «ей такие слабые доводы; если они были б сильнее, тогда бы она приняла» его сторону (15).

Оппонент писал Погодину, что о победе над ним «речи не может быть», так как они, заранее «спорив и толковав много дней, знали предварительно» о ходе спора. Однако, добавлял Костомаров, ему на это «отвечали, что тем хуже для норманской теории, когда при таких условиях она не могла сбить противной и показать свою силу». Московские друзья Погодина также признавали по-

ражение историка. А.С. Хомяков говорил: «Срам: какое ясное дело, и не умел его выиграть так, чтобы и слепые видели, кто победил! Что публика была бессмысленная, вовсе не отговорка. Нет публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова в пух и прах» (16).

Тогда ученый опубликовал в оправдание «Отчет московским друзьям». Он заявил, что, будучи заранее уверен в согласии Костомарова с его доводами против жмудской теории, он, чтобы «облегчить ему согласие, подать удобный случай сказать несколько удачных слов в ответ», предложил ему дуэль. Однако это было «ничто иное, как шутка» (17). Отчет этот вызвал ряд возмущенных публикаций против Погодина, отчасти имевших для него оскорбительный характер. Например, один из редакторов «Современника», Н.Г. Чернышевский, заявил, что труды историка «не имеют ровно никакого ученого значения», и что пора «приняться за перетряску хлама многих ученых», чтобы «всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный», пора «разделаться с пустыми репутациями» (18).

Костомаров также опубликовал статью, где критически разобрал «Отчет» (19). Однако в личном письме оппоненту Николай Иванович выражал сожаление, что «к нашему спору присоединились с обеих сторон люди, которые смотрят на нас, как на врагов, и бранят нас под знаменем одного из нас». Автор письма говорил, что «никакие норманны и жмудины» не изгладят из его «сердца того глубокого уважения», которое он питал к Погодину «более двадцати лет», не зная его лично, «и которое теперь еще полнее и живее, после того, как в последнее время» он «имел удовольствие сблизиться» с ним. Костомаров просил «не вмешивать» его в то, что «писали Чернышевский и Свисток» (приложение к «Современнику»); он «сам по себе, они сами по себе». «С "Современником" у меня нет никакой нравственной связи», – подчеркивал Николай Иванович (20). Погодин тоже говорил, что расстался дружно с оппонентом после прений: «Г. Костомарова я не считал причастным к разным проделкам, на диспуте и после в журналах, и мы расстались в приятельских отношениях» (21).

Итак, Михаил Петрович был настолько уверен в истинности своих взглядов, что согласие Костомарова на публичный диспут оказалось для ученого неожиданным. А поскольку публика поддержала его оппонента, Погодин вынужден был даже написать оправдательный «Отчет». Подобные дискуссии, следовательно, заставляли историка вновь и вновь возвращаться и пересматривать свои взгляды на варяго-русский вопрос, изменяя их в отдельных аспектах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. II. С. 4.
2. Иловайский Д.И. Еще о норманизме // Его же. История России. Начало Руси. М., 1996. С. 78.
3. Костомаров Н.И. О начале Руси // Современник. СПб., 1860. Т. LXXIX. С. 5-32.
4. Погодин М.П. Второе письмо к г. Костомарову // Его же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 175.
5. Погодин М.П. О литовском начале Руси, письмо к г. Костомарову // Там же. С. 156.
6. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. Т. LXXX. СПб., 1860. С. 271.
7. Погодин М.П. О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения Руси. Отчет московским друзьям // Русская беседа. М., 1860. Кн. 19. С. 150, 153; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 275, 286.

8. Погодин М.П. Борьба… С. II.
9. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 284-285.
10. Погодин М.П. Борьба… С. II.
11. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 272, 278-280, 312.
12. Погодин М.П. О публичном диспуте… С. 150, 153; Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 275, 286.
13. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 289.
14. Там же. С. 290, 308-309.
15. Там же. С. 291-295, 298-299.
16. Там же. С. 297, 305.
17. Погодин М.П. О публичном диспуте… С. 150; Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 308-309.
18. Чернышевский Н.Г. Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова // Современник. СПб., 1860. Т. LXXXI. С. 84-88; Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 314.
19. Костомаров Н.И. Последнее слово г. Погодину // Современник. Т. LXXXI. С. 73-83.
20. Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 320-322.
21. Погодин М.П. Борьба… С. II.

Д.Г. ДИТЯТКИН

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ

Проблема образования Древнерусского государства в широком смысле чрезвычайно обширна с точки зрения объектов и подходов рассмотрения. Условно ее можно разделить на две главных научных составляющих. Во-первых, общие социокультурные закономерности развития раннегосударственных образований (типология догосударственных и раннегосударственных образования восточных славян, предпосылки и этапы становления древнерусской государственности). Во-вторых, роль и соотношение внутренних и внешних факторов в этом процессе.

В советской историографии доминировала модель, согласно которой Древнерусское государство, возникшее в IX столетии, изначально имело феодально-классовую природу, а решающая роль в процессе возникновения государственности отводилась главным образом внутренним социально-экономическим факторам. Во главу угла ставилось развитие производительных сил. В современной науке почти повсеместно произошел отказ от подобной схемы, но вместе с тем и не предложено единой непротиворечивой концепции, что во многом обусловлено недостатком и лапидарностью источников. Сложность заключается в том, что в науке не существует однозначного определения самого государства и его признаков. В политических и юридических науках классической остается «триада», предложенная Ф. Энгельсом: территориальное деление, налоговое обложение и особый аппарат управления. Она же главным образом используется и в исторических исследованиях.

Для понимания механизмов государствогенеза в современных исследованиях все чаще привлекаются концепции политической (социокультурной) антропологии – специальной дисциплины, «которая изучает процессы формирования и динамики институтов власти и контроля в первобытных, традиционных и посттрадиционных обществах» (1). Вопрос о грани, отделяющей государство от «негосударства», не является в политической антропологии определяющим, речь скорее идет о процессе «постепенного, хотя и "скачкообразного", "этапированного" наращивания признаков государственности, различных у разных авторов, но в этом подходе по сути единых» (2). Для обозначения промежуточ-

ного переходного этапа от племенного устройства к государственному было введено понятие «вождество» (пер. англ. chiefdom). Возникновению государства предшествовало перерастание «простых» «вождеств» в «сложные» (3). Тем самым положения политической антропологии сегодня рассматриваются в качестве основной теоретической базы для исследования процесса политогенеза у восточных славян, пришедшей на смену формационной концепции марксистской историографии.

До недавнего времени традиционным местом историографии являлось представление о двух центрах развития государственности у восточных славян – в Волхово-Ильменском регионе на Северо-Западе и в Среднем Поднепровье (территория полян). Совокупность источников (прежде всего археологических), собранных и обработанных к настоящему времени, позволяет несколько иначе представить себе картину генезиса восточнославянской государственности. В частности, высказанная Е.А. Шинаковым концепция разностадиальности и разнотипности развития восточнославянских объединений закладывает основу для обсуждения проблемы о существовании нескольких подобных центров (4). В свою очередь, на этих территориях механизмы политогенеза и причины, на них влияющие, могли различаться.

Вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов в процессах генезиса восточнославянской государственности, как справедливо отмечает В.В. Пузанов, «является таким же древним, как и сама проблема образования Древнерусского государства» (5). В советской исторической науке, как отмечалось выше, решающее значение отводилось внутренним экономическим причинам, в то время как внешние влияния рассматривались более опосредованно. В настоящее время ситуация кардинальным образом изменилась, исследователи выводят на первый план факторы внешние (торговля, война, культурная диффузия). Славянские объединения, а затем и Древнерусское государство активно взаимодействовали с другими народами, населявшими не только Восточную Европу (финнами, балтами, скандинавами, кочевым миром) и с уже сложившимися государствами: Византией, Хазарией. Формы этого взаимодействия были различны: мирная колонизация территорий и взаимопроникновение культур, военные походы и завоевания, торговля.

Взгляд на торговлю как на одно из важнейших условий в формировании восточнославянской государственности в свое время был высказан еще В.О. Ключевским и И.Е. Забелиным (6). В 1970–1980-е гг. ленинградскими археологами (Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов) была разработана концепция «открытых торгово-ремесленных поселений» (ОТРП), располагавшихся на наиболее важных торговых путях (Ладога, Гнездово, Шестовица, Тимерево и ряд других), где вызревали новые общественные институты – дружина, торговые и ремесленные объединения (7).

Представление о главенствующей роли торговли, находящейся в руках скандинавов, в интеграции и организации восточнославянских объединений сегодня стала практически общим местом в историографии. Так, о ключевой роли для складывания «предгосударственного» образования на Северо-Западе славянских земель Балтийско-Волжского пути, представлявшего собой отрезок бо-

лее обширной торговой магистрали, соединявшей «макробалтийский» регион со странами Востока, пишет Е.А. Мельникова (8). Концепция ОТРП, ориентированных на дальнюю транзитную торговлю, транслируется в работах других историков и археологов (9). Вместе с тем сегодня озвучивается необходимость более взвешенного подхода, требующего пересмотреть степень участия и значение торгово-ремесленных поселений в жизни раннесредневекового общества, как и значение самой торговли (10). Войну в качестве главного внешнего фактора становления государственности рассматривает В.В. Пузанов: «Более важная, самостоятельная и универсальная роль в интеграционных процессах в Восточной Европе (впрочем, как, наверное, и везде) принадлежала войне» (11). Альтернативой торговой экспансии скандинавов у него выступает «норманнское завоевание», положившее начало процессу формирования потестарно-политических структур в восточнославянской среде (12).

Таким образом, в современной историографии наблюдается парадоксальная ситуация. Нивелировав положение марксистской науки о примате внутренних экономических причин в генезисе древнерусской государственности, современные исследователи зачастую снова пытаются выделить некий единственный главенствующий фактор, будь то торговля или завоевания. Вероятно, картина была сложнее. Беря во внимание асинхронность и разнотипность потестарно-политических процессов, протекавших на обширных территориях Восточной Европы, логичным будет предположить, что факторы, влиявшие на них, могли различаться для отдельных регионов. Так, например, Полоцкая земля, находясь в стороне от транзитных торговых путей, интенсивно развивалась в IX – X в. «как явление самобытной славянской культуры» (13). Приоритет тех или иных факторов мог меняться во временном измерении – торговля или земледельческая колонизация сменялись завоеваниями, для расширения территорий и поиска данников. В любом случае вопрос о соотношении различных факторов в генезисе государственности остается дискуссионным.

Проблема возникновения Древнерусского государства занимает одно из ключевых мест в отечественной исторической науке. Происходит дальнейшее накопление и обобщение археологических источников, совершенствуется методика работы с ними. Пересматриваются и анализируются с новых позиций письменные сведения. В условиях скудности источникового материала особую актуальность приобретают сравнительно-исторические исследования. Вместе с тем мало разработанной остается проблема связей Северо-Запада Руси с населением Южной Балтики, которая может обогатить и скорректировать представления исследователей о началах Древнерусского государства (14).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // ДГВЕ. 2010 г. М., 2012. С. 211.
2. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 20.
3. Горский А.А. О стадии развития восточнославянского общества накануне образования Русь // ДГВЕ. С. 195-196; Крадин Н.Н. Указ. соч. С. 215-216.
4. Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства… С. 133-134, 137-138; его же. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // ДГВЕ. С. 44-81.

5. Пузанов В.В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 138-139.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I // Его же. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 147-153, 155-156, 158-162; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. СПб., 1879. Ч. II. С. 90-92, 95-114.
7. Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка // Культура Средневековой Руси / Отв. ред. А.Н. Кирпичников, П.А. Раппопорт. Л., 1974. С. 11-17; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978; Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 185-265, 268-269; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. О появлении и развитии этого направления см.: Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5. С. 357-370.
8. Мельникова Е.А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // ДГВЕ. С. 250-251, 259-261; ее же. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX–Хвеках // Ее же. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды. М., 2011. С. 433-440; ее же. Ладога и формирование Балтийско-Волжского пути // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 157-165.
9. Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., Вологда, 2012. С. 221; Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Там же. С. 399-400.
10. Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии // Русь IX–XI веках. С. 455.
11. Пузанов В.В. Указ. соч. С. 167.
12. Там же. С. 155-161, 162-172.
13. Еремеев И.И. Полоцкая земля // Русь IX–X веках. С. 275-276, 297.
14. См. об этом, напр.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 422-473; его же. Варяги и русь // Варяги и Русь: Сб. статей и монографий. М., 2015. С. 7-112; его же. Южнобалтийские славяне-варяги – мореходы, купцы, пираты, первооткрыватели торговых путей на Балтике и в Восточной Европе // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв.: Материалы IV Международной научной конференции. Липецк, 27 февраля 2015 г. Липецк, 2015. С. 45-56.

В.Н. ШУЛЬГИН

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО (986–988 ГГ.) И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Смена поколений, периодические забвения сути главных перемен отечественной истории заставляют, во-первых, вспоминать такие эпохальные события, как Крещение Руси, во-вторых, стремиться давать им верное толкование. Особенно важно второе, поскольку Россия и русский народ представляют собой великую вселенскую величину, непрерывно рождавшую зависть, неприятие, стремление низвергнуть её с законной высоты признания.

Мы далеко ещё не пережили новый период обострения атак на Россию, связанных с нашим очередным «цивилизационным переломом» конца прошлого века. Ослабление чувства нормативной самобытности русского исторического пути у представителей политического класса и образованного общества привело в позднесоветский период к повторению атаки на русско-российский «национальный код» по старому западному правилу: «падающего подтолкни» (это, очевидно, своеобразный «закон возмещения» (1)). Так, М.С. Горбачёв руководствовался русофобской «партийной» установкой XIX в. о Старой России. Политический лидер отзывался о своём отечестве недавнего времени как «отсталой, полуколониальной, полуфеодальной» стране, ушедшей в небытие (2). Также поступают его продолжатели, сегодняшние «либералы», называющие народную веру в Святую Русь – «фанатизмом» (3). *Вечная Россия* с её невиданной духовностью их любовного внимания не привлекает (4).

Названные обстоятельства вновь заставляют обратиться к отправной точке нашей цивилизационной истории – подвигу Владимира Святого, суть кото-

рого не всегда понимается. Нынешний кризис отечественного самосознания, который было бы нечестно замалчивать, как и аналогичные моменты в XVIII–XX вв., побуждает давать ответы сторонникам разъедающего душу национального нигилизма. Об этом уместно говорить по прошествии тысячелетия со времени преставления Крестителя Руси, тем более, что посреди нас всё ещё имеются отрицатели конфессионального, бытийного подвига Владимира.

Стремление углубить смуту, конвертировав её в гонорары, привело многих «рыночных историописателей» к бесстыдству отрицания азов истории и историографии. Например, А.А. Бушков, автор клеветнического (местами) опуса «Россия, которой не было», часто в игривом стиле, не проводя изысканий (очевидно, по причине полной невозможности их осуществления), опираясь лишь на своё внутреннее чувство, не признаёт факта крещения Руси Владимиром. «Король боевика» Бушков (так его аттестует издатель), отметая источники, выдаёт язычника Святослава Игоревича за христианина, роль которого исказили коварные официальные круги, с «цензорскими ножницами» пройдя «по летописям». Уровень нравственности и знаний новоявленного ниспровергателя виден по его «полемическим приёмам» в виде хамских инвектив в адрес героев нашей истории и слепого доверия к немецким источникам. Бушков, например, отметает возможность гибели Олега Вещего от укуса змеи на том основании, что гадюка не могла прокусить сапога князя. Автору, сознательно затевающему скандал, даже невдомёк, что змея могла укусить князя выше голенища сапога. Ещё один оригинальный изыск Бушкова состоит в отрицании применения русскими до XVI в. старинного славянского слова «немцы». На этом основании он считает ПВЛ «сочиненной» «не ранее шестнадцатого столетия» (5).

Подобных странноватых атак на родную историю не счесть, причём особенность нашего времени заключается в значительном числе не только иностранных недоброжелателей, что можно понять (геополитическое соперничество и т.п.), но и «внутренних» исказителей хрестоматийных истин. Процитированный опус Бушкова вышел массовым тиражом в 50 000 экземпляров, возможно, он допечатывался, как это обычно делается. Студенты и слушатели до сих пор временами обращаются с просьбой прокомментировать суждения этого автора. *Сознательное искажение отечественной истории*, прогрессирующее сегодня у подобного рода писателей, дополнительно побуждает к размышлениям о сути подвига Владимира Святого.

Более привычными стали «западные» концептуальные несогласия с господствующим направлением русской историографии. Ряд учёных Запада принижает роль Крещения Руси, прежде всего, по своему внутреннему инстинкту цивилизационного отторжения России. Даже добросовестные эрудиты, вроде чеха Т. Масарика, сплошь и рядом недопонимали суть русской духовности (6). Для более далёких от славянства исследователей это ещё более характерно. Так, современный русист-историк Дж. Хоскинг из Лондона склонен повторять традиционные западные клише о России. Применительно к теме Крещения Руси он руководствуется давним «европейским» укором нашему народу за якобы избранный им «маргинальный» путь изоляционизма посреди Христианства, детерминированный чувством, а не разумом. Так, Хоскинг, говоря о принятии

Русью церковно-славянского языка Кирилла и Мефодия, что «облегчало процесс *крещения*», убеждает читателя и в наличии отрицательной стороны. Этот язык якобы «отчуждал Православную церковь от римской и даже греческой культур, а также от культурно и интеллектуально развивавшейся Европы» (при этом историк ссылается на мнение своих западных предшественников) (7).

Англичанин в духе западной «разорванности» сознания, «раздвоения ума», «раздробленности духа», столь верно отмеченных И.В. Киреевским (8), противопоставляет чувственный и дискурсивный уровень постижения бытия, всячески возвышая западный рационализм. Этим приёмом Хоскинг принижает уровень русского православного христианства, заявляя, что оно было принято «без внутренних конфликтов, просто как нечто красивое и не требующее обсуждений и улучшений. Русь не знала столетий теологических и церковных споров, не созывала вселенских соборов, не вычерчивала постепенно… контуров символа веры». Кстати, последний упрёк странен в устах представителя Запада, поскольку *Символ Веры* обязан своим бытием Востоку, где он сформировался. Автор даже обвиняет Владимира Святого в «грубой и категорической смене веры», что, по Ю. Лотману и Б. Успенскому, с которыми он соглашается, являлось «первым тревожным симптомом» и проявлением «угрожающей тенденции русского общества к поиску изменений через крайности…» (9).

Эти суждения свидетельствуют, что «ничего не меняется» в западных подходах с IX в. нашей христианской эры. Тогда римский папа буквально заставил Карла, франкского короля, принять корону самозваного римского императора, тогда как тот прекрасно понимал, что законный император со столь же законной церковью находится в Константинополе. Поставленный «императором» король франков Карл, наименованный *Великим*, даже собирался как-то уведомить Царьград о недоразумении, которому не он был виной, подчиняясь одному их вселенских епископов (10). С тех пор при рассмотрении проблемы восточно-западных взаимоотношений наследуется два подхода: православный или византийско-русский, упирающий на примат законности, и западный, руководствующийся логикой «захватного права».

В западном случае вообще опускается факт первичной измены «ветхого Рима» чистоте догматов. Вот и цитируемый английский историк ни слова не вымолвил о произвольном постепенном введении Западом латинского *филиокве* в *Символ веры* без какого-либо соборного обсуждения с Востоком этого важнейшего богословского вопроса, что и обусловило разрыв церковной общности между Первым и Вторым Римом, а затем – между Третьим Римом (Москвой) и Западом. Это было следствием духовно-богословского преступления последнего. Словом, Запад был склонен многое переворачивать с ног на голову, попутно ещё и русофобствуя для усиления эмоционального фона. Дж. Хоскинг также не избежал этого, как и упоминаемые им отечественные специалисты, готовые искать истоки пресловутого «тоталитаризма» даже во всецело обоснованной и назревшей смене веры, свободно и победно завершенной Владимиром Святым. Ведь известно, что Христианство на Руси распространилось задолго до постановки «финальной точки» в виде Крещения Руси 988 года. Личное крещение великой княгини Ольги, бабки Владимира, с наречением имени Елена сви-

детельствует об этом (по источникам её крещение состоялось в интервале между 955 и 957 гг.)

Кстати говоря, Ольга была прямой предшественницей и политического курса своего знаменитого внука, который изначально стремился провести религиозную реформу так, чтобы не попасть в зависимость от Империи, из которой взяли православную веру. Она пыталась в ходе запланированного уже ею грядущего русского крещения добиться церковной автономии, то есть обеспечить Русской земле отдельную епархию. Сначала она пыталась решить этот вопрос в 957 г. во время визита в Константинополь. Не добившись желаемого, она обратилась к Оттону I, императору так называемой Священной Римской империи (её посольство 969 г.). С немецким предложением Ольга также не согласилась, поскольку Оттон не собирался гарантировать автокефалию Руси под началом самостоятельного митрополита или архиепископа. Оттон соглашался лишь на епископа с малыми полномочиями, действующего «под полным контролем германского духовенства» (11).

Сказанное позволяет говорить о прозападной идеологизированности суждений как англичанина Хоскинга, так и упомянутых им наших авторитетных учёных, отстранённо относившихся к Православию, склонных «искать» чрезмерное насилие там, где его не было. Владимир Святой пользовался нелицемерной любовью простого народа и никаким деспотом не был. Почему это не берётся в расчёт? Позднее выдающийся немецкий реформатор князь О. фон Бисмарк говорил студентам Йенского университета (1892), что успеха достигает только тот политик, который верно чувствует народные потребности, умея их воплотить в жизнь деяниями, направляемыми *духом народности*. Такую политику нельзя отнести к удаче или объяснить стечением обстоятельств (12).

Предельно ошибочен вывод Хоскинга об *отчуждении Русских* от греческой культуры якобы из-за принятия кириллической грамоты (латиница, кстати, не помешала учёбе латинян-римлян у греков). Хрестоматийно известно, что учителями русских были греки, да и сам священный церковный язык, разработанный святыми Кириллом и Мефодием, в «снятом виде» воспринял духоносный греческий язык Церкви. Другими словами, *Учители Словенские* создали церковный язык, руководствуясь богатейшим священно-греческим языком. На это обстоятельство указал А.С. Пушкин, отметивший невиданное в Европе богатство «славяно-русского языка», его «неоспоримое превосходство перед всеми европейскими» как раз не в последнюю очередь благодаря его сложному составу с великим греческим компонентом (13). Это же отметил В.И. Вернадский, цитируя греков, которые через двести лет после смерти князя Владимира, говоря о преемстве, назвали русских «наиболее христианской нацией» (14).

Владимир Святой, несомненно, знал и чувствовал давно имевшиеся различия в церковном строе восточной и западной жизни, равно как и государственную специфику христианского Востока и Запада. В значительной мере это доносит ПВЛ. Под 986 г. в ней содержится пространное сказание об «испытании вер» Владимиром. Вторыми после магометан-болгар «пришли немцы из Рима». И первых, и вторых великий князь проводил восвояси, не прельстившись ими поведанным. То же самое произошло и с «хазарскими иудеями». Су-

дя по дальнейшему сказанию, Владимиру «запала в сердце» мысль о Крещении Руси во время беседы с *философом*, пришедшим из Константинополя после представителей Запада, уже склонившегося к уклонениям католического «папизма». Князь не просто распрощался с греком, как это произошло прежде с его иноверными и инославными предшественниками, но «дал ему многие дары и отпустил его с честию великою» (15).

В 987 г., согласно ПВЛ, состоялся, по сути, госсовет, на котором было решено направить посольство в три конца (к болгарам, немцам и грекам), чтобы глубже «проведать», «у кого какая служба и кто как служит Богу». Магометанское богослужение послам не понравилась, о чём они по возвращении в Киев и рассказали князю. Затем эту же делегацию Владимир направил на Запад и «в Греческую землю». По возвращении послов был вновь созван совет «бояр и старцев» выслушать отчёт посланцев. Для них решающим доводом стала красота Православия. Применительно к греческой вере и «службе» данный эстетический довод прозвучал трижды. О немецких же обыкновениях было доложено прямо противоположное: «видели в храмах многие их службы, а *красоты никакой не видели*». В Царьграде русских послов принял сам патриарх, «показав им *церковную красоту*». Отчитываясь в Киеве, они рассказали об этом, присовокупив: «не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как рассказать об этом <…> *не можем забыть красоты той* <…> мы не можем уже оставаться прежними». Бояре отозвались сочувственно, сказав Владимиру: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрейшая из всех людей» (16).

В городе Корсуне, входившем в состав Империи, Владимир принял крещение после его захвата русскими в 988 году. Наступательный манёвр и овладение сим местом в Тавриде князь учинил из необходимости сохранения суверенитета Руси при перемене веры. Он действовал со всей решительностью, взяв инициативу на себя, дабы не допустить при духовном вхождении во вселенскую церковь вассальной зависимости Руси от Империи. Другая задача, решенная Владимиром, состояла в принятии истинного Христианства. Летопись это настроение доносит. В ПВЛ ощутим дух сопротивления Западу или, говоря языком того времени, – «стязания с латиной» (17). После крещения греки внушали князю: «Не принимай же учения от латинян – ученье их искажено…».

Вполне возможно, что ссылка на «отцов», отвергнувших западных миссионеров, – это позднейшая вставка летописца (в сказании под 866 г. о первом визите немцев-католиков) (18). Однако возможность именно этих слов Владимира косвенно подтверждается принципиальным отказом наших близких родичей – балтийских славян – принять веру «от немцев» (19). Единственным исключением, подтверждающим правило, стали ляхи (поляки). Немцы, особенно саксы, враждебные соседи, были издревле известны своим племенным неприятием славян. Выражение vendische leute («вендские люди», «венеты») было у них ругательным в течение столетий как форма психологического оправдания своей агрессивности (финны, эсты и др. до сих пор русских называют vene).

Итак, двукратное испытание вер предопределило твёрдое решение князя крестить Русь. Он использовал опыт своей бабки в стремлении совершить ре-

форму так, чтобы Русь укрепила свой суверенитет, а не ослабила его. Поэтому он провёл удивительную спецоперацию, блестяще рассмотренную академиком Б.В. Раушенбахом в юбилейном 1988 г. (в статье «Тысячелетие крещения Руси», помещённой в журнале «Коммунист», перепечатанной по всему миру) (20). Решительным овладением Корсуня Владимир добился присылки к нему не только епископов и священства для крещения и обучения русских, но и руки царевны Анны, сестры императоров. В качестве традиционного *вено* (выкупа) занятый град он милостиво вернул Византии. Замыслив породниться с императорской династией, Владимир почёл захват Корсуня необходимым для символического «родственного» жеста – возвращения его в качестве отступного «за царицу», ставшую его христианской супругой.

Вновь обращаясь к летописным сказаниям о главнейшем факте нашей первоначальной истории – Крещении Руси – и вкладе Святого Владимира в это великое дело державного «самостояния», видим стремление людей просвещённых исходить из «духа народности», предопределяющего исторический путь государств и стран, их величие или, наоборот, малую роль в судьбах человечества. Видим, что о «сумрачном германском гении», падающем в односторонний рационализм, не обращающим равномерного внимания на красоту, задолго до Александра Блока ведали летописцы, как прежде и князь Владимир с его послами, «испытателями вер».

Этот же *дух народности* как ключевая эвристическая категория для Пушкина, Тютчева, И. Киреевского, Достоевского предопределил отсутствие полного отождествления благой веры именно с греками. По «градусу веры» и искренности русские часто оказывались посильнее греков. Так, читаем в ПВЛ за 971 г. о походе Святослава на Царьград, о хитростях Византии, вознамерившейся провести русское воинство. Летописец припечатал: «Так говорили греки, намереваясь обмануть русских, *ибо греки лживы и до наших дней*» (21). Наши славные предки отделяли «лукавство греков», с одной стороны, и, с другой стороны, несомненную истину христианского царства, с которой те породнились, почему и стали учителями Руси.

«Народный» подход наших святоотеческих писателей, нашедший отзвук в русской классической литературе, в том числе философской, позволяет оспорить тенденциозные положения ряда современных исследователей и апологетов западных уклонений в Христианстве. Так, можно лишь «покрутить пальцем у виска», слыша «утверждение» Дж. Хоскинга, что в России никогда не было «доминирующей нации» или народа (22). Весьма показательно, что эта ложь изрекается иностранным членом редакции журнала «Российская история», одного из главных наших историко-академических органов научной печати! Поразительный феномен – в иных российских институциях русофобская ангажированность, даже стремление «не заметить» великий русский народ является чуть ли не главным условием «учёной» корпоративной этики.

Рассмотрение подвига Владимира Святого с учётом освещения его свершений ПВЛ, а также учёт «Слова» митрополита Илариона, по времени лишь немного отстоявшего от описываемых им эпохальных событий, настоятельно требует от нас руководствоваться *методологией*, учитывающей *дух народности*

или *Русскую правду*, из которой исходил Великий князь Владимир, крестивший Русь. Иларион, архипастырь Руси, восторженно об этом писал: «Вера бо благодетельная по всей земли простреся (простерлась) и ***до нашего языка рускааго*** дойде». Иларион говорит об истинной духовности в её своенародном выражении, славя именно Русь: «Не в худе бо и неведоме земли владычествоваша, но в Руськe, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли» (23).

Одновременно, конечно, следует отвергнуть очерченные выше новомодные «отражения», искажающие истину великого события Крещения Руси и связанных с ним исторических фактов. Согласимся с академиками, дореволюционным и современным, А.Ф. Гильфердингом и Б.В. Раушенбахом, заключившими, что на Руси дело Крещения обстояло по-другому, в отличие от земель, покоряемых немецким «крестоносным» воинством, захватывавшим славянские и прибалтийские земли с превращением «свободного населения в крепостных», придавая «этому разбою “приличного” вида, крестив оставшихся в живых». У нас, благодаря Владимиру, события развивались «в противоположном направлении». Ф.И. Тютчев эту принципиальную разницу осознал, заметив отличия между западной и русской парадигмами цивилизующих перемен: первая вершится «железом… и кровью», а вторая – «любовью» (24).

Следует и потомкам не отставать от цивилизовавшей Русь любви первоначальной, с дерзновением исповеданной Владимиром Святым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Суть его в неизбежно наступающей замене своего родного чувства чужеродным при недостаче самобытности. Так заполняется образовавшийся душевный вакуум.
2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. С. 7.
3. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М., 2001. С. 10.
4. Мамлеев Ю.В. Россия вечная. М., 2014. С. 31-82.
5. Бушков А.А. Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы. М., 1997. С. 55-58.
6. Масарик Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. СПб, 2003. Кн. III. Ч. 2-3. С. 141-144. Читаем у этого чеха о «жестокости» русского человека, проистекающей якобы «от недостатка изобретательности», что противоречит общеизвестным истинам о русской сердечности и творческом потенциале. Масарик, кстати говоря, совсем не понял суть юродства как одного из проявлений святости в Русском мире. Это западное повреждение обличил И. Киреевский (Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Его же. Избранные статьи. М., 1984. С. 232).
7. Хоскинг Д. Россия и русские. М., 2003. Кн. I. С. 51.
8. Киреевский И.В. Указ. соч. С. 201-204, 214-215, 217, 224-226, 232-233.
9. Хоскинг Д. Указ. соч. С. 50, 52.
10. Шустов А.В. Похищение Римской Империи // Нева. 2013. № 3.
11. Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь, М., 1996. С. 48-50.
12. Bismark O. von. Dokumente seines lebens: 1815–1898. Leipzig, 1989. S. 437.
13. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 томах. М., 1964. Т. 7. С. 27.
14. Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 80.
15. Се Повести временных лет. Лаврентьевская летопись / Сост. А.Г. Кузьмин, В.В. Фомин. – Арзамас, 1993. С. 80-81, 94.
16. Там же. С. 94-97.
17. Георгий, митрополит Киевский. Стязание с латиной. 70 обвинений (ок. 1062 года) // Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. / Сост., коммент. А.Г. Кузьмин, А.Ю. Карпов. М., 1990. С. 141-145.
18. Се Повести временных лет. С. 80, 100.
19. Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян: В 3 ч. / Биогр. очерк К.Н. Бестужева-Рюмина, вступ. статья и комм. В.В. Фомина, комм. С.В. Цветкова. М., СПб., 2013. С. 101, 287, 303, 361-362, 391-394, 396.
20. Раушенбах Б.В. Тысячелетие Крещения Руси (1988) // Его же. Пристрастие. М., 1997. С. 56-74.
21. Се Повести временных лет. С. 73.
22. Хоскинг Д. Указ. соч. С. 12.

23. Ужанков А.Н. «СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 192, 209-210.
24. Тютчев Ф.И. Два единства // Его же. Полн. собр. соч. и письма в 6 томах. Т. 2. М., 2003. С. 221; Раушенбах Б.В. Указ. соч. С. 59.

Г. ДЬЁНИ

ЗАМЕЧАНИЯ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УСТНОСТИ В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Моя статья будет носить, скорее, методологический и источниковедческий характер, и в ней будут высказаны некоторые «крамольные» мысли, но, в основном, лишь размышления о роли устности в исторических разысканиях. Меня и как историка, и как этнографа всегда интересовало соотношение между устностью и письменностью. Ведь все письменные известия, в конечном счете, происходят из устности, и после того, как письменность законсервирует их, они превращаются в «достоверные исторические источники». Но до того, как их записали, они существовали по закономерностям устности. Устность, таким образом, «превышает» письменность, письменность всегда вторична в отношении устности.

Тема соотношения между устностью и письменностью имеет как минимум два аспекта. Филологическая и источниковедческая сторона этой проблематики имеет богатую литературу, большую историографию.

Когда этнография как наука родилась где-то в конце XVIII в., еще казалось тем, кто сочинял первые этнографические произведения или собирал материалы, что народная культура сохранила глубокие древности и что она способна реконструировать древнейшие слои культуры былых сообществ, вплоть до индоевропейцев или других древних предполагаемых культур. (В появлении этой новой дисциплины, «народоведения», ключевую роль играла Россия, те немецкие писатели, исследователи и путешественники, как Паллас, Георги, Миллер, которые объездили Россию и составили ее этнографическое описание) (1). Такие взгляды о древности устных культур были высказаны и в последние десятилетия несмотря на то что уже в начале XX в. стало ясно, что современные народные культуры непригодны для реконструкции глубоких древностей, по крайней мере, в наших европейских, быстро изменяющихся краях (2).

Постулат о неспособности устности для использования ее в качестве исторического источника, несмотря на некоторые эксцессы, оставался неизменным в академическом «мэйнстриме» (3). Однако буквально в последние годы в нашей науке, кажется, положение меняется, в ходе чего происходит переоценка исторической роли устности и делаются конкретные исторические выводы на ее основе. Приведу некоторые конкретные примеры. Рассказ о печенежском князе Тонузоба был написан в начале XIII в. так называемым венгерским Анонимом. По этому рассказу Тонузоба поселился в Кемее, около Тисы, еще во время правления Такшоня, в X в., и он дожил до правления Иштвана Первого, начала XI в., но не хотел креститься, поэтому Иштван заживо закопал его у

Абада. Подобные сюжеты о захоронении поганых половцев известны в фольклоре Восточной Венгрии (4).

Когда одни и те же сюжеты встречаются в литературных произведениях и в фольклоре, обычно это трактуется как заимствование из литературы, то есть из «высокой культуры». В приведенном случае (хотя здесь это «автоматическое» объяснение проблематично) тоже не объясняют, почему данная традиция обнаруживается именно там и как она была связана с XII–XIII вв.? Или другой пример: в 1717 г. татары напали на Трансильванию (это было так называемое последнее нашествие татар). Татары 24 августа разорили город Сек, многих жителей убили. Память об этом событии жива и в XXI в. На поразительную силу устности указывает то, что тексты, собранные в 90 годы XX столетия и повествующие о нашествии татар, в некоторых местах совершенно точно отражают факты, о которых говорили *свидетели* этих событий в XVIII в. (5).

Также в венгерском фольклоре имеются следы очень древнего предания о сотворении суши. Например, рассказ о том, что ныряющая птица достает песок со дна моря, и таким образом возникает суша, является не просто евразийским, но и уральским мотивом (по исследованиям В.В. Напольских) (6). Интересно, что этот сюжет сохранился у нас довольно в испорченной, тем не менее узнаваемой форме несмотря на относительную языковую и культурную изоляцию мадьяр (7). В последние годы большой резонанс получили исследования Балажа Шудара о перспективах использования устных произведений в качестве исторических источников (8). Эти примеры не есть доказательства того, что устность вообще и, как правило, сохраняет архаизмы, но и противоположные примеры не являются доказательствами того, что устность вообще и, как правило, не сохраняет архаизмы. По-видимому, устность по-разному проявляется в разных культурах, искать здесь всеобщие дефиниции о способности консервации **оральности**, как мне кажется, не совсем обоснованно.

Тем не менее методологически можно прийти к выводу, что произведения устной культуры теоретически можно использовать в качестве исторического источника, исходя, конечно, из обстоятельств данной культуры, используя строгую критику источников. В конце концов все, что написано в источниках, в конечном счете, происходит из устности. А главный закон устности – это **вариабельность** (variability). Я не сторонник постмодерна и не говорю, что прошлое в принципе неузнаваемо, тем не менее переход из устности в письменность – это одна из главных проблем источниковедения. Я, скорее, согласен с мнением И.Н. Данилевского, что наши средневековые источники позволяют понять *мысли* тех людей, которые писали об этих событиях, нежели реконструировать сами события (9). Но, на мой взгляд, понять смысл всегда важнее, чем просто описать события, и, на самом деле, те исторические труды хорошие, где есть смысл, а не только изложение случившегося. Высказанные замечания носят, скорее, филологический характер, и они в принципе не новые, имеют своих предшественников. Но вопрос о соотношении между устностью и письменностью открывает и другое измерение, весьма далеко уходящее.

Ведь устная культура жизнеспособна только в своей массовости. **Инвариальность** – здесь я использую терминологию самого известного венгерского

фольклориста Дюлы Ортутаи (10) – проходит только тогда, когда ее принимает и затем передает определенная масса людей. Индивидуализм здесь обречен. Поэтому произведения устности всегда отражают в какой-то мере культуру, ментальность данного общества. Более того, именно произведения устности отражают *больше всего* ментальность общества. Они помогают понять людей, возможно, и давних времен (при строгой критике текстов). Для меня, как «шовиниста» культуры, это важнее всего. Ведь все общественные системы, будь это экономика, политика и прочие, являются продуктами культуры, по моему убеждению (но не только по моему, см. Макса Вебера). Важны не сюжетные линии, которые так страстно исследовали ученые XIX в. (но порой и современные специалисты, выдвигающие совершенно фантастические параллели, например, об уральской прародине индоевропейцев, сравнивая строки Ригведы с местностями Южного Урала) в надежде обнаружить какой-то архаизм, миросозерцание данного общества. И это с исторической точки зрения имеет большое значение, ведь двигателем истории всегда выступают массы.

Возможна и другая ересь. Я знаю, что есть историки, которые очень не любят Толстого (хотя интересно, будут ли читать его критиков лет через 200, но то, что Льва Николаевича будут читать, обсуждать, в этом я более чем уверен), но я сторонник Льва Толстого, и для меня более-менее убедительны его взгляды на то, что ход истории определяют массы, а не так называемые великие люди. Историю определяет деятельность всех людей, принимающих (или не принимающих) участие в событиях и соединяющихся всегда так, что те, кто принимает наибольшее прямое участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность и, наоборот (последняя фраза уже о соотношении власти и свободы) (11). Мнения, ментальность, настроения коллективного сообщества, пожалуй, позволяют глубже взглянуть и понять логику истории.

Некоторые конкретные примеры относительно русской истории. Я сам лично не собирал материалы на русском Севере, хотя побывал там, но, к сожалению, остаюсь в этом смысле кабинетным ученым (что нехорошо, конечно). Но когда читал корпусы преданий, составленные Криничной, или былины Гильфердинга и других авторов, всегда думал о том, как можно использовать их в качестве исторического источника? Хотя есть историки (Котляр, Рыбаков, даже Ключевский и другие), которые прямо используют фольклорные тексты для аргументации определенных тезисов, но часто без существенных методологических разъяснений.

Главный источник – это предания, устные прозаические произведения, которые своей исторической основой и реалиями связаны с социально-общественной жизнью и историей данной общности. Важен не «фольклор» (будь то лирика или проза), даже не мотивы или морфология текста, по Проппу, а восприятие и передача пережитой истории устным путем. Например, если читаем предания Севера, раскрываются в том числе следующие темы. Колонизация: какой она была? Мирная или военная экспансия? Какими этапами она происходила, ведь по преданиям раскрываются разные (как кажется, минимум три) временных слоя. Оказывается, что аборигенных чудей пришлось силой умиротворить: «*жители сих мест именовались погаными сыроядами и чудью*

белоглазой, сии нападали на белозерские селения и другие россиян жилища и все на ходу пожигали и опустошали. И сие до толе продолжалось, доколе князь Вячеслав, собрав войски, отразил нападение чуди и, победя, гнал оную до берегов – Белого моря».

Чудский мир – волшебный, там живут гуси-лебеди, чуди имеют сверхъестественные способности, например, могут разговаривать между собою на шестиверстном расстоянии, они белоглазые, после прихода русских исчезли под землю. Не менее интересно, что у чудей существовал некий порядок, «государственность», – у них были князья, городища. Известен некий князь их Соя. И с чудями связана банная культура. Однако множество рассказов о первоначальном заселении края повествует о том, что когда пришли русские, там никого не было. По этим рассказам местности получили свои названия от первопоселенцев. В колонизации важнейшую роль играли речные магистрали. Одинокий человек создает эти поселения в глухом лесу. Это некая «спонтанная» колонизация. Первопоселенцы приехали «ниоткуда», «из лесу» – у них нет истории до колонизации. Они приехали без истории, их сознательное существование начинается на Севере.

От этого в преданиях четко отделяется новгородская колонизация. Она, кажется, уже более организованная. Новгородцы появились не в одиночку, а с семьями. Это уже политическая колонизация. Однако интересный и часто появляющихся сюжет, что новгородцы бежали от крепостного права. Они бежали, искали *свободу* (например, Мезень действительно был основан новгородцами уже в XVI в.). Новгородская колонизация отнюдь не была мирной. На реке Выя произошли столкновения с чудями, где был убит их князь. Но и сами чуди нападали на русских, даже на город Каргополь. Благодаря новгородцам чуди перешли к оседлой жизни. Потомки чудей известны до сих пор, и также известны их кладбища. Сохранились предания о том, какие семьи происходит от чудей, от новгородцев. Интересно, что заселения Севера связывают не только с русскими, но и с карелами, и не только деревень (Юксила, Вангпмала)? но и даже Холмогор. Карельская колонизация связана с новгородцами (и никак не москвичами) (12).

Эти рассказы, на мой взгляд, могут содействовать антропоцентричной реконструкции истории, понимать мысли, мотивации, миросозерцание общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6-39.
2. Diószegi V. A sámánhit emlékei a magyar népi műveltségben. Budapest, 1998. S. 19; Vargyas L. A magyar népzene és népköltészet honfoglalás előtti rétegei // Magyar Tudomány. 1990. № 3. S. 272-276.
3. Hoffmann T. Anépikultúrafogalomváltozásai // Valóság. 1994. № 2. S. 6.
4. Magyar Z. Szent István a néphagyományban. Budapest, 2000. S. 65-67.
5. Magyar Z. Mezőségi népmondák. Budapest, 2012. S. 63.
6. Напольских В.В. Как Вукузе стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993; Дьени Г. Еще раз об одном фольклорном сюжете // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург, Сургут, 2007. С. 25-30.
7. Kálmány L. Világunk alakulása nyelvhagyományainkban. Szeged, 1893.
8. Sudár B.Ádli szultán és az igricek «csácsogó» éneke // Folklór és történelem ред. Szemerkényi Á. Budapest, 2007. S. 241-267.
9. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 14-15, 32, 74.

10. Ortutay Gy. A nép művészete. Budapest, 1981. S. 9-53.
11. Толстой Л.Н. Война и мир М., 2004. Т. IV. С. 713.
12. Криничная Н.А. Предания русского Севера. СПб., 1991.

И.Б. ДЕЖКИН

МОГЛА ЛИ РЯЗАНЬ ОСТАНОВИТЬ БАТЫЕВО НАШЕСТВИЕ?

О трагедии, постигшей цветущие княжества Северо-Восточной Руси, в том числе – о разорении Рязанского княжества, с которого начинается история Батыева нашествия, повествуют Ипатьевская, Лаврентьевская, Новгородская, Суздальская, Троицкая и другие русские летописи, замечательный шедевр русской литературы «Повесть о разорении Рязани Батыем», персидский летописец Рашид ад-Дин. Интерес представляют и отчёты венгерского монаха-доминиканца папе Римскому Григорию IX о путешествиях в Волжскую Болгарию и Суздальские земли, предпринятых им в 1235–1237 гг. (1).

Ещё великие русские историки В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин, опираясь на летописи, начали детальное изучение вопросов, связанных с нашествием хана Батыя на Русь в 1237–1241 гг., и последствий этого страшного события для дальнейшей истории русских земель (2). Так, Карамзин даёт довольно эмоционально описание разгрома русских княжеств, излагает и своё понимание причин успеха завоевателей (3). Весьма подробно описывает Батыево нашествие, стараясь разобраться в причинах поражения русских княжеств, С.М. Соловьёв в своей «Истории России с древнейших времён». Классическим можно признать труд Д.И. Иловайского по истории Рязанского княжества. Здесь стоит отметить и труд известного востоковеда XIX в., профессора И.Н. Березина, исследовавшего ряд ранее неизвестных российским историкам источников, а также работу генерала М.И. Иванина, посвящённую военной организации монголов (4).

Нашло отражение нашествие и в работах историков XX–XXI вв.: Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилёва, В.В. Каргалова, А.Н. Кирпичникова, Ю.В. Кривошеева, Ю.А. Лимонова, П.П. Толочко, В.В. Филиппова, Р.П. Храпачевского, Д.Г. Хрусталёва и др. (5). Проявили свой интерес к истории нашествия Батыя на Русь и современные «историки-альтернативщики» (скорее, писатели с большим художественным воображением и вольным обращением с фактами), например, С.А. Пивоваров и В.Е. Шамбаров (6).

В рамках обозначенной нами проблемы предстоит остановиться на следующих вопросах:

- численность и боевые характеристики армии Батыя;
- силы, которые могли противопоставить ей Рязанское великое княжество и соседние земли;
- оказалось ли Рязанское княжество брошенным в одиночестве более могущественными Владимиро-Суздальским и Черниговским княжествами?
- возможно ли было организовать отпор нашествию объединёнными силами русских князей в тогдашних условиях политической раздробленности?

Несомненно, не обойтись и без попытки решения более частных вопросов (например, о роли субъективного фактора – в частности, о мотивах, опреде-

ливших поведение великого владимирского князя Юрия Всеволодовича, его брата Ярослава и тёзки – рязанского князя Юрия Ингваревича). Но прежде остановимся на хронологии трагедии, разыгравшейся на просторах Северо-Восточной Руси зимой 1237–1238 гг. После первого, печального для русских дружин столкновения с монголами в конце мая – начале июня 1223 г., неудачной попытки последних войти в земли Волжской Булгарии и их отхода за Волгу, на Руси долго ничего не было слышно о грозных завоевателях. Усобицы между князьями возобновились с ещё большим, чем прежде, ожесточением, тем более, что гибель нескольких князей в битве на Калке привела к очередной борьбе за освободившиеся княжеские столы.

Между тем, монголы продолжали готовиться к большому походу на Запад, «к последнему морю». В 1235 г. был созван курултай монгольской знати, причиной которого стала нехватка у улуса Джучи собственных сил для масштабного наступления на Европу. На курултае было решено организовать общемонгольский поход под руководством сына Джучи, внука Чингисхана – Бату-хана (Батыя в русских летописях) с участием войск других улусов. О значении, которое придавали монголы этому походу, свидетельствует тот факт, что первоначально поход планировал возглавить лично великий хан Угэдэй, но его отговорили от этого. Поход был начат в начале 1236 г. Первой жертвой нашествия стали башкирские племена, после покорения которых монголы сосредоточились в прикаспийских степях (7).

Затем войско Батыя обрушилось на Волжскую Булгарию, которое за считанные месяцы подверглось разгрому и страшному опустошению, а толпы уцелевших булгар нашли приют во Владимиро-Суздальских землях (8). К осени 1237 г. монгольские войска разгромили половцев и аланов, захватили земли буртасов, мокши и мордвы. Плацдарм для нашествия на русские земли был создан, а покорённые народы и племена были вынуждены поставить в монгольское войско бойцов, значительно увеличивших численность армии Батыя. К концу года его огромное войско уже стояло на рубежах Руси, сосредоточившись в районе реки Воронеж на юго-восточных границах Рязанского великого княжества. По свидетельствам монаха-доминиканца Юлиана, монголы двигались по трём направлениям: большая часть войска подступала к Рязани с юга и востока, другая часть нависла с Востока над суздальскими землями (9), видимо, с целью отвлечь силы великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и не допустить прихода его дружин на помощь рязанцам.

Из стана Батыя в Рязань было направлено якобы для переговоров весьма «непутёвое», по выражению летописца, посольство, в состав которого входили какая-то чародейка с двумя «мужами» (видимо, чиновниками) при ней (10). Требования послов были, собственно, такими же, которые они предъявляли другим народам, предлагая им добровольно покориться: «десятины во всём, во кнезех и в людех и в конех» (11). Но они оказались шокирующими для русских князей, не привыкших повиноваться кочевникам. «Послы», вероятно, должны были выполнять функции соглядатаев и, возможно, в их задачу входило спровоцировать рязанского князя на необдуманные резкие шаги. Рязанский князь Юрий, однако, не поддался на провокацию, не причинил зла послам и пропу-

стил посольство дальше, к великому князю владимирскому, будучи, видимо, наслышанным о том, как трепетно монголы относятся к вопросу безопасности своих посланцев. Сам же, понимая всю степень грозящей княжеству опасности, призвал на совет князей своей земли – муромского, коломенского, пронского и других. Князья решили дать краткий, исполненный гордости ответ: «коли нас не будет, то всё ваше будет» (12).

Также Юрий Ингваревич направил в соседние земли посольства с просьбой о помощи. В Чернигов отправился Ингвар Ингваревич, во Владимир, возможно, Роман Ингваревич. У рязанского владетеля были все основания рассчитывать на помощь соседей: черниговский князь Михаил Всеволодович являлся главой рода Ольговичей, к которому принадлежали и рязанские князья. Юрий Всеволодович Владимирский, восстановивший в своё время относительную самостоятельность рязанского княжества, фактически уничтоженную ранее его грозным отцом Всеволодом Великим, рассматривался в качестве верховного сюзерена рязанских князей. Однако помощи рязанцы не дождались. Черниговский князь отказал, сославшись на то, что рязанские князья не ходили на Калку, где сам Михаил сражался. Юрий же Всеволодович, хотя по словам летописца «не послуша князей рязанских молбы» и желая «сам особь створити брань» (13), помощь всё же послал, но она не поспела ко времени. Ещё не зная ничего о реакции соседей, но рассчитывая выиграть время, необходимое для прихода помощи, а, может быть, имея слабую надежду отвратить вторжение, Юрий Ингваревич направляет в стан Батыя посольство с богатыми дарами, во главе которого ставит своего сына Фёдора. Батый радушно встречает рязанских послов, даёт в их честь пир, принимает дары, обещает не воевать рязанские земли, но тут же организовывает новую провокацию, требуя себе жену княжича Фёдора, красавицу из рода византийских царей, Евпарксию.

Его расчёт оправдывается – гордый витязь с негодованием отвергает наглое требование, что становится поводом для жестокой расправы с посольством. Уцелел только один пестун княжича – боярин Апоница, которому, вероятно, монголы дали возможность бежать в Рязань, чтобы тот во всех подробностях поведал князю Юрию о страшной судьбе его сына. Батый всё предусмотрел – у рязанского князя возобладали эмоции, и он выводит муромо-рязанские полки в открытое поле для сражения с врагом. Как бы храбро ни сражались рязанцы (а свидетельством этого является гибель почти всего рязанского войска и князей, кроме Юрия, которому с остатками дружины удалось прорваться в Рязань, да его брата Олега Красного, попавшего тяжко израненным в плен), шансов выстоять у них против огромного войска Батыя не было. После этого монгольские отряды рассеялись по рязанской земле, беря и сжигая города, а основные силы 16 декабря осадили Рязань и после ожесточённого штурма 21 декабря взяли город, убив великого князя и его семью, умертвив тысячи горожан (14).

Затем основные силы Батыя, к которым присоединились его отряды, направленные ранее на разорение рязанских земель, направились к Коломне, крепости на северо-западе рязанской земли, чтобы оттуда двинуться на владения Юрия Всеволодовича. Под стенами города и произошла жестокая сеча, в которой полегла дружина великого владимирского князя, возглавляемая его

старшим сыном Всеволодом Юрьевичем и воеводой Еремеем Глебовичем вместе с остатками рязанских войск во главе с Романом Ингваревичем. О том, насколько тяжело далась захватчикам эта победа, говорит тот факт, что именно в этой битве был убит единственный погибший за всё время нашествия на русские земли чингизид – дядя Батыя Кулькан (15). Учитывая, что монгольские ханы никогда не ввязывались в битву лично, предпочитая руководить полками с какого-нибудь отдалённого холма, а хан такого ранга мог командовать только особо крупным соединением – туменом, русские полки, видимо, прорвали строй монгольской армии и разнесли в прах целый тумен. Всё же, несмотря на героизм русских воинов, большой численный перевес сделал своё дело – полки были прижаты к стенам крепости и разбиты, Коломна пала. Роман и Еремей Глебович погибли. Всеволоду с частью дружины удалось уйти во Владимир, другие остатки разгромленной русской рати добрались до Москвы, усилив её гарнизон, что помогло маленькому тогда городку на несколько дней задержать Батыево войско на пути к стольному городу Залесской Руси.

Где-то в первой половине января 1238 г., между битвой при Коломне и падением Москвы произошли события, описание которых отсутствует в летописях и имеется только в выдающемся нашем памятнике, появление которого плохо поддаётся точной датировке, – «Повести о разорении Рязани Батыем», да в ряде эпических произведений более позднего времени. Речь идёт о подвиге рязанского воеводы Евпатия Львовича Коловрата и его немногочисленной дружины, к которой присоединилось несколько сотен уцелевших земляков, собранных им по возвращении из Чернигова, куда боярин сопровождал князя Ингвара Ингваревича. Отряд Евпатия, не превышавший 2 тысяч человек, с яростью обрушился на наступавших в северном направлении захватчиков с юга, нанеся ему большой урон и вызвав восхищение Батыя своим героизмом. По словам неизвестного автора повести, в поединке с монгольским богатырём – тестем Батыя Хостоврулом – Евпатий убил его, а расправиться с окружённым и сильно поредевшим отрядом русских воинов монголы смогли лишь, применив против них камнемётные осадные орудия (16).

Следует заметить, что Н.М. Карамзин кратко пересказывает содержание повести, не подвергая сомнению историчность Евпатия. Д.И. Иловайский также полагает, что описываемые повестью события не выдуманы, только «трудно определить, насколько народная гордость участвовала в изобретении поэтических подробностей». Д.С. Лихачёв же предполагает, что рассказ о Евпатии Коловрате «целиком обязан своим происхождением народному эпосу», дополнившему рассказ рязанской летописи XIV в., который лег в основу Повести, которая, по его мнению, не могла быть написана ранее первой половины четырнадцатого столетия (17). 15 января кочевники взяли Москву, убив воеводу Филиппа Няньку и пленив сына великого князя – юного Владимира Юрьевича, а 2 февраля появились у стен Владимира. Началось разорение Залесской Руси, на что Батыю потребовалось чуть больше месяца.

Теперь постараемся дать краткие ответы на поставленные в начале статьи вопросы. Очень сложным представляется определить силы, участвовавшие во вторжении. Здесь мнения историков, как, впрочем, и данные исторических ис-

точников, расходятся кардинально. Русские летописи не дают точных сведений, отмечая только огромный размер монгольской армии, вторгнувшейся в земли Северо-Восточной Руси. Её многочисленность подтверждают армянские и европейские источники. Так, Плано Карпини, говоря об осаде Киева в 1240 г., указывает на 600 000 воинов, а венгерский хронист Симон пишет о полумиллионной армии, вторгнувшейся в Венгрию в 1241 г. Персидский историк Рашид ад-Дин упоминает приблизительно о 140 тысячах воинов-монголов, не включая, правда, в это число союзные монголам отряды покорённых народов, численность которых могла быть не меньшей (18).

Большинство русских дореволюционных и советских историков размер орд Батыя определяет примерно в полмиллиона человек с учётом отрядов покорённых приволжских народов, В.В. Каргалов – в 120–140 тысяч (19). Однако Л.Н. Гумилёв оценивает и его данные слишком завышенными, полагая, что с учётом продолжающихся боевых действий на южном направлении, а также ограниченных возможностей Степи прокормить большое количество людей и лошадей, численность монгольской армии вторжения не могла составить более 30-40 тысяч человек (20). Учитывая, что уже после разгрома монголами остатки войска половецкого хана Котяна, бежавшие в Венгрию, насчитывали 40 тысяч воинов, нам представляются слишком заниженными цифры, называемые этим ученым. Кроме того, надо учитывать, что в походе на Русь приняло участие 13 чингизидов, каждый из которых по статусу должен был иметь свой тумен. Своими туменами могли располагать и такие крупные полководцы, как Субэдей и Бурундай. Так что общая численность армии Батыя, на наш взгляд, составляла около 150 тысяч воинов. Правда, во вторжении зимой 1237/1238 г. в северо-восточные княжества Руси приняло участие 7 чингизидов – остальные были заняты на других направлениях (21), из чего можно было бы сделать вывод, что в Рязанщину и Залесскую Русь вторглась армия численностью никак не менее 70–90 тысяч человек. И такие силы могли поразить воображение русичей. Русские князья, приводит слова В.Н. Татищева А.Н. Кирпичников, неожиданно увидели «такое великое множество покрывавших всё поле татар, которых и око не могло обозреть» (22).

Что могло противопоставить такому войску далеко не самое сильное из русских Рязанское княжество, если при общей приблизительной численности населения русских земель в 12 миллионов человек, весь военный потенциал русских княжеств вряд ли смог бы превысить 100 тысяч дружинников и ополченцев (23). Максимум – несколько тысяч. Стоит заметить, что Рязань сильно пострадала от разорительного «принуждения к покорности», которое устроил ей в конце своего правления Всеволод Большое Гнездо и не могла за четверть века после этого восстановить прежний военный потенциал. У каждого из князей Муромо-Рязанской земли было по нескольку сотен дружинников, к которым могло присоединиться несколько тысяч городовых полков.

Даже в имевшей решающее значение битве при Коломне соединённые суздальско-рязанские рати вряд ли насчитывали более 20 тысяч воинов. Необходимо помнить, что в условиях стремительно развивавшихся зимой 1237/1238 гг. событий Юрий Всеволодович просто не успевал вызвать и со-

брать в единый кулак все силы своей земли, тем более, что значительная часть его сил ранее была направлена на помощь новгородцам и, вполне вероятно, участвовала в военных предприятиях его брата Ярослава в южнорусских землях. Батый очень верно рассчитал время вторжения: зимой русские не ждали нашествия, зная по опыту борьбы с половцами, что большие походы кочевники затевают, как правило, поздней весной или летом, откормив коней на сочных травах.

Нельзя сказать, что русских князей появление грозной опасности на границах было полной неожиданностью. Несомненно, беженцы и торговцы приносили страшные вести о разорении соседних земель, огромной силе и жестокостях захватчиков. И всё же нашествие орд Батыя застало их врасплох. Наверняка знал Батый и о той борьбе, которую братья Всеволодовичи затеяли с Ольговичами за Киев в 1235–1236 гг. Суздальским князьям, казалось, осталось сделать полшага, чтобы объединить русские земли под властью потомков Юрия Долгорукого. Киев, Новгород уже были в их руках. Даниил Галицкий в союзниках, Рязань уже почти двадцать лет не проявляет строптивости. Присмирели смоленские князья, уже остро нуждавшиеся в поддержке сильных суздальских полков, чтобы дать отпор поднимавшему голову молодому Литовскому княжеству. Ольговичи побиты и загнаны в пределы Чернигово-Северской земли. И тут всё начинает рушиться! Не успели, немного не успели. А Батый и не мог допустить, чтобы успели. Кто знает, может быть, и удалось бы остановить вторжение, если представить, что удалось бы объединить силы хотя бы большинства русских земель. Хотя представить всё же это трудно – слишком зыбким было тогда формирующееся здание державы Всеволодовичей.

Что касается боевых характеристик монгольской армии и русских дружин, то представляется, что качество вооружения и выучка русских дружинников и монгольских воинов в принципе сопоставимы. Другое дело, что дружинам русских князей даже при соединении сил было трудно действовать согласованно, что отлично показала битва на Калке. А боевые качества ополченцев оставляли желать лучшего, несмотря на весь героизм, который они показывали при защите своих городов и в полевых сражениях с монголами. Несомненно, монгольская армия была великолепно для того времени вооружена, дисциплинированна, обучена и обладала высокой манёвренностью, обладала камнемётными, огнемётными и таранными орудиями, против которых оказывались бессильными даже каменные крепости, не говоря уже о деревянных, коими были защищены русские города. Представляет огромный интерес и тактические хитрости монгольских полководцев, их великолепно организованные разведка и геополитическое мышление, совершенно чуждое властителям политически раздробленной Европы (24).

Что касается вопроса о том, отказались ли русские князья прийти Рязани на помощь, то однозначно положительно, как это в основном было принято в досоветской и советской историографии, мы бы отвечать не рискнули. С черниговским князем всё более-менее понятно: Михаил Всеволодович никогда не отличался дальновидностью и постоянством в политических вопросах. Видимо, взыграла в нём и обида на рязанских властителей, давно уже вращавшихся в

орбите влияния Владимиро-Суздальских князей и к тому же не проявивших никакого желания принять участия в так запомнившейся Михаилу битве на Калке. Отказал. Отправил, правда, небольшую дружину на усиление пограничного Козельска, чем и ограничился.

Сложнее с Юрием Всеволодовичем. Да, нам следует считаться с вышеупомянутыми словами летописца, обвинявшими великого князя в недальновидности, нежелании помочь соседям, в желании защищать только свою землю. Отсюда и негативная оценка роли князя в этих событиях у Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, Е.А. Разина, Ю.А. Лимонова (25). Однако является ли оценка летописца объективной? Мог ли великий князь собрать быстро достаточные силы? Были ли они у него под рукой? Да и как быть со свидетельством летописца, что Юрий Всеволодович послал под Коломну сына своего Всеволода «с своими вои» (26)? Только много ли их у него было на тот момент в наличии? И мог ли великий князь не думать об опасности с восточного направления, о котором пишет Рашид ад-Дин? Но и войско под командованием Всеволода Юрьевича оказалось не таким уж и маленьким, сумело оказать столь ожесточённое сопротивление под Коломной. А если бы Юрий Ингваревич смог проявить хладнокровие и дождаться помощи северных соседей вместо того, чтобы идти с небольшими силами биться с огромным войском Батыя к Воронежу?

Обвинять великого князя в нежелании помочь рязанским князьям, пребывавшим от него в определенной зависимости, было бы в высшей степени несправедливо. Кроме того, во всех трагических событиях декабря 1237 г. впервые за почти целое столетие в тесном союзе с рязанским князем действуют давно обособившиеся от Рязани и перешедшие под опеку владимирских князей муромские князья. Они что, действовали наперекор своему сюзерену? Мыслимо ли такое представить? И совсем уж конспирологической представляется версия писателя С.А. Пивоварова, согласно которой Юрий Всеволодович вступил в сговор с монголами, рассчитывая их руками разгромить рязанских князей и снова, как это было в далёком 1209 г., посадить на рязанский стол брата Ярослава (27). Зачем, спрашивается, на тот момент уже великому князю киевскому Ярославу Всеволодовичу, контролировавшему через сына Александра ещё и Новгород Великий, рязанский стол? (впрочем, согласно Пивоварову, Ярослав сговорился с Батыем, чтобы с его помощью сесть князем во Владимире).

В нашу задачу не входит полностью оправдать все действия Юрия Всеволодовича в этот страшный период. Конечно, он не являлся крупным полководцем, не проявил дальновидности, может быть, оказался в состоянии некоторой растерянности перед валом событий, обрушившихся на голову этого рачительного и миролюбивого государя. Но реабилитации в глазах потомков правитель, много потрудившийся в своё время для установления тишины и порядка в Северо-Восточной Руси, заботившийся о процветании своего княжества, расширивший на восток пределы Владимиро-Суздальской земли, основавший Нижний Новгород, сложивший голову за русскую землю, достоин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. М., 1962–1965; Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси / Пер. Д.С. Лихачёва. Л., 1985. С. 96-115; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М., 2000; Известия венгерских миссионеров XIII–XIY вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.-Л., 1940. Т. III.
2. Татищев В.Н. История Российская. Собрание сочинений: в 8 томах. М., 1994–1996; Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 кн. Калуга, 1993.
3. Карамзин Н.М. Указ. соч. Калуга, 1993. Кн. 1. С. 396-401, 410-419.
4. Соловьёв С.М. Сочинения: в 18 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 160-170; Березин И.Н. О нашествии Батыя на Россию. Казань, 1853; Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб, 1846; Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858 (на страницах 125-135 изложен подробный и красочный обзор гибели Рязанского княжества в конце 1237 г.).
5. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М., 2016; Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Елисеев М.Б. Нашествие на Северо-Восточную Русь. М.,2017; Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII в. М., 1966; его же. Русь и кочевники. М., 2008; Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1966; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XV вв. СПб, 2015; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987; Толочко П.П. Монголо-татары и Русь // Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб, 2003. С. 130-157;
6. Филиппов В.В. Защитник Владимирской Руси. Князь Ярослав Всеволодович. М., 2016; Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005; Хрусталёв Д.Г. Русь и монгольское нашествии е (20-50 гг. XIII в. СПб, 2015; Альтернатива Москве – великие княжества Руси. М., 2018.
7. Пивоваров С.А. Русь от каганата до Орды. М., 2019; Шамбаров В.Е. История княжеской Руси. От Киева до Москвы. М., 2016.
8. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 68; Жарко С.Б., Мартынюк А.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. Минск, 2003. С. 33.
9. Жарко С.Б., Мартнынюк А.В. Указ. соч. С. 45; Каргалов В.В. Внешнеполитические... С. 72-73.
10. Известия венгерских миссионеров… С. 87.
11. Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 396; Филиппов В.В. Указ. соч. С. 259.
12. Цит. по: Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 113.
13. Там же.
14. Там же.
15. См., напр., труды Н.М. Карамзина, Д.И. Иловайского, С.М. Соловьёва, В.В. Каргалова, М.Б. Елисеева, В.В. Филиппова.
16. Каргалов В.В. Русь и кочевники. С. 111.
17. Повесть о разорении Рязани Батыем. С. 96-115.
18. Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 397-398; Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 132-133; Лихачёв Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987. С. 78.
19. Каргалов В.В. Внешнеполитические… С. 75, 80.
20. Там же. С. 74; Соловьёв С.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 160.
21. Гумилёв Л.Н. Указ. соч. С. 517-518.
22. Елисеев М.Б. Указ. соч. С. 40-44; Толочко П.П. Указ. соч. С. 137-138.
23. Кирпичников А.Н. Военное дело… С. 3-4.
24. Каргалов В.В. Внешнеполитические… С. 79; Толочко П.П. Указ. соч. С. 136-137.
25. См. об этом: Горелик М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002; Иванин М.И. Указ. соч., Кирпичников А.Н. Военное дело…; его же. Древнерусское оружие. Л., 1966-1971; его же. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. Л., 1973; Разин Е.А. История военного искусства. СПб., 1994.
26. Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 397. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 2. С. 160; Разин Е.А. Указ. соч. С. 220; Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 113.
27. ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 515.
28. Пивоваров С.А. Указ. соч. С. 246-293.

Л.В. ПАШКОВА

ОЦЕНКА В ИСТОРИОГРАФИИ МОСКОВСКО-НОВГОРОДСКО-ТВЕРСКОГО ДОГОВОРА 1375 г.

Московско-новгородско-тверской договор был заключен после похода Москвы и ее союзников на Тверь в 1375 году. После осады Твери ее князь Михаил Александрович заключил договор с Дмитрием Московским; третьей стороной соглашения стал Новгород, войска которого также участвовали в воен-

ных действиях. Главные условия докончания были следующие: подчинение Михаила Александровича Дмитрию Ивановичу как «старшему брату», обязательство Твери участвовать в военных акциях Москвы, в том числе – против Орды и Литвы, отказ тверского правителя от притязаний на великое княжение Владимирское и Великий Новгород, а также независимость Кашинского удела, который входил в состав Тверского княжества, но, в действительности, был союзником Москвы (1). В историографии существуют разные оценки этого докончания: «…от очень выгодного для победительницы Москвы до весьма приемлемого для побежденной Твери» (2).

М.М. Щербатов в 1781 г. первый начал изучать эту грамоту. Историк использовал старую выписку с лакунами и ошибками в словах, а при характеристике тверской войны опирался на поздние летописи. Поэтому он неверно датировал договор 1368 г., а его условия считал выгодными для Москвы и приемлемыми для Твери на том основании, что «не обретаем после, чтобы князь Михаил воевал противу великого князя» (3). Н.М. Карамзин в 1809 г. пользовался публикацией грамоты в «Древней российской вивлиофике», в которой указана правильная дата – 1375 год. Историк считал условия докончания умеренными для Твери, исходя из того факта, что Дмитрий Московский «не захотел… свергнуть Михаила с наследственного престола» (4).

С.М. Соловьев в докторской диссертации (1846 г.) назвал условия договора «довольно тягостными», так как они, по его словам, были продиктованы Москвой, а Михаил Тверской был вынужден их принять. Но в «Истории России с древнейших времен» ученый поставил вопрос о последствиях докончания. Так, он обратил внимание, что «тверской князь не думал разрывать союза с Литвой…» (5). Исследователь древнерусского права М.Ф. Владимирский-Буданов в 1873 г. переиздал рассматриваемый договор в «Хрестоматии по истории русского права» и прокомментировал его некоторые статьи (6). По мнению современного исследователя В.А. Кучкина, он неверно назвал докончание источником международного права и типичным соглашением членов политического союза Северной Руси (7). Историк Тверского княжества В.С. Борзаковский в 1876 г. повторил оценку договора С.М. Соловьева и развил его мысль о сохранении Михаилом Александровичем союза с Литвой: «Михаил не хотел прерывать связи с Литвой, а напротив, укрепить ее еще более» (8).

Д.И. Иловайский в 1884 г. охарактеризовал условия договора как умеренные: «…Михаил сумел отстоять целость и самостоятельность своего княжения; вскоре он снова воротил под свою руку и Кашинский удел» (9). А.В. Экземплярский в 1889 г. первый научно объяснил время составления договора – 1375 г. и оценил его как тяжелый для Твери (10). А.Е. Пресняков в 1915 г. указал, что условия докончания означали полное поражение Твери, которая оказалась оторванной от союза с Литвой и втянутой в дела Северо-Восточной Руси (11). Характерно, что дореволюционные историки почти не изучали новгородскую часть докончания: одни считали, что Новгород заключил отдельный договор с Тверью, а другие датировали этот раздел более ранним временем.

Советские исследователи подчеркивали, что рассматриваемое докончание утвердило власть Москвы не только над Тверью и Владимирским княжеством,

но и Новгородом. В.В. Мавродин в 1939 г. указал, что по условиям договора «Тверское княжество не было ликвидировано, но признало себя вассалом Москвы» (12). Л.В. Черепнин в 1948 г. отметил, что значение договора заключалось в том, что он закрепил руководство московского князя общерусской политикой. Для доказательства этой мысли ученый сослался на статью грамоты «А князи велиции крестьяньстии и ярославьстии с нами один человек» (13), считая, что «великие христианские князья» – это все русские князья, которые участвовали в войне с Тверью под главенством Дмитрия Московского. Ученый придавал принципиальное значение тому, что тверской правитель отказался от притязаний не только на Владимирское княжество, но и на Новгород (14). То же утверждал в 1960 г. И.У. Будовниц (15). Но немецкий историк Э. Клюг в 1983 г. отметил, что Михаил Тверской, женив своего сына на литовской княжне, тем самым почти сразу нарушил договор, который, по мнению ученого, на самом деле, не отменил тверскую независимость (16).

Современный историк А.В. Чернышев в 1996 г. дал двойственную оценку договора: назвав его условия тяжелыми для Твери, он заметил, что Михаил Тверской не стал выполнять своих обязательств в отношении Москвы (17). Заслугой В.А. Кучкина является то, что он в 2003 г. подчеркнул важное политическое значение отказа Михаила Тверского от притязаний не только на Владимирское княжество, но и на Новгород; по его словам, этот пункт был самым важным итогом московско-тверской войны (18). Н.В. Штыков в 2004 г. отметил неоднозначный характер докончания. По его наблюдению, с одной стороны, «Тверь признала свое поражение», а с другой, – «несмотря на территориальные потери, позиции Михаила Александровича внутри Тверской земли упрочились», что доказывает, по мнению историка, упоминание в грамоте не только детей князя, но и его племянников, подтверждающее относительное единство тверского княжеского дома (19).

Разные оценки в историографии договора объясняются тем, что, несмотря на его тяжелые условия для Тверского княжества, оно сохранило свою территориальную целостность и политическое значение. На наш взгляд, применительно к 1375 г. рано говорить о поражении Твери и окончательном доминировании Москвы, хотя она письменно закрепила свою власть не только над Владимирским княжеством, но и над Великим Новгородом. Но Тверь сохранила свою политическую роль и в XV в., а значение рассматриваемого докончания состоит в том, что тверской правитель перестал быть противником Москвы в борьбе за великокняжеский статус.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. (ДДГ) / Подг. Л.В. Черепнин. М., Л., 1950. № 9. С. 26.
2. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 193.
3. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. 3. Ч. 1. С. 84.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 28.
5. Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома // Его же. Сочинения. Кн. 19. М., 1996. С. 149; его же. История России с древнейших времен // Его же. Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 268.
6. Хрестоматия по истории русского права / Сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. 3-е изд. Киев, СПб., 1887. Вып. 2. С. 10, прим 1.

7. Кучкин В.А. Указ. соч. С. 181-182.
8. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 166.
9. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 2003. С. 105.
10. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 108, прим. 261.
11. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1998. С. 209.
12. Мавродин В.В. Образование Русского национального государства. 2-е изд. Л., 1941. С. 82.
13. ДДГ. № 9. С. 26.
14. Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., Л., 1948. Ч. I. С. 52.
15. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 398.
16. Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 214, 217.
17. Чернышев А.В. Очерки по истории Тверского княжества XIII–XV вв. Тверь, 1996. С. 164.
18. Кучкин В.А. Указ. соч. С. 197.
19. Штыков Н.В. Социально-политическое развитие Тверской земли в XIV – первой четверти XV в.: Автореф... дис... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 13-14.

А.А. ИСАКОВ

АЛЕКСЕЙ ПИЛЬЕМОВ – УЧАСТНИК БОРЬБЫ ИОСИФЛЯН И НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ

Борьба иосифлян и нестяжателей нередко воспринимается как личное противостояние Иосифа Санина и Вассиана Патрикеева, однако на практике в этой борьбе приняли участие немало не только исторических деятелей разного масштаба, но и целых монашеских корпораций. В статье мы коснемся судьбы лишь одного из участников событий полутысячелетней давности – Алексея Пильемова. Он принадлежал к одному из ответвлений костромского рода Сабуровых, которое рано потеряло связь с родовым гнездом, лишившись владений в Костромском уезде (1). Судя по дальнейшим событиям, постриг Алексей принял в Троице-Сергиевом монастыре, где и провел большую часть жизни.

Впервые Алексей Пильемов заявил о себе в ходе конфликта Иосифа Санина и Серапиона Новгородского. Повод к нему дал сам волоцкий игумен, вступивший в борьбу с волоцким князем Федором Борисовичем. Причинами послужили два обстоятельства. Во-первых, Санин лишил Федора наследства, обеспечив передачу удела его брата, рузского князя, Ивану III. Второй причиной стало то, что Федор оказался в трудном финансовом положении и старался поправить его, в том числе и за счет монастырей удела, среди которых богатейшим был Успенский, будущий Иосифо-Волоколамский. В каком-то плане его политика была аналогична конфискационным стремлениям Ивана III, пытавшегося подчинить монашеские корпорации и ограничить их домены. От «удельного насильства» Иосиф вместе с монастырем в 1507 г. перешел под патронат великого князя, нарушив наследственные права Федора как сына ктитора Успенского монастыря.

Волоцкий князь тогда использовал конкуренцию монастырей удела в борьбе с Иосифом и опирался на Возмицкий монастырь во главе с Алексеем Пильемовым. Потерпев неудачу на этом этапе, Федор и Алексей обратились к Серапиону Новгородскому, который был заинтересован в ликвидации альтернативного центра силы в своей епархии, каковым являлся монастырь Иосифа. Иосиф был отлучен Серапионом от священства за то, что совершил переход от Федора Волоцкого к Василию III без архиепископского благословения. Санин обратился за помощью к великому князю и митрополиту. В мае 1509 г. Серапи-

он был арестован, соборно осужден, смещен с поста и заточен в Андрониковом монастыре (2). Смещение Серапиона отвечало интересам великокняжеской власти, так как обезглавливало партию сторонников церковного землевладения в том виде, как она сложилась на соборе 1503 г. Иосиф Санин неожиданно сыграл против своего вчерашнего союзника по борьбе за сохранение монастырских вотчин. При этом Василий III, как и его отец, не спешил (до 1526 г.) замещать образовавшуюся вакансию. Поражение Серапиона было закреплено назначением андрониковского архимандрита Симеона епископом суздальским, а Нила Грека – тверским (3). Оба участвовали в преследовании Серапиона (4).

Какой представляется роль Алексея Пильемова в развернувшихся событиях? Архимандритом Возмицкого (в честь Рождества Богородицы) монастыря он стал при князе Федоре Борисовиче. По свидетельству Иосифа, Возмицкий монастырь был «ограблен» новым удельным князем сразу после смерти отца – Бориса Васиильевича (5). Подробности «ограбления» весьма зловещи: по приказу Феодора Борисовича были сожжены монастырский старец Феофан с сыном Михаилом, подозревавшиеся князем в укрытии имущества. Однако к новому архимандриту отношение было уже другим, поскольку репрессии середины 90-х годов, видимо, сломили самостоятельность монастырского собора. В 1506 г. князь пожаловал монастырю свою вотчину – село Данилково и пустошь Артемовскую в Ламском стане (6), а также землю на реке Городне и два двора на реке Бесновке (7). И это не удивляет, поскольку Алексей Пильемов в это время оказался не только настоятелем его домашней обители, но и самым титулованным придворным, родственником, пусть и дальним, супруги великого князя Василия Ивановича.

Поэтому заявление Иосифа о том, что Пильемов «завистию уязвился, что к нам Пречистыя посылает милостыню боле, а иным не по толику», вряд ли раскрывает истинные причины противостояния двух обителей Богородицы – Рождественской и Успенской. Наиболее яркой стороной этого противостояния стало переманивание монахов из Успенского монастыря в Рождественский. Согласно посланию Иосифа Санина Б.В. Кутузову, десять его монахов на тот момент уже согласились на переход, причем троим даже удалось бежать, а одного поймали «на дороге». На момент написания послания митрополиту Симону число беглецов возросло до пятнадцати, причем Иосиф специально указывает: инициатором и организатором этой акции является сам удельный князь, а не возмицкий архимандрит (8).

Однако вывод конфликта на следующий этап развития, без сомнения, является заслугой Алексея. Иосиф пишет, что Пильемов обратился с жалобой на него не к Серапиону, а к боярину Кривоборскому, наместнику великого князя в Новгороде. Таким образом, великокняжеская власть была вполне в курсе происходящего, а Серапион изначально не был той фигурой, на влияние которой безоговорочно рассчитывали. Алексей, возможно, ожидал помощи от своих родственников (дяди – Семена Ивановича Вислоуха и его многочисленных сыновей), испомещенных в новгородской земле еще при Иване III. Новгородский владыка решил выждать и заготовил две грамоты на имя Алексея – одну благословенную, а другую – нет. Судя по тому, что об этой подробности мы узнаем

от Иосифа Санина, маневр не удался, и новгородский владыка предстал в самом невыгодном свете – в том числе и перед великим князем. Соответственно, когда после этого уже Иосиф обратился за защитой к митрополиту Симону и великому князю, Алексей вместе с Серапионом был в 1509 г. привлечен к соборному суду, признал обвинение, был отлучен от священства и извергнут из сана (9). Роль Алексея в этих событиях довольно неприглядна, но то обстоятельство, что он оказался «сострадальцем» архиепископа Серапиона, спасло его репутацию и будущую карьеру.

Далеко не безупречное с юридической стороны низложение новгородского владыки вызвало бурную общественную реакцию. Во-первых, решение собора 1509 г. опротестовывал сам Серапион. В составе его жития (а также и особо) до нашего времени дошло его послание митрополиту Симону, в котором осужденный обосновывал свою позицию в конфликте. Во-вторых, как сообщает Иосиф Санин в послании И.И. Третьякову, некоторые бояре и дети боярские распускали слухи не в пользу волоколамского игумена и его сторонников, поддерживали Серапиона. В-третьих, даже былые союзники Санина не были уверены в его правоте (Б.В. Кутузов), а некоторые (И.И. Третьяков) требовали его капитуляции. Наконец, появилось анонимное сочинение – «Ответ на послание Иосифа Волоцкого И.И. Третьякову», в котором прозвучало резкое обвинение Иосифа в наватианской ереси (10), впоследствии прочно вошедшее в полемический арсенал Вассиана Патрикеева (суть этой ереси – в отказе отпущения грехов даже единожды согрешившим).

Несмотря на разгоревшиеся в столице споры, сам волоцкий инцидент был исчерпан в ноябре 1509 г. Федор Борисович выдал Иосифо-Волоколамскому монастырю жалованную оброчную и несудимую грамоту на сельцо в Хованском стане Волоцкого уезда (11). Конфликт же Иосифа и его оппонентов приобрел самостоятельное значение, вылившись в «дело о ереси белозерских скитников» (когда старцы Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисий Звенигородский и Нил Полев обвинили неких жителей заволжских скитов в довольно неопределенных конфессиональных девиациях), в результате которого в 1511 г. Василий III принял сторону Серапиона в конфликте его с Саниным. 26 апреля он заставил смертельно больного митрополита Симона, покровителя Иосифа, благословить бывшего новгородского владыку, взять у него прощение и отпустить в Троице-Сергиев монастырь (12). На этой волне ко двору Василия III вернулся новый лидер нестяжателей – Вассиан Патрикеев, первые антиосифлянские произведения которого как раз и ставили проблему наказания еретиков. Герой нашего исследования не принимал участия в этой фазе политической борьбы, но судьба Серапиона в этот момент определила и его собственную: теперь мы находим Алексея Пильемова соборным старцем и, периодически, келарем Троице-Сергиева монастыря.

Деятельность Алексея в Троице-Сергиевом монастыре нашла отражение в актовом материале: 1 августа 1513 г. как келарь он присутствовал при составлении духовной грамоты вдовы Ф.И. Стриги-Оболенского, в 1515/16 г. соборным старцем был при разъезде земель монастыря в Никольском стане Переяславского уезда, в 1517/18 г. (здесь и далее – снова келарем) оформлял покупку у

В.П. Плещеева села Нахабинского в Гореловском стане Московского уезда, присутствовал при очередном разъезде земель в Никольском стане Переяславского уезда, отправлял представителей монастыря на разъезд земель у Соли Галицкой, в 1518/19 г. оформлял покупку деревни в Дмитровском уезде, присутствовал при разъезде с землями московского Архангельского собора у села Нахабинского, 25 февраля 1519 г. был при разъезде в Бежецком Верхе и затем утверждал решение разъезда у великого князя, в ноябре 1519 г. был при разъезде в Переяславском уезде, в 1519/20 г. оформлял передачу на оброк соляной варницы в Соли Переяславской, не позднее 9 января 1520 г. бил челом князю Юрию Ивановичу Дмитровскому о крестьянах монастырских сел Кашинского уезда, не ранее 7 марта 1522 г. заключил меновую сделку с Г.Ф. Давыдовым, 27 ноября 1522 г. (в качестве соборного старца, передавшего обязанности келаря своему помощнику Нифонту) был при разъезде в Верхнедубенском стане Переяславского уезда, в 1523/24 г. (в келарство Иева Курцева) он присутствовал при очередном разъезде тех же земель (13).

Интересно, что Алексей оставляет пост келаря в игуменство Порфирия, которого источники характеризуют так: «муж обычаев простых и в пустынех воспитан». Сложно сказать, был ли Порфирий сторонником нестяжателей, но в один из приездов Василия III он стал ходатайствовать за новгород-северского князя (известного по прозвищу Шемячич), вероломно арестованного в 1523 г. вопреки охранной грамоте митрополита Даниила (считавшегося учеником Иосифа). В результате в сентябре 1524 г. Порфирий покинул игуменство, удалившись в скит на Белоозеро. Оттуда он был взят и посажен в темницу, но позже все-таки выпущен (14). Дальнейшей карьере Алексея не помешал даже развод Василия III с Соломонией Сабуровой. У нас нет оснований считать, что Алексей как один из лидеров Троицкой корпорации пытался помешать этому, но основания находиться среди тех, кто осуждал этот поступок великого князя, у него были. Впрочем, развод не помешал и карьере его наиболее вероятного родственника – брата, Андрея Федоровича Сабурова, в 1530 году бывшего русским послом в Казани (15).

Как мы уже отмечали выше, судьба прочно связала Алексея с фигурой Серапиона Новгородского. И хотя Серапион умер еще в 1516 г. (на полгода пережив Иосифа Санина), следующий новгородский владыка (и будущий московский митрополит) Макарий, видимо, хорошо знал Алексея и считал нужным использовать его в высших эшелонах власти. Алексей, еще в 1513 г. находившийся в числе соборных старцев Троице-Сергиева монастыря, в 1541 г. стал его игуменом. Никоновская летопись сохранила известие о том, что в 1542 г. он вместе с князем Дмитрием Палецким предотвратил расправу над сведенным с митрополичьего престола святителем Иоасафом, бежавшим в родной для него Троице-Сергиев монастырь. А уже в феврале 1543 г. Макарий поставил его архиепископом Ростовским и Ярославским. Алексей, таким образом, возглавил именно ту епархию, к которой принадлежали монастыри-оплоты заволжских старцев, в первую очередь, Кирилло-Белозерский.

Актовый материал, отражающий пребывание Алексея на ростовской кафедре, обобщен архимандритом Макарием (Веретенниковым) и включает в се-

бя записи, подтверждающие полномочия приходских священников и результаты разъездов церковных земель. На протяжении своего архипастырства Алексей поддерживал тесные связи с Троице-Сергиевым монастырем, делая денежные и имущественные вклады. В 1542/43 г. по его благословению дьяк Некрас Тельников переписал Пандекты Никона Черногорца – значимый источник в области канонического права. Судя по всему, пребывание Алексея в Ростове закончилось в связи с приездом его в 1547 г. в Москву на собор, занимавшийся канонизацией новых святых. В декабре 1547 г. он среди прочих иерархов ручался за князя И. Пронского. Возможно, и поэтому в 1548 г. он уехал не обратно в Ростов, а отправился в Троице-Сергиев монастырь, где источники последний раз застают его в 1551 г. как одного из рецензентов материалов Стоглавого собора наряду с бывшим митрополитом Иоасафом (16), что свидетельствует о сохранявшемся авторитете.

Еще одной причиной назначения Алексея на Ростовскую кафедру могло послужить то, что здесь находились родовые земли его наиболее вероятного отца – Федора Ивановича Пильема, приобретенные в 1474–1484 гг. (17). В Ростове могли проживать его племянники от брата Андрея – Яков, Юрий и Григорий. Сами братья – Андрей и Семен – вряд ли дожили до этого момента. Архимандрит Макарий (Веретенников) в своей работе однако не отождествляет архиепископа Алексия Ростовского и Алексея Пильемова, известного нам по посланиям Иосифа Санина и актам Троице-Сергиева монастыря. Однако мы не видим оснований для такой осторожности, поскольку Алексей Пильемов много лет являлся соборным старцем Троицкой обители, и ничего удивительного в избрании его игуменом нет. Наоборот, в лице Алексея иноки монастыря видели, прежде всего, авторитетного специалиста в области канонического права, имевшего большой опыт выстраивания взаимоотношений со светской властью и освященного авторитетом Серапиона Новгородского. Связи обоих Алексеев с Ростовом также очевидны.

При этом мы далеки от мысли, что Алексея можно назвать иосифлянином или нестяжателем. Однако некоторые выводы о его ориентации в политической борьбе сделать можно. То обстоятельство, что Алексей Пильемов известен, говоря современным языком, как специалист по земельным спорам и сделкам с недвижимостью, не говорит еще ни о чем. Нил Сорский в 1470-е годы занимался тем же в качестве соборного старца Кирилло-Белозерского монастыря. Вполне вероятно, что этот опыт и подтолкнул его к формулировке нестяжательской доктрины. Алексею Пильемову волею судеб пришлось посвятить подобной практике большую часть жизни, но это не означает, что перед нами – убежденный сторонник монастырского вотчинновладения.

В Возмицкий монастырь он пришел после его «ограбления» удельным князем, и, судя по отношению к нему Федора Борисовича, на конфликты из-за монастырских земель не шел. В противостоянии с Иосифом Саниным он первоначально искал поддержки у светской власти – удельного князя, а затем новгородского наместника великого князя. На стороне Серапиона, бывшего наряду с Иосифом одним из лидеров собора 1503 г. в вопросе о защите церковных вотчин, он оказался в процессе развития событий, вызванных жалобой Санина ве-

ликому князю и митрополиту Симону. В 1509 г. он пострадал из-за этого, но два года спустя оказался в положении победителя и еще через два года начал новый виток своей карьеры – уже в Троице-Сергиевом монастыре. В итоге, он объективно способствовал торжеству Вассиана Патрикеева над Иосифом Саниным в первой половине второго десятилетия XVI в. «У Троицы» он был настолько необходим и осторожен, что сумел не отметиться ни в одном из конфликтов 20-х годов, приведших к разгрому нестяжателей. Тем самым он объективно не сделал ничего, что могло бы ухудшить положение этой церковной партии. Наконец, после недолгого игуменства он стал ростовским архиепископом, возглавив именно ту епархию, в юрисдикции которой находились обители заволжских старцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 193.
2. Послания Иосифа Волоцкого / Подготовка текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М., Л., 1959. С. 210-216, 220-223; ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 215-216; Моисеева Г.Н. Житие архиепископа Серапиона // Труды отдела древнерусской литературы. М., Л., 1965. Т. 21. С. 160.
3. ПСРЛ. Т. 24. С. 216.
4. Моисеева Г.Н. Указ. соч. С. 160; Послания Иосифа Волоцкого. С. 223.
5. Послания Иосифа Волоцкого. С. 212.
6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Сост. Л.В. Черепнин. М.- Л., 1950. № 98.
7. Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 40.
8. Послания Иосифа Волоцкого. С. 185, 215-216.
9. Там же. С. 194, 207, 220-221, 223.
10. Там же. С. 160-163, 187, 207-209, 336-366.
11. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. к печати А.А. Зимин. Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1956. Ч. 2. № 45.
12. ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. СПб., 1904. С. 14.
13. Акты русского государства: акты Троице-Сергиева монастыря. 1505–1526. М., 1975. № 108, 126, 152, 153, 157, 158, 167, 172, 174, 178, 181, 183, 184, 210, 226.
14. ПСРЛ. Т. 24. С. 222.
15. То же. Т. 13. С. 46.
16. Макарий (Веретенников П.И.). Архиепископ Ростовский Алексий (1543–1548) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы IV Международной конференции, 29 сентября – 1 октября 2004 г. / Отв. ред. Т.Н. Манушина. М., 2007. С. 9-13.
17. Зимин А.А. Указ. соч. С. 192-193.

Е.В. ПРОШУНИНА

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КРЕПОСТИ НА ЭТАПЕ СТРОИТЕЛЬСТВА: КОНФЛИКТ МЕЖДУ ВОЕВОДОЙ ЕЛЬЦА А.Д. ЗВЕНИГОРОДСКИМ И ГОРОДСКИМ ГОЛОВОЙ И.Н. МЯСНЫМ В 1593 г.

Решение о строительстве новой крепости на месте старого Елецкого городища было принято в 1591 г. Всего за два года (1592–1593) был построен новый «город» на южной окраине Российского государства.

Изучение социальной структуры городов-крепостей на южной границе России в конце XVI в. приобрело особый смысл в связи с расширением исторической проблематики в наши дни. В современной региональной исторической литературе специальному исследованию строительства крепостей на юге Российского государства посвящены работы В.Н. Глазьева, Д.А. Ляпина, А.И. Папкова и др. (1). Однако отдельную актуальность имеют работы, связан-

ные с изучением специфики местного управления в построенных крепостях. В этой связи в центре нашего внимания будет изучение взаимоотношений между воеводой Ельца А.Д. Звенигородским и городским головой И.Н. Мясным в 1593 г. Используемые нами материалы отражают повседневную сторону жизни крепости на окраине государства, тему, весьма актуальную последнее время (2).

Основными источниками для написания работы послужили документы, в которых отражено строительство Елецкой крепости в конце XVI в. Они хранятся в Ф. 141 РГАДА среди материалов Приказных дел старых лет Посольского приказа за 1592–1593 гг. Это челобитные, отписки царю, наказы, указные грамоты и др. В процессе работы нами использовалась публикация этих материалов, которая была осуществлена в 2001 г. (3). Для того чтобы понять особенности отношений воеводы А.Д. Звенигородского и головы И.Н. Мясного, необходимо изучить пять документов, связанных с их работой, а именно: отписки в Москву с докладами и жалобами друг на друга.

«Тяжба» А.Д. Звенигородского и И.Н. Мясного, выраженная в виде взаимных претензий и недовольств, имела местнический подтекст, впрочем, такие конфликты были нередким явлением в России того времени и носили даже характер «ежедневной борьбы за свое положение» (4). Согласно наказам, присылаемым из Москвы, князь А.Д. Звенигородский должен был жить в городе, а И.Н. Мясной – в остроге. В подчинении первого находились иногородние дети боярские и казаки, две елецкие сотни стрельцов, пушкари, затинщики, воротники. И.Н. Мясной ведал елецкими казаками, включая беломестных (донских, освобожденных от уплаты податей), и частью стрельцов. В ноябре 1592 г. на Елец пришла грамота из Посольского приказа с предписанием елецких стрелецких сотников и стрельцов передать казачьим головам: О. Коверина с его сотней – голове И. Михнову, а сотню Д. Болотова – казачьему голове А. Хотяинцеву (5). Поскольку казачьи головы находились в ведении Мясного, следовательно, в его подчинение перешли и стрельцы. В тот же день из столицы пришла очередная грамота, по которой И.Н. Мясному подчинялись все казаки и оставшиеся дети боярские, а А.Д. Звенигородскому оставались станичные головы и все приезжие служилые люди (6).

Недоумение А.Д. Звенигородского нашло отражение в его отписках 9 и 10 ноября 1592 г. (7). Елецкий воевода докладывал, что ему было приказано служить в «городе» (в центральной укрепленной части крепости), и вместе с ним должны быть сотня боярских детей, а также пятьдесят рязанцев, местные стрельцы и пушкари. Кроме этого, А.Д Звенигородский указывает на то, что И.Н. Мясной должен, в свою очередь, жить в «остроге», и ему должно подчиняться семьсот елецких казаков и двести боярских детей. Также из данного документа видно, что между А.Д. Звенигородским и И.Н. Мясным были строго распределены обязанности и подведомственные им служилые люди. Однако без каких-либо объяснений стрельцы и пушкари были переданы в управление сотнику Истоме Михнову, который подчинялся И. Мясному.

Помимо этого, в обязанности городского главы входило ставить охрану на городе по башням и по острогу. Однако, выполняя эту процедуру, он и не думал докладывать обо всем этом воеводе крепости. В этой связи А.Д. Звениго-

родский сообщал, что И.Н. Мясной ставит караулы, велит городовому приказчику закрывать городские ворота без его ведома. А.Д. Звенигородскому также не докладывалось о происходящих в городе событиях, даже о пожаре в стрелецкой слободе. «Сижу в городе, будто в осаде, и не ведаю, государь, за какую вину», – недоумевал по этому поводу воевода.

В чем же причина такого пренебрежения князем А.Д. Звенигородским властями? Вероятно, кто-то написал в Москву донос, сообщающий о «воровстве» Звенигородского в Чернигове, где он служил воеводой до своего назначения в Елец. Догадываясь об этом, Звенигородский оправдывался в своей отписке царю: «И яз, государь, в Чернигове живучи, не воровал ничиво и прослуги, перед тобою, перед государем, не было в Чернигове никоторой». Он всячески опровергает это обвинение и утверждает, что никогда бы не посмел «воровать», а только лишь добросовестно служил на благо страны. Возможно, воевода вспоминал данную службу, потому что думал, что в Москве после таких слухов ему не поверят и не станут помогать в конфликте с И.Н. Мясным. Помимо этого, он сообщал, что если его служба более не требуется в Ельце, то он готов в кротчайшие строки приступить к службе в другом городе.

В Москве быстро поняли, что «тяжба» елецких головы и воеводы может сказаться на обороноспособности крепости, а также повлечет и снижение общей дисциплины. Уже 12 ноября И.Н. Мясной получил наказ из Москвы: «И ты, то, Иван, дуруешь, князь Ондрей на Ельце воевода, а тебе большой товарищ!». Мясному строго приказывалось «в городе ни во что не вступаться: в ратное дело, ни в дети боярские, и в казаки приезжие, ни в сотники стрелецкие, ни в пушкари, ни в затинщики, которые на городе живут…». В ведение Звенигородского отводились городовые сторожи, дальние станицы, приезжие служилые люди, две сотни елецких стрельцов. У воеводы находились ключи от города, к нему же поступали первые вести из Москвы. В ведении Мясного оставался острог, местные дети боярские, казаки, пушкари, затинщики, воротники. Голове Ивану Мясному строго надлежало «чтить» воеводу князя Звенигородского (8). Итак, данный документ показывает нам, что отношения между Звенигородским и Мясным начинают складываться не лучшим образом.

Подведя итог вышесказанного, стоит отметить, что ни одна из сторон конфликта не хотела идти на примирение. Вероятно, причина этого заключалась в амбициях и желании выслужиться, сделать карьеру. Данный конфликт не мог привести ни к чему хорошему, а только замедлял темпы строительства крепости на окраине южных рубежей страны, который был так необходим для защиты страны от набегов крымских татар и ногайцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Папков А.И. Основание Белгорода // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей: в 2 т. / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2002. Т. 2. С. 103-113; Солодкин Я.Г. К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Там же. С. 97-103; Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007; Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008; Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. Тула, 2011. С. 10-23.

2. Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2. С. 9-16.

3. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах / Подг. текста и комментарии В.Н. Глазьев, А.В. Новосельцев / Вступ. ст. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001.
4. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 19.
5. Российская крепость на южных рубежах. С. 113.
6. Там же. С. 113.
7. Там же. С. 159-163.
8. Там же. С. 154-156.

Д.А. ЛЯПИН, К.Г. ГАЙТЕРОВА

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В XVII в. КАК ФОРМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ПРОСТРАНСТВА*

Процесс заселения обширных земель южной окраины Российского государства в XVII в. проходил в сложных условиях. Трудности, в которых с самого начала оказывались помещики-переселенцы, заставляли их объединяться. Переселенцы приезжали на новое место жительства не одни, а со своими семьями, более того, переселялись даже целые родственные кланы. Семейно-родовые отношения изначально определяли особенности развития сельского поселения как организации, состоящей из членов локализованной части одного большого рода и родственников по браку (1).

Ярким примером формирования поселения в качестве семейно-родовой общности может служить история Талицкого острога. Существовавший как небольшая крепость на востоке Елецкого уезда он был расширен в 1651 г. и заселен переселенцами с Украины. В том же году острог был включен в состав только что созданного Острогожского казачьего полка, а все его жители поверстаны в казачью службу. Анализ состава населения острога за столетний период показывает, что в XVIII в. здесь проживали представители всего 8 фамилий первопоселенцев, хотя общая численность населения в 1762 г. достигла 119 человек м.п. Все это время его жители имели свои органы самоуправления и вели коллективную распашку земель (2). И хотя острог не был типичным сельским поселением, а занимал, по своей сути, промежуточное место между крепостью и селом, от которого он отличался наличием укреплений, социально-демографическая ситуация в сельских поселениях была схожей. Здесь также проживали представители 4-6 фамилий при средней численности в 100 человек м.п. (3). Основание первых сельских поселений было связано с деятельностью отдельных семейно-родовых групп, которые позже объединялись в общину.

Происхождение и развитие сельских поселений как семейно-родовых локализованных групп хорошо прослеживается по данным писцовых и переписных книг XVII в. Сравнительный анализ документов показывает, что переселения на новое место жительство происходили группами семей из одного уезда. Мы детально изучили процесс заселения территории к северу от Ельца и выяснили, что появившиеся здесь в 1594–1604 гг. первые населенные пункты были основаны выходцами из Тульского и Епифанского уездов. Например, деревня Бредихино возникла как поселение обширного клана помещиков Бредихиных, приехавших из Тульского уезда (4). Село Дмитровское (Рогатово) было основано представителями пяти семей помещиков Епифанского уезда (5). Село Ар-

хангельское основали три семьи одного большого рода епифанских помещиков Дегтяревых (6). В целом же, по нашим подсчетам, сельские поселения Елецкого уезда, основанные представителями 4-6 фамилий, составляли около 70%.

Семейно-родовой характер сельских поселений определял структуру повседневной жизни, направленную на подержание внутреннего единства и сплоченности. Распашка пашни, выпас скота и промысловая деятельность осуществлялись коллективно (7). Отдельная семья не могла эффективно осуществлять хозяйственную деятельность в этих «диких» землях в условиях постоянной военной опасности. Жизненная необходимость вынуждала семейно-родовые группы объединяться в сельские общины – более крупные способы социальной организации. Община на Юге России была самым тесным образом связана с распашкой земель, которую осуществляли мелкие помещики-однодворцы. Важность общинного земледелия определялась катастрофическим недостатком крестьян (особенно во второй половине XVII в.). Следующая диаграмма (рис. 1) позволяет нам наглядно увидеть рост численности помещиков без крестьян (однодворцев) в Елецком уезде с 1622 по 1648 гг. (8). Какое-то время численность крестьян была большей, чем помещиков, но длилось это всего порядка 10 лет.

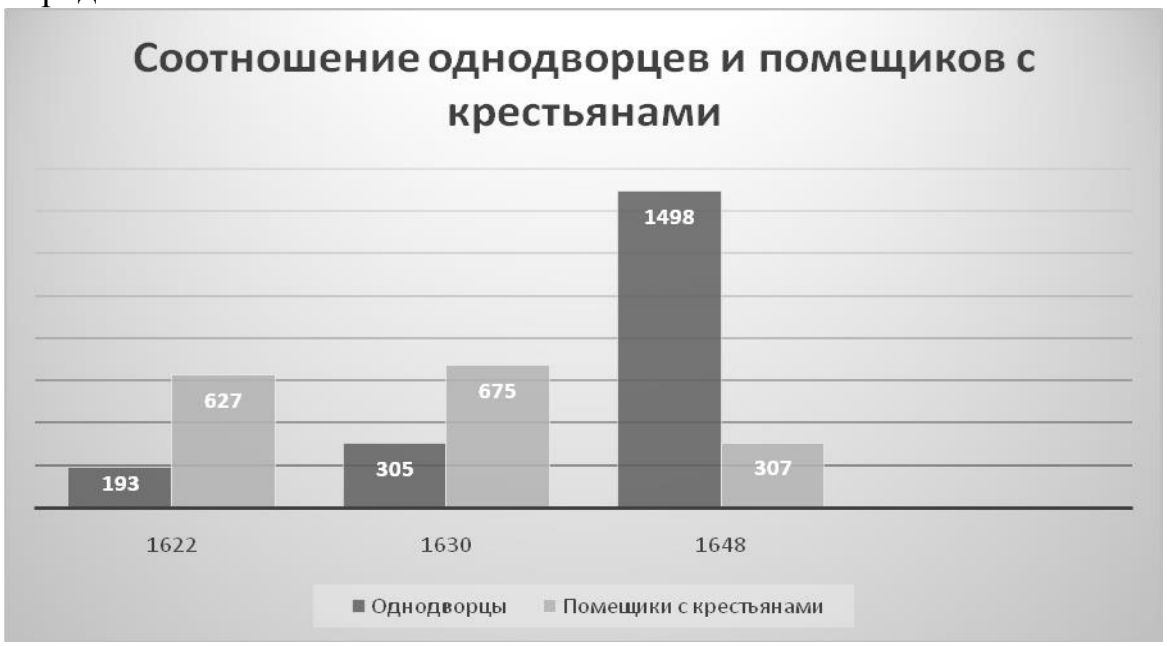

Рисунок 1. Динамика соотношения однодворцев и помещиков с крестьянами Елецкого уезда с 1622 по 1648 гг.

Итак, мелкие служилые землевладельцы с самого начала были главной составляющей сельского «мира» (9). К концу XVII в. численность помещиков без крестьян в южных уездах составляла абсолютное большинство от их общей массы – 82,9% (10). Вполне понятно, что деятельность общины нашла отражение в писцовых описаниях XVII в. Согласно сведениям писцов, редкие семьи вели отдельную распашку земли, большинство же пахали пашню коллективно – «через десятину». Это касалось не только не имевших крестьян однодворцев, которых здесь было подавляющее большинство, но и помещиков, владевших несколькими крестьянскими дворами. Члены этой общины иногда называли себя «сябрами», термином, который в XVI–XVII вв. означал категорию людей,

совместно владевших и пользовавшихся пашней и промысловыми угодьями (11). Американский историк Б. Девис считал, что эти сябры жили «деревенскими коммунами» – особыми коллективными хозяйствами, которые были ответом на тяжелые условия распашки «дикого поля» и степной войны (12).

Коллективизм сельского «мира» на Юге России особенно ярко проявился в распашке пустых земель, или «дикого поля». «Диким полем» называлась в XVI–XVII вв. любая нераспаханная земля, а вовсе не обширные просторы, тянувшиеся к югу от Оки, как считали некоторое иностранцы, составители первых карт «Московии» или «Татарии» (13). Эти просторы назывались в русских документах просто «Полем», понятием расплывчатым с географической точки зрения (14). Когда помещики Юга России делили окрестные земли, получая земельные участки («жеребья») (15) под хозяйственные нужды, «дикое поле» составляло основную часть их владений. Так, например, в Ливенском уезде в 1615 г. от общего количества земли у помещика пашня с учетом переложной земли составляла всего 11,8%, все остальное было целиной – «диким полем» (16).

Как мы видели выше, поместный земельный оклад детей боярских в зависимости от статьи мог формально быть довольно большим и достигать 200 или даже 300 четвертей (150 га). Однако в реальности он, поступая на службу, получал гораздо меньше, хотя имел право увеличивать свои земли в пределах положенного оклада. Причем помещики часто владели «жеребьями» в различных частях уезда (17). Тем не менее размер реального земельного владения на Юге был достаточно большим. Так, М.А. Мацук в Ливенском уезде в 1615 г. к «мельчайшим поместьям» отнес всего 6,02% (45 владений), к мелким 16,98% (127 владений), к средним 53,47% (400 владений) и к крупным 23,53% (176 владений) (18). В виде диаграммы это можно представить следующим образом (рис. 2).

Рисунок 2. Размер земельных владений помещиков Ливенского уезда в 1615 г. (в процентном соотношении)

Почти каждое земельное владение строилось на основе парового трехполья, и в этой связи его структура была следующей: пашня паханная, перелог (земля, оставленная под пар) и «дикое поле». Применялась также подсечная и переложная формы, когда в отдаленном участке пашня пахалась «наездом»,

неглубоко и не очень качественно. Как уже отмечалось, редкие помещики справлялись с распашкой «дикого поля» силами своей семьи. Главным образом хозяйственное освоение южных уездов происходило в рамках действий общины. Этим можно объяснить то обстоятельство, что под пашню помещики отводили незначительную часть своих земельных владений. В Воронежском и Курском уездах они распахивали не более 10% от общего размера своего владения (19). В Елецком и Ливенском уездах в 1628 – 1630 гг. распашка составляла всего 8%, при этом под перелог отводилось в среднем до 20% от общего размера участка.

Рисунок 3. Среднее процентное соотношение структуры распределения земельного владения в Елецком уезде в 1628–1630 гг.

Если помещик владел крестьянским двором, то соотношение структуры земельного владения была иной, хотя размер крестьянской пашни в большинстве случаев был меньше помещичьей. Это неудивительно, ведь на землях местных помещиков в среднем были всего один или два крестьянских двора.

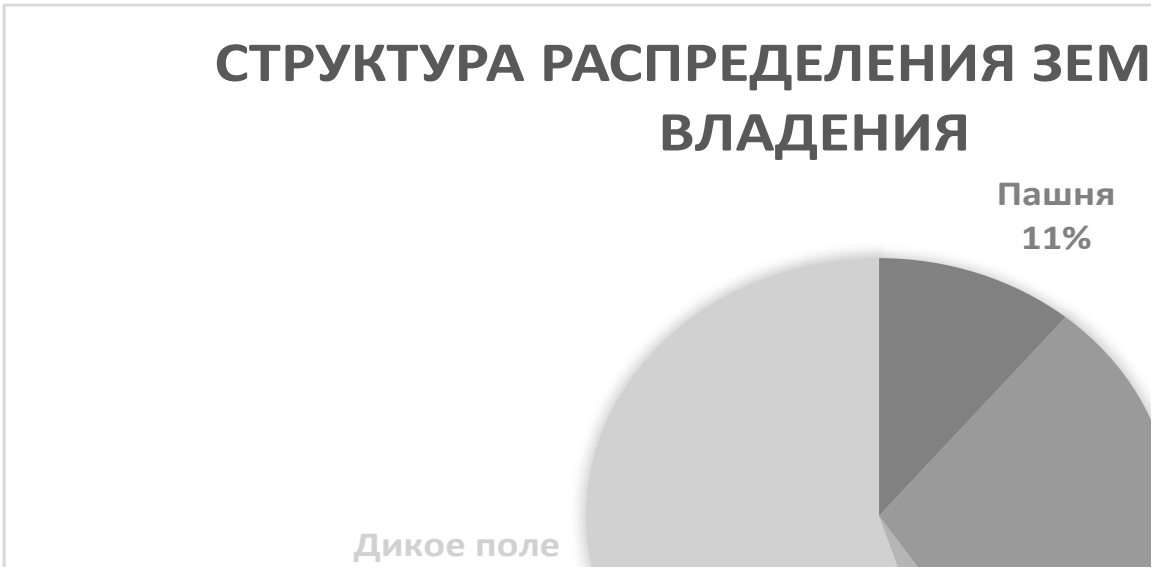

Рисунок 4. Среднее процентное соотношение структуры распределения земельного владения с крестьянской пашней в Елецком уезде в 1628–1630 гг.

Община однодворцев всегда направляла усилия на то, чтобы увеличить размер своих владений. В этом было важное отличие однодворцев от крестьян, получавших свой земельный участок «не наделением, а переделом земли» (20). Плюс к этому крестьянин нес отработочную ренту, работая на земле помещика (21). Неслучайно однодворческие общины были главным инициатором освоения «дикого поля» на всем протяжении XVII в., а во второй половине столетия однодворцы, стремясь получить земли подальше от крупных вотчинников, переселялись на новое место жительство сразу всей общиной (22). Поскольку численность общины неизменно росла, ее представители стремились взять во владение («в отказ») прилегающее к их селению пространство. Эти «отказы» фиксировались в специальных «отказных книгах», анализ которых показывает, что процесс распределения земель не являлся свободным волеизъявлением местной общины (23). Дьяки московских приказов постоянно напоминали местному «миру», что пустая земля, лес или озеро принадлежат царю. Процесс земельных «раздач» осуществлялся на основе коллективных челобитных помещиков, в которых они просили государя разрешить им распределить между собой пустые участки, «*чтоб та земля в запустении не была*» (24).

Царь (точнее – дьяк Поместного приказа) всегда милостиво разрешал распределение земель, если только «*та земля лежит в порозжих землях, в поместье и в вотчину не кому не отдана и спору об ней нет*» (25). В свою очередь, в коллективных просьбах помещики писали, что добросовестно служат военную службу, «*как государь укажет*». Этим постоянным подчеркиванием своей военной службы «государевы холопы» обосновывали права на присоединение новых земель, и здесь, очевидно, проявлялась связь царя и общины в земельных отношениях. С одной стороны, вся земля принадлежала московскому монарху, следовательно, увеличивая границы государства, служилые люди расширяли пределы владений своего царя. Однако очевидно, что это расширение было прежде всего их заслугой, благодаря им шло хозяйственное освоение окраины царства и защита его границ. Царь и «мир» были объединены этим одним общим делом, и раздача пустых земель служила подтверждением этому. Стремление однодворцев расширять свои владения объясняется и тем обстоятельством, что земля выступала в трудовых отношениях как средство расчетов за труд, сдавалась в аренду за деньги, за часть урожая или за семена (26).

Таким образом, освоение обширных окраинных пространств было связано с деятельностью семейно-родовых групп, которые, как правило, были частью сельских общин. Общинное начало было естественным способом переселенцев приспособиться к новым опасным условиям. В этом отношении мы можем указать на донское казачество, которое тоже являлось, по сути, своеобразной воинской общиной, сплоченной трудностями степной жизни (27). История знает и другие примеры подобного рода. Например, французские крестьяне в тяжелых условиях похолоданий, чумы и голода добровольно объединялись в общины, состоявшие из нескольких крупных родов (28). Больших успехов в освоении североамериканского континента на раннем этапе колонизации добились английские пуритане, вся повседневная жизнь которых была организована в рамках религиозной общины (29).

Любая община всегда представляла собой нечто большее чем просто объединение людей, вынужденных вести совместное хозяйство. Община жила в своем особом пространстве, объединяющим ее членов едиными представлениями о жизни, общими мировоззренческими установками и политическими взглядами. Английских пуритан связывала вместе целая система строгих бытовых правил и норм, а во Франции крестьянская община сознавала свое единство, сплотившись общностью веры в священную фигуру монарха (30). Сельское общество на южной окраине России тоже существовало в своем особом пространстве, наполненном обычаями и традициями, а в политических представлениях людей центральное место занимала фигура московского самодержца.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001

1. Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 781.
2. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149; Ф. 210. Оп. 5. Д. 6.
3. Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899; Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974; Devies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649. New York, 2004.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132.
5. Там же. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87 (Елец), Д. 223 (Епифань).
6. Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138. Л. 221.
7. См. оброчные книги: там же. Ф. 210. Оп. 21. Д. 7; Оп. 21. Д. 8; Д. 26.
8. Там же. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87; Д. 88; Ф. 1209. Д. 135. Л. 1567-1570.
9. Stevens Belkin C. Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, 1995. P. 147.
10. Важинский В.М. Указ. соч. С. 106.
11. Там же. С. 168-172.
12. Devies L.B. Op. cit. P. 118-119.
13. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 73.
14. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб., 2009. С. 96.
15. Пустые земли обычно делись путем метания жребия, отсюда и название земельного участка – «жеребий», т.е. жребий.
16. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 232; Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – начале XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л.В. Милова: материалы международной научной конференции (Москва, 21-23 ноября 2013 г.). Вып. 3. М., 2013. С. 283-288.
17. Важинский В. М. Указ. соч. С. 112.
18. Мацук М.А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Ч. 1. Сыктывкар, 2001. С. 23.
19. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. М., 1994. С. 163-164.
20. Чичерин Б.Н. Еще раз о сельской общине (ответ г-ну Беляеву) // РВ. 1857. Июль. С. 134.
21. Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 64.
22. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого состояния в Воронежской губернии // Записки Русского географического общества. Кн. 12. М., 1857. С. 37.
23. Важинский В.М. Указ. соч. С. 162; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 147.
24. Важинский В.М. Указ. соч. С. 115.
25. Котков С.И., Коткова Н.С. Отказные книги // Памятники южновеликорусского наречия. М., 1977. С. 55.
26. Там же. С. 112.
27. Важинский В.М. Указ. соч. С. 138-139.
28. Куц О.Ю. Указ. соч. С. 96, 338-404.
29. Le Roy La Durie E. Les pausans de Launguedos. Paris, 1966; Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Виргиния. Новый Плимут (1606–1642). М., 1980. С. 77-97; его же. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд (1630–1642). М., 1978. С. 119-120, 151.
30. Ладюри ле Руа Э. Королевская Франция (1469–1610) / Пер. с франц. Е.Н. Корендясова, В.А. Павлова. М., 2004. С. 21.

Г.Н. МОКШИН

ГОРОД ЗЕМЛЯНСК В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Реформы Петра I, хотя их и не принято называть великими, положили начало коренным изменениям в жизни России. Затронули они и жителей уездного города Землянска, расположенного в 45 км к северо-западу от Воронежа. Накануне петровских преобразований город Землянск – это небольшая сторожевая крепость позади Белгородской черты. Ее окружали шесть слобод: Солдатская, Казацкая, Пушкарская и три черкасские. В 1693 г. здесь проживало 636 чел. городовой службы и 612 служилых людей полковой службы. Посадское население составляло всего около 30 человек (1).

Жители города, помимо городовой и караульной службы, обязаны были обеспечивать хлебом, лодками и гребцами т.н. «донские отпуски». Землянские черкасы несли сторожевую службу на южных границах России в составе Острогожского черкасского полка. Согласно общепринятой точке зрения, впервые озвученной П.В. Загоровским, наивысшим периодом развития Землянска стала вторая половина XVII в., после чего последовал его упадок (2). Получается, что кипучая деятельность царя-реформатора ничего хорошего землянцам не принесла. Но мы не будем спешить с выводами.

Эпоха преобразований Петра I началась со строительства военно-морского флота в Воронеже зимой 1695/96 г. Как известно, в начале своей государственной деятельности молодой царь намеревался обеспечить выход России к южным морям. Население Землянска и ряда других южнорусских городов обязывалось обеспечивать воронежскую верфь рабочей силой. В начале октября 1697 г. на кораблестроение по требованию Государева Шатра из Землянска были высланы 400 чел. городовой службы (3). Однако условия труда были настолько тяжелыми, что спустя месяц более сотни землянцев сбежало с работ, чтобы не погибнуть.

В конце ноября 1697 г. землянский воевода Ф.Ф. Голенищев-Кутузов писал в Государев Шатер о том, что высылать из Землянска взамен беглецов совсем некого. Оставшиеся в городе служилые люди «сидят» на таможенном и кружечном дворе в головах и целовальниках, заняты на карауле в приказной избе, а также табачной продажей в селах и деревнях Землянского уезда. Тогда в Землянск за рабочей силой направляется подьячий И. Зюзин. «Землянской приказной избы лучших людей подьячих, – писал он в донесении на имя царя, – я, холоп твой, ежедневно, с утра и до вечера велел бить на правеже, чтоб беглецы и иные землянцы указнаго ж числа в собраньи вскоре передо мною в Землянске явились…» (4). Несмотря на крутые меры, найти беглецов, среди которых значилось 67 чел. конных и 7 пеших, так и не удалось.

В 1700 г. указом Петра I ближайшие к воронежской верфи 10 городов Белгородского полка, включая Землянск, передавались из Разряда в ведение Адмиралтейского приказа во главе с Ф.М. Апраксиным. Жители приписных городов не уплачивали корабельный налог, но взамен обязаны были ежегодно поставлять 27 тысяч рабочих для стругового и корабельного дела. В этом году землянцы должны были отправить на работы 955 чел. (5). С началом губерн-

ской реформы в декабре 1708 г. Землянск был причислен к Азовской губернии, к корабельным делам. В 1710 г. он вошел в состав Воронежской оберкомендантской провинции. До 1710 г. высшим должностным лицом в Землянске и уезде являлся воевода, теперь переименованный в коменданта. Известно, что с 1712 г. эту должность занимал М.В. Колычев (6), а затем Иван Титов. Это имя упоминается в позднейшем описании Землянской крепости в связи с разрушением в 1714 г. (от времени) казенного погреба для хранения боеприпасов (7). Надо заметить, что построенная в 1678 г. деревянная Землянская крепость к началу XVIII в. заметно обветшала.

Важной составной частью административных реформ Петра I была попытка упорядочить систему городского самоуправления. В августе 1699 г. посадское население Землянска избрало двух бурмистров – членов Бурмистерской палаты, которая занималась сбором налогов. Первые землянские бурмистры были тут же вызваны в Москву, видимо, для получения инструкций, и отпущены обратно 6 сентября (8).

Будучи уездным городом, Землянск выполнял важную по тем временам функцию местного религиозного центра. В начале XVIII в. здесь находилось 6 церквей: Соборная Воскресенская церковь (протопоп Иосиф, поп Иван); Преображенская церковь (поп Григорий, его сын дьячок Ефим 18 лет, пономарь Викула Семенович Никонов); Покровская церковь (поп Емельян, дьячок Афанасий Бережный); Рождественская церковь (поп Иван, дьячок Климон Васильевич Попов, пономарь Емельян Иванович Гончаров; Пушкарской слободы Николаевская церковь (поп Козьма, дьячок Климент Федорович Мишин 25 лет); Солдатской слободы Пятницкая церковь (поп Филипп, его брат дьячок Гаврила Евсеевич Попов) (9). Все они показаны на схематическом плане Землянска первой половины XVIII в. (10). Только его точность вызывает сомнения. Почему нет церквей в двух черкасских слободах на правом берегу речки Землянки?

Город Землянск находился в довольно живописном месте – там, где речка Вислый Колодец впадала в Землянку. И недалеко от Воронежа. Видимо, по этим причинам глава Воронежской епархии в 1704–1712 гг. архиепископ Арсений избрал Землянск как одну из своих резиденций. Он нередко приезжал сюда, большей частью весной и летом, и проживал здесь довольно продолжительное время на архиерейском подворье (11).

О жизни местного населения исторических сведений почти не сохранилось. Однако о царящих здесь нравах мы можем судить по делу губного подьячего Любима Мещерякова. С 1689 г. он исполнял должность «старого подьячего» Землянской приказной избы по делам о разбоях, убийствах и татьбе. Однако сам неоднократно уличался в притеснении местных жителей и воровстве. В 1695 г. Мещеряков был обвинен в блуде и детоубийстве, а в ходе судебного разбирательства еще и в клевете на первого Воронежского епископа Митрофана. Дело дошло до самого Петра I, который распорядился передать его в Стрелецкий приказ (12).

После военных побед под Азовом Землянск утрачивает военное значение, так как границы России отходят далеко на юг. В 1702–1717 гг. полковые землянские черкасы вместе с семьями переселяются в южную часть Острогожско-

го уезда, к речкам Богучару и Черной Калитве. С этого времени в городе преобладало русское население.

Итак, в эпоху Петра I в истории Землянска происходят важные изменения. Город, по сути, лишается статуса сторожевой крепости, которая ветшает и разрушается буквально на глазах. Правда, она простоит на своем месте до конца 1780 гг. В 1710 г. в Землянске числилось 1222 двора, где проживало 5-6 тыс. чел. (13). А всего через 7 лет город практически обезлюдел. Упадок, как говорится, налицо. Однако если посмотреть на этот факт в более широком историческом контексте, то мы можем трактовать его как кризис роста.

Все сторожевые крепости на Белгородской черте рано или поздно утрачивают военное значение. Однако большинство уездных городов сохраняют свой статус, поскольку преобразования Петра I заложили основы для развития в них ремесла и торговли. И в г. Землянске во второй четверти XVIII в. также растет посадское население (в 1744 г. – 58 дворов) и появляются собственные купеческие династии: Мокротоваровых, Новоскольцевых, Ростовцевых и др. (14) Неслучайно в царствование Екатерины II Землянск постепенно превращается в типичный аграрный город XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казмина Е.В., Кузин К.И. Землянск в XVII в.: история городского управления // Из истории Воронежского края: сборник статей. Воронеж, 2004. Вып. 12. С. 20.
2. Загоровский П.В. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII–XVIII веках // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма: сборник статей. Воронеж, 1987. С. 66.
3. Казмина Е.В., Кузин К.И. Указ. соч. С. 20.
4. Елагин С. История русского флота. Т. 2. Приложения. СПб., 1864. Ч. 1. С. 367.
5. Очерки истории Воронежского края. Воронеж, 1961. Т. 1. С. 91.
6. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). Ростов-на-Дону, 2009. С. 122–123.
7. Росписной список города Землянска 1745 г. // История: Факты и Символы. 2016. № 4. С. 149.
8. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 2007. Т. 3. С. 366-367.
9. Поликарпов Н. Извлечение из «Книг переписных Воронежской епархии всех городов и уездов…» 1705 г. // ВС. Воронеж, 1903. Вып. 2. С. 62.
10. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 198.
11. Самбикин Д.И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1884. Вып. 1. С. 42.
12. Трунов М.П. «Духовное дело» по челобитью св. Митрофана на подьячего землянской приказной избы Любима Мещерякова – 1695 г. // ВС. 1907. Вып. 6. С. 23-35.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1830. С. 438.
14. Загоровский П.В. Указ. соч. С. 78.

Н.А. ТРОПИН

ГОРОД ЕЛЕЦ В ТОПОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ОРЛОВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКА)

В ходе генерального межевания Российской империи второй половины XVIII – первой половины XIX в. составлялись описания губерний, городов, уездов. Этот круг источников неоднократно привлекал внимание исследователей, поскольку содержал разнообразную информацию о жизни провинции (1). Касательно Ельца, в контексте его социально-экономического развития, источники активно использовал В.М. Важинский, работая с документами, хранящи-

мися в РГАДА (2). Также они оказались в поле зрения А.В. Новосельцева в связи с исследованием истории елецких храмов (3).

В РГВИА мы обратили внимание на документ, введение которого в научный оборот представит несомненный интерес для исследователей Ельца раннего имперского времени. Это «Топографическое описание Орловского наместничества». Небольшой его раздел посвящен Ельцу и уезду, начинаясь с фразы «Ведомость, сколько числа в городе Ельце церквей, монастырей, улиц и переулков, публичного и обывательского строения, соляных стоек, питейных домов и жителей; когда и кем монастыри и церкви построены, с показанием о монастырях, сколько по штатам на содержание, сколько число братии и прочие расходы экономической суммы отпускается» (4).

В документе не указано время его создания. Однако в нижнем левом углу титульного листа помечено: «списано с книги от Петра Ивановича Новосильцова, полученной 1787 г.». Из контекста содержания источника, мы предполагаем время создания документа второй половиной 1779 – август 1781 г. Отправными точками для установления его датировки служат упоминания о времени строительства елецких храмов. Среди 13 церквей наиболее младшей в этом перечне является церковь Сергия Чудотворца, возведенная в 1779 г.

Эта дата, упоминаемая в документе, определяет нижние хронологические рамки для решения задачи. Верхнюю временную границу документа можно определить, учитывая следующие сведения. Не упоминается каменное здание присутственных мест, построенное в 1784 г. Нет сведений о функционировании малого народного училища (1786 г.). Сообщается, что город не имеет своего герба. Однако известно, что герб Ельца был утвержден 16 августа 1781 г. Все это указывает, что данное топографическое описание было написано в связи с открытием Орловского наместничества 15 января 1779 г.

Структура описания Ельца и уезда не всегда последовательна, но, в целом, выдержана. В начале содержатся сведения о Троицком мужском монастыре, затем перечисляются елецкие храмы с указанием даты сооружения и кем были построены, начиная с соборной Вознесенской церкви. В дальнейшем идет статистика жилых домов по сословной принадлежности (дворяне, купцы, мещане) и конструктивным типам (каменные, деревянные на каменном фундаменте, деревянные сплошные).

Продолжает перечень статистика казенных зданий, приносящих доход. Далее описание продолжается применительно к Елецкому уезду. Его начинает статистика по церквям, учитывающая каменные и деревянные храмы. В дальнейшем статистически перечисляются населенные пункты помещичьи (села с господскими дворами, без господских дворов, сельцо с господским двором, деревни с господским двором, хутора с господским двором), экономического ведомства (деревни), ведомства дворцовой канцелярии (деревни, малороссийские селения), однодворческие (села, деревни, хутора). Иногда указывается количество душ. Подводится общая статистика населенных пунктов по уезду и количество священнослужителей.

В отдельный раздел выделяется «Историческое и географическое описание о граде Ельце и уезде». Раздел начинается с географического местоположе-

ния города, продолжается краткими письменными сведениями, начиная с XIV в. и завершая событиями Смуты. Очень лаконично сообщается о гибели Елецкого князя, разбившегося с горы Аргамач. Далее в хронологическом порядке упоминаются елецкие пожары 1745, 1761, 1769 гг. Продолжает краткое повествование об административной принадлежности Ельца в XVIII в.

В дальнейшем прослеживается нарушение структуры изложения. Описание вновь возвращается к упоминанию соборного Вознесенского храма с двумя приделами. Далее расположен лирический рассказ о благополучии города благодаря урожаям. Вновь констатируется наличие 56 каменных домов и сообщается о разделении города на 4 части. Перечисляются административные учреждения в составе присутственных мест. Упоминаются городские и уездные ярмарки, торговые направления купечества. Имеется интересная статистика по разным ремесленным специальностям. Сообщается о наличии в городе двух заводов: железоделательного купца П. Зыкова и мыловаренного мещанина Игнатова. Подробно городскую повседневность характеризуют в дальнейшем девять крестных ходов, сообщается о четырех богадельнях, четырех мостах.

Завершается топографическое описание климатическими, природными условиями уезда, а также описанием его природных богатств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гончаров Д.Е. Историко-правовой анализ законодательства местного управления Екатерины II. «Учреждение о губерниях» 1775 г. // Filo Ariadne. 2016. № 4; URL: filoariadne.esrae.ru/6-87 (дата обращения: 03.10.2019).
2. Важинский В.М. Город Елец и его округа по топографическим описаниям 70–80 х гг. XVIII в. // Материалы Международной научной конференции, посвященной 850-летию г. Ельца. Елец, 1996. С. 10-16.
3. Новосельцев А.В. Приходские храмы Елецкого кремля XVI–XVII вв. // Там же. С. 41-48.
4. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Отд.5. Д. 18903. Л. 12-15 об.

Г.Р. НАУМОВА

ВАСИЛИЙ НИКИТИЧ ТАТИЩЕВ И ВРЕМЯ

Самым интересным, вдумчивым и наблюдательным исследователем жизни и деятельности В.Н. Татищева был и, по нашему убеждению, остается до сих пор талантливый исследователь, профессор, ректор Московского университета Нил Александрович Попов (1833–1891). Наиболее значительным его сочинением, посвященным деятельности Василия Никитича, является монография «В.Н. Татищев и его время» (1861) (1). Значение этого труда, написанного более полутора веков назад, и сегодня трудно переоценить.

Полагаем, что каждый экземпляр этой книги, пройдя свой особый жизненный путь, может многое рассказать и об их владельцах, и об их отношении к Татищеву и его времени. Мой личный экземпляр когда-то принадлежал крестьянину Нижегородской губернии. Скорее всего, он и был первым владельцем этого экземпляра. На заставочном листе книги читаем: «Изъ книгъ Александра Семенова Комохинскаго, крестьянина деревни Кумохиной Большепесошнинской Волости Балахнинскаго уезда Нижегородской Губерніи». Надпись сделана четким каллиграфическим почерком синими чернилами. Из этой записи видно,

что у Александра Комохинского, крестьянина Нижегородской губернии, имелась собственная библиотека.

У нашего народа всегда были «свои» герои. Из истории быта, художественной литературы, изобразительных памятников и т.д. известно, что в домах мещан, крестьян имелись портреты наиболее известных из этих героев, имелись литература о них. Рядом с сюжетами из Священной истории можно было увидеть изображения Петра Великого, Суворова, Багратиона, Николая I и других деятелей отечественной, а зачастую и мировой истории. Среди книг, помимо Священного Писания, можно было найти сборники русских сказок, сочинения А.С. Пушкина, А.Н. Афанасьева, И.А. Федосовой, А.К. Новопольцева и других авторов.

Смеем предположить, что интерес к сочинению Попова был продиктован вниманием не столько к Татищеву, сколько к Петру Первому и его времени. Интерес к времени Петра Первого с очевидностью автоматически продвигал интерес и к его сподвижникам, его ближнему и дальнему кругу. Навряд ли в доме крестьянина висел портрет В.Н. Татищева. Попытаемся разместить этот портрет рядом с привычными портретами в жизненном пространстве нашего крестьянина.

До нашего времени дошло несколько изображений Василия Никитича Татищева. Они различного качества, выполнены в различных техниках. Трудно сказать, какие из них оригинальные, какие вторичные. Однако бросается в глаза: изображение очень узнаваемо. Это, безусловно, один и тот же человек. И построены эти портреты по единому принципу: лицо поворотом в три четверти, характерные черты лица, парик… При первом взгляде создается впечатление, что перед нами – парадный портрет русского вельможи XVIII века, и помимо внешнего антуража сказать о нем что-либо очень сложно. Однако вглядимся повнимательнее.

Перед нами – портрет явно незаурядного человека. Трудно сказать, какие именно черты определяют характер персонажа в первую очередь, ибо и верхняя, и нижняя части лица в высшей степени характерны. Широкий лоб показывает склонность к умственным занятиям, выступающий вперед подбородок выдает в нем упорного, даже упрямого человека. Внимательный и несколько недоверчивый взгляд говорит об уме и наблюдательности. Плотно сжатые в едва намеченной усмешке губы подчеркивают это упорство, указывая в то же время, что перед нами человек независимый по характеру, знающий себе цену, привыкший повелевать, человек большой силы воли. Бросается в глаза неизменно уверенный поворот головы на плечах, развернутых прямо и гордо. Видно, что все отмеченное нами – следствие не стремления художника «облагородить», «приподнять» в глазах зрителя свою модель, а его усилий передать характер изображаемого персонажа. Словом, это, безусловно, вельможа, но не избалованный, изнеженный сибарит, а человек деятельный, талантливый, способный и готовый работать на многих поприщах.

В книге Нила Попова находим характеристику В.Н. Татищева, сделанную наблюдательным иностранцем в последний период жизни Василия Никитича. «Этот старец был пажом (?) при Петре Великом; давно управлял этим краем

(речь идет об Астрахани. – *Г.Н.*), он много сделал для устрашения татар; у него была особенная склонность к наукам и торговле. В искусстве благоприобретения он высказывал большую опытность и даже попадал из-за этого в немилость; у него было правило, которое он выражал такими словами: надо дать, надо и взять. Татищев сказывал мне, что купил за пять тысяч рублей бриллиант, стоивший двенадцать, и поднес его знатнейшей в империи женщине. Между прочим он упомянул также, что около 25 лет трудился над русскою историей… Этот старик был замечателен своею сократическою наружностию, изможденным телом, которое он старался поддерживать долголетним воздержанием, и наконец неутомимостию и разнообразием своих занятий. Если он не писал, не читал или не говорил о делах, то перебрасывал жетоны из руки в руку» (2). И если он не писал истории России, то он строил план по сбору информации для будущей исторической науки.

В приложении к труду Нила Попова о В.Н. Татищеве и его времени размещён документ, не имеющий точной датировки, да и не нуждающейся в ней: «Предложение. О сочинении истории и географии российской» (3).

Текст этого документа состоит из предисловия и трёх разделов. Раздел первый включает 107 программных пунктов, раздел второй – 57 позиций, раздел третий – 33. Всего 198 позиций, по которым, по мнению составителя, необходимо собирать информацию. Вопросы первого раздела относятся ко всем губерниям и народам, вопросы второго раздела – только к тем губерниям, в которых проживают «идолопоклоннические народы», а третий раздел касается только территорий, где проживают «магометане».

Уже из самой структуры «Предложения» явствует нацеленность составителя на понимание тех культурно-исторических феноменов, с которыми будет впредь иметь дело русская власть. Очевидно, что сам Татищев понимал суть явления, о котором предлагал собирать информацию.

Первый раздел касался таких тем: исторические названия губерний, краёв и областей; исторические и памятные места (в качестве примеров он приводит Куликово поле и Мамаево поражение); границы местностей, в том числе и географически мотивированные реками, водоёмами и пр.; особенности климата; водный ресурс и основанная на нём транспортная система; земля, ландшафты и производственно-хозяйственные возможности; природные полезные ископаемые; население, его социальный состав, род занятий, организация управления, социальная жизнь и здравоохранение, демократические институты; все виды строений, укреплений, жилых построек, торговых точек, захоронений.

Второй раздел ориентировал власть на собирание дополнительных сведений о народах идолопоклоннических: самоназвание и русское название народов; свойственный им лексикон исторический и географический; традиционное летоисчисление; известные формы государственности, пути миграции; предания и сказания; важнейшие исторические события; форма религиозных верований; обряды; социальная жизнь и формы самоуправления. Третий раздел имеет специальный оттенок. В преамбуле подчёркивается, что сам закон и содержание учения в Европе хорошо известны, и эти сведения собирать не надо. А что надо: какая версия магометанства принята у того или иного народа; какие ду-

ховные чины имеют и как их выбирают; внутрисемейные, в том числе имущественные, отношения; какое письмо имеют, на чём пишут и чем; суеверия.

Из документа следует, что Татищев предлагал обустраивать Российскую империю, опираясь на знание её истории, географии, населения, природного и хозяйственного потенциала. Принципиально важно, однако, иметь в виду, что история – это для него именно история России, от эллинистического периода до Древней Руси, Московского царства и Империи.

В.Н. Татищева как истинно русского человека не интересовали отвлеченные умствования. Его мысль начиналась с реальной деятельности на благо государства, конкретного, существовавшего в его время, а не будущего, эфемерного. В этом его историческая заслуга. Он один из первых устроителей империи. Многолетние занятия истории отечества привели Татищева к мысли о необходимости собирать многообразную информацию о новой петровской императорской России. Конкретное и общее «за раз» – вот жизненный принцип этого устроителя и историка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Попов Н. В.Н. Татищев и его время. М., 1861 (к слову сказать, примерно в это же время была написана книга: Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868).
2. Там же. С. 387.
3. Там же. С. 663.

А.Р. МЕЛЬНИКОВА

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЬЕСАХ ЕКАТЕРИНЫ II

Известно, что Екатерина II была автором различных литературных произведений, в которых она выражала свои политические взгляды. Пьесы занимают особое место в творчестве императрицы, поскольку в них можно было наиболее четко и прямолинейно высказать те или иные политические предпочтения, используя монологи героев. Всего Екатерина II оставила несколько произведений, написанных в форме пьес. В центре нашего внимания будут две исторические пьесы, принадлежащие ее перу: «Исторические представления из жизни Рюрика» и «Начальное управление Олега». Оба эти произведения посвящены времени образования Русского государства и очень точно отражают политические взгляды Екатерины II, однако в научной литературе они используются нечасто. Проблема образования Древнерусского государства всегда являлась актуальной темой, весьма значимой она была во второй половине XVIII в.

Первая пьеса императрицы была основана на летописном известии о призвании варягов. В центре произведения раскрывается борьба славянина Вадима, сына новгородского князя, с Рюриком, варяжским князем, прибывшим из Европы. В пьесе ярко проводится идея о противостоянии государственного начала, представленного Рюриком, с народным, которое воплощает в себе славянин Вадим. Право Рюрика на власть для многих было очевидно, однако Вадим оспаривал это, не признавая заграничного князя, несмотря на его мудрость и политические таланты. Вадим заранее считал Рюрика враждебным славянскому

народу, но со временем он осознал смелость, величие, храбрость варяжского князя и тогда покорился его власти добровольно.

Рюрик в пьесе представлен справедливым судьей и защитником славян, ничего не выдает в нем захватчика. Его образ имеет четкие, конкретные черты, он очевидный положительный персонаж: «он, видя виновных перед собою, с горячею ревностию возмется всегда за изследование общему добру причиненнаго ущерба или обиды». Один из персонажей прямо говорит о Рюрике: «Бодрость духа его, предприимчивость, неустрашимость и прочия из того истекающия качества могут быть полезны государству вперед» (1). Рюрик благороден, он настоящий рыцарь, типичный носитель европейских ценностей, которые противопоставляются славянской любви к свободе, хаосу и удальству. Оскорбленный недостойным поведением Вадима, который усомнился в его княжеских способностях, Рюрик находит в себе силы, чтобы великодушно простить его. Имея всю полноту власти на то, чтобы казнить его, Рюрик прощает Вадима, даруя ему свободу, несмотря на неуважительное отношение к своей персоне. С точки зрения автора, с приходом Рюрика восторжествовали справедливость и благоразумие, а прежние соперники смогли достичь взаимопонимания.

В конце пьесы Вадим понимает свою ошибку и всей душой приветствует княжеское старшинство Рюрика над собою. Для него больше нет сомнений в том, что варяжский князь должен править всей Русской землей как самый достойный, благородный и милосердный, мудрый и справедливый. Вадим прямо заявляет Рюрику: «О, государь! Ты к победам рожден, ты милосердием врагов всех победиши, ты дерзость тем же обуздаешь... Я верный твой подданный вечно» (2). Эта клятва славянского вождя в вечном подданстве иноземному правителю очень показательна, она бросает тень на всю последующую историю России. Такое высказывание Екатерина II проводит для того, чтобы подчеркнуть неотъемлемую связь Руси и Европы, в особенности же Германии. Как публицист она полагает, что Древнерусское государство получило мощное развитие благодаря норманнской силе, которая только одна была способна привести страну к государственной стабильности. Она использует легенды и мифы в качестве реальных фактов, что само по себе неверно, и, конечно, императрица не была историком (3). Рюрик в восприятии императрицы не выступает в роли врага, а, наоборот, намерен оправдать высочайшее доверие русского народа, он спаситель славян, то самое важное начало порядка и справедливости, которое сами славянские вожди якобы не знали.

Очевидно, судьба Рюрика во многом схожа с судьбой самой Екатерины II. Оба правителя выступали в роли благодетелей чужой им страны и стремились сделать все возможное для дальнейшего процветания государства. Рюрик и императрица были представителями чужих европейских земель, а значит, им обоим было тяжело реализовать себя в русском государстве. Однако и варяжский князь, и Екатерина смогли получить не только доверие народа, но и сделали много полезного для него: даровали свободу и оказали защиту. Во всяком случае, так, видимо, полагала императрица. Естественно, Рюрику было нелегко укрепить свои позиции на чужбине и стать сильным государственным деятелем, и Екатерина хорошо понимает проблемы своего героя, ведь то же са-

мое пережила и она. Тем самым как публицист Екатерина II подводит читателя к мысли о том, что вмешательство извне во многом способствует укреплению и улучшению жизни Российского государства.

Итак, в произведении «Исторические представления из жизни Рюрика» императрица считает приглашенного князя спасителем, который благотворно воздействует на Русь. Он способен защитить славян, а также даровать им справедливость. Вадим же предстает перед читателем как некое обобщение русского народа. Через него, его взгляды, смелые, порой дерзостные поступки раскрываются основные бытовые особенности и традиции славянского народа.

Обратимся к анализу второго произведения Екатерины – «Начальное управление Олега». Согласно предисловию императрицы, ее пьеса основана на достоверном историческом материале. Екатерина сообщает подлинные сведения об уграх (венграх), Византии, критически рассуждает об отношении Олега к малолетнему Игорю. Свою пьесу она называет подражанием Шекспиру, великому драматургу, произведения которого служили наглядным примером театрального искусства. Однако императрица вводит в нее много элементов древнегреческого театра (хор, тональность пьесы), что делает ее сочинения нетипичными, оригинальными и интересными для читателя.

На первых страницах своего сочинения Екатерины освещается роль князя Олега в Русском государстве. Рассказ об Олеге воспринимается как логическое продолжение деятельности Рюрика, который передал всю полноту власти шурину. Игорь, сын Рюрика, попадает под опеку «урманского князя» Олега, «немца», очень озабоченного становлением и возмужанием племянника, и защитой Русской земли. По словам Екатерины, отношения между двумя князьями были основаны на взаимной помощи. Размышляя об Олеге как о влиятельном государственном деятеле, императрица вкладывает в его уста следующие слова в диалоге с Игорем: «Я, государь, основал города, кои строить уже начали: в города определил начальников; наложил дани на Новгород, на древлян, на северян. Радимичам запретил платить козарам, а велел приносить дань тебе, князю великому, и обещал именем твоим их оборонять противу козар» (4). Екатерина отмечает появление государственного управления на Руси, а также развития и самодержавной власти, в том числе и через обложения народов данью.

Императрица утверждает, что Олег, как и его предшественник Рюрик, хоть и родом был из чужих земель, был способен оказать большое положительное влияние на становление Русского государства: укрепить оборонительную способность страны, грамотно производить взимание платежей с зависимого населения, которые, в основном служили средством получения властью доходов на Руси, и установить государственное регулирование во многих сферах. Помощь иноземцев, по мнению Екатерины, была всегда необходима русским людям. Она отмечает бескорыстные намерения заграничных гостей помочь укрепить «страну русов» и способствовать прогрессивному развитию их державы. Рюрик и Олег превратили Русь в единое, сильное и крепкое государство, как считала императрица, развивая эти идеи в своих пьесах.

Пришелец Олег в пьесе – однозначно положительный герой, он добрый, милостивый, мудрый. Большое значение Екатерина придает его военным заслу-

гам. Он прекрасно осведомлен о международной ситуации в Европе, готов отстаивать интересы Руси на западе и юге. Также этот князь имел мощную дружину, которая была угрозой для многих соседних государств.

Императрица в своем сочинении во всех подробностях описывает поход Олега на Царьград. В частности, она детально раскрывает эпизод подписания мирного договора с греками. Екатерина неоднократно отмечает, что данное соглашение во всех отношениях стало выгодным для Руси. Столь важный документ был победой для Олега: «Договором сим ты, государь, получаешь дань, выгоды и торговлю». Очевидно, это событие, описанное в летописи, послужило возвышению авторитета великого князя, да и всей Руси в целом. Также Екатерина II отмечает, что греки боялись Олега и его дружину. При нем Русь стала серьезным, всесильным и влиятельным государством. Именно непоколебимость «немца» Олега в поправках «славного договора» принесла удачу в походе на Царьград (5). Он достойно отстоял интересы славянских земель. Таким образом, императрица вложила в образ Олега все то, что свойственно для нее самой, и то, что она хотела бы увидеть в своих приемниках: мужество, мудрость, справедливость, благородство.

Обе екатерининские пьесы «Исторические представления из жизни Рюрика» и «Начальное управление Олега» взаимосвязаны между собой. Произведения изложены содержательно, лаконично. Замысел одного произведения плавно и последовательно раскрывается в другом. Екатерине II удалось освоить мастерство драматурга: не вдаваясь в подробности, растолковать события глобального масштаба, с помощью чего провести параллель со своей жизнью. Исторические труды о Рюрике и Олеге рассчитаны на читателя, способного увидеть передаваемую точку зрения публициста между строк и домыслить главную идею автора. Екатерине Великой удалось грамотно описать события истории Российского государства древнейших времен и продемонстрировать их в виде драматургических произведений. Конечно, ее точка зрения очень субъективна и связана с существовавшей тогда норманской теорией, искажавшей подлинную историю образования Руси (6), но немке Екатерине была выгодна эта теория, оправдывающая, по своей сути, иноземное правление в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Екатерина II. Исторические представления из жизни Рюрика // Ее же. Сочинения / Сост., вступ. ст. и примеч. В.К. Былинина и М.П. Одесского. М., 1990. С. 140-141.
2. Там же. С. 161-162.
3. Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
4. Екатерина II. Начальное управление Олега // Ее же. Сочинения. С. 175.
5. Там же. С. 193-194.
6. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; его же. Начальная история Руси. Учебное пособие. М., 2008.

Г.В. СИТНИКОВА

«ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КНЯЗЬ ТАВРИДЫ»: Г.А. ПОТЕМКИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

В сентябре 2019 г. исполнилось 280 лет со дня рождения Григория Александровича Потемкина (1739–1791), русского государственного деятеля екатерининской эпохи, немало сделавшего для славы России. Не случайно его фигура занимает достойное место на пьедестале известного памятника Екатерине II в Санкт-Петербурге. Мы видим Г.А. Потемкина-Таврического среди выдающихся россиян, славно потрудившихся для укрепления авторитета России, защиты и расширения ее границ, развития культуры; девять фигур памятника (кроме Потемкина, это еще П.А. Румянцев-Задунайский, А.В. Суворов, А.А. Безбородко, И.И. Бецкой, В.Я. Чичагов, А.Г. Орлов-Чесменский, Е.Р. Дашкова, Г.Р. Державин) символизируют единение государственных деятелей вокруг императрицы, единение на благо России. Памятник Екатерине имеет сходство с монументом «Тысячелетие России», установленным в Новгороде, на обоих мы находим фигуры Г.А. Потемкина и Г.Р. Державина, каждый из них по-своему символизировал екатерининский век, к судьбам обоих в последнее время приковано внимание исследователей. Политические события начала XXI в., особенно возвращение Крыма в состав России, вновь возбудили интерес общественности к личности Г.А. Потемкина, по словам современных исследователей, «оклеветанного исполина» (1), «недооцененного и непревзойденного (2).

Кто же такой, этот князь Потемкин? Фаворит, вельможа, полководец, сибарит? Ответ парадоксален, он – все перечисленное, его личность была настолько многогранной, настолько неоднозначной, что не только современники, но и все последующие поколения терялись в догадках, пытаясь определить его роль, его место в истории России. В свое время В.Г. Белинский, анализируя историю и литературу XVIII столетия, так отозвался о нашем герое: «Много величавых образов украшает блестящий век Екатерины Великой; но Потемкин всех их заслоняет в глазах потомства своею колоссальною фигурою. Его и теперь все так же не понимают, как не понимали тогда: видят счастливого временщика, сына случая, гордого вельможу, – и не видят сына судьбы, великого человека, умом завоевавшего свое безмерное счастие, а гением доказавшего свои права на него. Потемкин – это одна из тех титанских натур, которых душа вечно пожирается ничем не удовлетворяемою жаждою деятельности, для которых перестать действовать значит перестать жить…» (3).

Основные моменты жизни Г.А. Потемкина хорошо известны: родился в дворянской семье, рано лишился отца, образование получил в Московском университете (но уже в годы учебы проявилась «противоречивость» натуры – с одной стороны, за успехи в учебе был удостоен медали, представлен в числе лучших студентов императрице Елизавете Петровне, но через некоторое время был отчислен из учебного заведения за «нехождение в классы»). В составе гвардейского полка принял участие в дворцовом перевороте в пользу Екатери-

ны, обратив на себя внимание императрицы. Самое деятельное участие Потемкина в русско-турецкой войне (1768–1774), героическое поведение, отменная доблесть в битвах при Фокшанах, Ларге и Кагуле обеспечивают ему стремительный карьерный взлет. Отныне судьба Г.А. Потемкина неразрывно связывается с южными землями, присоединению, освоению которых он отдается со всем пылом своей души. В 1774 г. он назначается генерал-губернатором Новороссии, которая в то время была краем запущенным, без крупных населенных пунктов, без дорог. Потемкин представляет императрице подробнейший план действий по заселению, освоению этих земель, по строительству городов и крепостей. В это же время явной становится еще одна задача – присоединение Крыма, который долгие годы представлял угрозу, а частые набеги крымчаков делали обстановку на юге России неблагоприятной и опасной для проживания.

Обращает на себя внимание стратегическая дальнозоркость Потемкина, который не просто ощутил, увидел необходимость присоединения Крыма, но и приложил все силы для убеждения в этом императрицы. В письме к Екатерине, написанном не позднее 14 декабря 1782 г., Потемкин пишет, что решение следует принимать, не откладывая, не теряя времени: «Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской – в обоих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того, что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать, в сердце. Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны Кубани сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несумнительна. Мореплавание по Черному морю свободное. А то, извольте рассудить, что кораблям Вашим и выходить трудно, а входить еще труднее» (4).

Екатерина прислушалась к этим аргументам, Крым стал «нашим», удачные дипломатические переговоры привели к отречению крымского хана от престола, полуостров вскоре вошел в состав России. В июне 1783 г. крымско-татарская знать, получившая права и льготы русского дворянства, торжественно присягнула на верность Екатерине, несогласные с новым положением получили, по настоянию Потемкина, возможность беспрепятственно покинуть полуостров. Потемкин разворачивает кипучую административно-хозяйственную деятельность по освоению новых земель – определяет границы 7 уездов, приглашает специалистов, переселяет крестьян, развивает сельское хозяйство (хлебопашество, садоводство, виноградарство), уделяет внимание распространению образования (строятся школы, училища, гимназии).

Всего за несколько лет Крым преображается, стремительно разрастаются города, Феодосия, Евпатория, Симферополь приобретают европейскую планировку, начинается строительство порта Севастополя. Преобразовательная деятельность Г.А. Потемкина распространилась и на военное дело, он сформировал регулярные казачьи полки, подчинил их армейскому уставу, требовал от

командного состава гуманного отношения к подчиненным, основное внимание уделял боевой подготовке, а не внешнему лоску войск, следил за материальным снабжением солдат, стремился к облегчению их быта, настаивал на неукоснительном соблюдении санитарно-гигиенических правил.

В связи с этим примечательно письмо Потемкина Екатерине, в котором он во всех подробностях анализирует имеющуюся в распоряжении воинов форму, со знанием дела утверждает, что человек на войне должен иметь все необходимое для сохранения своего здоровья, для защиты в непогоду. Поясняя свою позицию по изменению офицерской и солдатской формы, Потемкин пишет, что «в Россию, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени. А наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочем. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как-то: маршированья, разных построений и оборотов. А что касается до исправности ружья, тут полированье и лощение предпочтено доброте. Стрелять же почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция таковы, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в 30 почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих. Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением: платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может» (5).

Обращает на себя дотошность Потемкина, он указывает на все излишества в вещах, составляющих амуницию воина: «Шляпа убор негодный: она головы не прикрывает… Покрой кафтана подает много поводу делать его разнообразным, следовательно, уравнения быть не может. Штаны в коннице лосинные, которым срок положен весьма долог, так что сберегая их, солдат должен на свои деньги делать другую пару суконных: убыток несносный, коего требовать от него несправедливо… Зимою от них холодно, а летом жарко. Под ними же нельзя иметь полотняной одежды. Ныне лосинная одежда не нужна. В старину ее носили для того, что употребляли железные латы, и как лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась»… Все видит зоркий глаз полководца – узкие неудобные в ношении сапоги, мешающая пехотинцу шпага, ловкие для седока и лошади венгерские седла, гигиена воинов, связанная с прической («Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то готов» (6)).

Обретение новых морских границ требовало строительства на Черном море военного флота, способного оберегать рубежи, защищать интересы России, противостоять коварному противнику. Потемкин много сил тратит на обеспечение главной черноморской верфи высококвалифицированными мастерами, качественным лесом, рабочими руками. Он настаивает на строительстве

судов таких видов, которых не было в других флотах; именно новые корабли с двумя палубами и 80-ю пушками позволили Ф.Ф. Ушакову применить новые приемы в морских сражениях, которые привели к победам русского оружия. В 1787 г. Потемкин получает возможность во всех подробностях представить Екатерине и ее спутникам то, что было осуществлено за последние годы на юге. Речь идет об организации так называемого Таврического вояжа государыни, невероятного по масштабам и по количеству участников путешествия Екатерины, которое длилось более полугода и еще до его осуществления обросло легендами и мифами, главный из которых – о «потемкинских деревнях». Фразеологизм этот обозначает нечто бутафорское, ненастоящее, созданное лишь для обозначения благополучия.

Задача этого мифа – дискредитировать все усилия Потемкина в области внешней и внутренней политики. В. Лопатин обращает внимание на то, что до Потемкина «Новороссия была безлюдной степью, а стала житницей России. Мало было присоединить, необходимо было заселить, освоить. За время с 1774 по 1787 годы тамошнее население увеличилось в четыре раза… до Потемкина Россия не была крупным экспортером хлеба. А в начале XIX века, когда старания Потемкина стали давать плоды, империя уже получала громадные доходы от продажи хлеба. Так быстро – в соответствии с планами Потемкина – развивалось сельское хозяйство в Новороссии» (7).

Автор оскорбительного мифа давно установлен исследователями, это секретарь саксонского посольства при русском дворе (1787–1796) Георг-Адольф Вильгельм фон Гельбиг. Он имел широкий круг влиятельных знакомых, которые помогали ему собирать различного рода информацию о придворной жизни. По возвращении на родину из России он публикует, по его собственному выражению, сборник анекдотов, который пользовался чрезвычайной популярностью в Европе, неоднократно переиздавался в Голландии, Англии и Франции (8). Основная тональность книги не столько критическая по отношению к России и Екатерине, сколько уничижительно-насмешливая и оскорбительная. Но современные историки считают, что Гельбиг лишь собрал воедино те слухи, которые бродили еще до путешествия на юг в среде оппозиционно настроенных к императрице придворных (9). Об этом свидетельствуют письма самой императрицы, воочию увидевшей: «Легкоконные полки, про которые покойный Панин и многие иные старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не картонные, но, в самом деле, прекрасные». «Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала князя Потемкина, – продолжала она 3 мая, – надлежит приехать в его губернии, где все части устроены, как возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся, недоимок нет» (10).

Слух о «потемкинских деревнях», запущенный в общество тем, кто не участвовал в путешествии, к сожалению, жив до сих пор. В течение XIX и XX вв. его поддерживали и распространяли те, кто всеми силами старался принизить заслуги государственных деятелей России, кто не желал видеть позитивных изменений, кто скорее поверил бы в картонные дома и игрушечный

флот, чем в стремительное позитивное преобразование некогда дикого края. Но в XXI столетии историческая справедливость все же должна быть восстановлена. Г.А. Потемкин – великий созидатель государственного масштаба, а не создатель красочных декораций!

В путешествии на юг в 1787 г. императрицу сопровождало около трех тысяч человек, в числе которых были не только придворные, прислуга, но и представители иностранных дипломатических миссий, польский король Станислав-Август и австрийский император Иосиф II, следующий инкогнито, под именем графа Фалькенштейна. Принц де Линь и граф Сегюр оставили описания вояжа, полные интересных подробностей.

Организация такого масштабного проекта, как путешествие императрицы с большим количеством сопровождающих ее лиц – занятие не только чрезвычайно хлопотное, но и ответственное; нужно было все как следует продумать, организовать, что-то построить, другое отремонтировать. Как пишет Н.И. Павленко, «кортеж состоял из 14 карет и 164 саней, в том числе 40 запасных. Поражало своими гигантскими размерами сооружение, в котором ехала сама императрица. Оно состояло из кабинета, гостиной на восемь персон, игорного стола и небольшой библиотеки. Громоздкое сооружение, поставленное на полозья, везли 30 лошадей. При наступлении темноты путь освещали гигантские костры, разведенные по обеим сторонам дороги… От Петербурга до Киева было устроено 76 станций, на каждой из них приготовили по 550 лошадей. На каждой станции сооружались помещения для хранения припасов: три рогатые скотины, три теленка, 15 кур и 15 гусей, два пуда крупитчатой муки, один пуд коровьего масла, 500 яиц, 6 окороков, фунт чаю, полпуда кофе, бочонок сельдей, два пуда сахару, вина белого и красного по три ведра, 50 лимонов, а также пиво. На станциях, где не предполагалось ни обедать, ни ночевать, впрок заготавливались холодные закуски» (11).

Потемкину хотелось доказать всем, друзьям и недругам, что отпускаемые на развитие Новороссии средства не выброшены на ветер и не затерялись в его карманах, что обретенный Крым – это «драгоценная жемчужина», райский уголок, увиденное во время путешествия должно было поразить, удивить, очаровать Екатерину и ее спутников. Повсюду путников встречали вновь построенные или отремонтированные дворцы и усадьбы, в которых организовывались приемы, праздники, просыпающаяся природа радовала теплом, солнцем, настраивала на позитивный лад. Порой им казалось, что они в какой-то чудесной сказке, настолько удивительным было место и участники действия. Об этом пишет граф Сегюр: «Иосиф II, желая воспользоваться прекрасной ночью, взял меня под руку и отправился со мною гулять. Мы довольно долго ходили по этой обширной равнине, где взор не находил преград. При виде нескольких верблюдов и татарских пастухов, бродивших в степи, император сказал мне:

– Какое странное путешествие! Кто бы мог подумать, что я вместе с Екатериною II, французским и английским посланниками буду бродить по татарским степям! Это совершенно новая страница в истории!..

– Мне, скорее, кажется, – отвечал я, – что это страница из “Тысячи и одной ночи”, что зовут меня Джафаром и что я прогуливаюсь с халифом Гаруном аль-Рашидом, по обыкновению своему, переодетым» (12).

Кроме гуляний и катаний на лодках, кроме праздников и фейерверков, конечно, были мероприятия и официального характера: состоялась торжественная закладка города Екатеринослава (до 1796 и с 1802 по 1926 г. город имел название Екатеринослав, с 1796 по 1802 – Новороссийск, а с 1926 по 2016 – Днепропетровск; сейчас – г. Днепр), в Херсоне были пущены на воду уже построенные корабли, а также заложены новые.

Особое впечатление, конечно, произвел на всех построенный и полностью снаряженный Черноморский флот, первый парад которого в Севастополе был эффектно отрежиссирован Г.А. Потемкиным. Во время обеда неожиданно раздвинули шторы, и перед глазами императрицы и ее гостей во всей красе предстали новенькие суда, выстроенные в боевом порядке на рейде в Севастопольской бухте, а это 3 корабля, 12 фрегатов, 20 линейных судов, 3 бомбардирские лодки, 2 брандера. По сигналу Потемкина флагманский корабль «Слава Екатерины» поднял флаг, суда пушечной стрельбой приветствовали свою императрицу, которая осталась довольна и самим парадом, да и всей поездкой в целом. Из Севастополя Екатерина написала письмо барону Ф.М. Гримму, своему многолетнему корреспонденту, в котором поделилась впечатлениями: «Здесь, где тому назад три года не было ничего, я нашла довольно красивый город и маленькую флотилию, довольно живую и бойкую на вид: гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость. Турецкий флот, который стоит приблизительно в шестистах верстах отсюда, еще не показывался; увидим, явятся ли они сюда, сделать высадку и выгнать нас отсюда, как предсказывают в газетах. Граф Фалькенштейн, по-видимому, очень доволен всем виденным, а принц Делинь говорит, что это один непрерывный праздник» (13).

На обратном пути, в Полтаве, Потемкин удивляет государыню еще одним сюрпризом: к очередной годовщине Полтавской баталии были организованы крупные маневры русский войск, современными словами говоря, была проведена реконструкция Полтавской битвы, в которой участвовало 70 батальонов, общее руководство всем этим величественным и масштабным действом взял на себя он сам. Путешествие на юг убедило всех участников этого вояжа в том, что большие средства, отпускаемые из казны в распоряжение Потемкина, не были потрачены впустую, край на глазах расцветал, разрасталось строительство, качественно изменилась жизнь постоянно прираставшего населения. Авторитет Потемкина укрепился, многочисленные его недоброжелатели вынуждены были на время приумолкнуть.

Недовольный ропот, раздражение современников против Потемкина усилились осенью 1788 г. во время длительной осады турецкой крепости Очаков. Потемкин почему-то не торопился со штурмом; историки высказывают разные предположения о причинах такого поведения полководца. Среди них – отличное состояние крепости, обнесенной валом и рвом, слабая подготовка солдат,

намеренное ожидание плохой погоды, которая должна была препятствовать армиям Швеции и Пруссии открыть второй фронт, говоря словами Державина,

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы (14).

В стихотворении «Осень во время осады Очакова», написанном 1 ноября 1788 г., еще до штурма, поэт призывает армию к мужеству, терпению:

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит (15).

В начале декабря 1788 г. по плану А.В. Суворова был, наконец-то, осуществлен молниеносный (около часа) штурм крепости, в результате турецкая армия потеряла 9,5 тыс. человек против 2,5 тыс. погибших в рядах русской армии. За взятие Очакова Потемкин в награду получил орден Св. Георгия 1 степени, шпагу, украшенную бриллиантами.

В декабре 1790 г. по приказу Потемкина был предпринят штурм неприступного Измаила; задачу эту блестяще выполнил Суворов, признававшийся позднее, что крепость не имела слабых мест, что на штурм такого сооружения можно решиться только раз в жизни. А уже весной 1791 г. Потемкин устроил в своем дворце в Петербурге грандиозный праздник, о подробностях проведения которого мы знаем из составленного в Г.Р. Державиным «Описания торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила в доме генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического 1791 г. 28 апреля». Сам Державин присутствовал на празднике, так как по заказу Потемкина сочинил хоры и следил за их исполнением. Начало первого хора оказалось чрезвычайно удачным:

Гром победы, раздавайся!
Веселися, храбрый Росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрес (16),

он сопровождал польский танец, музыку для которого написал О.А. Козловский, некоторое время это произведение было неофициальным русским гимном. Гостеприимного хозяина, Потемкина, Державин изобразил в своей манере, обратив внимание на все его причуды и странности; перед читателем встает не античный герой, не безымянный и безликий полководец, а именно Потемкин:

Он мещет молнию и громы
И рушит грады и берет,
Волшебны созидает домы
И дивны праздники дает.
Там под его рукой гиганты,
Трепещут земли и моря;
Другою чистит бриллианты

И тешится, на них смотря… (17).

В строке о бриллиантах Державин упоминает присущую Потемкину привычку крутить в руках разные мелочи во время размышления о чем-либо (18).

Против своей воли Потемкин через некоторое время покидает Петербург, возвращается в Молдавию для ведения мирных переговоров, которые ему не суждено было завершить: он умирает под открытым небом, в дороге. Символична кончина этого государственного деятеля, на пути к основанному им Николаеву, с иконой в руках. Не случайно и место погребения – кафедральный собор в Херсоне, колыбели Черноморского флота, который тоже он основал (19).

Современники Потемкина нередко видели в нем лишь баловня судьбы, стремительный карьерный рост которого, материальные награды, почести вызывали зависть и ненависть. Многим не хотелось верить в то, что этот любящий роскошь вельможа готов тратить свои личные средства на государственные нужды, что для него государственное служение превыше всего, превыше личных амбиций. Он всего лишь несколько лет был фаворитом Екатерины и до самой своей смерти был ее верным соратником, единомышленником, помощником. О противоречивой натуре Потемкина писали почти все его современники, отмечая в его характере, в его поведении прямо противоположные качества, свойства. Обратимся к мнению двух мемуаристов, принца де Линя и графа Сегюра. Они провели с Потемкиным достаточное время, видели его в различных ситуациях.

Граф Сегюр (1753–1830), французский историк, дипломат, посол Франции при дворе Екатерины II в 1784–1789 гг., участник путешествия на юг России, пишет о Потемкине: «Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великого и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе с тем нерешительного. Он представляет собою самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность… Потемкин обладал счастливой памятью при врожденном живом, быстром и подвижном уме, но вместе с тем был беспечен и ленив… У него было доброе сердце и едкий ум. Будучи и скуп, и расточителен, он раздавал множество милостыни и редко платил долги свои… Любезный в тесном кругу, в большом обществе он являлся высокомерным и почти неприступным… В нем была какая-то робость, которую он хотел скрыть или победить гордым обращением» (20).

Шарль де Линь (1735–1814), бывший в свите императора Иосифа II и тоже принимавший участие в Таврическом вояже, в августе 1788 г. в письме к Сегюру из лагеря под Очаковым (август 1788 г.) дает подробнейшую, разноплановую характеристику Потемкину, которого видит в боевых действиях, тесно с ним общается: «Вижу предводителя армии (Потемкин), ленивого по наружности, но трудящегося беспрестанно. Колена служат ему столом, а пальцы гребнем, он вечно лежит, но день и ночь не знает сна, ибо его усердие к обожаемой им государыне всякую минуту его мучит, ибо каждый пушечный выстрел, не в него попадающий, терзает его, заставляя думать, что им убит ко-

торый-нибудь из его подчиненных. Он робок за других и смел за себя, останавливается под сильным огнем батареи, для раздачи приказов, но более Улисс, нежели Ахилл; он беспокоен, в ожидании опасностей, и весел, будучи окружен ими… сух и непостоянен; глубокий философ, искусный Министр, великий Политик, ребенок двенадцати лет, не мстителен, просит прощения в сделанной им обиде; скоро и охотно заглаживает несправедливость… одною рукою подает знак прекрасной женщине, другою крестится; складывает руки перед образом Богоматери и обнимает ими прелестный стан своей любовницы; осыпан многочисленными дарами своей великой владычицы, но раздает их все и в одну минуту; получает в подарок от императрицы деревни, возвращает их ей, или платит ея долги, не говоря ей о том ни слова… играет беспрестанно, или совсем не играет; любит лучше дарить, недели уплачивать долги свои; страшный богач, и никогда не имеет в карманах копейки; чрезвычайно подозрителен, доверчив как младенец; ревнив, благодарен, угрюм и шутлив… под личиною жестокости имеет самое нежное сердце, работает, спит и располагает время свое как вздумается… во всем отказывает себе, как великий человек, умерен, хотя покажется жадным… лучше других сносит ужасный жар… смеется над холодом, показывая, что не может обойтись без шубы; вечно в одной рубашке, или в богатом фельдмаршальском мундире; с босыми ногами, или в прекрасных вышитых золотом туфлях; иногда без шляпы, в дурном халате, под сильным ружейным огнем, иногда в великолепной епанче, во всех орденах, с тремя звездами, и с портретом императрицы, осыпанном крупными бриллиантами, которые как нарочно выставлены для пушечных ядер. Дома – сутулист, горбат и скорчен в дугу; велик, прелестен, горд, благороден, исполнен величия, очарователен, словом, Агамемнон посреди греческих царей, когда является своей армии» (21).

Об этой неоднозначности, противоречивой сложности натуры Потемкина будет писать и Г.Р. Державин. В знаменитой оде «Фелица» (1782), главная героиня которой позаимствована из написанной Екатериной II для внука Александра «Сказки о царевиче Хлоре», он не только воспевает просвещенную государыню, но и показывает недостойное ее окружение, далекую от государственных дум жизнь ее придворных; среди них Г.А. Потемкин, А.Г. Орлов, С.К. Нарышкин, А.А. Вяземский. Каждого из них характеризуют их увлечения, ежедневные занятия, среди которых нет места серьезным делам или думам. Исключение, пожалуй, составляет именно Потемкин, стоящий в этой галерее первым и получивший наиболее подробное описание. Его жизнь Державин показывает во всем ее многообразии: тут и воинские победы, и леность, и склонность к модным нарядам:

А я, проспавши до полудня,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю,
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом,

То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан (22).

Государственно важные дела Потемкина хотя и упомянуты поэтом, но размещены в одном ряду с пустыми увлечениями. Тут же Державин представляет перед глазами читателя и великолепный натюрморт, символизирующий роскошную жизнь всесильного сибарита:

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд,
Там славный окорок вестфальский
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат (23).

В 1783 г. Державин, рисуя Г.А. Потемкина, вновь обращается к образам, созданным Екатериной; теперь это «Сказка о царевиче Февее», в которой Решемысл – это мудрый советник царя. Это произведение вышло под заглавием: «Ода великому боярину и воеводе Решемыслу, писанная подражанием к оде Фелице 1783 году». Как и в оде «Фелица», где поэт ни разу не называет подлинное имя государыни, но всеми она узнана по делам и привычкам, так и в этом произведении Державин не называет Потемкина, но все его угадывают в Решемысле, который показан не только как вельможа, но и как обычный, частный человек. И. Серман пишет: «Потемкин показан в ней в сложном и противоречивом переплетении своих занятий, вкусов, пристрастий и увлечений. Потемкин-Решемысл идеализирован у Державина так же, как идеализирована в “Фелице” Екатерина. С поведением и привычками сибарита и эпикурейца Решемысл каким-то непостижимым образом соединяет огромный размах государственной и полководческой деятельности (24). Действительно, Решемысл – истинный слуга Отечества, он живет и действует на благо всех и каждого:

Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет,
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свято чтит,
А о себе никак не тужит (25).

Державин здесь не просто перечисляет те черты, что были присущи Потемкину:

Глубок, и быстр, и тих, и сметлив,
При всей он важности приветлив,
При всей он скромности шутлив (26).

Поэт упоминает и те поступки Потемкина, которые узнаваемы и без упоминания его имени:

Без битв, без браней побеждает,

Искусство уловлять он знает;
Своих, чужих сердца пленит.
Я слышу плеск ему сугубый:
Он вольность пленникам дарит,
Героям шьет коты да шубы (27).

Сам Державин поясняет свои строки: «Кн. Потемкин, командуя армией в Крыму, выпустил из оного всех крымских татар, куда они хотели... и облегчил сей полководец российскую армию, что исходатайствовал у императрицы панталоны и широкие мундиры, не пудриться и обрезать косы, которые прежде были в обыкновении по прусскому манеру, а зимой в морозы носить коты и шубы» (28).

Внезапная кончина Потемкина вызвала в обществе множество откликов, уже в 1791 г. появились и поэтические произведения. В числе первых на смерть Потемкина откликнулся В. Петров, который неоднократно воспевал своего мецената в стихах, обращался к нему с дружескими посланиями, в «Плаче» же он, используя державинскую манеру создания неофициального образа официального деятеля, рисует облик не только государственного мужа, полководца, но и покровителя искусств, любителя поэзии. Г.Р. Державин, как и все его современники, был потрясен этим неожиданной, трагической потерей 52-летнего богатыря. Не на заказ, а по воле сердца откликается поэт на смерть Потемкина одой «Водопад», которая первоначально состояла из 15 строф, но в ходе долгой творческой работы достигла 74 строф, став, по сути, грандиозной эпитафией государственному деятелю. Что есть мирская слава? В чем величие человека? Об этом размышляет Державин, для него Потемкин со всем пылом его души, с имперскими амбициями, с невероятным размахом во всех делах и начинаниях – тайна, загадка, которую сложно, даже невозможно разрешить.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Две лепте покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!
Чей одр – земля; кров – воздух синь;
Чертоги – вкруг пустынны виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей? (29).

Следует согласиться с мнением Ю.В. Стенника: «Осмысление смерти в этом стихотворении предстает не только как конечный предел земного бытия человека, но и как начало его духовного бессмертия. Только после смерти наступает время беспристрастных оценок содеянного, и величие сильных мира обнажает свою истинность или мнимость в глазах потомства» (30).

В пору расцвета власти Г.А. Потемкина у него был самый сложный, длинный и значительный титул, который являлся свидетельством его заслуг, по

достоинству оцененных императрицей: «Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской, Великомилостивой Государыни моей генерал-аншеф, Главнокомандующий сухопутными Ея Императорского величества Войсками, в Крыму и Южных Российской империи губерниях расположенных, флотами, плавающими в Черном, Азовском и Каспийском морях, всею легкой конницей, Донским войском и всеми иррегулярными, Государственной Военной Коллегии Вице-Президент, Екатеринославский, Астраханский, Саратовский генерал-губернатор, Ея Величества генерал-адъютант, Действующий Камергер, Кавалергардского Корпуса поручик, Лейб-Гвардии Преображенского полка подполковник, Новотроицкого Кирасирского полка Шеф, над войсками генерал-инспектор, и орденов Российских Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Военного Св. Великомученика Георгия и Св. равноапостольного князя Владимира – больших крестов, Королевско-Прусского – Черного Орла, Датского – Слона, Шведского – Серафима, Польского – Белого Орла и Св. Станислава и Великокняжеского Голстинского – Св. Анны – кавалер» (31).

За свою недолгую жизнь Потемкин сделал для России немало. Согласимся с А. Замостьяновым, считающим, что «дипломат, фельдмаршал, администратор, Потемкин все отдал Отечеству, не сумел должным образом позаботиться только о публичной репутации. Таким он был, князь Григорий Александрович. Герой русской истории – недооцененный, но и непревзойденный» (32). Думаю, пришло время и появилась возможность окончательно разобраться в сложной личности Потемкина, в первую очередь увидеть его умную, талантливую, пылкую натуру, безусловно, не лишенную недостатков, но и не являющуюся грубой карикатурой, которую до сих пор хотят видеть противники России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лопатин В. Князь Потемкин – оклеветанный исполин. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/vacheslav_lopatin_knaz_potemkin__oklevetannyj_ispolin
2. Замостьянов А. Потемкин: недооцененный, но и непревзойденный. URL: https://www.pravmir.ru/potyomkin-nedoocenennyj-no-i-neprevzojdennyj/
3. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 286.
4. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. URL: https:// document.wikireading.ru/19793.
5. Там же.
6. Там же.
7. Лопатин В. Князь Потемкин...
8. Гельбиг Г. фон. Русские избранники. М., 1999.
9. Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992.
10. Там же. С. 96.
11. Павленко Н.И. Екатерина Великая. – М., 2003. URL:– URL: https://www.e-reading.by /bookreader.php/1050839/Pavlenko_–_Ekaterina_Velikaya.html.
12. Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 454.
13. Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. – URL: http://www.adjudant.ru/potemkin/brikner05.htm.
14. Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 122.
15. Там же. С. 123.
16. Державин Г.Р. Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила в доме генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, близ конной Гвардии, в присутствии императрицы Екатерины II, 1791 года 28 апреля // Его же. Сочинения. СПб., 1808. Ч. 4. С. 22-60. – URL: http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/proza/opisanie-torzhestva-izmaila.htm.
17. Там же.
18. Там же.
19. Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. С. 236.
20. Россия XVIII века глазами иностранцев. С. 338, 339.

21. Линь Шарль-Жозеф де. Из письма к Сегюру из лагеря под Очаковым. 1788, августа // ВЕ. № 21. 1809. Перевод В.А. Жуковского. – URL: http://az.lib.ru/l/linx_s_d/text_1788_2_pisma_printza_de_linya-oldorfo.shtml.
22. Державин Г.Р. Стихотворения. С. 98-99.
23. Там же. С. 99.
24. Серман И.З. Г.Р. Державин. Л., 1967. С. 63.
25. Державин Г.Р. Стихотворения. С. 107.
26. Там же. С. 108.
27. Там же. С. 109.
28. Там же. С. 378.
29. Там же. С. 185.
30. Стенник Ю.В. Композиция и план Державинского «Водопада» // Г.Р. Державин и русская литература. М., 2007. – URL: http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/articles/stennik-kompoziciya-vodopada.htm.
31. Щелоков А.А. Увлекательная нумизматика. М., 2006.
32. Замостьянов А. Указ. соч.

Р. М. ЖИТИН, Л. Н. ПАТРИНА, М. В. САБЕТОВА

КНИГОИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XVIII в. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ДВОРЯНСТВА (1)

Начало книгопечатания в Тамбовской губернии явилось результатом активной социокультурной деятельности Г.Р. Державина. Получив назначение из Олонецкого наместничества, Гавриил Романович смог реализовать ряд смелых проектов в сфере тамбовского образования, интеллектуализировать культурную жизнь местных обывателей. За короткий срок им была обустроена вольная типография, налажен выпуск первой провинциальной газеты России, открыто народное училище, театр (2). Созданные учреждения активно развивались и после ухода Г.Р. Державина с поста тамбовского наместника, во многом предопределяя вектор дальнейшей модернизации края.

Необходимость организации собственного печатного дела тамбовские обыватели начали обсуждать сразу после выхода указа 1783 года. Постановление позволяло «каждому по своей собственной воле заводить типографии» (3). Проживавшие в Тамбове поэты П.М. Захарьин, М. Солнцев были уверены в важности развития частной печатни для популяризации местных писателей, удовлетворения читательских потребностей населения. Однако только благодаря находчивости тамбовского наместника Г.Р. Державина общественные идеи получили вид конкретного предприятия. В 1886 г. Державин обратился к известному издателю Н.И. Новикову с просьбой найти «одного продажного для печати книг, со всеми к тому принадлежащими инструментами, станка и довольными для оного литых слов гражданского почерка» (4). Заказывая тираж, Гавриил Романович надеялся издавать в Тамбове казенные бумаги: «По обширности здешней губернии и по множеству текущих дел, весьма много таких бумаг, которые бы чрез типографию скорее течение своё имели; то ежели усмотрю я выгоду, то дешевле один стан, нежели множество пустокормов подъячих содержать, я бы решился единственно для канцелярского производства завесть здесь типографию» (4). Такая мера позволила ускорить документооборот, повысить эффективность работы местных чиновников.

В ответ на обращение Новиков рекомендовал Державину обустроить «один стан со всеми к нему приборами» «общим весом десять пудов» и стоимостью 1900 руб. При заказе подержанных шрифтов их стоимость уменьшалась бы до 1450 руб. Доподлинно неизвестно какой вариант выбрал поэт, однако уже в 1786 г. И. Шнейдер (наемный управляющий новиковской типографии) привез в Тамбов все необходимое оборудование. Он даже позаботился о том, чтобы для «типографии были наняты один наборщик и один тередеровщик» (4). В 1886 г. в Тамбове «уже печаталась большая часть бумаг по управлению, както: публикации и предписания. Кроме того, были заведены и губернские печатные ведомости, где печатали: 1) о проезжих именитых людях; 2) о проходе команд; 3) о цене на хлеб и 4) о разных товарах первой необходимости» (5).

Одновременно с выходом казенных бумаг шла подготовка к выпуску книжных изданий на русском и иностранном языках. Формально это было не запрещено, так как указ 1883 г. дозволял «типографии для печатания книг не отличать от прочих фабрик» (6). Достоверно подтверждено, что первой книгой, подписанной в печать в державинской типографии, стал «Пролог на открытие в Тамбове театра и народнаго училища». Первое издание «Пролога…» было выпущено в Академии наук (г. Москва). Тамбов стал вторым городом, напечатавшим это брошюру. При этом в отличие от Санкт-Петербургского, Тамбовский вариант выходил ограниченным тиражом и по распоряжению Державина стразу был отдан «В пользу приказа общественного призрения». Судя по всему, только незначительная часть экземпляров поступила в свободную продажу. В 1883 г. «заинтересованные обыватели» могли купить издание «20 коп без переплета», и 25 копеек "в бумажке"» (7).

В 1878 г. в Тамбове издается «Речь, говоренная в 22 день сентября 1786 года при открытии в Тамбове главнаго народнаго училища Козловской округи села Никольскаго, что на Сурене, однодворцем Петром Михайловым сыном Захарьиным, и в том же году переведена в Санктпетербурге на разные иностранные языки» (8). Это было первое печатное произведение тамбовского писателя П.М. Захарьина. В день долгожданного открытия училища он произнес поздравительное слово, глубина и художественные достоинства которого вызвали необычайный ажиотаж. «Речь…» была напечатана в нескольких периодических изданиях, выпущена двумя отдельными изданиями, переведена на иностранные языки. Высокие литературные достоинства произведения позволили даже предположить, что Захарьин не самостоятельно написал восславление, а настоящим автором был Г.Р. Державин. Это подтверждает и его биограф Я. Грот: «…за несколько дней до открытия училища однодворец… действительно написал речь, но она оказалась никуда не годною. Тогда Державин взялся за труд сам и, велев Захарьину прийти к себе… продиктовал ему речь…» (9). Тамбовчане могли приобрести издание за 10 копеек – довольно значительную на конец XVIII в. сумму (переиздание «Речи…» в 1892 г. показало неугасимую популярность этого произведения среди тамбовских обывателей (7)).

Достаточно быстро в Тамбове налаживается выпуск собственных произведений Г.Р. Державина. В 1788 г. выходят его «Торжество возшествия на престол ея императорскаго величества Екатерины Вторыя, отправленное в Тамбове

1786 года, июня 28 дня» (10). В Тамбовских известиях сообщалось, что новинка продавалась «без переплета 6, а вместе с Прологом, в бумажке 30 копеек» (7). Уже после конфликта Гавриила Романовича с местным дворянством, на принадлежавшем ему образце «Торжества…» он сделал надпись: «сие было, к несчастью, сделано в честь тому, который под покровительством дурных людей и оклеветанных честных показал низшую душу и худые нравы. Как мудрено назвать людей» (4). В 1788 г. Тамбовская типография отпечатала небольшое стихотворение «Осень в Зубриловке» (11). Издание было подготовлено на восьми страницах в четвертую долю листа. Обращение к данной теме не случайно. Именно Зубриловка превращается в любимое место пребывания поэта в годы наместничества. Здесь проживали его близкие друзья – Варвара Васильевна и Сергей Фёдорович Голицыны. Посвященное им стихотворение – дань уважение Гавриила Романовича к своим знакомым. Недаром он лично контролировал подготовку издания от момента его набора до сдачи в печать. К большому сожалению, тамбовского варианта «Осени в Зубриловке» не сохранилось.

Немаловажной задачей для развития державинской типографии стала публикация переводных произведений. Уровень культуры местного дворянства был невысок. Среди помещиков края нередко встречались совершенно необученные грамоте владельцы. «Тамбовское дворянство было так грубо и необходительно, что ни одеться, ни войти, ни общаться, как должно благородному человеку не умеет», – писал Гавриил Романович. Вполне закономерно, что стремящийся к просветительской активности Державин посчитал необходимым организовать выпуск переводов. Специально для этого к работе привлекались Е.К. Нилова, М.Г. Орлова, А. М. Нилов, прекрасно владевшие иностранными языками. После отъезда Г.Р. Державина из Тамбова все они сыграли значительную роль в культурной жизни края. Мария Орлова станет организатором первой профессиональной театральной труппы, Екатерина и Андрей Ниловы продолжат издательскую деятельность на базе вольной типографии.

Большое значение для тамбовских обывателей имел выход «Аббатства или Замка Барфордского» (12). Это было первое переводное издание, специально подготовленное для печати в Тамбове. Над русской адаптацией французского текста работала сподвижница Г.Р. Державина М.Г. Орлова. По поводу «вновь переведенной с французскаго» книги корреспондент Тамбовских известий сообщал, что любой желающий может приобрести ее, за «80 копеек с переплетом, 75 – без переплета». «Нравоучение, порядочное расположение приключений и живое изображение характеров, в ней находящихся», должны были «произнести удовольствие и пользу читателям всякаго звания» (7). Отъезд Державина из Тамбова не привел к ликвидации его начинаний. Сработали корпоративные связи с местными помещиками, сумевшими продолжить издательское дело поэта. Типография перешла в руки старого знакомого Гавриила Романовича дворянина А. Нилова, который наладил ее работу, начал работу над новыми издательскими проектами.

Первой книгой, подготовленной к печати Ниловым, становится «Ода преосвященному Феофилу епископу Тамбовскому и Пензенскому, сочиненная тамбовским помещиком Михайлом Сонцовым» (13). Издание вышло в 1789 г., т.е.

через год после его переезда в Тамбовскую и Шацкую епархию. Новому епископу было присуще стремление к коренным преобразованиям многих сторон епархиальной жизни. За годы правления Феофила в губернии были построены новые помещения для духовной семинарии, возведено много церквей и монастырей, введены новые порядки в консистории. Появившись на заре тамбовской службы Феофила, «Ода…» стала данью уважения к известному священнослужителю и его деятельности.

Отойдя от тамбовских дел, Державин продолжал издавать свои произведения в тамбовской типографии. В 1792 г. Нилов с удовлетворением сообщал о закупке «щегольских литеров» для печати сочинений поэта. При этом издатель честно признавался, что хочет использовать произведения Державина «дабы прославить себя ими». Ориентировочно, в этот период из Тамбовской типографии выходит «Песнь лирическая Россу о взятии Измаилу» – известное стихотворение Г.Р. Державина, посвященная победе русского оружия над турками. В письме к Гавриилу Романовичу Нилов сетовал о незначительных продажах Росса из-за выхода этого же произведения в другой типографии («перепечатана тогда же в Москве и продается») (14). Это подтверждает, что написанная в 1891 г. «Песнь лирическая Россу» впервые увидела свет именно в Тамбове.

К 1793 г. новиковская типография выпустила несколько десятков произведений, что прекрасно характеризует ее производительность. Значительный объем подготовленной литературы обусловил создание отдельного путеводителя – «Рэестр российским книгам, продающимся в Вольной тамбовской типографии» (11). Напечатанный каталог – важный источник для характеристики книжной культуры Тамбовского края конца XVIII века. Одной из самых известных книг тамбовской типографии является роман «Приключения англичанина Эдуарда Вильсона», изданного в 1790 г. (15). Книга была переведена женой А.М. Нилова Елизаветой Корнильевной Ниловой, родной тетей известного библиофила К.М. Бороздина. В последующем ее племянник станет обладателем части личной библиотеки Г.Р. Державина, разберет и опишет некоторые книжные коллекции поэта. «Приключения…» стали первым переводом с немецкого языка, осуществленным Е.К. Ниловой для вольной типографии.

В последующем Елизавета Корнильевна начинает работать над романом француза Жерара «Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка» (16). В 1793–1796 гг. Нилова подготовила к печати семь частей этого произведения. Причем каждый из томов «Графа Вальмонта…» состоял из 300-400 страниц. Успех издания среди читающей публики и объем подготовленного текста свидетельствовали о готовности Тамбовской типографии работать наравне с другими центральными и региональными печатнями. Постепенно ниловская типография принимает вид семейного предприятия. В 1889 г. здесь выходит русский перевод французской книги «История короля Генриха Великаго, сочиненная Гардуеном де Перефиксом, епископом Родецким, бывшим учителем короля Людовика XIV» (17). На титульном листе издания указано, что ее переводом занимался Андрей Нилов – сын А.М. Нилова. В связи с подготовкой книги «Тамбовские известия» советовали тем, кто «упражняется в переводе иностранных книг», «не предпринимать напраснаго труда в переводе оной… ибо

она уже и в печать изготовлена» (18). В 1793 г. Андрей Нилов выполняет перевод романа Ф. Фенелона «Позорище природы, произведенное из сущности божией».

Существенно облегчить приобретение книжных новинок Тамбовской типографии способствовало создание собственной лавки. По сути это был полноценный книжный магазин, предоставляющий библиофилам возможности покупки редких книг прямо в Тамбове. Особенностью лавки являлось то, что здесь не только торговали, но и выдавали литературу для прочтения «за умеренную плату». Открытие заведения говорит не только о коммерциализации новиковского заведения, но и о готовности тамбовских обывателей приобретать книжную продукцию. В 1786 г. вышла седьмая часть «Графа Вальмонта…» Это было последнее издание Тамбовской типографии, завершившее эпоху частного книгоиздательства в крае. В 1796 г. Екатерина II подписывает указ «Об ограничении свободы книгопечатания», запрещающий «вольные» типографии по всей стране. Исполняя закон, А.М. Нилов сворачивает успешную издательскую деятельность и продает дело Губернскому правлению.

В истории тамбовского книгопечатания была еще одна страница, без которой изучение истории формирования книжной культуры края было бы не полным. В то время как ниловская типография набирала популярность, в 1791 г. недалеко от города Козлова в с. Старая Казинка начала работать вторая частная типография. Ее возглавил библиофил и переводчик И.Г. Рахманинов. Свое издательское дело он начал еще в Санкт-Петербурге. Приобретя небольшой типографский стан, И.Г. Рахманинов печатает журналы «Утренние часы» и «Почту духов» (19). Одновременно им готовится выпуск сочинений Вольтера. Однако издательским делом Рахманинова быстро начинают интересоваться власти. Свободолюбивая проза Вольтера сулила типографии закрытием. Для спасения задуманного Рахманинов перевозит типографский стан в имение Старая Казинка. Таким образом, на тамбовской земле появились сразу две книгопечатни.

Несмотря на опасность ареста, Рахманинов продолжает печатать новые произведения Вольтера. Иван Герасимович прекрасно понимал возникающие риски, но как «истинный вольтерьянец» отказаться от своего дела он не мог. Начавшееся в 1794 г. расследование привело к закрытию его типографии и аресту всего тиража (всего 5205 изданий). Долгое судебное разбирательство неожиданно прервал пожар. Охранявшая типографию «обывательская команда» допустила возгорание бани в Старой Казинке, в результате часть построек поместья и здание типографии были потеряны. Поскольку крамольные книги сгорели, все обвинения с И.Г. Рахманинова были сняты.

После продажи Рахманиновым Старой Казинки в подвальном помещении была найдена часть тиража бывшей типографии. Разумеется, находка сразу была передана под надзор полиции, а сами книги подлежали уничтожению (19). К счастью, этому помешал секретарь губернского правления Апарин, отвечавший за хранение найденных собраний. В 1800 г. за свою инициативу он даже подвергся судебному преследованию. Тем не менее, только благодаря его смелости удалось сохранить первые тома рахманиновского издания Вольтера, находя-

щихся на данный момент в отделе редких книг Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина.

В целом, книгоиздательство сыграло важную роль в формировании книжной культуры Тамбовщины. Местная продукция отличалась высоким качеством подготовки, добротностью, светским характером произведений. В условиях дефицита инфраструктуры для издания и продажи книг местные типографии позволяли провинциальному дворянству закупать необходимую литературу, избегая ее транспортировки из столиц и заграничных путешествий. Все это способствовало повышению уровня образования тамбовских обывателей, формировало особую книжную культуру Тамбовского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484.
2. Чернов А.С. Светоч, зажжённый Державиным. 225-летняя история типографии «Пролетарский светоч». Тамбов, 2012.
3. Блюм А.В. Издательская деятельность русской провинции конца XVIII – начала XIX в. (Основные тематические направления и цензурно-правовое положение) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 12. М., 1966. С.136–159.
4. Сочинения Державина: с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1869. Т. 5. С. 548.
5. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. 14. С. 10-16.
6. Самарин А.Ю. Под каким присмотром и цензурою печатание книг происходит: типографское дело и цензура в России эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2008. № 4. С. 356–375.
7. Тамбовские известия. 1788. № 41 (13 октября). С. 162.
8. Державин Г.Р. Речь говоренная в 22 день сентября 1786 года при открытии в Тамбове главнаго народнаго училища Козловской округи села Никольскаго, что на Сурене, однодворцем Петром Михайловым сыном Захарьиным, и в том же году переведена в Санктпетербурге на разные иностранные языки. Тамбов, 1788. 16 с.
9. Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, описанная Я. Гротом: в 2 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 300.
10. Державин Г.Р. Торжество восшествия на престол ее императорского величества Екатерины Вторыя, отправленное в Тамбове 1786 года июня 28 дня. Тамбов, 1788. 10 с.
11. Реэстр российским книгам, продающимся в вольной Тамбовской типографии. Тамбов, 1793. 15 с.
12. Ганнинг С. Аббатство или Замок Барфордской: Аглинское сочинение / Переведено с французскаго девицею Марьею Орловою в селе Покровском на Рянзе. Тамбов, 1788. 8°.
13. Сонцов М. Ода преосвященному Феофилу епископу Тамбовскому и Пензенскому, сочиненная тамбовским помещиком Михайлом Сонцовым. Тамбов, 1789. 8 с.
14. Державин Г.Р. Песнь лирическая Россу по взятии Измаила. М, 1791. 15 с.
15. Приключения агличанина Едуарда Вальсона / Перевод с немецкаго (Е.К. Ниловой). Тамбов, 1790. 8°.
16. Жерар Ф.Л. Граф Вальмонт, или Заблуждения разсудка. Письма собранныя и обнародованныя господином М... Поднесенныя королеве французской в 1775 году, г. Жерардом, каноником с. Лудовика Луврскаго / Перевод с французскаго (Е.К. Ниловой). Тамбов, 1794. 8°.
17. История короля Генриха Великаго, сочиненная Гардуеном де Перефиксом, епископом Родецким, бывшим учителем короля Людовика XIV; переведена с французскаго князем Дмитрием Цициановым и Андреем Ниловым. Тамбов, 1789–1790. Т. 1. 1789. 327 с.
18. Климкова М. А. Державин в Тамбове: Учреждение типографии. URL: https://marina-klimkova.livejournal.com/261493.html (дата обращения: 17.09.2019).
19. Рахманинов Иван Герасимович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.-М., 1910. Т. 15. С. 509-510.

Е.А. СУКОВИЦЫНА

О ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАННЕГО РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА И ЕГО ОСОБЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Данная тема является достаточно новой для отечественной науки, так как изучением проблем русского консерватизма исследователи всерьез стали зани-

маться лишь в постсоветскую эпоху, пусть и имея определенный задел в этом отношении в историографии рубежа XIX–XX вв. В настоящее время применительно к существующим оценкам этого общественно-политического течения на его ранней стадии ситуация выглядит примерно так. Само определение консерватизма как направления в общественной мысли в общем-то не вызывает особых споров как, например, в отношении либерализма на ранних этапах его развития. Консерватизм рассматривается ныне как определенная идеология, направленная на сохранение существующих в обществе ценностей, традиций поддержание исторически сложившихся форм общественно-политического и государственного устройства, противодействия реформам и изменениям в социально-политической жизни (1).

Его возникновение в России – вопрос дискуссионный, хотя доминирует положение о том, что все же началом его можно считать вторую половину XVIII в., связывая его возникновение как течения с именем М.М. Щербатова (2). Не вызывает сомнение, что Щербатов выступал за сохранение сильной государственной власти, был ярым сторонником крепостничества, действуя исключительно в рамках помещичьего интереса даже когда он ратовал за предоставление права крепостным торговать собственной продукцией. Он не остался одинок в своих представлениях (3). Имелся и ряд других российских деятелей, занимающих схожую позицию, среди них, например, – А.П. Сумароков и И.Н. Болтин. Последний изучал вопрос происхождения крепостного права и считал, что освобождение крестьян неразумно, однако урегулировать их взаимоотношения с помещиком необходимо. Именно его взгляды на крестьянский вопрос во многом были в ходу у консерваторов в начале XIX в. Кстати сказать, в разные исторические периоды трудно оценивать роль и значение консерватизма в России; проще для времени правления Екатерины II или Александра I, сложнее – для времени царствования Павла I, для которого исследователи отмечают трудности в изучении деятельности общественно-политических направлений. Однако это не мешает сделать вывод о том, что консерватизм как политическое направление в общественной мысли России зародился именно в XVIII в., отражая интересы значительной части дворянства. Именно тогда были заложены основные принципы консерватизма – борьба за сохранение крепостного права и существовавшего государственного устройства.

Начало XIX в. в России ознаменовало вступление на престол молодого и амбициозного императора Александра I. Российские общественно-политические круги по-разному воспринимали идеи этого либерально настроенного императора во всяком случае, «заигрывавшего с либерализмом», как писал когда-то В.И. Ленин (4). Именно в этот период активизируется и консервативное направление общественно-политической мысли, представителями которой были А.С. Шишков, Г.Р. Державин, Ф.В. Ростопчин и многие другие видные деятели (5). Стоит отметить, что спустя всего несколько лет после воцарения Александра русский консерватизм потерпел ряд неудач, которые впоследствии закончились триумфом. А.С. Шишков был один из первых, кто выступил в качестве оппозиционера либеральному курсу императора, критически высказываясь в адрес молодого императора и его окружения, поэтому, видимо, пер-

воначально не был включен в состав членов Государственного совета (6). Пострадал за свои убеждения Г.Р. Державин, лишившийся в 1803 г. поста министра юстиции. Однако это не сломило российский консерватизм, а лишь сплотило. Так, например, Державин еще больше сблизился с Шишковым. Чуть позже, а именно в 1807 г., они создадут свою организацию «Беседу любителей русского слова», в которую войдут также А.К. Разумовский, И.А. Крылов и др. Официально эта организация оформилась лишь в 1811 г (7).

Идеологом консерватизма выступал и Ф.В. Ростопчин, который критически относился к внутренней и внешней политике Александра, отражая в том числе и негативное мнение многих представителей дворянства относительно французского влияния на развитие российского общества (8). Большой вклад в становление консерватизма внесла сестра императора – великая княжна Екатерина Павловна. Именно она начала борьбу против ярого либерала М.М. Сперанского. Ее салон в Твери был своеобразной Меккой для представителей консервативно мыслящей элиты страны, в котором собирались тот же Ростопчин, очень близкий ей по взглядам, П.И. Багратион, А.И. Мусин-Пушкин (9). Именно в гостях у великой княгини встретились впервые А.С. Шишков и Н.М. Карамзин, причем эта встреча послужила началом их дальнейшего сотрудничества. Стоит отметить, что салон Екатерины Павловны был не единственным салоном подобного рода. Другим важным центром консерватизма, во главе которого была также представительница императорской фамилии, был салон великой княгини Марии Федоровны в Подольске. Вокруг Александра сложилась достаточно опасная ситуация в предвоенный период: в консервативном лагере находились многие представители императорской фамилии – Мария Федоровна, Константин Павлович, Екатерина Павловна. Деятельность консерваторов дала свои результаты (10).

Крупнейшей победой консерватизма явилась накануне войны 1812 г. отставка М.М. Сперанского, которую сам император оценил следующими словами: «Именно теперь решение обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнению» (11). Именно этот шаг и положил начало необратимому процессу нарастания в ту пору влияния консерватизма в политике государства. На должность государственного секретаря был назначен А.С. Шишков. По всей видимости, выбор Шишкова на эту должность был не случаен. Во-первых, он пользовался как боевой офицер большим уважением в военных кругах (12). Во-вторых, как сторонник консерватизма был необходим в преддверии войны, так как большая часть дворянства придерживались подобных взглядов, и назначение такого деятеля на столь высокую должность помогало сплотить консервативные круги вокруг императора (13). По окончании Отечественной войны внутренними делами стал заниматься фаворит Александра граф А.А. Аракчеев, являвшийся, как и Шишков, столпом консерватизма. Власть была сосредоточена в руках консервативно настроенного дворянства.

Консерваторы укрепляли свои позиции не только с помощью занятия правительственных должностей, но и через средства печати они стремились воздействовать на общественное мнение. В противовес либералам и их «Вест-

нику Европы» консерваторы создают свой журнал – «Русский вестник», предназначавшийся для широких слоев населения. Главные идеи выражались в почитании русских традиций и обычаев и полном непринятии чужеродных западных идей (14). Естественно, что во время и после войны журнал стал весьма популярен и являлся еще одной ступенью на пути к господствующему положению своего общественно-политического направления.

Главной особенностью российского консерватизма, особенно в рассматриваемое время, являлась его разнообразная типология и трактовка его представителями этого понятия (15). В разные исторические периоды и классификация, и определение консерватизма претерпевали значительные изменения и дополнения в оценках историографии. Так, для конца XVIII – начала XIX в. его подразделяют на «свободный», представителями которого называют Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского и А.С. Пушкина, и служебный, куда включают А.Х. Бенкендорфа, Л.В. Дубельта (16). В отличие от «охранительных» консерваторов, которые главной своей задачей ставили сохранение бюрократически-абсолютистских порядков, «свободные» своей целью ставили возвращение самодержавия к православию и народности. Они не были против прогресса и всего нового, их миссия заключалась в совмещении достижений настоящего, укреплении и возвращении к традициям прошлого (17).

Наряду с этими двумя основными течениями в конце XVIII в. возник и особый, скажем так, «церковный» консерватизм. Его представители по своим убеждениям были ближе к правым консерваторам, так как тоже были ярыми сторонниками, к примеру, неограниченной власти императора (а также выступали за нерушимость позиций Русской Православной церкви, соблюдение ее канонов и традиций) (18). Поддержка светской власти продолжалась с их стороны до тех пор, пока не начиналась «чистка веры» и притеснение прав самой церкви. Данному направлению принадлежали, естественно, прежде всего представители и идеологи православного духовенства. Самыми видными представителями этого течения в данный период были митрополит Платон и архимандрит Фотий. Очень близко к «церковному» консерватизму по своим убеждениям стоял светский, православно-самодержавный консерватизм. Его представителей интересовал целый спектр вопросов. Особое внимание М.Л. Магницкий и А.С. Шишков уделяли вопросам самодержавной власти, национальному образованию, взаимоотношению церкви и светской власти, вопросам внешней политики. В частности, Шишков активно боролся с влиянием французского языка на русский (19). Подобное явление было, по его мнению, губительно. Выступая за сохранение самобытности родного языка, в проникновении «французской заразы» он видел угрозу не только морально-нравственному состоянию российского общества, но и всему государству (20).

Граф Ф.В. Ростопчин был главным представителем «русско-националистического» консерватизма. Особенностью этого течения являлось для той поры отождествление всего европейского, в особенности французского, с либерализмом и, разумеется, его неприятие. Деятельность императора и его «либеральные» преобразования вызывали критику. Еще большую обеспокоен-

ность вызывала молодежь, которая росла и воспитывалась на основе западных традиций и все сильнее отдалялась от всего русского (21).

В консервативном направлении было еще несколько течений, одно их них можно определить как консервативное масонство. Его олицетворяли О.А. Поздеев, П.И. Голенищев-Кутузов, И.В. Лопухин. Согласно их взглядам, ведущее место в жизни государства должно принадлежать церкви как основному институту воспитания и морали (22). Именно церковь служила защитой от революционных и либеральных идей. Другое течение – менее заметное – католический консерватизм, по своим общим воззрениям очень схожий с русским церковным консерватизмом. Однако главное отличие его, скажем осторожно, заключалось в стремлении к ограничению гегемонии православия и обращению всех русских подданных в католицизм. Основная цель заключалась в единстве общества, государства и народа под властью католической церкви, которая должна иметь всеобщее признание. Католицизм был представлен как идеальная цивилизационная система, успешно противостоящая не только революционному началу, но и моральному разложению общества.

Таким образом, русский консерватизм, зародившийся еще в конце XVIII в., становится влиятельным направлением общественно-политической мысли уже в начале XIX в. Консерватизм получил широкую поддержку среди членов императорской фамилии, высших слоев населения, которые выступали за сохранение старого порядка. Консерватизм оформился как движение или направление, по сути, оппозиционное официальной политике императора начала царствования. С момента появления консерватизм был разделен на множество течений, каждое из которых имело свои принципы и позиции. Единым было их представление о том, что по мере своего развития российское общество деградирует, и, в конечном итоге, это приведет к нравственному падению и гибели России. Для того чтобы избежать подобной участи, в основу воспитания молодого поколения должны лечь не западные новшества и традиции, а православие и любовь к императору. С нашей точки зрения, консерваторы той поры, в целом, не выступали против общественного прогресса, но изменения должны были, по их мнению, происходить постепенно и своевременно, когда общество будет к ним готово. Российский консерватизм в ту пору сделал попытку объединить российское общество в единую, независимую, самодостаточную культурно-политическую общность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Погорелый Д.Е. Новейший политологический словарь. Ростов-на-Дону, 2010. С. 120.
2. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный…»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т. Липецк, 2018. Т. 1. С. 259.
3. Там же. С. 260-261.
4. Ленин В.И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Его же. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1967. Т. 5. С. 30.
5. Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX века. М., 2017. С. 425.
6. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос в политике Александра I в 1820 г. (о продаже крестьян без земли) // Вестник Московского университета. 1984. № 2. С. 63.
7. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.-Л., 1957. С. 232.
8. Мещерякова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 70.

9. Предтеченский А. В. Указ. соч. С. 271.
10. Гросул В.Я. Указ. соч. С. 456.
11. Там же. С. 471.
12. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших центральных учреждений (1802–1917). Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. С. 842-843.
13. Ахиезер А.С. История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 222.
14. Гросул В.Я. Указ. соч. С. 435.
15. Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный…». Липецк, 2018. Т. 2. С. 122.
16. Шульгин В.Н Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие: Автореф... дис… докт. ист. наук. СПб., 2010. С. 6.
17. Консерватизм: proetcontra, антология / Под. ред. Д.К. Богатырева. СПб., С. 590.
18. Кондаков Ю.Е. Кризис государственно-церковных отношений и церковный консерватизм в первой половине XIX в. // Тетради по консерватизму. М., 2015. № 4. С. 59.
19. Долгих А.Н. О социально-политических взглядах А.С. Шишкова (крестьянский вопрос) // История: факты и символы. Елец, 2015. Вып. 2. С. 62.
20. Минаков А.Ю. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишкова – первый манифест русского консервативного национализма // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Воронеж, 2002. Вып. 1. С. 240-241.
21. Мещерякова А.О. Указ. соч. С. 73-75.
22. Долгих А.Н. Масоны-консерваторы и крестьянский вопрос в России в начале XIX века (И.В. Лопухин и О.А. Поздеев) // История: факты и символы. 2015. Вып. 1. № 2. С. 56.

А.Н. ДОЛГИХ

«… И С МИРОМ, И С ПОЗОРОМ…»: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ В РОССИИ В ТИЛЬЗИТСКУЮ ЭПОХУ

Говоря о Наполеоне Бонапарте в стихотворении 1824 г., А.С. Пушкин вспоминал ситуацию взаимоотношений уже ушедшего в мир иной французского владыки и российского императора Александра I в связи с подписанием ими известного Тильзитского мира 8 июля 1807 г.:

«Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русской в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором,
И с миром, и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял».

Эти строки из малоизвестного стихотворения Пушкина были навеяны возвращением «кочующего деспота» (по выражению поэта) – Александра I – с Веронского конгресса (февраль 1823 г.) и фактом подавления войсками Священного союза ряда европейских революций, являясь и своеобразным отзвуком сведений о сравнительно недавних событиях, о которых он узнавал от их очевидцев (известно, что Пушкин упрекал современников в том, что они «ленивы и нелюбопытны») (1). Надо прямо сказать, что слова поэта о Тильзитском мире весьма непатриотичны и не совсем типичны для него как певца державы, но в этом смысле еще более справедливы в отношении ситуации, возникшей в связи с русско-французским договором от 8 июля 1807 г. и разнообразной, многоплановой и в целом негативной реакцией на него в правительственных сферах и в тогдашнем обществе России (2), ряду аспектов которой и посвящена данная статья. Тема ее не является совершенно новой для историографии, но ее отдельные аспекты недостаточно прояснены в литературе вопроса (3), что осо-

бенно важно в связи с актуализацией всех проблем, относящихся к данной эпохе, в контексте недавнего юбилея Отечественной войны 1812 г. (4).

Отметим также, что основной корпус документов на сей счет лучше всего представлен в исследовании советского историка А.В. Предтеченского (5), и мы лишь немного можем его расширить. Спецификой изучения данного сюжета, действительно, является недостаточное обеспечение источниками, особенно раскрывающими те аспекты проблемы, которые будут рассмотрены здесь, а именно – негативную реакцию дворянства (доходившую в некоторых случаях до соответствующих «оргвыводов» в отношении своего монарха) и других слоев российского общества на сам факт военного поражения для страны, привыкшей к постоянным победам П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Г.А. Потемкина и Ф.Ф. Ушакова, на условия этого «насильственного и невыгодного мира» (6) (по часто цитируемым словам современника – Ф.Ф. Вигеля, «от знатного царедворца до малограмотного писца, от генерала до солдата все, повинуясь, роптало с негодованием») (7), приведшего к фактическому лишению России права ведения самостоятельной внешней политики и необходимости участия в невыгодной для нее континентальной блокаде Великобритании (8).

Некоторая фрагментарность материала источников не дает точного представления об изучаемых явлениях, но все же указывает на определенные тенденции развития политической ситуации в «верхах» империи, связанные со сменой лиц, находящихся у кормила правления (как писал Ф.Ф. Вигель, тогда «наступил второй период царствования императора Александра, когда все изменилось в нем и вокруг него, когда он должен был разорвать прежние союзы, удалить от себя прежних любимцев…») (9), а также и в общественном движении данного периода, касающихся преимущественно 1807–1809 гг. (хотя трудно точно определить хронологические рубежи этого своеобразного кризиса, начавшегося примерно с 1805 г. и окончательно сошедшего на нет лишь с опалой М.М. Сперанского и началом Отечественной войны 1812 г.).

Заметим, что, по мнению ряда ученых, империи не могли долго сохраняться без внешнеполитических успехов, связанных с их расширением и удачными для них войнами, которые позволяли сдерживать нарастание противоречий разного рода в этих странах. Мы не беремся судить о том, насколько это положение справедливо для всех империй или государств с имперскими замашками, но применительно к истории России этот вывод, по крайней мере, для эпохи, начиная с Петра I и заканчивая Николаем II, выглядит справедливо. С другой стороны, некоторые современные авторы (А.С. Ахиезер, И.М. Клямкин, И.Г. Яковенко) недавно обратили внимание на феномен своеобразного «раскола» в российском обществе, ставшего важнейшим последствием преобразований Петра I и сохранившегося до революций начала XX в. (вывод, в общем-то, не новый для науки), периодически сдерживаемый или смягчаемый ситуацией, связанной или с успешными войнами, или с отражением вражеской угрозы. Неудачи же в подобных «статусных» (по их выражению) войнах приводили к политическим кризисам в стране и в обществе. Нечто подобное имело место в начале XIX в., после поражения России в войне с Францией

1805–1807 гг. в связи с подписанием летом 1807 г. Тильзитского мира (10). Мы попытаемся разобраться в том, насколько это явление выглядит именно так.

По словам А.В. Предтеченского, успехи внутренней политики Александра I первых лет его правления были явно недостаточны с точки зрения устранения «экономических и политических затруднений» государства, создававших «благоприятную обстановку для развития оппозиционных настроений в различных по своему классовому положению социальных кругах». В этой связи война с Наполеоном «становилась одним из факторов не только внешней, но и внутренней политики» и в эти годы (1805–1807) все же отвлекала общество от разрешения правительством назревших проблем страны» и, судя по всему, способствовала усилению промонархических настроений и некоторой эйфории в различных социальных средах России того времени, известной по источникам.

Но последовавшие затем военные неудачи усилили «оппозиционные настроения, а после Тильзитского мира они ожили с новой силой», причем, «за исключением группы промышленных предпринимателей, надеявшихся на умножение своих доходов в силу разрыва англо-русских экономических связей», многие представители дворянства, да и купечества «обнаруживали крайнее недовольство», связанное и с поражениями, и с уязвлением «национального чувства», и с континентальной блокадой, с которой была «экономически связана» определенная часть дворянства империи (11). Современный исследователь Н.Н. Трошин делает здесь акцент именно на неприятие элитой российского «общества» «политического союза с Наполеоном, в котором видели нового Пугачева, вкупе с национальной гордостью, оскорбленной двумя поражениями» русских под Аустерлицем и при Фридланде, соглашаясь здесь с мнением на этот счет ряда историков начала XX в. (12).

Оригинально на это явление смотрит В.Я. Гросул, по словам которого, основная часть недовольных относилась к консервативным кругам российского общества, напуганным «либеральной политикой Александра I» и воспользовавшимся «Аустерлицом и Тильзитом для усиления своей оппозиционности». При этом они опасались в особенности лишения «власти над своими крестьянами, то есть потери неоплачиваемого труда». Их недовольство внутренней политикой Александра, копившееся и до Тильзитского мира, усугублено было и «привычкой к победам», и прекращением торговых отношений с Англией, наиболее выгодных «для русских помещиков, прежде всего, для владельцев крупных поместий». При этом ситуация в российском обществе после Тильзита, по словам историка, характеризовалась «как крайнее раздражение, охватившее разные социальные слои», причем в особенности это касалось «высших и правительственных кругов, вплоть до императорской фамилии…» (13).

Рассматривая составляющие этого кризиса, стоило бы начать со смены окружения Александра I, фактической отставки в ту пору от дел по тем или иным причинам бывших членов так называемого Негласного комитета (14): князя А.Е. Чарторыского (таково правильное написание его фамилии), графа П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцева и графа В.П. Кочубея. Вообще говоря, в литературе часто используется тезис о том, что сам этот Комитет перестал функционировать еще в конце 1803 г. (так как именно ноябрем 1803 г. заканчи-

ваются записи П.А. Строганова об его заседаниях). Однако, судя по всему, круг реформаторов начала царствования Александра I и в определенном смысле единомышленников сохранялся, по крайней мере, до осени 1805 г., а, по мнению М.М. Сафонова, распался окончательно именно в связи с Тильзитским миром в 1807 г. (15). Обычно считается, что радикальное изменение внешнеполитической стратегии монархом с антифранцузского на профранцузское, видимо, вынужденное для него, не встретило одобрения этого кружка реформаторов, и поэтому их отставка была предрешена и с той, и с другой стороны (16). Недостаток информации о причинах этого явления, конечно, имеется. Посмотрим по логике вещей, только ли в этом состояло здесь дело.

Граф В.П. Кочубей, поднаторевший в занятиях международной политикой и под руководством своего родственника светлейшего князя А.А. Безбородко и затем самостоятельно выступал в те годы идеологом достаточно нейтрального курса «внешних сношений», в начале царствования Александра давая советы молодому монарху в этом смысле, чем, видимо, вызывал и определенное раздражение у самодержца. Этого же направления он придерживался и после поражения 1805 г. при Аустерлице, уже в качестве министра внутренних дел изложив его на закрытых заседаниях Государственного (Непременного) совета в январе 1806 г. Суть его позиции заключалась в сохранении хороших отношений с англичанами, Пруссией и Австрией (17).

Граф П.А. Строганов, несмотря на то что в период начала Французской революции даже входил в якобинский клуб в Париже, в дальнейшем (по мнению современников, не будучи достаточно самостоятельным в своих мнениях), по словам А.Е. Чарторыского, «пленился» политической системой Англии и потом долго ею «бредил», вполне мог стать и стал позднее противником Франции, следуя здесь до поры до времени в фарватере политики своего коронованного визави (18). Н.Н. Новосильцев, судя по его всегдашним проанглийским симпатиям (по словам Ф.Ф. Вигеля, «Англия совсем обворожила его»), никогда не был сторонником революционной Франции (19). Не столь очевидна позиция А.Е. Чарторыского. Князь, как и многие представители польской знати, надеявшейся на восстановление Речи Посполитой в том или ином виде, не был, в принципе, против Франции, разве что лишь из соображений поддержки подобных настроений Александра I, приняв его линию поведения после фактического убийства Наполеоном герцога Энгиенского, возможно, надеясь до поры до времени на добрую волю российского государя в отношении Польши. Он, единственный из членов Совета, в качестве товарища министра иностранных дел поддержал внешнеполитический план В.П. Кочубея в 1806 г. (20).

И все же в любом отношении крутой поворот Александра I в российско-французских отношениях (подчеркиваем еще раз, для российского монарха вынужденный) (21), вряд ли являлся, на наш взгляд, главной причиной отставки его «молодых друзей». Не будем сюда также относить и экономические невыгоды страны от начала проведения режима континентальной блокады, в отношении влияния которой на Россию существуют и некоторые разногласия в литературе вопроса (22). Эти проблемы, скорее, интересовали русское купечество и определенные слои дворянства, но вряд ли именно эти обстоятельства приве-

ли в ту пору к резкому изменению круга правящих лиц в стране. Мы полагаем, что поворот во внешней политике, связанный с «провалами» в ней и военными поражениями, больно ударившими по престижу царя, нужно было каким-то образом объяснить – и отставка всего монаршего окружения все и объясняла. По мнению В.Я. Гросула, главной жертвой общественному мнению той поры была отставка поляка А.Е. Чарторыского. Что же касается позднейшей отставки нового министра иностранных дел А.Я. Будберга, то она была вполне прогнозируема, о чем еще за полгода до Тильзита писал современник событий С.П. Жихарев в дневнике 17 января 1807 г. (23).

К тому же от трона удалялись (что потом будет происходить неоднократно при этом монархе) люди, оказывавшие сильное влияние на курс и внутренней, и внешней политики, с чем все менее желал считаться Александр Павлович, истинный самодержец по духу. Наконец, в его окружение теперь войдут совершенно иные фигуры – граф Н.П. Румянцев, обратившийся весной 1807 г. к императору со специальной запиской о смене приоритетов во внешней политике с проанглийских и проавстрийских на более сдержанную по отношении к Франции, которая, по словам мемуариста С.П. Жихарева, была принята монархом «с благоволением и даже признательностью» (запись 10 мая 1807 г.) (24), А.Б. Куракин, Н.И. Салтыков, П.В. Чичагов, П.В. Завадовский, А.И. Васильев, П.В. Лопухин и, конечно, М.М. Сперанский (25), которые (при некоторых профранцузских симпатиях – но это не главное) будут все же простыми исполнителями его предначертаний (по крайней мере, на время – затем уже в преддверии войны 1812 г. произойдет и новая смена караула при монархе), как это будет с графом А.А. Аракчеевым (ставшим в 1808 г. военным министром), не выходившим никогда из своего круга обязанностей и безмолвного повиновения и (в том числе) поэтому сохранявшим свое влияние на государственные делана протяжении всего периода правления этого монарха.

Об определенном кризисе во взаимоотношениях власти и «общества» говорило и создание еще 13 января 1897 г. особого Комитета «охранения общей безопасности» (о чем тогда же писал в дневнике Жихарев), планировавшегося как некая замена Тайной экспедиции, в составе светлейшего князя П.В. Лопухина, Н.Н. Новосильцева, санктпетербургского главнокомандующего С.К. Вязмитинова и министра внутренних дел графа В.П. Кочубея, а его член, сенатор А.С. Макаров, стал своеобразным преемником известного «кнутобойца» С.И. Шешковского. Одним из важных составляющих этого учреждения стало отслеживание слухов о намерении Наполеона освободить русских крестьян (26).

Сюда же стоит отнести и вопрос о роли великой княжны Екатерины Павловны в этот период, когда ее рассматривали определенные круги дворянства и высшего света России (недовольные Тильзитским миром) как возможного кандидата на высший государственный пост – как своеобразную «Екатерину III». Планы эти, известные особенно по материалам иностранных послов и агентов в России, все же трудно назвать неким заговором, так как они не пошли дальше уровня разговоров. Тем не менее они, конечно, имели некую основу, и прежде всего, в отношении самой Екатерины. По словам немецкого исследователя Д. Йены, «своим честолюбием княжна напоминала Екатерину Великую, а ха-

рактером – Павла I». К тому же, по его словам, Александр I, хотя вообще-то «считал, что женщинам в политике делать нечего», по ряду причин делал исключение для вдовствующей императрицы Марии Федоровны и для любимой сестры Екатерины Павловны. Широко известно негативное отношение их обеих к Тильзитскому миру. Опуская здесь планы замужества Екатерины, носившие в том числе и политический характер, в которых сама она играла отнюдь не пассивную роль, отметим, что одно время к ней сватался и сам Наполеон (в 1808 г.), но она была к тому времени уже его решительной противницей (заметим, кстати, что, по версии великого князя Николая Михайловича, Екатерина Павловна была готова одно время «для пользы России принять его предложение»). В итоге, она пошла замуж в 1809 г. (сделав, в общем-то, весьма невыгодную для себя партию) за своего двоюродного брата герцога Георга Ольденбургского (назначенного в России вскоре тверским генерал-губернатором), не считавшегося красавцем и не имевшего значительного состояния, а, кроме всего прочего, и имевшего определенные проблемы в физиологическом плане (согласно сведениям фрейлины А.О. Смирновой-Россет) (27).

Остановимся и на дворянских проектах разрешения российских внутриполитических и внешнеполитических проблем этого периода. По мнению А.В. Предтеченского, кроме досужих «салонных разговоров» о желательности смены правления в России в пользу Екатерины Павловны, Марии Федоровны и даже императрицы Елизаветы Алексеевны, принимавшихся иностранцами за серьезную оппозицию режиму, имелись в ту пору и более конкретные планы необходимых реформ в системе управления империей со стороны «людей действия» (что можно считать еще одной составляющей этого своеобразного кризиса власти в отношениях со своей классовой опорой – дворянством), не желавших «ограничиться одними перешептываниями и сплетнями» и предпринявших «те шаги, которые казались им единственно возможными», пытаясь (легально и верноподданнически, что стоит подчеркнуть) разрешить проблемы страны через непосредственное обращение к монарху (что было в тот период возможным, в отличие, скажем от павловского времени). При этом, по выражению историка, в ту пору «острота положения обязывала к откровенности» (28). В эту группу проектов стоит включить, кроме упоминавшейся выше записки Н.П. Румянцева, предложения неизвестного лица, возможно, Г.Р. Державина (1807 г.) (29), записки сенатора П.Г. Дивова (1807 г.) (30), князя А.Е. Чарторыского (1808 г.) (31) и М.М. Философова (1808 г.) (32).

Начнем с записки неизвестного автора (исходя из содержания – явно видного чиновника еще екатерининской закваски), датированной 25 августа 1807 г. Упоминая об обнародовании Тильзитского мира в манифесте от 9 августа 1807 г., ее автор рассматривает данный договор как предтечу «неизбежной катастрофы». В первых строках проекта дается перечисление позитивных моментов начала царствования Александра: следование законам, восстановление прав Сената, «отмена Тайного Суда», беспристрастность «в выборе управляющих Провинциями», веротерпимость, строительство портов и каналов, армейские преобразования. Однако перечислены и негативы политики, связанные в особенности с учреждением министерств и назначением их руководителями раз-

личных «в убеждениях» и недостойных людей, неспособных «выполнять порученную им работу на благо нации и Отечества».

Явное недовольство автора проекта вызывали иностранцы на русской службе (особенно поляк Чарторыский, управлявший Министерством иностранных дел в 1804–1806 гг., что было, конечно, нонсенсом, имея в виду тогдашние отношения Польши и России). Автор полагал в принципе «не подпускать иностранцев к высшим должностям, чтобы не заражать наше дворянство и не портить обычаи нации». Он же обращал внимание и на внутренние проблемы России: бедственное положение финансов, крестьянства, рабочих Урала, плохое состояние армии и особенно флота, недостаток вооружения и отсутствие продовольственных запасов, что ставило перед страной вопрос о невозможности ведения новой войны. А между тем международное положение страны выглядело в его глазах весьма тяжелым. С одной стороны, у России «не осталось союзников», а с другой – «Англия, Швеция и Наполеон (довольно необычный контекст. – *А.Д.*), методично работающие по нашей дезорганизации… и всегда готовые напасть на нас», представляли «большую угрозу». Таким образом, «мы потеряли все – наше достоинство, помощь наших союзников, шансы на благоприятный исход войны и надежду видеть ее законченной».

Исследователи высказывали разные суждения об авторстве этого документа. Назывались фигуры адмирала Н.С. Мордвинова, графа М.Ф. Орлова, графа Ф.В. Ростопчина, действительного тайного советника В.С. Попова и др. Найденный недавно исследовательницей Н.С. Цинцадзе в РГАДА документ, весьма близкий по форме изложения и содержанию другим известным вариантам этого проекта, являлся писарской копией проекта Г.Р. Державина, как обозначено в самом тексте документа. Вполне возможно, что данный документ был одним из вариантов проекта, автором которого и являлся Державин (правда, сам автор публикации этого факта не отмечает). Дополнительным аргументом в этом отношении можно считать тот факт, что идеи, изложенные в нем, напоминают известную басню поэта «Жмурки», посвященную деятелям Негласного комитета, с идеями которых он постоянно сражался. К тому же к этому проекту примыкали и другие записки Державина того времени, связанные единой темой повышения обороноспособности России (33).

Сенатор П.Г. Дивов, в ту пору действительный статский советник, руководитель секретного архива министерства иностранных дел, в проекте, датируемом временем после 9 июля 1807 г., отметив то обстоятельство, что «с восшествием на престол «Александра воцарилась во всех сердцах надежда, спокойствие и доверенность», выделил следующие положительные стороны начала его правления: ликвидацию Тайной канцелярии, миролюбие во внешней политике и прекращение «несогласий» с Англией, обещание «править государством по разуму и сердцу» в духе Екатерины, связывая эти позитивные явления с активной ролью в политике «старой гвардии» – графа П.А. фон дер Палена, А.А. Беклешова, Д.П. Трощинского, Н.П. Панина и А.И. Васильева. Однако позднейшие действия монарха, связанные с влиянием новых людей у престола, автор явно осуждал: и «стремление освободить крестьян от зависимости и господ своих», в направлении которого он начал действовать в Лифляндии, и заве-

дение университетов, «наподобие немецких», преподавание в которых было предоставлено «шарлатанам», выписанным из Германии, «охуляющим… все российское», и учреждение министерств, ставших вотчиной «молодых друзей» императора, и любовь к «воинским экзерциям» вместо реальной подготовки к войне с Наполеоном, главными виновниками поражения в которой и Тильзитского мира он называл флигель-адъютанта князя П.П. Долгорукова и тогдашнего министра иностранных дел А.Я. Будберга (34).

В записках ряда членов бывшего Негласного комитета времен начавшихся войн с Наполеоном обращалось особое внимание, с одной стороны, на агрессивные планы последнего, которые трудно унять дипломатическими способами, а с другой – на неясность позиции самого монарха на сей счет. А в послании от 26 июня 1808 г. князь А.Е. Чарторыский отмечал, что только спокойствие, твердость и осмотрительность российского монарха могут помочь найти ему верные решения в данной ситуации (35).

Известны также ряд записок и мнений генерала М.М. Философова (мало используемых в литературе), бравого генерала и чиновника еще екатерининского и павловского времени, бывшего одно время своеобразным конфидентом Александра I, кстати ушедшего в тень после Тильзита, примерно с 1808 г., что, возможно, было связано с его запиской, датированной этим же годом. Известно, что с самого начала царствования Александра Философов доводил до монарха свои идеи, которые, в основном, сводились к прославлению власти самодержца, что весьма льстило молодому императору. Упомянутая выше его записка царю 1808 г. была достаточно критичной и касалась ряда сторон внутренней политики: речь шла об ограничении помещичьего вмешательства в рекрутские наборы, о необходимости держать армию в оптимальном состоянии без отягощения податных сословий, о развитии системы запасных сельских магазинов и создании продовольственных запасов на случай войны, а также о перераспределении земель в стране по числу крестьянских душ (36).

Почти все подобные проекты того времени, исходящие от представителей российской элиты, были построены примерно по одной схеме: сначала описывали трудное положение империи, а затем уверяли монарха в том, что если он будет опираться на верное ему дворянство, то все у него получится. С нашей точки зрения, здесь только стоит добавить, что, несмотря на отдельные элементы критики внутренней и внешней политики императора, прозвучавшие в этих документах-проектах, они представляли авторов разных направлений «оппозиции Его Величества»и были направлены на поддержку монарха и монархии в сложных тогдашних условиях. Их создатели не являлись просто критиканами, которых бы Александр I и слушать не стал (37).

Подводя некоторый итог, стоит поставить вопрос о том, а был ли в тот период реальный политический кризис в верхах России? С нашей точки зрения, представления о нем, существующие в литературе, изрядно преувеличены и напоминают «бурю в стакане воды», а известные высказывания на сей счет Ф.Ф. Вигеля, которые часто цитируются многими исследователями, являются лишь типичными для этого мемуариста преувеличениями. По словам Жихарева, высказанным в отношении московского «общества» после поражения при

Аустерлице, его позиция «состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать угодное государю, в полной к нему доверенности» (38). Просто в те годы произошла временная смена направления внешней политики (инициированная и положением страны после поражения при Фридланде, и рядом других обстоятельств и соображений императора Александра и некоторых новых лиц его окружения), теперь направленная опять же на временное сближение с наполеоновской Францией и выигрыш времени для будущей войны. При этом итоги Тильзитского мира (в том числе, в целом, невыгодное для России присоединение к континентальной блокаде Великобритании) (39) и самый факт военного поражения вызвали глухое брожение в российском обществе вообще, в том числе в его верхах, ускорив смену монархом своего «караула» (очередную и вполне типичную для него) и назначение на руководящие должности в империи новых лиц, более подходящих для этой ситуации.

Кроме того, в эти годы интересы императора будут вновь направлены на продолжение реформ в разных областях внутренней жизни страны, частично прерванных войной, с чем и было связано выдвижение на первый план фигуры реформатора М.М. Сперанского. Не касаясь подробно преобразований, связанных с этим именем, которые хорошо рассмотрены в историографии (40), отметим только, что в послетильзитские годы начался их новый виток, о чем говорил, например, и своеобразный план необходимых государственных преобразований, предложенный императором Александром I Комитету министров в 1809 г. (мало известный в литературе), включавший в себя ряд направлений (реформы в местном управлении, уравнение земских повинностей, изменения в Рекрутском уставе, состоянии сельских магазинов и др.). Практически ничего из идей этого плана не было реализовано, а потом и вообще он был забыт в связи с отставкой Сперанского и началом Отечественной войны 1812 г. (41).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Изд. 3-е. М., 1962. Т. I. С. 342; Т. II. М., 1963. С. 117, 418; Т. VI. М., 1964. С. 668.

2. Остановимся здесь на понятии «общество» и связанного с ним понятия «общественное мнение», которые поразному понимаются в историографии. Мы принимаем здесь позицию В.М. Боковой. По ее словам, понятие «общество» в данную историческую эпоху для России может быть представлено так: «…сравнительно небольшая часть дворянского сословия (с крайне незначительной примесью представителей других сословий…), относительно наиболее образованная и интеллектуально развитая, активная, имеющая материальную возможность, досуг и способность более или менее гласно формулировать свои воззрения в письменной или устной форме, говоря иными словами, “образованное меньшинство”. Вместе с тем в обществе имеется своя структура: его ядро составляют мыслители-творцы, а периферию – потребители и популяризаторы общественных доктрин и, так сказать, эпигоны. Особенностью общественной жизни является волнообразность распространения идей и настроений: из центров общественной мысли и от творческого круга к периферии и в потребительские слои». Что же касается понятия «общественное мнение», то данный исследователь обозначает его так: «…сравнительно четко выраженное и способное в большей или меньшей степени влиять на события или на эмоционально-поведенческие проявления, отношение значительной или небольшой части общества к тому или иному явлению». (Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 6-7).

3. Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М., 2010. С. 176-184; Тарле Е.В. 1812 год. М., 1959. С. 175-208; Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009. С. 222-232; История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 58-74; Йена Д. Екатерина Павловна: великая княжна – королева Вюртемберга / Пер. с нем. Ж.А. Колобовой. М., 2008. С. 54-95; Данилова А. Пять принцесс. Дочери императора Павла. Биографические хроники. 5-е изд. М., 2007. С. 281-331; Сироткин В.Г. Александр Первый и Наполеон. Дуэль накануне войны. М., 2012; Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 193-251; Долгих А.Н. Война 1805–1807 гг. и политический кризис в России: к постановке

проблемы // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции (15 декабря 2015 г., г. Самара, СамГТУ). Вып. 2 / Под ред. Е.Ю. Семеновой; ред. кол. А.Б. Бирюкова, А.В. Богачев. Самара, 2015. С. 87-92; Портной Л. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М., 2017. С. 248-275; Гросул В.Я. Общественное движение в России первой половины XIX в. М., 2017. С. 425-473.

4. См. в этой связи, например, полярные оценки на сей счет: Мультатули П.В. Лживый миф о «превентивной войне» 1812 г. // 1812 г. «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности: сборник докладов / Под ред. М.Б. Смолина, Д.А. Мальцева. М., 2013. С. 7-19; Понасенков Е.Н. Первая научная история войны 1812 года. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

5. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIXв. М.-Л., 1957. С. 217-235.

6. Дневник Александра Чичерина 1812–1813 / Подг. к печати С.Г. Энгель и М.И. Перпер, пер. с франц. М.И. Перпер; отв. ред. Л.Г.Бескровный. М., 1966. С. 83.

7. Вигель Ф.Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 435. Буквально в тех же словах писал об общественной реакции на данный договор Ф.В. Булгарин: «Но главное в том, что наше народное самолюбие было тронуто и что война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов и лишая нас выгод торговли. Вот что породило общий ропот». (Воспоминания Фаддея Булгарина: В 6 ч. СПб., 1847. Ч. 3. С. 333).

8. Несмотря на наличие противоречивых оценок в историографии значения для России Тильзитского мира, русское общество, в целом, все же, конечно, не принимало его. См. об этом: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 108-110; История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 65; Понасенков Е.Н. Указ. соч. С. 207-218 и др.

9. Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 433.

10. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 212-216 и др.

11. Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 216-217; Жихарев С.П. Записки современника. Воспоминания старого театрала: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 133-134, 153, 167-168, 172-173, 242; Т. 2. С. 6-7, 18-19, 40, 79-80, 107-108, 116-117, 206. Определенным подтверждением тезиса историка об уменьшении давления на монарха в делах внутренней политики в пору обострения внешнеполитических проблем является и количество дворянских проектов по крестьянскому вопросу (по нашим данным): в среднем за 1801–1804 гг. – около 37 за год, за 1805–1807 гг. – около 18, за 1808–1811 гг. – около 20, за 1812–1814 гг. – около 21, за 1815–1825 гг. – примерно 33 за год.

12. Пичета В.И. Причины Отечественной войны. Исторический очерк. М., 1912. С. 37; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 58; Трошин Н.Н. Континентальная система: история и современность // 1812 г. «Освобождение России от нашествия неприятельского»…С. 82.

13. Гросул В.Я. Общественное мнение в России в XIX в. М., 2013. С. 50, 52; его же. Общественное движение… С. 457.

14. О Негласном комитете см.: Долгих А.Н. Негласный комитет начала XIX в.: люди и мнения // Культура: традиции и новаторство: материалы региональной научно-практической конференции. Липецк, 2010. С. 42-63; его же. Крестьянский вопрос в Негласном комитете // Власть и народ: проблемы взаимодействия (XVII – начало XX вв.): Материалы IV Бартеневских чтений. Липецк, 2010. С. 101-109.

15. Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 144. По словам исследователя, именно с этого времени, т.е. с начала войны с Наполеоном, «молодые друзья» «отошли от императора, так как оставались ярыми противниками сближения России с наполеоновской Францией». Об этом же говорит и письмо А. Чарторыского императору от 22 марта 1806 г., и письмо В.П. Кочубея монарху весны 1806 г. (там же. С. 144-145). См. также: Сафонов М.М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VII. С. 191-209; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в.: сборник документов и материалов: В 4 т. Липецк, 2016. Т. 1. С. 250-251.

16. Сам российский император, по словам А.Н. Сытина, переступивший «через возмущение общества…, приняв на себя величайшую ответственность за такой более чем непопулярный шаг, каким был Тильзитский мир…, не изменил своим идеалам» и в письмах того времени и не скрывал данного обстоятельства, рассматривая примирение с Наполеоном лишь как временную передышку перед новым столкновением с ним и революционной Францией (История внешней политики России… С. 65; Безотосный В.М. Указ. соч. С. 220-226). См. также: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий… С. 110-111, 198.

17. Архив Государственного Совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801–1810). СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. С. 1171-1177; Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время.: В 6 т. СПб., 1869. Т. 2. С. 111-113; Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 185-186; Долгих А.Н. Виктор Павлович Кочубей // ВИ. 2009. № 2. С 68-80; Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 222-223; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в. Т. 1. С. 56, 265-267.

18. См.: Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / Сост. Е.Ф. Петинова. 2-е изд. СПб., 1996. С. 463-465; Чарторижский А. Указ. соч. С. 114-115; Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 101; Крестьянский вопрос в России в

конце XVIII – первой половине XIX в. Т. 1. С. 267; Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Драматические произведения. Сцены и отрывки. Письма. Воронеж, 1983. С. 36.

19. Знаменитые россияне… С. 459-461; Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 102; Чарторижский А. Указ. соч. С. 115, 117-118, 187-188, 207; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX в. Т. 1. С. 262-264 и др.

20. Знаменитые россияне… С. 457-459; Крисань М.А. Адам-Ежи Чарторыский // ВИ. 2001. № 2. С. 58-68; Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 223; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. Т. 1. С. 264-265. Представляется странным, что А.Н. Сытин, один из авторов соответствующего тома современной «Истории внешней политики России», в число «молодых друзей», стоявших у истоков формирования проанглийской внешнеполитической концепции александровского царствования, не включал В.П. Кочубея. (См.: История внешней политики России... С. 62-63).

21. По мнению А.Н. Сытина, «предпосылки для перемен во внешней политике» Александра I «вызревали исподволь. Разгром Пруссии, нерешительность Австрии, война с Турцией, ориентация Англии на решение собственных экономических проблем и использование ею союза с Россией лишь как средства их решения, военные неудачи, угроза международной изоляции и давление приближенных, общая усталость от войны и финансовые трудности» – вот комплекс причин, побуждавших российского монарха на «крутую перемену политики» (История внешней политики России… С. 62).

22. Понасенков Е.Н. Указ. соч. С. 212-218; Трошин Н.Н. Указ. соч. С. 71-83.

23. Гросул В.Я. Общественное мнение… С. 55; Жихарев С.П. Указ. соч. Т. 2. С. 97.

24. Жихарев С.П. Указ. соч. Т. 2. С. 288.

25. Николаенко П.Д. Указ. соч. С. 223. Эта группа деятелей, по мнению А.Н. Сытина, считала главной задачей правительства торговое и промышленное преуспевание России, а важнейшим условием его достижения – установление мира и «уменьшение конкуренции британских товаров на российском рынке» (История внешней политики России... С. 63).

26. Жихарев С.П. Указ. соч. Т. 2. С. 97, 428.

27. Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 219-222; Йена Д. Указ. соч. С. 56-96; Знаменитые россияне… С. 449; Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве (1795–1801) с приложением писем ее к княгине Куракиной / Пер., сост. и коммент. Д.В. Соловьева. СПб., 2004. С. 126; Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Н. Лубченкова. М., 1990. С. 234. К этим позициям примыкали и тогдашний министр иностранных дел А.Я. Будберг, и командующий войсками генерал Л.Л. Беннигсен, выступавшие за прочный союз с Пруссией и опасавшиеся французского вторжения в Россию (История внешней политики России… С. 63).

28. См. об этом: Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 218-223.

29. Неизвестный автор. Проект письма Александру I от 25 августа 1807 г. Проект для представления императору // Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество: Сборник документов: В 4 т. Т. 3. С. 241-246; Т. 4. Липецк, 2008. С. 183-187 и др.

30. Русская старина. 1899. Октябрь. С. 79-80; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков… Т. 3. С. 232-241.

31. Сб. РИО. Т. 6. СПб., 1871. С. 372-386. См. также эту записку в изложении: Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 224.

32. РГИА. Ф. 1167. Оп. Т. XVI. Д. 18. Л. 1-81. См. об этом: Сафонов М.М., Филиппова Э.С. Неизвестный документ по истории общественно-политической мысли России начала XIX века // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI. С. 179-189; Философов М.М. Мнение мое касательно внутреннего положения любезного Отечества нашего (Вторая половина 1808 г.) // Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть: Сборник документов: В 2 т. Липецк, 2005. Т. II. С. 172-173. См. также: Долгих А.Н. М.М. Философов – прожектер александровской эпохи // Вестник ЛГПУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Вып. 1 (10). С. 28-34.

33. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX века: власть и общество. Т. 3. С. 241-246; Т. 4. С. 183-187. См. также: Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 615-624; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М., Л., 1946. Т. 1. С. 257-259; Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 224-228; Державин Г.Р. Поданное государю Державиным мнение вскоре после Тильзитского мира (1807 г.) // РГАДА. Ф. 345. Д. 44. Л. 1-5; Цинцадзе Г.С. Г.Р. Державин: на службе у трех императоров: монография: В 3 ч. Тамбов, 2016. Ч. III. С. 155-164, 279-287; Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 215, 382; Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный…»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т. Липецк, 2018. Т. 2. С. 57.

34. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество. Т. 3. С. 232-241; Т. 4. С. 182-183.

35. Сб. РИО. Т. 6. С. 372-386; Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 223-224.

36. РГИА. Ф. 1167. Оп. Т. XVI. Д. 18. Л. 1-81; Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.)… Т. II. С. 172-173. Свою лепту в создание некоего общественного микроклимата, противостоявшего официальной («тильзитской») политике монарха, вносили и брошюры Ф.В. Ростопчина и начало издания «Русского вестника» С.Н. Глинки (Портной Л.М. Указ. соч. С. 250-262).

37. Отражением дворянского недовольства станут и позднейшие записи в дневнике генерал-майора князя В.В. Вяземского, относящиеся уже к августу 1812 г.: «…Надобно сделать новое образование управления. Какой запутанности, каким переменам все это подвержено будет. – Религия ослаблена просвящением. Чем мы удержим нашу буйною и голодною чернь? –… Нет, монарх, лучше бы ты обратил более на воинов твое внимание, нежели на купечество и просвящение… Артисты чрезвычайно умножились, хлебопашцы уменшены...». Несмотря на хаотичность представлений и предложений этого генерала, кстати, довольно жесткого помещика, сам тон его высказываний весьма показателен (Вяземский В.В. «Журнал» 1812 г. / Текст подг. С.В. Шумихиным // 1812 год… Военные дневники / Сост., вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990. С. 191, 211 и др.). Ясно, что, если бы в таком тоне были им высказаны упреки Александру I, просто так этим бы дело не кончилось. Примером подобного рода реакции монарха на высказанные в жесткой форме критические замечания полковника Т. фон Бока в 1818 г., закончившиеся для последнего заключением в крепость (см. об этом: Долгих А.Н. Т. фон Бок: к характеристике общественно-политических взглядов «императорского безумца» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 12 (74). 2016. Ч. 3. С. 60-63; его же. О «конституции» «императорского безумца» Т. Фон Бока // История, философия, педагогика, психология, право: сборник научных статей с международным участием к 100-летию Российской революции 1917 г. / Под ред. проф. С.В. Демидова, проф. А.С. Соколова, доц. А.А. Щевьева. Рязань, 2017. С. 65-70 и др.).
38. Жихарев С.П. Указ. соч. Т. 1. Запись 4 марта 1805 г. С. 226.
39.См. об этом: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий…; Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М., Л., 1966; Безотосный В.М. Указ. соч. С. 211-248.
40. См., напр.: Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002; Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006 и др.
41. Комитет Министров в царствование императора Александра I. Исторический очерк учреждения Комитета Министров и изменений в его организации, пределах власти и составе с 8 сентября 1802 по 1826. Б/м, б/г. С. 60-61; Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. Т. 1. 1802–1810 гг. СПб., 1888. V паг. С. 250-253; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. Т. 1. С. 130-131; Долгих А.Н. О плане преобразований Александра I (1809 г.) // В.Н. Татищев и проблемы государственно-административного управления в России: материалы Международной научной конференции 5-7 октября 2006 г. / Сост. В.В. Ишин, И.В. Торопицын. Астрахань, 2006. С. 100-103.

Л.В. ИСАКОВА

ГУСТАВ ЭВЕРС КАК БИОГРАФ ОТТО ФРИДРИХА ФОН РИХТЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ЕГИПЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ» ЛИФЛЯНДСКОГО ВОСТОКОВЕДА)

Иоганн Филипп Густав Эверс (1779–1830) в отечественной и зарубежной науке известен в первую очередь как специалист по истории Древнерусского государства и права. Однако спектр его научных интересов был значительно шире. Еще в университете он начал работу над переводом с датского на немецкий язык «Справочника христианской догматической истории» копенгагенского епископа Фридриха Мюнтера и подготовил к 1806 г. двухтомное (в трех частях) издание в 1200 страниц (1). Первые публикации ученого посвящены актуальному вопросу освобождения крестьян Прибалтийских провинций Российской империи (2). Параллельно с этим он занимался изучением русских летописей, древнерусского актового материала, известий византийских и восточных авторов (арабских, персидских) и др., позднее – публикацией источников (3), подготовил и издал в 1824 г. «Первый учебник для немецкой молодежи в учебном округе императорского университета в Дерпте» (4), выдержавший несколько изданий и применявшийся на практике вплоть до конца XIX в.

С 1809 г. началась преподавательская деятельность Густава Эверса в Дерптском университете: 27 сентября его выбрали штатным профессором по кафедре географии, статистики и истории России. Он читал курс по географии (составил учебное пособие по экономической географии России), русской ис-

тории (древней и новой), а также курсы, посвященные государственному устройству, статистике и топографии Российской империи, спецкурс критического введения в изучение древнейшей русской истории; вел учебные курсы по истории государств Западной Европы, по статистике, современному положению, государственному устройству и управлению европейских государств Англии и Франции. С 1810–1811 учебного года Эверс занимал пост декана филологического факультета и, как профессор истории, статистики и географии Российской империи и провинций Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Финляндии, преподавал топографию Русского государства и государственного устройства Франции (5), с 1826 г. как штатный профессор юридического факультета читал курсы положительного государственного права, русского государственного права, политики, европейского народного права и государственного хозяйства, подготовил и издал свои лекционные материалы (6). В 1818 г. он был избран ректором Дерптского (ныне – Тартуского) университета и занимал этот пост вплоть до своей смерти в 1830 г.

Биография Эверса неоднократно являлась предметом исследований как российских, так и зарубежных (немецких, эстонских) исследователей. Однако рассмотрение ее преломлялось, как правило, описанием научных интересов ученого и подробное изложение ее приведено, преимущественно, с 1810 г. – времени, когда он получил должность профессора Дерптского университета. Особая заслуга в изучении жизни и научного творчества Эверса принадлежит эстонской исследовательнице Л. Леппик, в своих работах представившей богатый архивный материал, посвященный административной работе и преподавательской деятельности известного дерптского историка (7).

Представляется целесообразным обращение к неизученной части биографии ученого, которой практически не уделялось внимания в науке. Так, выпускник Геттингенского университета Иоганн Филипп Густав Эверс, в 1803 г. прибыв в Российскую империю и по рекомендации своего бывшего университетского преподавателя А.Л. Шлецера, стал учителем в доме лифляндского ландрата Отто Магнуса фон Рихтера (1755–1826) в его имении Ваймаль в Верроском уезде Лифляндской губернии Российской империи. Его воспитанниками были сыновья ландрата Эдуард (8) и Отто (9), а также племянник Рихтера Эрнст Майдель (10). С семьей Рихтеров у Эверса сложились и продолжались всю жизнь теплые отношения, о чем свидетельствуют материалы личной переписки ученого (11), которые в 1811 г. были скреплены брачным союзом Густава Эверса и племянницы Рихтера баронессой Доротеей фон Майдель (12).

В рамках данной статьи следует отметить, что, как подчеркивает С.А. Стадников, именно «благодаря Эверсу у юного Отто появился интерес к античности». Он быстро обучился беглому чтению по латыни, изучил древнегреческий язык (13). С августа 1808 г. по июнь 1809 г. Эверс сопровождал Отто и его братьев в Москву, где младший Рихтер за пять месяцев в Московском университете приобрел «некоторые познания… в новогреческом» языке, а среди прочих предметов практиковался в рисовании и русском языке (14). Месяц после этого они провели в Петербурге, а затем отправились назад, домой. Вероятно, по рекомендации Эверса, как полагает О. Тедер, Отто и Эдуард были от-

правлены учиться за границу (15). Осенью 1809 г. Отто прибыл в Гейдельберг для продолжения образования, где изучал персидский и арабский языки под руководством Ф. Вилькена (1777–1840). Пребывание за границей оказалось недолгим и уже летом 1813 г. юный Рихтер возвратился на родину через Богемию, Силезию и Польшу, а летом 1814 г. отправился в путешествие из Одессы в Константинополь, чтобы «своими глазами увидеть и изучить восточные страны». Кроме того, он «хотел начать там новую жизнь», так как «Европа… казалась ему скучной и однообразной» (16).

В истории Отто Фридрих фон Рихтер известен, прежде всего, как основатель «египетской коллекции» – собрания египетских древностей, среди которых были саркофаги, памятники скульптуры, стелы, мумии, изображения божеств, значительное количество амулетов и предметов малой пластики и др. Путешествие Рихтера, предпринятое в 1814–1816 гг. и в ходе которого он посетил Египет, Нубию, Палестину, Сирию, Анатолию, Турцию, по мнению исследователей, является неоценимым вкладом в становление египтологии как науки, хотя сам путешественник не смог выполнить всей «программы» поездки и продолжить исследования (тяжело заболел и умер от дизентерии 13 августа 1816 г.), а основная часть собранных им древностей была отправлена на родину и передана его отцу, который подарил их художественному музею и библиотеке Тартуского университета. Описание египетских древностей впервые предпринял филолог, нумизмат и первый директор музея в Дерпте К.С. Моргенштерн (1770–1852), а первым профессиональным египтологом, изучавшим эти памятники, был Б.А. Тураев (1868–1920).

Как отмечают современные ученые, в лице Рихтера «были в большей или меньшей мере соединены востоковед, художник, этнограф, картограф, филолог классических языков, историк античности, исследователь истории искусства и нумизмат» (17). Как упоминалось ранее, именно Эверс повлиял на становление у Рихтера интереса к античности. Эверс же был и первым биографом юного ориенталиста и оперативно освещал его путешествие (18). Судя по всему, между молодым Рихтером и Эверсом сложились дружеские отношения. Так, например, последний, знавший о планах своего ученика относительно «экспедиции» на Восток, предупреждал его о трудностях, которые могут возникнуть у человека, намеренного «среди язычников и турок путешествовать» (19).

В 1815 г. Эверс, хорошо осведомленный о ходе пребывания Рихтера на Востоке, опубликовал в ежегоднике «Дерптские записки для друзей философии, литературы и искусства» (20), заметки о путешествии Отто Фридриха фон Рихтера через Египет и Сирию. Четыре года спустя дерптский историк подробно изложил ход самой «экспедиции» и, в частности, сообщил, что 30 марта 1815 г. Рихтер в сопровождении проповедника шведского посольства в Константинополе Свена Фредерика Лидмана (1784–1845) прибыл в Александрию (21). Дальнейшее повествование прямо свидетельствует, что излагаемый Эверсом материал взят из писем Рихтера (22).

Уже 23 августа Рихтер и Лидман прибыли в Яффу. Вскоре пути их разошлись, так как последний был вынужден вернуться в Константинополь, а Отто Рихтер с рекомендательным письмом от паши Акры отправился через Иеруса-

лим, Дамаск, Тадмор (Пальмиру) и Халеб (Алеппо) в Латакию, 24 февраля

1816 г. отбыл через Кипр в Аланию на побережье Малой Азии (23), а потом в Константинополь. Остановка была длительной (почти шесть недель), и Рихтер успел отправить часть собранных древностей в Швецию (24). Далее он через Дарданеллы снова отправился в Азию. После посещения островов Лесбос и Лемнос Рихтер возвратился в Европу. В Македонии он поднялся на вершину горы Атос (Монте Санто), а вскоре вновь отправился на побережье Малой Азии с целью найти древнюю Трою (25). Однако планам его не было суждено сбыться. Еще по дороге он тяжело заболел и умер 13 августа 1816 г. в Смирне (Измире).

Отто Рихтер был похоронен на европейском кладбище в Смирне. Обстоятельства его смерти подробно изложены в сообщении российского генерального консула И.Н. Рубо де Понтеве полномочному послу императора в Турции тайному советнику А.Я. Италинскому (1743–1827): «13 числа в 6 часов пополудни он ушел, наконец, из мира сего, сохраняя до последнего мгновения сознание, но будучи последние два дня крайне в обессиленном состоянии. Уже до прибытия сюда он был десять дней тяжело болен, его сразила дизентерия, вызванная воспалением кишечника, а воспаление породили, в свою очередь, вредное для здоровья время года и усталость от долгого пребывания в пути» (26).

В память о своем ученике Густав Эверс подготовил и опубликовал труд под названием «Паломничество на Восток Отто Фридриха фон Рихтера, представленное из его дневников и писем Иоганном Филиппом Густавом Эверсом» (27), в котором обобщил ранее изданный материал о юном востоковеде и привел новые, ранее не известные факты как о самом Рихтере, так и о его путешествии на Восток. Однако данная работа до сих пор не переведена на русский язык, и, несмотря на значительный интерес к биографиям и научному наследию обоих ученых, так и не стала достоянием отечественной исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ewers G. Dr. Friedrich Münters, Prof. an der Universität zu Kopenhagen, Handbuch der ältesten Dogmengeschichte, mit Zusätzen des Verf. vermehrt und deutsch herausgegeben. 1-ster Bd. Göttingen, 1802; 2-ten Bds. 1-ste Hefte. Ebend, 1804; 2-te Hefte. Ebend, 1806.
2. Ewers G. Provisorische Verfassung des Bauerstandes in Ehstland. SPb., 1806; Ewers G. Vom Zustande der Bauern in Livland und Ehstland. Ein Wort zu seiner Zeit; auch dem Herrn Kollegien-Rath von Kotzebue zur Beherzigung empfohlen. December 1806. Dorpat, 1806; Ewers G. Einige Frage an Jeden, der sie beantworten kann, insonderheit an den Herr Kollegienrat von Kotzebue // Allgemeine Literatur-Zeitung, Halle, Leipzig, vom 4 Juni 1806. № 46. S. 177-184.
3. Beitrage zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Herausgegeben von Gustav Ewers und Moriz von Engelhardt. Bd. 1. Hefte 1. Dorpat, SPb., Leipzig, Berlin, 1816; Dorpat, 1818.
4. Ewers G. Ersten Schulbuch für die deutsche Jugend im Lehrbezirke die Kaiserl. Universität Dorpat. Dorpat, 1824.
5. Сииливаск К. История Тартуского университета, 1632–1982. С. 99; Dorpat Verzeichnis der vom 1. August 1811. zu haltenden halbjährigen Vorlesungen // Intellegenzblatt der Jenaischen Allgemeine Literatur-Zeitung. 11 September 1811. № 50. S. 468.
6. Ewers G. Rhapsodische Gedanken über wissenschaftliche Bedeutung des Naturrechts. Dorpat, 1828; Ewers G. Politik. Andeutungen der Inhalts seiner öffentlichen Vorträge über diese Wissenschaft. Bd. 1-2. Dorpat, 1829.
7. Leppik L. Ein deutscher Professor im Russischen Reich: über Leben und Werk des Historikers Gustav Ewers // Piirimäe, Helmit; Sommerhage, Claus. Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat. Tartu: Tartu Ülikool, 2000. Lk. 113-141; idem. Johann Philipp Gustav Ewers // Magistritöö, Tartu ülikool. Tartu: Tartu Ülikool, 1995; idem. Rektor Ewers // Kleio. Ajaloo ajakiri. 1996. № 3 (17). Lk. 19-26; idem. Rektor Ewers. Monografia. Tartu: Eesti Ajalooarhiv, 2001.
8. Густав Эдуард Христоф фон Рихтер (1790–1847).

9. Отто Фридрих фон Рихтер (1791–1816).
10. Эдуард Отто Эрнст фон Майдель (1790–1862).
11. Сохранились письма Эверса семейству Рихтера за 1808–1820 гг. Подробнее об этом см.: Teder O. Otto Friedrich von Richter: tema aeg, tema pärend // Tartu Ülikooli Raamatukogu aastaraamat 1999. Tartu: Tartu Ülikooli, 2000. Lk. 213; Шевцов В.И. Материалы переписки Густава Эверса // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 19-222; Письма Г. Эверса к семейству ландрата Рихтера / М.Г. Салупере, Л.М. Леппик // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 99-105.
12. Dorothea Christina Eleonore von Maydell, затем – von Ewers (01.01.1790 – 03.09.1864).
13. Работа С.А. Стадникова «В стране пирамид. Жизнь и труды Отто Фридриха фон Рихтера» впервые была опубликована на эстонском языке в 1985 г., а затем дважды выходила на немецком: Stadnikov S. Otto Friedrich von Richter ja Egiptus // Looming. T. 1. Tallinn, 1985. S. 109-114; Stadnikow S. Otto Friedrich von Richter und Ägypten // Altorientalische Forschungen, 18. Berlin, 1991. S. 195-203; Stadnikow S. Otto Friedrich von Richters Forschungsreise in Unternubien im Jahre 1815. Auszüge aus dem Tagebuch // Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte, 15. Münster, 2000. S. 125-161.
14. Teder O. Op. cit. Lk. 210; Leppik L. Johann Philipp Gustav Ewers. Lk. 129.
15. Teder O. Op. cit. Lk. 211.
16. Ewers G. Otto Friedrichs von Richter Wallfahrten im Morgenlande / Aus seinen Tagebüchern und Briefen dargestellt von Johann Philipp Gustav Ewers, Russ. K. Staatsrath... ordentl. Professor an der Universität Dorpat etc. Mit Kupfern. Berlin, 1822, in G. Reimer's Verlage. Dorpat, gedruckt bei J. Chr. Schünmann, Universitäts-Buchdrucker. Berlin: G. Reimer, 1822. S. VI-VII.
17. Stadnikov S. Op. cit.
18. Teder O. Op. cit. Lk. 212.
19. Leppik L. Johann Philipp Gustav Ewers. Lk. 140; Teder O. Op. cit. Lk. 211.
20. Ewers G. Richter's Reise durch Aegypten und Sirien // Dorptische Beytrage fur Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst. Jahrgang 1814. Halfte 1 / Herausgegeben von Karl Morgenstern. Auf Kosten des Heraugebers gedruckt bey J.C. Schunmann: In Comission bey P.G. Kummer, 1815. S. 449-454.
21. Ewers G. Richter's Reise durch Aegypten und Nubien // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Jahrgang 1818. Bd. 2 / Herausgegeben von Karl Morgenstern. Auf Kosten des Heraugebers gedruckt bey J.C. Schunmann: In Comission bey P.G. Kummer, 1819. S. 451.
22. Ibid. S. 452-453.
23. Ewers G. Otto von Richter's Tod // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Bd. 3. 1820. S. 233.
24. Из Швеции собрание Рихтера, уже после его смерти, перевезли в Дерпт (Тарту) и передали его отцу.
25. Ewers G. Otto von Richter's Tod // Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Literatur und Kunst. Bd. 3. 1820. S. 234.
26. Ibid. S. 232.
27. Ewers G. Otto Friedrichs von Richter Wallfahrten im Morgenlande / Aus seinen Tagebüchern und Briefen dargestellt von Johann Philipp Gustav Ewers, Russ. K. Staatsrath... ordentl. Professor an der Universität Dorpat etc. Mit Kupfern. Berlin, 1822, in G. Reimer's Verlage. Dorpat, gedruckt bei J. Chr. Schünmann, Universitäts-Buchdrucker. Berlin, G. Reimer, 1822.

А.Г. ТОПИЛЬСКИЙ, Р.М. ЖИТИН

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ И СПЕЦИФИКА ЧИТАТЕЛЬСКИХ ИНТЕРЕСОВ ТАМБОВСКИХ ДВОРЯН ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (1)

В статье проанализированы обстоятельства создания ряда усадебных библиотек Тамбовской губернии в первой половине XIX века. Показано, что значительное тематическое разнообразие личных коллекций, обращение владельцев как к русскоязычной, так и зарубежной литературе свидетельствовало о разносторонности тамбовских библиофилов, их богатых читательских, научных и литературных предпочтениях.

Усадебные библиотеки играли исключительную роль в жизни дворянства России. Уровень развития книжной культуры и образования представителей высшего сословия обуславливал значительный интерес к приобретению литературы. В течение жизни нескольких поколений в усадьбах создавались уникальные собрания на русском и иностранных языках, бережно хранились ред-

кие издания по истории и культуре страны. Важнейшим социальным эффектом развития библиотек являлось формирование особой читательской культуры дворян, связанной с развитием традиций семейного чтения, воспроизводства сословных ценностей на основе лучших произведений отечественной и мировой литературы (2).

Изучение книжных собраний тамбовских дворян – одна из актуальных сторон историографии тамбовской помещичьей усадьбы. Стоит выделить труды О.В. Медведовой (3), В.А. Кученковой (4), Р.М. Житина (5), в которых были затронуты особенности литературных вкусов помещиков, специфика формирования домашних библиотек региона. К сожалению, изучение проблем дворянского библиофильства построено на отрывочных данных, так как ни одна из библиотек не дошла до наших дней в первозданном состоянии. О наличии в тамбовских имениях книг можно судить по известным экслибрисам владельцев, сохранившимся маргиналиям, либо по соответствующим ссылкам о наличии собраний в их личных воспоминаниях (6). Однако даже эти отрывочные сведения дают важное представление о тематическом составе коллекций, их жанровой специфике, степени внимания помещиков к иностранной и российской литературе, источниках хозяйственных знаний владельцев усадеб.

Анализ нарративных источников и помет на владельческой литературе позволяют предположить об активном процессе формирования книжной культуры Тамбовской губернии в начале XIX века. В этот период в регионе были сформированы книжные коллекции Муравьевых, Ниловых, Никифоровых, Вышеславцевых, Рахманиновых, Воронцовых, Загряжских, Протасовых, Бенкендорфов, Голицыных и других тамбовских дворянских родов. По количеству представленных книг, их тематическому разнообразию тамбовские частные собрания не уступали известнейшим в начале XIX в. библиотекам М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина и других библиофилов России. Во многом читательские интересы были предопределены активной социокультурной деятельностью тамбовских губернаторов по развитию книгопечатания и книготорговли в крае. В 1787 г. тамбовским наместником Г.Р. Державным была создана вольная типография, в 1788 г. стала выходить первая провинциальная газета «Тамбовские известия» (7). Благодаря появлению книжных лавок повысилась доступность литературы для местных обывателей.

Наибольшие сведения имеются по библиотекам Н.И. Кривцова (1791–1843 гг.), участника Отечественной войны 1812 года, личного друга Пушкина, Жуковского, Дениса Давыдова. В 1827 г. Кривцов подает в отставку и поселяется в селе Любичи Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Здесь он строит удивительную усадьбу в английском вкусе с отличным парком и развитым хозяйством. Вблизи от дома была возведена высокая башня, церковь с семейным некрополем. Большое значение в усадебном быте кривцовского имения занимало чтение («вечер посвящали чтению и беседам»). Многочисленное пребывание в Европе, а также интерес к русской литературе позволили создать универсальный фонд. Прекрасное любичевское собрание служило не только источником вдохновения и литературного творчества Кривцова, но и выступало важнейшей частью местной культурной среды. В трех верстах от имения

Любичи в Умете жило семейство Чичериных, в 15 верстах располагалась семья поэта Боратынского. «Между Любичами, Уметом и Марой, – свидетельствует Б.Н. Чичерин, – был почти ежедневный обмен, если не посещений, то записок и посылок». В Маре писал свои произведения Боратынский, в Любичи присылал свои новые сочинения Пушкин, Чичериным «сообщал о литературных и ученых новостях» и «присылал множество книг» писатель Н.Ф. Павлов (8).

Широкую известность любичевское собрание получило после того, как дочь Н.И. Кривцова и супруга П.Н. Батюшкова (брата поэта К.Н. Батюшкова) Софья Николаевна передала библиотеку своего отца городу Кирсанову. Пожертвование включало в себя 782 книги универсального содержания (9). Здесь присутствовали издания по богословию и истории церкви, философии, психологии, логике, истории, естествознанию, словесности, воспитанию, периодические издания. На историческую ценность книг указывало наличие экземпляров с автографами А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, Н.М. Карамзина, К.И. Батюшкова. На основе подаренной коллекции 2 января 1897 г. в Кирсанове была организована первая общедоступная библиотека-читальня для горожан. Прекрасным собранием книг обладали соседи Кривцовых, владельцы имения Хилково Сатины. Среди многочисленных комнат в их усадебном доме библиотечному помещению отводилась главная роль. Хилковская коллекция занимала несколько комнат, а сами издания были систематизированы по хронологическому принципу. Причем для книг разных эпох были приспособлены отдельные библиотечные шкафы. Гордостью владельца библиотеки являлась коллекция книг по эпохе Ивана Грозного. Возможно, особый интерес к личности Ивана IV был вызван особой ролью опричнины в судьбе рода Сатиных. Именно в это время они теряют свой княжеский титул и часть земельных владений.

Отрывочные данные сохранились о библиотеке Тамбовского губернского предводителя дворянства (1812–1816 гг. и 1825–1828 гг.) полковника Андрея Дмитриевича Хвощинского. В сформированной коллекции отложились ценные произведения немецких и французских просветителей XVIII в., литература европейских классиков первой половины XIX века. Как и в случае с кривцовской библиотекой о личных собраниях А.Д. Хвощинского стало известно благодаря их пожертвованию для организации общедоступной библиотеки. В 1894 г., узнав об открытии в г. Тамбове Нарышкинской народной читальни, внук Андрея Дмитриевича Федор Дмитриевич Хвощинский передал часть семейных книг в общественное использование. В общей сложности было пожертвовано более 1200 томов на русском языке. На данный момент из переданной коллекции удалось выявить 188 изданий. В основном, это книги XIX в. (166 ед. хр.). Среди 15 произведений XVIII в. имеются несколько томов «Древней российской вивлиофики», прижизненное издание сочинений Г.Р. Державина 1808–1816 гг., «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений…», изданное Василием Жуковским в 6 ч. (М., 1810–1815), и др. Все издания помещены в кожаные или полукожаные коричневые переплеты с золотым тиснением обложки. На обратной стороне обложки, форзаце или титульном листе надпись «Андрей Хвощинский»/«Андрей Дмитр. Хвощинский».

Большое значение для изучения личных коллекций тамбовских владельцев имеют библиотечные собрания лиц духовного сословия. Библиотека игумена Варлаама, формирование которой проходило на рубеже XVIII–XIX вв., включала в себя 120 наименований (10). Основу жанровой принадлежности имеющейся литературы составляли книги религиозного содержания, в том числе подборка жития святых, сочинения по истории христианства. Светская литература имела второстепенное значение. В коллекции игумена можно было найти «Букварь», «Словарь юридический», «Азбука с правописанием» и др. В целом, собрание отражало специфику сословного статуса Варлаама, значение собранных изданий для его профессиональных занятий.

Отдельными книгами обладал епископ Феофил. Возможно, на его любовь к чтению сильно повлияло образование. Будущий епископ учился в архиерейской школе, затем окончил Черниговский коллегиум и Киево-Могилянскую академию. В 1788 г. он получил перевод из Новгородской губернии на тамбовскую кафедру. Его заботами в Тамбове было завершено строительство обширного семинарского здания, налажена образовательная деятельность учреждения. В 1811 г. его келейная библиотека, включавшая более 100 книг на латинском и греческом языках преимущественно богословского содержания, по завещанию перешла духовной семинарии. Скромные материальные возможности священнослужителей сильно сужали возможности пополнения их библиотек. Выходом из такой ситуации стало комплектование личных фондов рукописными изданиями. Так, в 1839 г. в библиотеку Козловского Троицкого монастыря перешли рукописи восьми книг, оставшиеся после смерти монаха Романа (11). Зачастую рукописи становились единственными экземплярами отдельных изданий, что превращало их в важное свидетельство книжной культуры своего времени.

О чрезвычайно широких читательских интересах владельцев тамбовских библиотек могут рассказать каталоги публичных библиотек, формирование которых проходило на основе личных пожертвований заинтересованных дворян. Важное историко-культурное значение имеет каталог Тамбовской публичной библиотеки (ТПБ) – одной из первых публичных библиотек в России. Торжественное открытие нового учреждения произошло в 1833 г. (12). Основу фонда составляли книги и журналы, присланные по распоряжению МВД. В дальнейшем комплектование библиотеки происходило за счет частных пожертвований. К 1 января 1836 г. фонд библиотеки насчитывал более 10 тысячи томов. Это был одним из самых крупных фондов публичных библиотек первой половины XIX в., по своему разнообразию и динамике пополнения сопоставимый скорее со столичным, нежели провинциальным учреждением. В 1840 г. ТПБ хранит у себя уже более 12 тыс. изданий на русском и иностранных языках (13).

Первое издание каталога Тамбовской публичной библиотеки включало в себя 2 тыс. книг – ядро формирующегося фонда (14). Дальнейшее пополнение книгохранилища обусловило скорый выход нового каталога уже с 4 тыс. изданий (15). Наиболее интересен первый вариант каталогизации, так как он вобрал в себя максимальное количество частных книжных пожертвований тамбовских дворян. Местный фонд был условно разделен на 30 разделов, что свидетель-

ствовало о крайне широком жанровом составе переданных книг, разносторонних читательских предпочтениях дарителей.

Художественная литература составляла более половины каталогизированных книг. При этом здесь были представлены не только издания российских писателей (Пушкин, Державин), но и зарубежных авторов. Обучение иностранным языкам являлось характерной чертой образования представителей дворянского сословия, однако поражает разброс языковых предпочтений. Здесь были итальянские, немецкие, французские, греческие и многие другие авторы. Значительное количество драматургических произведений в каталоге ТПБ (пьесы Грибоедова, Фонвизина, Сумарокова, Хераскова, Софокла, Расина, Шекспира) свидетельствует о том, что их знали в Тамбове, а некоторые из них могли идти на сцене местного театра (16) (на данный момент книги Тамбовской публичной библиотеки объединены в коллекцию по основным владельческим признакам: ярлык-наклейка на форзацах «Тамбовская Публичная библиотека», суперэкслибрис: «ТПБ»; штамп: «ТП библиотека»).

Безусловно, важной частью араповского имения Ланских была усадебная библиотека. В историографии еще не до конца выяснены ее объем, тематика, языковая характеристика. Однако для этой библиотеки был создан отдельный экслибрис, что говорит о постоянном приобретении книг в усадьбу. Экслибрис имел изящную форму и был выполнен в гравюре на металле (17). Пока выявлено всего лишь несколько книг из коллекции Ланских, однако ее реконструкция представляет огромный научный интерес. Среди араповских изданий могли находиться личные книги А.С. Пушкина. П.П. Ланской был женат на вдове Александра Сергеевича Н.Н. Пушкиной. Известно, что дети поэта бывали в тамбовском поместье и, вероятно, пополняли собрания отчима.

Близкие родственники Н.Н. Пушкиной, тамбовские дворяне Загряжские, имели связи с еще одним известным тамбовским семейством – Строгановыми. В 1851 г. им стало принадлежать имение Знаменка, где родилась сама Наталия Николаевна. Переход имения узаконило завещание графини Софии Ивановны де Местр. Новый владелец С.Г. Строганов выплатил все долги по поместью, однако широкой хозяйственной деятельности не вел. В 1859 г. он передал усадьбу «в вечное и потомственное пользование» своему сыну – Павлу Сергеевичу (18). После перехода имения дети Пушкиной «решительно разорвали отношения» с С.Г. Строгановым, посчитав его «обманувшим их мать при дележе наследства...» (18, с. 5). На сегодня уточнение полного состава строгановской книжной коллекции не представляется возможным. Только в 2019 г. были выявлены восемь книг из собрания этой библиотеки. Все они помечены авторским геральдический знаком Строгановых. Судя по полиграфическому исполнению, он может быть отнесен к середине позапрошлого века.

Знание тамбовских книжных знаков имеет важнейшее значение при выявлении новых коллекций книг. Так, по экслибрису, обнаруженному на книгах, удалось получить первичную информацию о собраниях Ланских, Строгановых и других известных владельцев имений Тамбовской губернии. Наличие специальных книжных знаков подтверждает серьезное отношение помещика к своей коллекции, постоянство пополнения личной библиотеки.

Распространенной формой маркировки собственных книжных собраний и одновременно одним из элементов книжной культуры первой половины XIX в. являлись штемпели. Они выполнялись на разном художественном уровне и в различной технике. Штемпельная маркировка, например, характеризовала книги А.М. Козловского, букиниста из г. Кирсанова. Его штемпель представлял собой фиолетовую овальную мастичную печать с надписью: «Алексей Михайлович Козловский. Кирсанов». В отличие от экслибриса, имевшего художественную ценность, клеймо выполняло только утилитарное назначение. Как правило, штемпельная маркировка наносилась на титульном листе, однако помещик мог клеймить любой лист книги, что отрицательно сказывалось на эстетическом виде издания. «Этого рода знаки, принесшие русской любительской книге, быть может, не менее вреда, чем черви, пыль, сырость и все остальные ея враги вместе взятые, отпечатываются, к сожалению, и несмывающейся краской, и сургучом, и даже копотью от свечи везде, где только можно – начиная от заглавных листов, кончая полями находящихся в книге гравюр» (19).

Таким образом, в рассматриваемое время на территории Тамбовской губернии были сформированы обширные усадебные библиотеки. Собрания становились важным элементом провинциального быта помещиков, формировали особую культурную среду дворянской жизни. Значительное тематическое разнообразие личных коллекций, обращение владельцев как к русскоязычной, так и зарубежной литературе свидетельствовало о разносторонности тамбовских библиофилов, их богатых читательских, научных и литературных предпочтениях. Аккумулирование в поместьях книжных собраний имело не только культурное, но и важное общественное значение. Благодаря книгам дворянского сословия был образован ряд публичных библиотек губернии, открыт новый этап культурной модернизации тамбовской провинции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00484.

2. Лякишева С.И. О традициях домашнего чтения в дворянской семье // Наука о книге. Традиции и инновации, Москва, 28-30 апреля 2009 г. М.: Наука, 2009. Ч. 2. С. 124–125.

3. Медведева О.В. Библиотечное дело как часть историко-культурного наследия Тамбовской губернии (XVIII−XX вв.). Тамбов, 2007.

4. Кученкова В.А. Русские усадьбы. Тамбов, 2001.

5. Патрина Л.Н., Житин Р.М. Книжные собрания дворянских библиотек Тамбовской губернии конца XVIII – начала XX века. Проблема реконструкции и анализа книжного наследия // Румянцевские чтения – 2019: материалы Международной научно-практической конференции. Москва. 2019. С. 277-280.

6. Лякишева С.И. Книжная культура дворянской усадьбы XIX в. // Книга. Исследования и материалы. Сб. 89/I-II. М., 2008. С. 93–105.

7. Чернов А.С. Светоч, зажжённый Державиным. 225-летняя история типографии «Пролетарский светоч». Тамбов, 2012.

8. Кривцов Николай Иванович // Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.- М., 1896–1918. С. 4-34.

9. Кирсановская библиотека-читальня им. Н.И. Кривцова. Каталог Кирсановской библиотеки-читальни имени Николая Ивановича Кривцова. Тамбов, 1900. С. 3.

10. ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 42.

11. Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 187.

12. Там же. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.

13. Патрина Л.Н. Деятельность Тамбовской публичной библиотеки // Библиотека: исторический аспект и современное состояние: материалы научно-практической конференции. Тамбов, 2005. С. 8.

14. Каталог Тамбовской публичной библиотеки. М., 1836.

15. Каталог Тамбовской публичной библиотеки. Тамбов,1842.

16. Степанов Я.А. Каталог Тамбовской публичной библиотеки // Клуб любителей книги. 23 заседание. 1979. 20 сентября. С. 5.
17. Чернов А.С. Поиски старого тамбовского книжного знака // Клуб любителей книги. 1977 г. 27 мая. 10 с.
18. Кученкова В.А. Строгановы. Тамбов, 1999.
19. Верещагин В.А. Русский книжный знак. СПБ, 1903. С. 12.

Л.И. ЗЕМЦОВ

СЛАВЯНСКАЯ ИДЕЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО (к 150-летию начала публикации книги «Россия и Европа»)

150 лет назад, на протяжении 1869 г., в не очень известном журнале «Заря» публиковались главы книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Автор, наш земляк, Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) уже был известен в ученом мире работами, посвященными изучению климата и сохранению рыбных запасов России. Происходил он из дворянской семьи и родился в сельце Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне на территории Липецкой области). Книга произвела впечатление на многих, но только со временем, а первое ее издание (1871) раскупалось долго. Как писал в письме автору поклонник его идей Н.Н. Страхов: «Вот вам справка: с 1 мая 1872 по 1 мая 1873 года разошлось “России и Европы” 83 экземпляра… Плохо вас продают, Николай Яковлевич, а не то, чтобы вас плохо покупали» (1).

Но уже тогда Ф.М. Достоевский писал: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго <...> Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь на иных страницах сходству выводов <...> встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, уже осуществленным – стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, конечно, несмотря на все усилия мои, не мог бы осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения «Зари» (и хоть бы по три-то главы печатала редакция вместо двух!» (2).

В современной западной литературе наиболее полное рассмотрение взглядов Н.Я. Данилевского – в книге Р. Мак-Мастера (3). По мнению Ю.С. Пивоварова, эта книга – «единственная в западной науке по-настоящему серьезная, глубокая по постановке вопроса и широкая по охвату материалов… попытка целостного постижения творчества автора…» (4). Мак-Мастер назвал свою книгу «Данилевский – тоталитарный философ», а во многих других упоминаниях о Данилевском в советской исторической науке наиболее распространенное определение – «реакционный националист», а его взгляды определены как «реакционно-националистическая аргументация».

В современной исторической литературе России в связи с переосмыслением методологических основ исследований теоретические наблюдения Н.Я. Данилевского оказались чрезвычайно востребованы. Именно поэтому в 1997 г. в Липецке была проведена серьезная научная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения выдающегося мыслителя (6), а в 1999 г. еще одна конференция, посвященная 130-летию выхода книги «Россия и Европа». В ней

принял участие гость из Таврического национального университета имени В.И. Вернадского проректор В.П. Казарин, и правнучка Н.Я. Данилевского – В.Я. Данильченко. В XXI в. появились диссертации, монографии и большое количество статей, посвященных творчеству Данилевского. Наиболее важное значение имеет книга Бориса Петровича Балуева (7). Отмечу, что она получила высокую оценку родственников Николая Яковлевича, приезжавших в наш город на научную конференцию.

Обратим внимание и на издание, вызывающее особый интерес. Это книга нашего земляка, елецкого исследователя В.В. Сороковых. В ней внимательное изучение взглядов Н.Я. Данилевского сопрягается с проблемами педагогики, что производит сильное впечатление на современного читателя. Общие оценки взглядов Данилевского даны в русле современных поисков приложения его творчества к методологии исторических исследований и преподавания с точки зрения педагогической науки (8). Отметим и исследование сотрудника Института русско-славянских исследований имени Николая Яковлевича Данилевского – Александра Валентиновича Ефремова (9).

Нет необходимости останавливаться на подробной биографии и главных позициях в учении Данилевского. Замечу, что теперь большинство исследователей его творчества, отвергнув безосновательно критические писания В.С. Соловьева, именно Николая Яковлевича считают основателем цивилизационного подхода к рассмотрению исторического процесса. Культурно-исторических типов (цивилизаций), отмеченных Данилевским, всего 10 существовавших и два насильственно разрушенных. В момент создания книги, на конец 60-х гг., он обозначает заканчивающий свое развитие романо-германский культурно-исторический тип и только начинающий формирование важнейших составляющих цивилизации, основных ее разрядов, славянский (или славянорусский, или православнославянский) тип.

Данилевский отмечал те реалии политической жизни Европы, которые проявлялись в последовательно негативном отношении к славянству и России. Эта долговременная враждебность Европы к России и к славянству (отмеченная еще А.С. Хомяковым) определялась несовместимостью двух культурно-исторических типов, из-за психологических отличий («терпимость» одних – «насильственность» других) и отличий возрастных – завершение существования романо-германского и начинающего развитие – славянского. Тогда же, в 50-е – 70-е гг. XIX в., отмечали последовательную враждебность европейских стран по отношению к России и славянству и А.И. Герцен, и И.С. Аксаков, и Ф.М. Достоевский, и В.И. Ламанский… В работах западных ученых в большинстве случаев присутствует презрительное отношение к славянству, они считаются его низшей, малокультурной расой.

Профессор Польской школы в Париже Франциск Духинский (1817–1893) даже исключил из славянства великороссов, по его определению, «московитов», бездоказательно причислив их к туранцам, в отличие от славян – малороссов (украинцев), белорусов, поляков (10). Понятна политическая подоплека учения – добиться раскола славянского племени, уничтожить идею славянского единства. Данилевский же в книге отчетливо обозначил: «…для *всякого славя-*

нина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо» (11).

Не останавливаясь на главном в книге Н.Я. Данилевского – теории культурно-исторических типов, т.е. впервые формулированному цивилизационному подходу к объяснению исторического процесса, обратим внимание на взгляды автора на идею единства славянства, его необходимое, по мнению автора, политическое устройство.

Геополитическая идея (объединение славянских народов под главенством России в форме Всеславянской федерации), вокруг которой построена книга Н.Я. Данилевского – вовсе не нова. Припомним хотя бы близкие по духу идеи Ю. Крижанича, сформулированные еще в XVII в. Ярко и громко, на всю Европу идеи о славянском братстве провозглашал Александр Герцен. Он писал: «...не имеем ли мы право считать Россию зерном кристаллизации, тем центром, к которому тяготеет стремящийся к единству славянский мир, и это тем более, что Россия покуда единственная часть великого племени, сложившаяся в сильное и независимое государство?» Ведь именно потому, что Россия – великая и мощная держава, «вне России нет будущности для славянского мира; без России он не разовьется, он расплывется и будет поглощен германским элементом; он сделается австрийским и потеряет свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнению, его судьба, его назначение» (12).

Именно А.И. Герцен неоднократно подчеркивал и еще одну мысль – о необходимости федеративного объединения славянства: «Централизация, – писал он в 1851 г. все в том же знаменитом письме «Русский народ и социализм» Ж. Мишле, выдающемуся французскому историку и общественному деятелю, – противна славянскому духу; федерализация гораздо свойственнее его характеру. Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование» (13).

Точно также энергично в публицистике А. Герцена звучит критика Запада, немцев, их роли в истории, созвучная, как и отмеченные выше мысли, последующим наблюдениям Н.Я. Данилевского. При внимательном чтении названных эмигрантских статей А. Герцена (заметим – распространявшихся в России, особенно во второй половине 50-х гг.) и книги Н.Я. Данилевского складывается впечатление, что последний мог знать их, иметь в виду при обдумывании своих гораздо более глубоко аргументированных и более доказательных, а также под иным углом зрения изложенных мыслей, настолько близки их позиции. Этот различный угол зрения отчетливо проявился в завершающих страницах статьи А.И. Герцена «Русский народ и социализм» и книги Н.Я. Данилевского. И тот, и другой использовали один прием, обратив внимание на отражение своих мыслей в художественном изобразительном творчестве; но если для А. Герцена основой для рассуждений послужила картина К. Брюллова «Последний день Помпеи», то для Н. Данилевского – выдающееся произведение А.А. Иванова «Явление Христа народу» (16). *Её идею сам художник определил как изображение человечества «на перепутье – из физических сил в духовные».*

Достаточно обратить внимание на содержание сочинений о взглядах Н.Я. Данилевского на славянство, направленность исследований его творчества в зарубежной историко-философской мысли, чтобы выяснить – именно эта сторона построений нашего земляка наиболее привлекает современных исследователей и публицистов. Отсюда и распространенное приложение (этикетка) к взглядам Н.Я. Данилевского – определение «панславизм». «Малая советская энциклопедия» 1930 г. трактовала его как идею «объединения славянских народов … Российский Панславизм надеялся на поглощение славянских и соседних с ними народов и их включение в Российскую империю» (14). Позднее, в «Советской исторической энциклопедии»: «Общественно-политическое течение, в основе взглядов которого лежало представление о стремлении славянских народов к противопоставлению себя другим народам и государственному единству с царской Россией… В конце XIX – начале XX века, когда в политике германского империализма все явственнее стали проявляться широкие антиславянские цели, идеологи Панславизма стремились представить свою концепцию как средство борьбы против пангерманской опасности. В этом направлении развивал свои взгляды еще в 70-е гг. Н.Я. Данилевский» (15).

Ныне определение несколько иное: «…идеология, сформировавшаяся в странах, населенных славянскими народами, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности». Отметим, что здесь предполагается политическое объединение на основе духовного единения и как-то … не упоминается единство религиозное.

Наиболее четко прозвучали разные голоса с точки зрения содержания панславизма в ходе события, которое, скорее всего, оказало сильное влияние на уточнение позиции Н.Я. Данилевского при выяснении им в книге славянской идеи. Это выдающееся для той эпохи событие – Этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 г. Сведений о присутствии на нем нашего героя нет; но ход съезда подробнейшим образом описывался в газетах, там же публиковались и многочисленные речи как участников съезда, так и тех высокопоставленных деятелей, с которыми они встречались (включая императора Александра II). Вывод Н.Я. Данилевского о работе съезда: он показал, что славянские идеи еще мало проникли как в наше, так и в западно-славянские общества, и, по мнению многих, «общение научное, литературное, так сказать, союз славянских душ и сердец заключается в высшей, сверхполитической сфере, и к нему только и должно стремиться» (17). Как сказал в последний день съезда М.П. Погодин: «Мы (русские. – *Л.З.*) ничего не хотим, ничего нам не надо: ни земли, ни людей. Земли – мы можем поместить у себя хоть две Европы, людей – нас уже больше 70 миллионов, к которым всякий год прибавляется по миллиону. Нам ничего не нужно от вас, кроме любви» (18).

Мнение же Данилевского – иное. Оно, прежде всего, в политической сфере: главное «для развития общеславянских симпатий, для поглощения ими мелких раздоров между разными славянскими племенами и направлениями» – борьба с Западом. В связи с этой задачей панславизм

необходим: «как будто честный русский человек, понимающий смысл и значение слов, им произнесенных, может не быть панславистом, т.е. может не стремиться всеми силами души своей к свержению всякого ига с его славянских братий, к соединению их в одно целое, руководимое одними славянскими интересами, хотя бы они были сто раз противоположны интересам Европы и всего остального света, до которых нам нет и не должно быть никакого дела» (19).

Такой подход автора «России и Европы» объясняется его общей цивилизационной теорией: только тот культурно-исторический тип достигает высот в своем развитии, полноты, силы и блеска, в котором присутствует значительное число «этнографических элементов», близких основной народности. Именно поэтому Н.Я. Данилевский в качестве главной цели в развитии славянского культурно-исторического типа называет создание политического объединения в форме Всеславянской федерации, федерации славянских народов и «всех вкрапленных между ними инородных племен» со столицей в Константинополе (20), отдельные члены которой существуют самостоятельно – «Нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общей идеей Всеславянства…» (21).

Необходимость такой формы единения связана с тем, что тогда, в конце 60-х гг., Россия продолжала оставаться единственным свободным и сильным славянским государством, которое должно было взять на себя объединение братских православных славянских народов. Большинство славян, отмечал автор, находится в состоянии «пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира, в составе Османской и Австрийской (здесь большинство населения – славяне) империй» (22). Поэтому для России «нравственная обязанность» – выгнать турок из славянской и греческой земли; но, замечает автор, сейчас «мы не имеем этого намерения» (23). Заметим, время настало уже вскоре, в конце 70-х гг., и тяжелейшим ударом для Н.Я. Данилевского и многих других русских мыслителей стали итоги русско-турецкой войны, представленные решениями Берлинского конгресса, которые он определил словами – «Горе победителям!»

Предполагаемый состав Всеславянской федерации, по мнению Н.Я. Данилевского, должен быть следующим. «Соответственно главным этнографическим группам, на которые разделяются как славянский мир, так и племена, принадлежащие к нему по месту своего жительства, а большею частью также по своим действительным, ненапускным нравственным тяготениям, – Всеславянский союз должен бы состоять из следующих государств» – и перечисляет их восемь: 1. Русская империя. 2. Королевство Чехо-Мораво-Словакское. 3. Королевство Сербо-Хорвато-Словенское. 4. Королевство Булгарское. 5. Королевство Румынское. 6. Королевство Эллинское. 7. Королевство Мадьярское и 8. Цареградский округ. Этот Союз – «никому не угрожая, и не боясь никаких угроз… мог бы противустать всем бурям и невзгодам и спокойно идти путем самобытного развития… образуя, соответственно своему этнографическому составу, религиозному просвещению и историческому воспитанию, особый культурно-исторический тип» (24).

И последнее. Очевидно, что в состав Всеславянского союза входят не только славянские государства. Отмечая это обстоятельство, Данилевский писал, что их связала со славянами историческая судьба, поэтому их вхождение в состав Федерации будет осуществлено «волею или неволею» (25). Именно эти его заявления дают основание современным западным исследователям творчества Данилевского писать о реализации Советской властью панславистских идей; причем, по их утверждению, совпадают даже географические очертания предлагаемой Данилевским Всеславянской федерации, а небольшое различие заключалось лишь в том, что вместо Константинополя Россия (СССР) получила Кенигсберг с Восточной Пруссией (26).

Таким образом, то, ради чего писал свою книгу Н.Я. Данилевский – обоснование необходимости объединения славянства – вещь прекрасная, идею, выступающую за свободу миллионов славян от турецкого и австрийского гнета, можно только приветствовать. Остается, как это всегда и требует политическая действительность, определить средства и конечный итог.

И первое – война с Европой (вспомним русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и, главное, ее результат – Берлинский трактат, унизительный для нашей страны), и второе – может ли быть (а ведь может и не быть!) диктат императорской России над другими, пока политически неразвитыми, но – развивающимися народами... Вспомним и последние события, проявляющие отношение к России братьев-славян, и восточных, и западных, и южных… Это отношение подчеркивает правоту известного вывода Ф.М. Достоевского: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными» (27).

Может быть, историческая задача России и заключается в том, что она, с достаточно своеобразным (терпимо-благожелательным) отношением ее населения к другим народностям и конфессиям, создает условия для политического «пробуждения»тех многочисленных народов («этнографического материала»), с которыми связало ее Провидение? Может быть, именно сейчас настало время признать правоту итоговой мысли Н.Я. Данилевского, который писал: «…Духовное единство есть главное, существенное; политическое же объединение – сравнительно низшее» (28). И если второе, низшее, – дело политиков, то первое, главное – дело народов, движение, развитие которого должно подкрепляться мощной поддержкой масс, снизу...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма Н.Н. Страхова к Н.Я. Данилевскому. Июнь 1873 // РВ. 1901. Т. 271. № 1. С. 130.
2. Ф.М. Достоевский – письмо Н.Н. Страхову от 18 (30) марта 1869 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб., 1996. Т. 15. С. 416-417.
3. Мак-Мастер Р. Данилевский, русский тоталитарный философ. Кембридж (Масс.)., 1967. На англ. яз.
4. Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 181.
5. Дьяков В.А. Славянский вопрос в пореформенной России (1861–1895 гг.) // ВИ. 1986. № 1. С. 56.
6. Николай Данилевский: 175 лет. Материалы IV областных историко-философских чтений. Липецк, 1998.
7. Балуев Б.П. Споры о России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М., 1999.

8. Сороковых В.В. Николай Яковлевич Данилевский: горизонты наследия в диалоге миров и эпох (философско-образовательный взгляд). Изд. 2-е, доп. Елец, 2010.
9. Ефремов А.В. Борьба за историю: концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М., 2006; его же. Русский путь: апология Николая Данилевского. М., 2015.
10. Н.Я. Данилевский был знаком с этим псевдонаучным бредом, поскольку обратил на него внимание. См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 1991. С. 176.
11. Там же. С. 127.
12. Герцен А.И. Русский народ и социализм // Его же. О социализме. М., 1974. С. 277.
13. Там же. С. 275-276.
14. Малая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1930. Стб. 267.
15. Манусевич А.Я. Панславизм // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 791-793.
16. Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 503-506.
17. Там же. С. 432.
18. Погодин М.П. Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1967. С. 140.
19. Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 295.
20. Там же. С. 384.
21. Там же. С. 387.
22. Там же. С. 318.
23. Там же. С. 294.
24. Там же. С. 389-390.
25. Там же. С. 363.
26. Пивоваров Ю.С. Указ. соч. С. 170.
27. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877 год. Ноябрь. Гл. 2 // Собр. соч.: в 9 т. М., 2004. Т. 9. Кн. 2. С. 333.
28. Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 430.

В.В. ФОМИН

ЮЖНОБАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. ПАВИНСКОГО

А.И. Павинский происходил, указывает М. Филипович, «из семьи полонизированных немцев и поляком стал фактически по собственному выбору» (1). Родился будущий славист 25 апреля 1840 г. (умер 12 августа 1896 г.) (2), закончил гимназию г. Петроковска (Пётркув-Трибунальский, Царство Польское), затем успешно учился в двух крупнейших университетах России – в Петербургском (1859–1861), на историко-филологическом факультете, и Дерптском (1862–1864), в котором и окончил курс с отличием. После чего министерство народного просвещения отправило его на стажировку за границу. В Берлине он занимался под руководством знаменитого Л. Ранке, а также И.Г. Дройзена и Ф. Яффе, в Геттингене – Г. Вайтца, одного из издателей «Monumenta Germaniae Historica». По мнению В. Новодворского, влиянием этих ученых и преимущественно последнего, «определилось, вероятно, направление будущей деятельности Павинского. Он усвоил себе строго научные методы исторического исследования и посвящал свои силы изданию исторических материалов и изучению той стороны истории, которая связана с развитием учреждений…».

За работу, посвященную истории возникновения муниципальных учреждений северной и средней Италии, Павинский в 1867 г. получил в Геттингенском университете степень доктора философии. На следующий год он начал преподавать в качестве приват-доцента в Варшавской Главной школе (с октября 1869 г. – Варшавский университет). В 1870 г. молодой ученый по поручению Академии наук рецензировал труд М.Ф. Владимирского-Буданова «Немецкое право в Польше и Литве», представленный на присуждение престижной Ува-

ровской премии. Академия наук «счастлива», отмечалось в ее отчете о присуждении наград, «что при суждении своем о книге г. Владимирского-Буданова могла принять в основание такой подробный и основательный разбор, какой доставлен ей доцентом Варшавского университета Ад. Ив. Павинским».

«Такой же характер строгой фактичности и истинного критического отношения к историческому материалу» носит, отмечал Новодворский, его книга «Полабские славяне в борьбе с немцами VIII–XII ст.», вышедшая в 1871 г. на русском языке в Петербурге. Как подчеркивал автор, он представляет на суд читателя «историю четырехсотлетней борьбы с немцами, которую мы осмеливаемся считать продолжением неоконченного еще труда Гильфердинга. Мы изложили внешние события, намереваясь в следующей за сим части дать» «очерк внутренней, религиозной и общественной жизни и политического устройства во время политического существования полабских славян» (но свое намерение историк, к сожалению, не осуществил, хотя и работал над этой частью).

При этом Павинский объяснил, что заставило его обратиться к данной теме: историей полабских (следовательно, и южнобалтийских) славян «занялись писатели, прадеды которых способствовали главным образом истреблению этой ветви западных славян, наводнили славянскую землю своими поселениями и, внесши в славянские края свой язык, свои обычаи, основали на славянской почве новые государства, пропитанные и в настоящую пору по отношению к славянам тем же духом, которому они обязаны своим возникновением, развитием и могуществом. Вследствие сего труды немецких писателей по этому предмету являются как бы только историческим оправданием совершенного завоевания. Несмотря на всю добросовестность и *объективность* немецких писателей, история западных славян выходит из-под их пера вовсе не такою беспристрастною, как они воображают; они представляют ее только с одной стороны, а именно со стороны постепенного водворения в славянских землях немецкого государства». Они, завершал свою мысль ученый, смотрят на земли этих славян «как на поле, на котором, по их мнению, так блистательно обнаружилось превосходство немецкой цивилизации над славянскою. Эта односторонность мешает правильному взгляду, она мешает раскрыть настоящий смысл истории этой славянской ветви».

Защитив свое исследование в Петербургском университете как докторскую диссертацию (и удостоившись степени доктора всеобщей истории), был назначен экстраординарным профессором Варшавского университета (в 1875 г. он ординарный профессор, в 1894 г. – заслуженный ординарный профессор). В 1872 г. Павинский получил должность архивариуса, а через два года – начальника главного архива Царства Польского (Привислянского края), «в котором содержались книги и дела коронной метрики, то есть бумаги, бывшие в ведении коронного канцлера и подканцлера, а также земские судебные акты коронных воеводств» (возглавлял архив до конца жизни). С той поры начинается самый плодотворный этап в жизни этого замечательного ученого, связанный прежде всего с решением грандиозной задачи – публикацией источников по истории Речи Посполитой. Так, он издает многотомную «Zròdła Dziejow» («Историче-

ские источники», с его участием вышло 13 томов) и пятитомную историю Куявской земли («и актов к этой истории относящихся»).

Вводя источники в научный оборот, Павинский параллельно с тем занимался изучением, в первую очередь, политического, экономического и социального строя Речи Посполитой, публикуя многочисленные результаты своих исследований на польском языке. Например, «Государственное хозяйство в Польше и его история во время Стефана Батория» (главный вывод: Польша сама содействовала своему собственному разрушению), «Географическо-статистическое описание Польши XVI века» (этот труд «для истории польского земледелия, поземельной собственности и социальных отношений… имеет громадную ценность…»), «История финансового устройства и управления в Польше в XVI в.», «Сеймиковое управление в Польше от 1572 до 1795», «Земские сеймики 1374–1505», т.е. от кошицкой привилегии до статутов радомского сейма (два последних сочинения «следует считать, – подчеркивал далее Новодворский, – классическими в польской историографии». Никто до этого «не изучал так подробно, обстоятельно и последовательно основ политического строя Польши. Прежние историки обращали преимущественно свое внимание на сейм и только мимоходом касались сеймика», которых в Речи Посполитой было до шестидесяти).

Помимо этих важнейших для польской науки проблем Павинский не менее успешно решает другие. Такие, как «Доисторическое время в Царстве Польском: Археологический очерк», «Существование человека в эпоху третичной формации», «Каменный период в нынешней России», «Погребальные обычаи у западных славян», «Подляшское воеводство в XVI веке» (вышли на русском языке), «Прусское герцогство при Сигизмунде-Августе» (на латинском языке), «Научный метод изучения исторической географии» (на французском языке), «Происхождение средневекового консулата в общинах северной и средней Италии» (на немецком языке), популярные очерки «Сербия» (на польском языке). Кроме истории его любимым предметом была археология, в связи с чем он «принимал самое деятельное участие в русских археологических съездах, на которых не раз читал доклады». По оценке современников, работа Павинского «поражает своей громадностью. Он делал то, что казалось бы, возможно только для целых ученых учреждений, а не для отдельного человека». Краковская Академия наук (ее членом-корреспондентом он состоял с 1873 г., действительным членом – с 1891 г.) смотрела на его деятельность, «сказал при погребении знаменитого историка один из ее членов (проф. Закржевский), с удивлением и восторгом» (В.Д. Спасович полагал, что первый удар паралича Павинского осенью 1895 г. был вызван его умственным переутомлением).

Д. Райский говорил о «громадной эрудиции» ученого, силе его исторического анализа, о беспощадной логике его заключений, основанной «на всестороннем и серьезном изучении предмета», о его беспристрастии в суждениях, о тонком психологическом анализе и критическом чутье. В. Новодворский подчеркивал, что «это был живой, энергический и неутомимый работник, для которого трудится значило жить», что знания Павинского «были разносторонни, знакомство его с литературою по истории и наукам, близко к ним стоящими

(антропологии, социологии, политической экономии и др.), весьма обширно. Он старался воспользоваться результатами этих наук для того, чтобы осветить темные исторические вопросы и глубже повести исследования исторической жизни». В.Д. Спасович констатировал, что исследователь «знал множество европейских языков, со включением испанского и голландского, копался в европейских архивах… посещал международные археологические конгрессы (в Лиссабоне, в Афинах)». Авторитет Павинского в научном мире был столь высок, что он состоял во многих русских и заграничных ученых обществах.

Студентам профессор Павинский «читал курсы по энциклопедии и методологии исторических наук, по истории первобытной цивилизации, общие курсы по истории Рима и средних веков и, наконец, специальные курсы дипломатики, хронологии и средневековой палеографии. Все эти курсы, согретые горячею любовью к читаемому предмету, при блестящем изложении, представляют крупное явление среди подобного рода общих курсов». В его лекциях «слушателя всегда поражали редкое сочетание научной многосторонности с глубокой специализацией, полнота, ясность изложения внутренней истории, анализ политического строя, его органов, его государственных учреждений, городских общин и целой политической организации».

Райский, совершенно справедливо заключая, что неутомимый профессор, «так богато одаренный во всех отношениях от природы», «искал всюду одну только правду», отметил еще одно очень важное свойство этого ученого: Павинский беспристрастно относился к трудам русских историков, что «за это его беспристрастие, за этот его объективизм его любили и уважали и поляки и русские. Те и другие им одинаково гордились» и что «он не работал специально в интересах примирения поляков с русскими, но своею деятельностью в качестве профессора и ученого он косвенно много сделал полезного для выяснения взаимных недоразумений». Сегодня М. Филипович указывает, что «его взгляды и общественная позиция в политическом смысле были полной противоположностью антирусскому патриотизму в корзоновском стиле (3). Противник Январского восстания и “всяческих подрывных идей, агитации и крикливого подстрекательства”, Павинский был представителем политики “согласия и органической работы”. С этой точки зрения его положение в польском обществе было не из легких» (4).

Выход книги А.И. Павинского «Полабские славяне» по-разному, конечно, был встречен в России. Но даже те, кто не видел в ней оригинального исследования, отмечали, что «она имеет свое значение, – современное и кстати, – являясь в русской литературе только второю после неоконченного сочинения г. Гильфердинга, книгою, посвященною истории западных славян», желали, чтобы многие ее прочли, т.к. она «может навести на многие полезные мысли». Потому как «избранный автором период времени есть самый интересный в истории западного славянства. В нем ключ к уразумению немецкой политики, не изменившейся до нашего времени. Здесь зарождение исторического луча, освещающего все последующие века до настоящего исключительно. Отсюда выносится сознание и поучение» (надлежит иметь в виду, что свою работу автор писал, издал и защитил в ходе франко-прусской войны, приведшей к объединению Германии. Как подчеркивалось в цитируемой рецензии, результатом захва-

та немцами славянских земель между Лабою и Одрою стало создание бранденбургского маркграфства, из которого «родилась Пруссия – нынешняя военная немецкая марка, операционный базис германизма в его дальнейшем стремлении к востоку») (5).

Монография А.И. Павинского «Полабские славяне», несмотря на свой весьма «преклонный возраст», нисколько не устарела (о чем говорят хотя бы два ее недавних переиздания – 2011 и 2013 гг., но которые, к сожалению, не могут полностью удовлетворить читателя). К тому же за время после ее выхода в области изучения истории южнобалтийских славян мало что изменилось, причем многие наработки дореволюционных специалистов оказались просто забытыми (ситуация во многом стала меняться в лучшую сторону в последние десятилетия, в том числе и с публикацией источников (6)). Поэтому она способна дать важную пищу для размышления современным исследователям и тем самым плодотворно воздействовать, в том числе, на процесс изучения малоизвестных или вовсе неизвестных страниц нашей истории.

Нашей же истории потому, что именно с берегов Южной Балтики, заселенной славянскими и славяноязычными народами, о которых писал крупнейший русско-польский славист, пришли к восточным славянам, о чем свидетельствует исторический, археологический, антропологический, нумизматический и лингвистический материал, вследствие многовековых, активных и разносторонних контактов, варяги и русь, сыгравшие в судьбе нашего Отечества очень важную роль (многие явления жизни варягов и руси находят себе параллели и объяснения только из истории южнобалтийских – «полабских» – славян) (7).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Филипович М. Ученые или патриоты? Взгляды польских историков на Россию и русских в конце XIX – начале XX в. // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 122-123.
2. Даты даны по старому стилю.
3. Тадеуш Корзон (1839–1918), в трудах которого «явно заметны “антирусские комплексы”, или “антироссийские фобии”» (Филипович М. Указ. соч. С. 120).
4. ИВ. Т. LXVI. № 10. СПб., 1896. С. 354-355; Новодворский В. А.И. Павинский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCVIII. № 12. СПб., 1896. С. 125-140; Спасович В.Д. Адольф Павинский. Историк польского сеймика // ВЕ. М., 1896. № 12. С. 595-633; Райский Д. Польский историк Павинский // Северный вестник. СПб., 1896. № 12. С. 175-180; Ягич И.В. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 590-591; Филипович М. Указ. соч. С. 123.
5. Беседа. М., 1871. № IX. С. 63-67.
6 Титмар Мерзебургский. Хроника: В 8 книгах / Перевод с лат. И.В. Дьяконова. М., 2005; Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской; редактор-составитель И.А. Настенко. М., 2011; Саксон Анналист. Хроника. 741–1139 / Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М., 2012; Саксон Грамматик. Деяния данов: В 2 т. (в16 книгах) / Перевод с лат. яз. и комм. А.С. Досаева; под ред. И.А. Настенко. М., 2017; Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян: В 3 ч. / Биогр. очерк К.Н. Бестужева-Рюмина, вступ. статья и комм. В.В. Фомина, комм. С.В. Цветкова. М., 2013; Кузнецова А.М. История полабско-балтийских славян в отечественной историографии (1917–1997 гг.): Автореф… дис... канд. ист. наук. М., 1998; Фомин В.В. Южнобалтийские славяне в творчестве А.Ф. Гильфердинга // В поисках нового: Европа и Россия в современной отечественной историографии. Арзамас, 2007. С. 268-294; его же. А.Ф. Гильфердинг и южнобалтийские славяне (к 140-летию со дня смерти ученого) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки Липецк, 2012. . Вып. 1 (6). С. 51-74; его же. Варяги Южной Балтики А.Ф. Гильфердинга // Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 17-60; Молчанова А.А. Балтийские славяне и Северо-Западная Русь в раннем Средневековье: Автореф... дис... канд. ист. наук. М., 2008; Пауль А. Старцы славянские, хранящие в памяти все деяния язычников // Варяги и Русь: Сб. статей и монографий. М., 2015. С. 129-174; его же. К вопросу о названиях племен королевства ободритов // Там же. С. 175-238; его же. Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. М., 2016; его же. Империя франков и балтийские славяне в эпоху Каролингов // Гуманитарные исследования Центральной России. Липецк, 2017. № 1 (2). С. 49-58.

7. См., напр.: Гедеонов С.А. Варяги и Русь: В 2 частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. 2-е изд., комментированное. М., 2004; 3-е изд., комментированное М., 2005; Фомин В.В. Южнобалтийское происхождение варяжской руси // ВИ. 2004. № 8. С. 149-163; его же. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; его же. Южнобалтийские славяне в истории Новгородской земли // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 15-17 ноября 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 10-14; его же. Южнобалтийские варяги в Восточной Европе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света: Материалы Международной конференции, состоявшейся 14-18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 107-125; его же. О времени появления южнобалтийских славян в Северо-Западной Руси // Проблемы отечественной и всеобщей истории. К 80-летию профессора В.М. Важинского. Липецк, 2010. С. 18-25; его же. Южнобалтийские славяне в истории Старой Руссы // Вехи минувшего: Ученые записки исторического факультета. Липецк, ЛГПУ, 2012. Вып. 7. С. 17-57; его же. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М., 2013; его же. Варяги и русь // Варяги и Русь. С. 7-112; его же. Южнобалтийские славяне-варяги – мореходы, купцы, пираты, первооткрыватели торговых путей на Балтике и в Восточной Европе // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX–XXI вв.: Материалы IV Международной научной конференции. Липецк, 27 февраля 2015 г. Липецк, 2015. С. 45-56; Дитяткин Д.Г. С.А. Гедеонов и его концепция начальной истории Руси: Автореф... дис... канд. ист. наук. М., 2010; его же. Проблема образования Древнерусского государства в отечественной исторической науке второй половины XIX в. М., 2018; Черных А.В. Общественно-политическая и научная деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872): Автореф... дис... канд. ист. наук. М., 2012; его же. Научная славяноведческая (история, источниковедение, лингвистика, этнография, фольклор) деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). Воронеж, 2016; его же. Государственная, дипломатическая и общественно-политическая деятельность А.Ф. Гильфердинга (1831–1872). Липецк, 2017.

К.С. КУНАВИН

Б.П. МАНСУРОВ ДО «ИЕРУСАЛИМСКОГО ПРОЕКТА»: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ (1)

Борис Павлович Мансуров (1826–1910) – крупный чиновник второй половины XIX в., известный, прежде всего, своей активной и успешной деятельностью в Палестине. Его авторству принадлежал проект по улучшению быта русских православных паломников в Иерусалиме, положивший начало прочному обустройству России на Святой Земле. Показательно, что предложенная Б.П. Мансуровым концепция гуманитарного присутствия в регионе оказалась крайне жизнеспособной, просуществовав вплоть до революции 1917 г. (сначала как Палестинский комитет при морском министерстве, затем как Палестинская комиссия при Азиатском департаменте министерства внутренних дел и, наконец, как Императорское православное Палестинское общество, возрожденное уже в современной России). Роли конкретно Б.П. Мансурова в этих структурах посвящено немало работ (2). Большинство из них признают за Борисом Павловичем высокий авторитет и компетентность, оказавшие значительное влияние на успех русского присутствия в Палестине.

Борис Павлович Мансуров родился 12 мая 1826 г. в семье известного в петербургских кругах Павла Борисовича Мансурова (1797–1881). Род профессиональной деятельности Павла Борисовича был обширным: успев принять участие в Отечественной войне 1812 года в составе лейб-гвардии (скорее всего, формальное), он позже вышел в отставку и перешел на гражданскую службу; с 1827 по 1841 г. состоял членом Строительной комиссии при министерстве финансов, а после оставался в качестве чиновника при данном ведомстве, дослужившись до чина действительного статского советника (IV класс). Гражданская служба не была ограничена только участием в финансовой сфере. Хорошее образование и социальное положение позволили ему проявить себя и в министерстве иностранных дел, где он продолжительное время числился дипломатом.

Как будет указано ниже, сфера юстиции также могла быть ему достаточно близкой. Известен был Мансуров своей тесной дружбой с А.С. Пушкиным.

Принадлежа к тому же поколению, из которого выросли декабристы и которое наполняло собой различные салоны («умершие», кстати, с этим поколением), он не мог быть не заражен тем общественным просветительским настроением. Речь, идет, конечно, не об этих настроениях в целом и в частности, а о культурном фоне, сопровождавшем детство и юность Бориса Мансурова. Можно смело предположить, что такой отец вольно или невольно обеспечивал контакт своего сына с передовыми культурными слоями того времени. Влиянию отца не могло быть противопоставлено влияние матери. Хованская Екатерина Петровна (1803–1837) принадлежала к влиятельному княжескому роду, что позволяет предположить её сильную связь с высшими аристократическими столичными слоями, а прошлое в качестве фрейлины императрицы Марии Федоровны сразу после выпуска из Воспитательного общества благородных девиц в 1821 г. только укрепляет это предположение.

Рос в этой семье Борис не один, а с младшими братьями и сестрами: Николаем (1830–1911), Екатериной (1833–?) и Михаилом (1835–1837) (3). Роль старшего брата должна была воспитывать в нем довольно полезное для чиновника чувство ответственности, пусть и локализованное в конкретную ответственность перед семьей. Примечательно, что биографические тексты XIX в. иллюстрируют взаимоотношениями между начальником и подчиненным в русле «отец-сын»; более того, такая модель «служебной семьи» считалась приемлемой, а карьерный успех зависел от того, насколько удавалось выстроить подобные отношения (4). Навык «конкретной ответственности» в условиях бюрократической системы первой половины XIX в. сохранял актуальность и, скорее всего, был конструктивно оправданным.

Эпоха Николая I ознаменовалась расширением государственной бюрократической системы. Открывавшиеся новые ведомства предъявляли соответствующие требования не только к количеству чиновничества, но и к его качеству. Во многом причина этих явлений в том, что «неудовлетворительная организация службы, низкая квалификация чиновников и нравственная нечистоплотность многих из них – таковы характеристики ситуации в сфере государственного управления в течение всей первой четверти XIX в., содержащиеся в громадном большинстве исторических источников». Проблема образовательного уровня бюрократии, её деловых и моральных качеств в 1830-е гг. привлекала внимание всего русского общества, прессы и литературы. Соответствующие усилия правительства приветствовались и получали поддержку.

В 1834 г. племянником Николая I П.Г. Ольденбургским была высказана идея создания училища правоведения для лучшей юридической подготовки государственных служащих. Идея эта была поддержана монархом, и уже через год было учреждено Императорское училище правоведения. Николай I считал необходимым взять всё общее воспитание под правительственный надзор, чтобы оно велось в желательном духе и направлении (5). Будучи одним из престижных учебных заведений, училище представляло собой закрытое заведение, куда принималось не более ста человек исключительно из российского потомственного дворянства.

Воспитанники, окончившие училище и уравненные в правах с выпускниками Царскосельского лицея, претендовали на серьезные государственные посты (6).

Что именно послужило основанием для выбора Павлом Борисовичем данного учебного заведения для своих сыновей, судить сложно. Стоит обратить внимание лишь на два момента. Во-первых, из двух престижных гражданских учреждений предпочтение было отдано именно училищу правоведения, а не Царскосельскому лицею, можно расценивать как явные амбиции именно в государственной службе. Во-вторых, в тот период семья Мансуровых в Петербурге проживала в доме министерства юстиции на Малой Садовой улице (7). Личное знакомство с «кухней» министерства юстиции и её представителями наверняка также могло склонить Мансурова в пользу этого варианта.

В 1845 г. Борис Павлович Мансуров оканчивает училище (6-й выпуск) с отличием и золотой медалью, дававшей право на присвоение её обладателю гражданского чина IX класса (титулярный советник). Согласно §17 Устава училища выпускники после окончания обязаны были прослужить не менее 6 лет в Канцелярии министерства юстиции или Сената (8). Этот механизм автоматической интеграции выпускников Училища в высшее коронное учреждение и успехи самого Мансурова привели к тому, что в мае 1845 г. он в чине титулярного советника начинает свою карьеру со службы в Канцелярии I Департамента Сената, по сути, главного управленческого учреждения этой организации (9).

Императорское училище правоведения, подготовив, таким образом, не одного Мансурова, позже сыграло свою роль в Великих реформах. «Уже в николаевскую эпоху в государственном аппарате появилось большое число людей, готовых к переменам» (10). Успешное обучение имело огромное значение для становления профессиональных качеств Бориса Павловича, предопределив его быстрое продвижение по службе. В последующем высокая квалификация Мансурова будет востребована при реализации Иерусалимского проекта России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41034

2. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. М.: Издательство Олега Абышко, 2008; Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864: каталог / К. Вах. М., 2011; Ермакова З.П. Преданный Святой Земле работник // Московский журнал. 2012. № 4. С. 56-65; Никодим (Ротов Б.Г.). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 15-82.

3. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906 : биобиблиографический справочник / Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб., 2007. С. 470.

4. Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб., 2015. С. 136.

5. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVII – начало XX в. СПб., 1999. С. 116-117, 120.

6. Змеев В.А. Императорское училище правоведения в период царствования Николая I // Юридическое образование и наука. 2002. № 5. С. 29-33.

7. Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / Подгот. к изд. и публ. Кирилла Ваха и Алексы фон Виннинг. М., 2014. С. 19.

8. Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. СПб., 2006. С. 41.

9. ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

10. Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб., 2012. С. 15.

А.Н. АЛЛЕНОВ, Р.М. ЖИТИН

Б.П. МАНСУРОВ И НАЧАЛЬНИКИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1858–1889 гг.) (1)

Возобновление деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме (1858 г) – важнейшая веха истории присутствия России в Палестине. Вновь образованное учреждение возвышало роль православной церкви на Ближнем Востоке, являлось важным инструментом миссионерской работы в регионе.

Большое значение в возрождении Миссии сыграл глава Министерства иностранных дел Российской империи А.М. Горчаков. Именно он поддержал идею нового проекта Русской духовной миссии, предложил конкретные задачи ее развития. Несмотря на то что положение православия на Востоке оценивалась А.М. Горчаковым как вопрос политический (2), появление Миссии в Иерусалиме имело огромное значение. Начальнику учреждения предписывалось «не смотреть более на Церковь в Сирии и Палестине сквозь греческую призму», «а заботиться прямо о настоящих интересах России» (3). В подтверждение важности духовного присутствия России на Ближнем Востоке она не должна была ограничивать «своей деятельности одним Иерусалимом, но распространить оную на всю Палестину, Сирию, Ливан, Синай и Египет» (4). Обращало на себя внимание и назначение в Иерусалим не архимандрита, как было прежде, а епископа, что подчеркивало особый статус организации. 1 сентября 1857 г. начальником Миссии (третьим по счету) становится епископ Кирилл (Наумов) (5).

Создание Миссии проходило параллельно с реализацией Иерусалимского проекта, базовая часть которого была разработана чиновником Морского министерства Б.П. Мансуровым. По сути, это означало создание альтернативы светского пути развития и имело далеко идущие последствия для работы всей системы русских учреждений в Иерусалиме. По мнению К. Ваха, А.М. Горчаков «надеялся упредить появление в Иерусалиме других деятелей с аналогичными задачами и поручениями» и создать из Русской духовной миссии «универсальную церковно-дипломатическую структуру» (6).

В обязанности начальника Миссии входило приобретение земли для строительства паломнических учреждений. Реализация аналогичных программ со стороны Палестинского комитета не могла не порождать конфликтов. Особенностью ситуации явилось то, что если покровителем действий Б.П. Мансурова был великий князь Константин Николаевич, то глава Миссии находил поддержку у императрицы Марии Алексеевны. В 1857 г. она передала епископу Кириллу единовременно 25 тыс. руб. В 1859 г. начальник Миссии получает еще 40 тыс. (7). Августейшая благотворительность не только гарантировала финансовую устойчивость делам настоятеля, но и вселяла уверенность в возможности независимой деятельности в регионе.

Первоочередная задача епископа Кирилла состояла в «освобождении поклонников… из-под власти греков». Первым шагом на этом пути стало обустройство в Иерусалиме небольшой больницы (госпиталя) и ее перевод в исключительное подчинение Миссии. В последующем для расширения духовного

влияния предлагалось приступить к «организации русско-арабской школы, заготовление учителей, создание литературы православно-арабской» (8).

Как один из создателей иерусалимского проекта Б.П. Мансуров вынужден был активно контактировать с начальниками Миссии. Первую свою встречу с епископом Кириллом (Наумовым) он провел в 1858 г. в Иерусалиме. «С первых разговоров» Мансуров объяснил Кириллу, что он «приехал ему помогать, а не мешать». В последовавшем за этим письме к Д.А. Оболенскому Борис Павлович отмечал «ум, правильные понятия, хорошее понимание дела» епископа. Тем не менее, отказ Мансурова сообщать о своих планах и инструкциях в Иерусалиме не мог не сказаться на взаимоотношениях с начальником Миссии. «Да что такое здесь Мансуров, где его полномочие, с какого права он распоряжается здесь чем-либо? Таких господ может приехать сюда хоть десять!», – отмечал настоятель Русской Духовной Миссии (9). Для реализации программы застройки купленных в Палестине земель летом 1858 г. был создан Палестинский комитет. Именно ему принадлежало исключительное право на распоряжение собранного на строительство Подворья капитала. Начальнику Русской духовной миссии в этом процессе отводилась скромная роль попечителя «о нравственности и религиозной деятельности поклонников». Оценивая ситуацию, епископ Кирилл считал целесообразным повысить значение Миссии в Палестине. «Как агент Общества, г. Дорогобужинов идет со мною уже не по одной дороге, не под одним начальством состоим мы, не одно дело делаем, а если и одно, то совершенно с различными видами, что еще хуже» (10).

Растущие амбиции епископа находили неприятие у Б.П. Мансурова. Стремление Кирилла «подчинить себе греков», по его мнению, приводило только к тому, что настоятель «приносил в жертву сему миролюбие, духовные отношения к Иерусалимскому Патриарху и членам Синода». Противодействие Кирилла (Наумова) имело и практический аспект. В период реализации Иерусалимского проекта любой конфликт на Востоке мог повредить делу и поставить под сомнение его «неполитическую форму». «Ты был совершенно прав, – писал Мансуров Д.А. Оболенскому, – что он смотрит настоящим генералом…, но вдобавок – генерал, рано выскочивший в сей чин, занятый преимуществами онаго, боящийся везде потерять свое достоинство, постоянно напоминающий свое величие и не отрадовавшийся своему сану. Это его генеральство так забавляет, что бывает смешно». Таким образом, уже первая встреча Мансурова и Кирилла (Наумова) обнажает серьезные внутренние противоречия церковной и гражданской модели управления русским присутствием.

В мае 1859 г. в ходе августейшего паломничества Константина Николаевича в Иерусалим состоялась новая встреча Б.П. Мансурова и епископа Кирилла (Наумова). Отсутствие споров и разногласий во время визита великого князя лишь маскировали конфликт двух деятелей. Епископ Кирилл по-прежнему считал ошибочным участие РОПиТ в Иерусалимском проекте. После отъезда из Палестины августейших паломников Б.П. Мансуров поручает консулу В.И. Доргобужинову забрать под свой контроль устроенный на деньги Императрицы госпиталь. Несмотря на то что «голословные требования» Мансурова не казались Кириллу (Наумову) «законом», ключи от госпиталя были забраны у

настоятеля. Конфликт вокруг госпиталя стал причиной четкого разграничения обязанностей двух конкурирующих структур. Журнальное определение Палестинского комитета от 11 декабря 1859 г. поставило в обязанности Русской духовной миссии в Иерусалиме «нравственное и духовное назидание всей русской паствы, церковное представительство, производство богослужения, … пастырское наблюдение за нашими поклонниками и всеми нравственными условиями их жизни, участие советами и указаниями в деле призрения наших богомольцев, передачу консулу своих замечаний по сему предмету и содействие ему в улучшении быта поклонников» (11).

Все политическое, дипломатическое, гражданское и полицейское представительство и управление странноприимными заведениями в Палестине отдавалось под власть Палестинского комитета. Таким образом, было подтверждено первенствующее значение сотрудников РОПиТ в обустройстве Русского места. Некоторым утешением для Кирилла (Наумова) мог стать только тот факт, что консул В.И. Доргобужинов был отозван из Иерусалима и вскоре был заменен К.А. Соколовым. Впоследствии епископ Кирилл (Наумов) не был допущен Б.П. Мансуровым к обсуждению проекта строительства русских построек в Иерусалиме, а в 1863 г. под влиянием полемики с консулом А.Н. Карцевым был отозван из Иерусалима и отправлен на жительство в Казанский Спасский монастырь. Указом от 29 ноября 1863 г. новым начальником Русской духовной миссии был назначен Леонид (Кавелин), в 1857–1859 гг. уже служивший в Иерусалиме вместе с Ювиналием (12). «Оба добрые, достойные и высоко христианские отцы», – описывал Б.П. Мансуров свое первое впечатление после знакомства с Леонидом (Кавелин). Характеризуя отношения Леонида и Ювиналия с Кириллом (Наумовым), Борис Павлович подмечал, что его новый знакомый был недоволен «архиереем за то, что он их не употребляет ни на что, ничего им не доверяет и держит прямо как послушников». По воспоминаниям Мансурова, чувство неприятия к начальнику Миссии являлось настолько большим, что была «высока вероятность их перехода на его сторону» (13).

Новый настоятель Миссии появился в Палестине весной 1864 г., т.е. ко времени завершения основного этапа строительства русских богоугодных заведений и создания Палестинского комитета, который пришел на смену Палестинской комиссии и отражал новый стиль управления делами в Палестине. «У всякой вещи есть своя положительная и отрицательная сторона, и в целом такое решение можно считать удовлетворительным, поскольку Игнатьев и Стремоухов выглядят очень расположенными к делу и ко мне. То, чего я опасался – это поглощение моих дел Синодом и клерикальное влияние», – описывал ситуацию Б.П. Мансуров (14). Отношения Леонида (Кавелина) с Мансуровым выстраивались исходя из обшей стратегии реализации Иерусалимского проекта. Борис Павлович по-прежнему старался не допустить Духовную миссию к реальной процедуре управления русским присутствием на Святой Земле. «Я вижу, что в Иерусалиме тогда только пойдет хорошо дело, когда на вашем месте будет пешка», – заявлял Б.П. Мансуров Леониду (Кавелину).

Ключевым направлением работы нового начальника Миссии стало обустройство православного быта паломнических приютов. В этом смысле настоя-

тель Леонид (Кавелин) показал себя «фанатичным формалистом и консерватором буквы». Пользуясь кратковременным отсутствием консула А.Н. Карцева в Иерусалиме, настоятель попытался упорядочить духовную жизнь паломников в соответствии с инструкцией Синода. Духовными назиданиями, советами, внушениями и примерами собственной жизни Леонид (Кавелин) старался «не допускать во вверенном ее управлению месте ничего противного христианскому долгу и совести». Для наведения порядка в женском корпусе смотрительницей была назначена Мать Магдалина. Активные действия начальника Миссии были негативно восприняты как русским консулом, так и насельниками Подворья. Жалоба в Синод и передача иерусалимской патриархии компрометирующих Леонила (Кавелина) писем сделали архимандрита нежелательной фигурой в Иерусалиме. Указом Святейшего синода от 16 июля 1865 г. Леонид был переведен в Константинополь, где стал настоятелем церкви при русском посольстве. Однако вплоть до 1869 г. он продолжал оставаться главой Русской духовной миссии (15).

Острые конфликты начальников Миссии с консульской властью являлись отражением общих принципов управления русским присутствием в Палестине. «Для епископа Кирилла (Наумова) и архимандрита Леонида (Кавелина), – писал Н.Н. Лисовой, – деятельность РОПиТ, с которым материально были связаны и сановные лица Петербурга, и более мелкие чиновники, представлялась, естественно, нравственно несовместимой с высокими принципами и целями русского духовного присутствия в Иерусалиме и Святой Земле» (16).

Формально в отсутствие в Иерусалиме Леонида (Кавелина) обязанности настоятеля Миссии выполнял Антонин (Капустин). Его официальное назначение в должности состоялось только в 1869 г. С Б П. Мансуровым новый настоятель Миссии познакомился еще во время своей службы в Посольской церкви в Афинах (1859 г.). Борис Павлович тогда «был одушевлен патриотической мыслью показать Россию на единоверном Востоке такой, какой она должна быть видима и разумеема». Входя в новую должность, Антонин (Капустин) задается «иллюзийной мыслью разбить убивающую общее дело "систему"», а именно – «своим прямым искренним и как бы дружеским отношением к лицам и вещам добиться упразднения пагубного деления людей на своих и чужих». Однако достичь задуманного, по мнению настоятеля, мешала «личная антипатия» Мансурова к Миссии. В Палестине Антонин (Капустин) занял позицию «полного невмешательства во внутреннюю жизнь богоугодных заведений». «Миссии, – писал он в письме к Б.П. Мансурову, – никто не поставил ни в право, ни в обязанность руководить поклонников, посещающих Св. места...». Понимая опасность открытого столкновения с русскими консулами, он был сдержан в своих высказываниях. «Заикнись теперь Д<уховная> Миссия о своей пригодности к спасению словесного стада нашего на лугах Святой Земли, ее и свои, и чужие приравняют, несомненно, к волку», – считал начальник Миссии. Тем не менее новым настоятелем была проведена большая работа по расширению духовного влияния России на Святой Земле. Несмотря на то что Антонин не видел признаков скорого восстановления «епископского достоинства в лице начальника

Миссии», своей деятельностью он «сумел держать мир между двумя ведомствами, считавшийся в 1865 г. почти уже совершенно невозможным» (17).

Повышению значения Духовной миссии в Палестине способствовали новые земельные приобретения. В конце 1869 г. при содействии архимандрита был приобретен участок под Мамврийским дубом – крупной святыней, ставшей местом русского паломничества. В 1870 г. по распоряжению Антонина (Капустина) была приобретена вершина Елеонской горы. В декабре 1873 г. настоятель получает ходжет на Иерихонский участок и устраивает здесь приют для паломников. В 1880 г. на участке земли в Горней он обустраивает еще один приют, начинает возведение Церкви Казанской Божьей Матери. Позже благодаря помощи М.В. Орловой-Давыдовой Антонин приобретает земельный участок в Вифлееме. Стремясь противодействовать католическому влиянию в Палестине, Антонин (Капустин) обустраивает русские школы для местного населения. Одну из них он создает на участочке в селе Бет-Джал. Деньги на покупку земли и строительные работы нашлись благодаря пожертвованиям М.А. Орловой-Давыдовой. В 1888 г. данное учебное заведение было перепрофилировано под закрытое воспитательное учебное заведение, готовившее учительниц для других православных школ в Палестине и Сирии (18).

Активное участие Антонина (Капустина) в строительстве храмов, паломнических приютов и школ с благодарностью было отмечено соотечественниками. «На скудные сравнительно средства (50000 руб.), – писал корреспондент Тамбовских губернских ведомостей, – он сделал столько, сколько не сделали до него ни патриархия, ни даже Палестинский комитет» (19). Деятельность Антонина имела важнейшее значение в истории русского присутствия на Святой Земле. Начальник Русской духовной миссии сумел предложить обширную программу новых земельных приобретений, создания паломнических строений. Его действия носили самостоятельный характер, и, по сути, являлись альтернативой реализации «Иерусалимского проекта» Б.П. Мансурова.

Таким образом, взаимоотношение Б.П. Мансурова с начальниками Русской духовной миссии подчинялось общей концепции реализации Иерусалимского проекта. Ключевое значение здесь играло создание независимого от церковных властей гражданского управления. Начальникам Миссии в этой системе отводилась скромная роль наблюдателей с незначительными обязанностями. Стремясь не допустить клерикализации проекта, Б.П. Мансуров ограничивал влияние Духовной миссии на территории Подворья, не допускал ее представителей к управлению паломническими приютами. Результатом такой политики явились крайне противоречивые отношения Мансурова с Кириллом (Наумовым) и Леонидом (Кавелиным), не принимавшим скромной роли церкви в регионе. Понимая невозможность изменения ситуации, Антонин (Капустин) сосредоточился на развитии собственного проекта Русской Палестины. В ходе его деятельности были куплены новые земли, созданы церкви и учебные заведения. Это позволило снять напряжение в отношениях с гражданской властью, укрепить влияние России на Святой Земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41034.
2. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864: каталог / К. Вах. М., 2011. С. 23.
3. Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 90.
4. Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный палестинский сборник. СПб., 1881. Т. 1. Вып. 1. С. 81.
5. Здравомыслов К.Я. Кирилл (Наумов) // Русский биографический словарь А.А. Половцова: в 24 т. СПб.; М., 1897. Т. 8. С. 660.
6. Мансуров Б.П. Указ. соч.; Великий князь Константин Николаевич… С. 24.
7. ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 149. Л. 22-30; Вах К. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужинова. 1858–1860 гг. // Россия и Христинский Восток [Электр. ресурс]. URL: https://ros-vos.net/history/pal_komitet/2/3/ (дата обращения: 25.09.2019).
8. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. СПб., 1907. С. 12-13.
9. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 178. Л. 9-10.
10. Титов Ф.И. Преосвященный Кирилл Наумов, епископ Мелитопольский, бывший настоятель Русской духовной миссии в Иерусалиме: Очерк из истории сношений России с правосл. Востоком // Азбука веры: Православная энциклопедия [Электр. ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Titov (дата обращения: 25.09.2019).
11. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество... С. 20, 38-39; ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 178. Л. 6-7.
12. Здравомыслов К.Я. Указ. соч. С. 660; Воскресенский Г.А. Памяти архимандрита Леонида, наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1892. С. 4-5.
13. Дмитриевский А.А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, и его труды по изучению православного Востока // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2. [Электр. ресурс]. URL: http:// www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1780-1800/Ross_sv_zemle_2/text32.htm (дата обращения: 25.09.2019).
14. Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конференции. М., 2012. С. 35.
15. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество... С. 58; его же. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина)…; Никольский А. Леонид (Кавелин) // Русский биографический словарь. СПб., М., 1914. Т. 10. С. 199.
16. Никольский А. Указ. соч. С. 196-206.
17. Из письма начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина члену Палестинского Комиссии Б.П. Мансурову. Иерусалим. 1879 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. М., 2000. Т. I. С. 62.
18. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество… С. 71-74.
19. О деятельности нашей духовной миссии в Иерусалиме // Тамбовские епархиальные ведомости. 1882 г. № 20. С. 698.

В.Е. ИВАНИЩЕВА

С.Я. КАПУСТИН И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Формирование взглядов личности зависит от ряда обстоятельств и прежде всего это окружающая среда: общественно-экономические условия жизни, семья и воспитание, друзья и знакомые. Именно окружающая человека социальная действительность является условием формирования его мировоззрения. Так оказалось, что Семен Яковлевич Капустин встречал на протяжении своего жизненного пути плеяду известных, интереснейших людей, выдающихся мыслителей, которых беспокоило благо народа. В связи с этим мы считаем важным проследить, кто конкретно повлиял на мировоззрение публициста. И тот опыт, и идеи, которые оставили нам наши передовые мыслители и публицисты второй половины XIX в. и в первую очередь С.Я. Капустин, являются очень важными и актуальными для современности (при написании статьи были использованы извлеченные нами материалы из РГАЛИ, а именно письма Капустина (1), фотографии (2). Помимо этого мы использова-

ли биографии и мемуары (3), некрологи, которые помогли нам составить более полную картину его жизни).

Семен Яковлевич родился в 1828 г. в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири – Якова Семеновича Капустина (ок. 1796–1859) и Екатерины Ивановны Капустиной (Менделеевой) (1816–1901). Яков Семенович к 50-м гг. стал знаменитой фигурой в Омске. Он – глава многодетного семейства, хозяин двухэтажного дома в центре города. Мама Семена Яковлевича – Екатерина Ивановна, урожденная Менделеева (ее младшим братом является великий химик Д.И. Менделеев). Екатерина Ивановна была очень образованной женщиной. Благодаря ей дом всегда был полон гостей. «Дом Капустиных в Омске представлял салон, в котором собиралась молодежь с высшим образованием занимавшаяся литературой, живописью и пр. Все проезжавшие через Омск образованные люди – путешественники, ссыльные, обязательно вводились в этот салон» (4).

Например, в их доме бывали преподаватели Сибирского кадетского корпуса Н.Ф. Костылецкий – томский писатель-этнограф, один из лучших знатоков татарских наречий. Николай Федорович занимался изучением народного быта, что и могло быть темой в салоне Капустиных, где и присутствовал будущий публицист. Также Костылецкий был учителем казахского просветителя Чокана Валиханова, который являлся другом Семена Яковлевича. С Капустиным Валиханова сближала «любовь к востоковедению, к поэзии, к языкам» (5). Вот что пишет о Чокане сам Семен Яковлевич: он «заставлял считать себя братом, да еще более близким, нежели русский одного… круга, товарищ… с детства…» (6).

Также в этом салоне бывал В.П. Лободовский – мемуарист, интереснейший человек, сыгравший большую роль в жизни Н.Г. Чернышевского (7). Мировоззрение Лободовского было близко юному Чернышевскому: их одинаковое происхождение, сочувствие к обездоленным и бесправным социальным низам, осуждение аристократического класса, уверенность в могучей силе просвещения и христианской веры, способных преобразить человека, сделать его благородным и справедливым. Все это связало В.П. Лободовского и Н.Г. Чернышевского крепкой дружбой. Несомненно, что при таких беседах присутствовал Капустин. Среди гостей салона бывал и П.П. Семенов (будущий знаменитый Семенов-Тян-Шанский).

Отдельного рассмотрения заслуживает общение семьи Капустина с Ф.М. Достоевским. Как утверждают, отец Семена Яковлевича был хорошим знакомым Федора Михайловича. Он стал прототипом чиновника И.И. Гвоздикова в «Записках из Мертвого дома». Капустины были близки с семьей коменданта Омской крепости А.Ф. де Граве, который был крестным отцом Семена Яковлевича. Как известно, Алексей Федорович к Достоевскому относился весьма лояльно, старался избавить его от тяжкого физического труда и он же ввел Федора Михайловича в салон. Об условиях жизни Достоевского на каторге Капустины знали очень хорошо. 12 сентября 1850 г. Я.С. Капустин в составе Совета Главного управления Западной Сибири подписал решение «об исправлении здания омского городового острога». В докладной

записке говорилось: «…в этом здании верхние венцы, на которых лежат перекладины и потолок, совершенно изгнили, заложены досками и поддерживаются стойками…» (8). В начале 1854 г. семья Капустиных помогала в деле освобождения из Омского острога Ф.М. Достоевского и С.Ф. Дурова. В этом деле принял участие и Ч. Валиханов (9).

Екатерина Ивановна познакомилась с Достоевским в 1859 г. Она вела с ним переписку, а Федор Михайлович отправлял ей книги. Вот несколько строк из их переписки: «Милостивый государь Федор Михайлович! Давно бы следовало мне написать к вам и очень благодарить вас за приятный, милый мне подарок нами двух первых частей изданных наших сочинений (имеется ввиду двухтомник, изданный Н. Основским в 1860 г. – *В.И.*). Когда Валиханов был в Омске, он передал мне их с ехавшим сюда на службу прокурором Шмаковым, которому почему-то отдали книги не запечатанными, и вот этот господин держал долго и читал эти книги и, наконец, прислал мне» (10).

Зная условия жизни Достоевского, сумевшего не сломаться на каторге, понимая всю тягость его жизни, семья Капустиных сблизилась с Федором Михайловичем. Мы встречаем очень откровенные письма Екатерины Ивановны об их жизни после смерти мужа. Из этих писем мы узнаем об ухудшении финансового положения семьи: «Недавно я была утешена и обрадована прибавкою к пенсии. Сначала мне и детям дали только обычных около 600 рублей серебром в год. Теперь эту пенсию удвоили по ходатайству СПБ Комитета, и я буду получать теперь для меня очень достаточное содержание, при моей простой жизни» (11).

Обучался Семен Яковлевич в Тобольской гимназии, в 1852 г. окончил курс в Казанском университете со степенью кандидата права. Службу начал в Омске при Главном управлении Западной Сибирью. Уже в декабре 1852 г. стал коллежским секретарем, а в феврале назначен помощником столоначальника во II отделении Главного управления Западной Сибири. В 1864 г. он переехал в Санкт-Петербург и был назначен комиссаром по народным делам в Царство Польское, но через год вышел в отставку по состоянию здоровья. Стремление к улучшению быта народа в 1860 г. привело Семена Яковлевича в организацию «Земля и воля». Видимо, поэтому Капустин оказался в списке неблагонадежных (12). Совсем недолго он прослужил в ведомстве государственного контроля, и в 1868 г. был переведен в Министерство внутренних дел.

В 1869 г. начинается важный этап в жизни С.Я. Капустина – его назначили редактором внутреннего отдела в «Правительственный вестник». Занимал он эту должность до 1883 г., когда из-за болезни пришлось покинуть службу. В этот период выходят его главные статьи: «Формы землевладения у русского народа» (13), «Голос к Земству» (14), «Что такое поземельная община» (15). Тогда же (приблизительно в 1870 г.) публицист обосновался в доме известных питерских актеров Юрковских, где снимал две комнаты: спальню и кабинет. По воспоминаниям их дочери Марии Федоровны Андреевой – актрисы и гражданской жены М. Горького, Семен Яковлевич жил очень скромно и аскетично. В семье Юрковских Капустин прожил двадцать

лет и считался членом их семьи. Вот что о нем вспоминают: «Хотя родители зарабатывали оба довольно прилично, но квартиру иметь, соответствующую растущим требованиям, им было трудно, почему они решили взять жильца – им оказался Семен Яковлевич Капустин, совершенно необыкновенный человек, имевший огромное влияние на нас, детей, бывший верным другом отца и матери и пламенным поклонником последней до конца своих дней».

Как подчеркивает Андреева, было удивительно, что Капустин работал в «Правительственном вестнике» – ультраправой газете, ибо, по ее утверждению, он был убежденным народником. И мы можем с этим согласиться. Все статьи Семена Яковлевича направлены на служение народу, улучшение его жизни. Также, согласно Марии Федоровне, Капустин верил в общинное право как начало социалистического будущего и дружил с «левыми» по тому времени людьми: со В.А. Слепцовым, А.М. Скабичевским и др. По словам М.Ф. Андреевой, Семен Яковлевич был человеком аскетичным и не любившим роскошь. «Спал на походной кровати, не терпел у себя в комнатах… никакой мягкой мебели, никаких украшений, а вместо цветов на подоконниках у него стояли горшки с небольшими, им самим вырытыми в лесу елочками и березками; зимою эти березки стояли без листьев и похожи были на розги, что вызывало недоумение у всех бывавших у него в комнатах».

Как уже упоминалось, Капустин считался членом семьи Юрковских и имел большое влияние на детей. Вот что вспоминает Андреева: «И третье влияние было – дяди Сенино. Он почти никогда не целовал нас, не ласкал особенно часто, отнюдь не требовал, чтобы мы были послушными, хорошими детьми, но слушались мы его беспрекословно. Дядя Сеня никогда не бранил нас, ничего не требовал, но рассказывал о том, как тяжело жить не у себя в семье, исполнять так называемую черную работу, как обидно, когда дети, которых Мария Карловна любит, грубят ей. Рассказывал о том, что людей, которые не хотят, чтобы у одних все было, как вот у нас, а у других ничего, как вот у крестьян, мужиков и прислуги, за это садят в тюрьмы, очень ярко рисуя нам, какая злая и скверная вещь тюрьма, ссылают этих умных и справедливых людей в Сибирь, где он их и видел. И тот, кто нагрубил или обидел нашу извечную Марию или кухарку, которые менялись в нашем доме от времени до времени, сам шел просить прощения, и все мы отлично понимали, как гадко считать Марию или ее товарку почему-то ниже себя» (16).

В 70-е гг. отмечается связь Капустина с семьей Николая Михайловича и Аделаиды Федоровны Ядринцевых. Николай Михайлович – публицист, исследователь Сибири и Центральной Азии, общественный деятель и один из основателей сибирского областничества. Сибирское областничество объединяло сторонников отсоединения Сибири от Российской империи. Возможно, Семен Яковлевич тоже придерживался взглядов сибирского областничества. Но на данный момент мы не имеем точных доказательств. Упоминаний о Капустине в данном контексте ни у Ядринцевых, ни у Потанина (второй основатель областничества) нет. Но в архиве была найдена фотография, где наш герой сидит в обществе этих людей. Известно, что Н.М. Ядринцев учился с младшим братом С.Я. Капустина Михаилом.

Скончался Семен Яковлевич Капустин в январе 1891 г. в Петербурге. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Жены и детей у него не было, он всю жизнь посвятил изучению народной жизни.

Таким образом, становится понятно, откуда появилась столь самоотверженная любовь к крестьянам. Здесь влияние его родителей, которые вели дома беседы по крестьянскому вопросу, гостей салона, очень известных исследователей разных народов и ссыльных, которые отстаивали идеи помощи крестьянам. Поэтому и сам публицист весьма убедителен в своих утверждениях. Работая в «Правительственном вестнике», весьма серьезной правительственной газете, Капустин остается при своих идеях заступничества, понимания и содействия крестьянству. И в этом проявляется заслуга в том числе и его окружения, которое и создало такую его тягу к народному благу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Письма Капустина С.Я. Юрьеву С.А. // РГАЛИ. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 264; Письма Капустина С.Я. Лаврову В.М. // Там же. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 90.
2. Фотографии Н.М. Ядринцева. Индивидуально и в группе с С.Я. Капустиным, А.Ф. Ядринцевой и др. На обороте л. 2 – некрологи С.Я. Капустина (1891) и А.Ф. Ядринцевой (1888) // РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 2. Ед. хр. 2.
3. Письма Потанина Г.Н. Иркутск, 1987–1990. Т. 1-4; Воспоминания М.Ф. Андреевой // http://andreeva.newgod.su/archive/1894-1905/1-semya; Быков П. С.Я. Капустин (некролог) // Всемирная иллюстрация. 1891. Т. 45. № 1151; Поповский Н. С.Я. Капустин (некролог) // Наблюдатель. 1891. № 2.
4. Сибирские встречи. Ч. Валиханов и его знаменитые современники // Международные краеведческие чтения, посвященные 180-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Омск, 2015. С. 8. URL: https:// fedordostoevsky.ru/around/Kapustin_Ya_S/ 16.09.19 18:30.5.
6. Там же. С. 10.
7. Демченко А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858) URL: https://iknigi.net/avtor-adolf-demchenko/107484-n-g-chernyshevskiy-nauchnaya-biografiya-18281858-adolf-demchenko/read/page-12.html 16.09.19 20:15.
8. [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/around/Kapustin_Ya_S/ 16.09.19 18:30.
9. Сибирские встречи. Ч. Валиханов и его знаменитые современники // Международные краеведческие чтения, посвященные 180-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. С. 11.
10. [Электронный ресурс]. URL: https://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskomu/kapustina-dostoevskomu-4-yanvarya-1862.htm 23.09.19 13:40.
11. Там же.
12. Капустин С.Я. // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1928. Т. 1. С. 156.
13. Капустин С.Я. Формы землевладения у русского народа в зависимости от природы, климата и этнографических особенностей. СПб., 1877.
14. Капустин С.Я. Голос к земству. М., 1880.
15. Капустин С.Я. Что такое поземельная община. СПб., 1882.
16. Андреева М.Ф. Воспоминания от 02. 01. 1894 г. URL: http://andreeva.newgod.su/archive/1894-1905/1-semya/ 02.09. 16:00.

А.В. БУГАНОВ

ГОСУДАРСТВО И ВЛАСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ КРЕСТЬЯН*

Национальное самосознание русского народа всегда было тесно связано с его исторической памятью. В ней сохранился широкий комплекс представлений, связанных со становлением российской государственности, отношением людей к власти, стране и обществу. Как показывает изучение исторических взглядов русского крестьянства, фактически в каждом регионе местная история перепле-

талась в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписывались в контекст истории страны, так называемой *Большой истории.*

После крещения Руси в 988 г. основная масса народа постепенно воспринимала православие и становилась однородной в конфессиональном отношении. С образованием Русского централизованного государства в конце XV – начале XVI в. этнические и государственные интересы его жителей стали восприниматься в единстве. Само понятие Родины приобрело конкретные политические границы, совпадавшие с территорией Русского государства. Теперь этноним *русские* указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны, и на общность, осознающую себя единым по вере народом единого государства. С этого времени в русском самосознании постоянно взаимодействовали четыре основных компонента – религиозный, государственный, этнический и социальный.

Развитие российской государственности повлияло на разноуровневость исторической памяти крестьянства. Во-первых, в народных представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности. Ими были основание Русского государства, ордынское иго, Смутное время, периоды царствования наиболее крупных монархов – Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Первого и др. Во-вторых, внутри крупных эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенациональных задач и интересов.

Воспоминания о становлении государства группировались вокруг ярких фигур прошлого. В эпоху средневековья ими были князья. У истоков русской государственности слово «князь» воплотило в себе представление о политическом лидере. Они были призваны «володети и княжити», быть «заступниками» христианства и Руси. Если князь не потерпел неудачи в выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лике святых – хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Не случайно из 180 первых русских святых 60 были князьями. Народное почитание святых князей опередило церковную канонизацию, последовавшую в конце XI в., – явление типичное для Руси и других христианских стран: признание снизу часто предшествовало официальному. Мощный импульс становлению русского общества дала Куликовская битва. Мотив защиты своей отчины, сравнительно редкий в памятниках XIII в. (хотя уже тогда, начиная с XII в., русские князья клялись именем земли Русской), получил широкое распространение в следующем столетии (1).

Многовековое всенародное почитание великих русских князей проявилось в тяжелые годы Великой Отечественной войны, когда Дмитрий Донской и Александр Невский призывались верующим народом в покровители советской армии. Канонизация Дмитрия Донского на Поместном соборе Русской православной церкви 1988 г. официально закрепило его.

По мере христианизации общества народные воззрения на княжескую власть эволюционируют к признанию великого князя «Божьим слугой», «стражем Земли Русской от врагов иноплеменных и внутренних». На исходе XVI в.

великий, старейший над князьями уделов князь поднимается в глазах народа на высоту царя – «государя всея Руси». Завершение княжеской эпохи совпадает со становлением государственного мышления. Центральное место в национальном пантеоне героев, безусловно, отводилось царям. Их образы стали символами государственности России, воплощением вероисповедной и национальной идентичности. Наиболее значительный след в сознании русских оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II.

Иван Грозный в народной памяти воплотил в себе типичные черты *сурового* государя. Отношение к опричнине в народной среде было противоречивым. С одной стороны, опричнина оценивалась как ревностное государственное служение, наказание бояр-изменников воспринималось с одобрением. С другой стороны, не менее ощутимо в фольклоре и неприятие жестокости, несправедливых притеснений; гибель невиновных людей никогда не оправдывалась. С начала XVII в. в народном сознании начинается идеализация Ивана Грозного. Бедствия Смутного времени заслоняют произвол и беззакония опричнины; все более привлекательной становится мысль о сильной власти.

По всей России в XVIII–XIX вв. бытовали воспоминания о Петре Великом, признавалось его величие как полководца и царя, лишенного сословных предрассудков. Солдаты воспевали победоносного «первого императора». В народной памяти Петр Первый – неизменно православный царь, которого высоко почитали и вместе с тем относились почти по-семейному, породственному. Монарх был не первым дворянином в государстве, как в Западной Европе, а именно царем-батюшкой. В коллективной народной памяти Петр I благодаря своей преобразовательной деятельности, неутомимому трудолюбию, сохранился, прежде всего, как царь-работник. Традиция изображения Петра «мужицким» царем зародилась на Севере (рассказывали, что он «завел в России все заморские хитрости, знал «все мастерства», сам учился всему и не мог только сплести лаптей» (2), но в дальнейшем распространилась по всей России. Характерно, что несмотря на неприятие Петра в старообрядческой среде, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. В массе же народа возобладали положительная оценка императора, историческое понимание его деятельности.

Народный взгляд на царствование Александра I сформировался под воздействием двух основных факторов – Отечественной войны 1812 г. и смерти императора. В песнях о войне Александр, подобно своим предшественникам, представал национальным лидером:

Все стояла бы, да, мол,
Сила за царя... (3).

Кончина императора в 1825 г. повлекла за собой множество слухов, версий, догадок. В легенде о Федоре Кузьмиче (одной из самых загадочных страниц русской истории) самым тесным образом слились имена двух людей – русского монарха, спасителя Европы от Наполеона, и сибирского старца. В отождествлении старца и императора воплотилась идея искупления греха, столь близкая мироощущению русских людей (в народе знали о соучастии Александра в убийстве своего отца, императора Павла).

Необычайно популярен в народе был Александр II – Царь Освободитель. Надежды на волю постоянно воспроизводились в крестьянской среде, и неудивительно, что 19 февраля 1861 г. оставалось памятным рубежом в общественном сознании. Огромное впечатление произвела на общество гибель царя. Большая часть крестьян поддерживала официальную версию о покушавшихся на Александра II как злодеях-цареубийцах, антихристах. Убийство императора расценивалось как месть дворян царю за его намерение отобрать у дворян землю и безвозмездно передать ее крестьянам. Освобождение крестьян и убийство государя напрямую связывались: «За нас покойничка убили, што ен нам волю дал, царство ему небесное» (4).

Монархизм являлся сущностным многовековым проявлением русского сознания. В его основе лежало, прежде всего, восприятие царя как помазанника Божия. И вплоть до начала XX столетия, когда традиционные взгляды на общественное устройство стали интенсивно размываться, государственное устройство мыслилось исключительно в форме монархии, причем монархии абсолютной («Нельзя земле без царя стоять»). Государственное сознание русских крестьян проявлялось и в отношении к религиозным подвижникам. Из столетия в столетие переходила память о святых Земли Русской. К заступничеству великих праведников призывали в тяжелые для Отечества моменты. Немеркнущим в памяти потомков было и остается имя «игумена земли Русской» Сергия Радонежского. Память о митрополите Филиппе (Колычеве), не побоявшегося обличать Ивана Грозного, привнесла в русское сознание понимание священнического и гражданского долга как готовности самоотверженно отстаивать правду и государственную пользу, невзирая на последствия. Религиозным деятелем государственного уровня остался в народных воспоминаниях Митрофаний Воронежский, современник и сподвижник Петра Великого. Широко расходились в народе пророчества оптинских старцев о грядущих судьбах России.

С точки зрения исследования национального самосознания весьма ценно обращение к исторической памяти о личностях героических эпох. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием. Первыми героями в отечественной истории и *заступниками Земли Русской* были былинные богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович, ставшие «идеальной учительной конструкцией национального типа в его героическом варианте» (5). Со времен Смуты начала XVII в. остались памятны в народе яркие исторические деятели той поры: К. Минин, Д.М. Пожарский, П.П. Ляпунов, М.В. Скопин-Шуйский и др. Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении как о высочайшей добродетели. Яркие личностные качества (воинов особенно) проявлялись на государевой службе. После создания регулярной армии в начале XVIII столетия дело защиты Отечества постепенно переходит от царя к выдающимся полководцам. С именем фельдмаршала Б.П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало первые победы над шведами. В последующие десятилетия победная традиция в

фольклоре опиралась на образы И.М. Краснощекова, П.А. Румянцева, З.Г. Чернышева, Ф.Ф. Ушакова и других военачальников.

Крупнейшие полководцы прошлого считались у русских выразителями воли Божьей, которым, как верили, была известна «Планида небесная». Самый выдающийся русский полководец А.В. Суворов, по мнению народа, был богатырь, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов. Сочетание в «избраннике Божием» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца. По окончании Отечественной войны 1812 г. в исторических знаниях крестьян центральное место отводилось ее героям – М.И. Кутузову и М.И. Платову. Легендарным героем, чуждым каких бы то ни было недостатков, представал в воспоминаниях об обороне Севастополя адмирал П.С. Нахимов. Из героев русско-турецкой войны 1877–1878 гг. особо почитали М.Д. Скобелева. Как и его славные предшественники, Скобелев, с точки зрения крестьян, неизменно выходил победителем в сражениях, и «если бы не он, то нашим досталось бы плохо» (6). Безусловное лидерство в кругу военачальников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. принадлежит маршалу Г.К. Жукову. Сохранившийся в исторической памяти образ Жукова, как и фольклорный Суворов, сочетает в себе полководческое искусство и демократизм поведения.

Православный идеал воина, защитника России получал свое воплощение не только в личностях выдающихся полководцев, но и в героях из народа, простых солдатах. Чувство гордости за Россию и ее историю во многом основывалось у русских на воспоминаниях о прежних войнах. В народе существовало глубокое убеждение в непобедимости России. Рассказывали про *нашу* военную силу обычно так: «Сколько мы ни воевали – всегда нам удача была… а теперь и подавно никто с нами драться не полезет – эва у нас войска-то сколько! Ни у кого столько нет! Наши солдаты на "аржанинке" воспитаны, поди-ко тронь их», или «Нашего государя никто не возьмет; сильнее нас никого на целом свете нет. Ну кто пойдет против нас. Мы же их всех переколотим: лучше и не суйся к нам. Против русского царя-батюшки врагу не устоять» (7).

Постепенный отход от веры части общества, а после 1917 г. и целенаправленное разрушение русских традиций, в том числе и воинских, не могли не сказаться на состоянии Российской армии и, прежде всего, ее духовной основы, мотивации воинского подвига, менталитета военных. Утрачивалось понимание защиты Родины как православного Отечества. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в народном сознании на первый план вышел, существенно потеснив конфессиональный, патриотический фактор. Но и, казалось бы, утраченная религиозность нередко проявлялась в эти тяжелые годы. Скрытое же исповедание православия не прекращалось никогда.

Жизнь и свершения царей, полководцев, других государственных деятелей измерялись в сознании крестьян, прежде всего, мерками общенациональной значимости. Роль в укреплении могущества Русского государства, в защите его от внешних врагов – важнейший показатель признания выдающейся личности в народе. К наиболее почитаемым историческим деятелям относились как к вы-

разителям воли Божией. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход.

Особую роль в отношении народа к государству и власти играл конфессиональный фактор. Религиозное сознание у русских всегда было теснейшим образом связано с государственным и национальным сознанием. Государственное сознание не являлось принадлежностью лишь правящего слоя. Оно было присуще всему народу: практически каждый русский сознавал себя принадлежащим из поколения в поколение – как говорили, «спокон веков» – к сильному государству. Но не просто к сильному, а к православному, призванному защищать веру истинную, быть ее опорой. Именно поэтому, по традиционным представлениям народа, оно должно быть могущественным, именно поэтому за него не жаль жизнь положить. Сознание личной причастности к такому государству представляло у русских важную составляющую национального самосознания. Отсюда и развитое высокое чувство воинского патриотического долга, воспитываемое с детства всей окружающей средой, и идеал воинского подвига.

Судя по историческому фольклору, ранней лубочной литературе, другим источникам, вплоть до середины XIX в. быть русским означало быть верным православной церкви и царю. К концу столетия общество становится более светским, и основными характеристиками России становятся ее величина, богатство и боевая сила (безусловно, при сохранении православного характера государственности). Поиск идентичности русского человека шел главным образом в сфере его принадлежности к православной, богатой, мощной родине и к тем людям, которые, пусть и не очень образованные и повсюду опаздывающие, зато бескорыстные, щедрые, храбрые, готовые друг за друга живот положить, никому не поддающиеся, весь мир кормящие (8).

Самое непосредственное отношение к государственному самосознанию имеют те образы и символы, которые дороги русским, с которыми они ассоциируют свои национальные чувства. В историческом фольклоре XVI–XIX вв. четко прослеживались поэтические олицетворения Русской земли, Русского государства. Это и *Россиюшка*, и *мать-сторонка*, и *Москва – всей Рассеюшке красота*. Москва в народном сознании была православной столицей русских, общегосударственным символом «с золотыми главами на крестах». В начале XVII в. Козьма Минин обращался к Нижегородскому посаду с призывом сражаться «за матушку за родную землю... за славный город Москву». Активизация национальных символов всегда происходила в периоды общественных потрясений, войн, критических моментов в жизни государства (это и отразилось в историческом фольклоре, прежде всего, в военно-исторических песнях).

Дореволюционная Россия была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации, включавшим в себя более полутораста народов и народностей. Хотя этнические русские согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г. составляли немногим более 20% населения, российская идентичность имела ярко выраженный русский, православный характер. Православие было государствообразующей религией. Решающая роль в самом строе народной жизни принадлежала российскому патриотизму.

Широко известна формула министра народного просвещения эпохи императора Николая I С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность». В советское время теория официальной народности трактовалась исключительно как казенная трактовка народного духа. Между тем обращение к жизни русского этноса, российского общества на основе привлечения обширного комплекса историко-этнографических источников дает множество примеров живого взаимодействия основных составляющих народного сознания. Воинский призыв «за веру, царя и отечество» отвечал очень прочным народным представлениям. При этом в повседневном течении жизни наиболее справедливыми социальными организмами крестьянам представлялись крестьянская община и казачий круг, что вполне уживалось с представлениями о совместимости демократического самоуправления с монархическими формами государственного устройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 17-01-00431

1. Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сборник статей. М., 1994. С. 18.
2. Памятная книжка Орловской губернии на 1860. Орел, 1860. С. 25; АРЭМ. Д. 963. Л. 34; Д. 1293. Л. 47.
3. Исторические песни XIX в. Л., 1973. С. 45. № 37.
4. АРЭМ. Д.980. Л.11.
5. Балашов Д.М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 104.
6. АРЭМ. Д. 1820. Л. 29; Д. 1585. Л. 13.
7. Там же. Д. 1449. Л. 35; Д. 1585. Л. 13.
8. Цит. по: Оболенская С.В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей. № 2. М., 1998. С. 223-224.

И.С. СВИРИДОВ

ДУХОВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Одним из перспективных направлений современной исторической науки является история повседневности, в рамках которой отечественными и зарубежными специалистами исследуются вопросы, связанные с культурой и бытом отдельно взятой группы населения или целого народа. По итогам первой всеобщей переписи населения 1897 г. в России проживало 77,5% крестьян. Основной религией государства являлось православие, которое исповедовало 69,9% (1). Так, по мнению английского современника, «русский человек не мыслит себя без православия, если он не православный – значит, он не русский» (2). Отметим также, что «иноверцы» считались «пропащими людьми, не могущими войти в Царство Небесное» (3). Кроме того, «крест» в русском сознании синоним слова «совесть», человеку «*с крестом*» можно доверять, крест – это как бы гарантия того, что он «свой» и не сделает тебе плохого (4).

Во все моменты своей тяжелейшей жизни русский крестьянин помнил Бога, искал у высших сил заступничества, просил высшие силы послать ему хороший урожай и защитить от различного рода напастей и бедствий (падежа скота, пожара и т.д.). Надежда на Божью волю сопровождала землепашцев на

протяжении всей их жизни. «На все он смотрит одинаково и говорит: “Видно, воля Божья”. Этими словами он и утешает себя, и не хочет вдуматься, отчего произошла беда», – утверждал крестьянин Московской губернии С.Т. Семенов (5). К тому же, по заявлению современников из Рязанской губернии, «страх Божий сильный и постоянный сопровождает его (крестьянина – *И.С.*) везде; он удерживает его от дурных намерений, точно так же, как надежда на Промысел служит ему лучшим утешением в тяжкие дни невзгоды» (6).

Для крестьянина Бог был, прежде всего, крестьянским Богом. Вера давала ощущение защищенности крестьянина в мире, гарантированности привычного порядка вещей, естественного хода событий (7). С другой стороны, русский крестьянин в большинстве своем надеялся на промысел Божий, но жил согласно пословице: «на Бога надейся, а сам не плошай». В связи с этим можно согласиться с мыслью П.И. Новгородцева о русских крестьянах: «Лишь смирение, лишь повиновение Божьей воли заставляет их смириться склониться перед фактами и принять жизнь таковой, какова она есть, и остаться перед пассивными ее недостатками» (8). Речь идет о терпении русского народа.

Заступничество Пресвятой Богородицы и терпение сформировали и так называемый крестьянский патернализм (трепетное отношение народа к императору). Сближающим фактором крестьян и правителя являлась православная вера. По народным представлениям, власть императора даровалась свыше, от Бога. «Когда Государь со своею супругою вышел с пристани на берег и сел в карету, то от тесноты народной не было никакой возможности ехать: народ на руках вез экипаж с Государем и Государыней до самого собора, что в кремле», – описывал увиденную картину крестьянин Н.Н. Шипов из Нижегородской губернии (9). Отметим и отклик крестьян на убийство императора Александра II: «дабы из рода в род чтили память Царя Великого мученика, а, чтобы дети наши могли служить ему верой и правдой новому государю нашему Александру Александровичу и не были бы такими темными, как мы, обязуемся детей наших, достигших десятилетнего возраста, посылать в школу, чтобы они боялись Бога и почитали батюшку Царя» (10).

Ярчайшим примером религиозного сознания русского крестьянина может служить также благотворительность, широко распространенная в великорусской деревне. Один крестьянин вспоминал об этом так: «Я купил сначала Евангелие, а затем у меня вошло в обычай уделять постоянно что-либо на нужды храма Божьего. Бог помог мне построить придел в нашей церкви, купить колокола и вообще своей посильной лептой постоянно поддерживать благолепие его» (11). Деревенская взаимопомощь выражалась не только в виде благотворительности. Широко были распространены и другие ее виды: помочь, толока и т.д. По замечанию современника, помочь крестьяне собирали в тех случаях, когда оставался у некоторых хозяев на полях хлеб, недожатый по какой-либо причине (12). «Помещики, когда Господь пошлет обильный урожай, так что своими силами нет возможности управиться с уборкою, призывают “помочь”. Приглашают в праздник, потому что на себя работать в праздник грех, а пособить доброму человеку грехом не считается», – отмечал В.В. Селиванов (13).

Помочь, в большинстве случаев, проходила через сельское общество. «Міръ» никогда не забывал о своих нуждающихся членах. «Сирот и вдов мир снабжает всем, что нужно для широкого пиршества – им не только безвозмездно помогает собрать сено и хлеб, но и запасти на целый год дров и лучины. Хотя и считают за грех работать в воскресные дни; однако на вдовью помочь охотно идут после обедни, держась старой пословицы, *на вдовий двор хоть щепку кинь*» (14). Кроме того, в сельском быту получила распространение и такая пословица: «С миру по нитке – голому рубаха». Толока не сильно отличалась от помочи, являясь ее разновидностью. Ярославский помещик А.Н. Энгельгардт писал: «Работа “на чести” производится даром, бесплатно; но, разумеется, должно быть угощение. “Толочане” всегда работают превосходно, как бы шутя, словно у себя дома» (15).

Под влиянием православия у русских крестьян сформировалось и благожелательное отношение к нищим, которые на Святой Руси издавна почитались «красою церковною, Христовою братию, церковными братьями, богомольцами за мир» (16). В связи с этим раздача милостыни «калике перехожему» считалась делом богоугодным. «Если я старичку подам, это уж все одно, как для души… спасенное и все такое... Тут совсем иное дело… Так сказать надо – божественное… Мы Бога помним, и старичку завсегда с нашим удовольствием… Не разорит» (17). «К нищим крестьяне относятся снисходительно, и нищих жалеют. Им охотно дают ночлег, обед и ужин, но при этом предпочтение отдается женщинам и детям», – сообщалось корреспондентом от Рязанской губернии (18). «Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слезы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием», – отмечал В.О. Ключевский (19).

Стоит упомянуть и о таких крестьянах, которые впадали в нужду кратковременно, например, из-за неурожайного года. А.Н. Энгельгардт дал их характеристику: «У побирающегося кусочками есть двор, есть хозяйство, лошади, коровы, овцы, у его бабы есть наряды – у него только нет в данную минуту хлеба; когда в будущем у него будет хлеб, то он не только не пойдет побираться, но и сам будет подавать кусочки» (20).

Милосердие русского народа и его забота о нуждающихся волновала умы многих отечественных писателей и мыслителей. Из крестьянской среды вышли и многие русские святые. Ярким примером может служить Паша Саровская, ставшая к концу XIX в. одной из известнейших русских юродивых. Почитание многих святых возникало в народе прежде, чем проходила их канонизация (21).

Типичным явлением в русской деревне было и соблюдение постов (22). Воронежский крестьянин Ив. Столяров вспоминал: «Не ели ни мяса, ни яиц, не пили молока не только взрослые, но даже и дети. Только серьезно больным детям давали молоко, и то только с разрешения священника» (23). О постном рационе писал и исследователь крестьянского быта С.В. Максимов: «Во время говения старики и старухи едят один раз в день, и притом отнюдь не вареную пищу, а всухомятку: хлеб или сухари с водою. Наиболее же благочестивые стараются, по возможности, ничего не есть всю страстную неделю, разрешая себе

только воду» (24). Так обстояло дело и по сообщению П.П. Семенова-Тян-Шанского, наблюдавшего за жизнью крестьян центрально-российских губерний: «Кто не знает, как необходим соленый огурец нашему крестьянину особенно в продолжительные зимние и весенние посты, летом же хлеб, составляющий преобладающую пищу крестьянина, с дынею или арбузом переваривается гораздо легче» (25). Об этом писал и исследователь крестьянского быта А.И. Шингарев: «Что мяса мало едят в деревне – для меня, родившегося и выросшего в деревне, это было давно известно, что есть семьи, лишенные молока, предполагалось уже a priori, но, чтобы в крестьянской семье не было зимой кислой капусты, я никак не ожидал» (26).

Однако не следует считать, что пост выступал своеобразным рационом русского православного крестьянина. Помимо ограничения в пище присутствовало и ограничение в сексуальных отношениях семьи. «Крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание. Особенно зорко следят бабы, чтобы “закон” соблюдался деревенским причтом: считается несмываемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будет изобличен пономарь, дьячок, дьяконы, а особенно священник» (27). Крестьяне часто посещали святые места, т.е. отправлялись на богомолье. Взрослые часто брали с собой детей. «Обрекаются пойти на богомолье больше всего больные в период болезни. Выходят обыкновенно ночью, час в два-три, чтобы идти «по холодку» и прийти часа за два до вечерни. Идут группами, человека по три - по четыре. Большинство, оберегая праздничную обувь, идет босиком или в лаптях, неся в узелке, надетом на палочку, праздничное платье и обувь» (28).

Немало крестьян посещало святые места в связи с данным когда-то в прошлом обетом. «Во время русско-турецкой войны мать жарко молила Бога сохранить жизнь ее мужа. Она дала обет, если Бог внимет ее мольбе, сходить в Киево-Печерскую лавру. Данный обет она исполнила, прошла пешком, в лаптях, с котомкой за плечами более 1500 километров в оба конца» (29), – сообщал один из побывавших на богомолье крестьян. К концу XIX в. количество крестьян-богомольцев увеличивалось. Наблюдательный англичанин, посетивший д. Боброво Архангельской губернии в это время, отмечал: «Причалы заполнены нищими богомольцами, жаждущими добраться до Соловецкого монастыря. Многие из них отмерили не одну тысячу миль, пользуясь в дороге даровым гостеприимством, ведь зачастую в кошельке у них не завалялось и копейки» (30).

Под воздействием православия смерть в великорусской деревне воспринималась как переход в иной мир. Так, в Курской губернии «безнадежного больного заживо обмывают теплою водою и одевают в лучшее платье, чтобы душа умирающего приличнее могла явиться пред Христа Спасителя; по смерти кладут покойника на стол, снимают с него верхнее платье и обвивают саваном, перевивая крестообразно по нем широкою тесьмою или суконною кромкою; подбородок подвязывают к голове, чтобы не был раскрыт рот; на ноздри кладут кусочки ладана или деньги, чтобы ноздри были сплюснуты» (31).

Современному человеку может показаться диким, но землепашцы не сильно переживали из-за того, что ребенок, только появившись на свет, умирал. «Сегодня ребенок умер, завтра он уже – в земле… Ребят не лечат» (32), – рас-

суждали крестьяне о преждевременной смерти детей. Поэтому и к помощи врача прибегали редко: «считают это прихотью и говорят, что врач, скорее, уморит больного» (33). А на эпидемические болезни в большинстве губерний установился взгляд как на Божие наказание и как кару за общий грех и неправду людей (34). «Крестьяне верят, – сообщал корреспондент из одного воронежского села, – что если кто-нибудь подумает о какой-либо болезни, то она непременно перейдет к нему самому» (35). Между тем средством предохранения от эпидемии служили тексты Евангелия и слова «меня (нас) нет дома», написанные на бумаге и наклеенные под окнами и дверями (36).

Подводя итоги, заметим, что православная вера сопровождала крестьян во всем – начиная от помощи нищим, благотворительности, соблюдения постов и заканчивая богомольем по святым местам и отношением к смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Общий свод. СПб., 1903. С. 1.
2. Baring M. Russian peoples. L., w./y. P. 353.
3. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 172. Л. 4.
4. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005. С. 189.
5. Семенов С.Т. Нужды и недостатки крестьянских обществ. М., 1906. С. 2.
6. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния / Сост. М. Баранович. Т. 39. СПб., 1860. С. 136.
7. Бердинских В.А. Русская деревня: быт и деревня. М., 2016. С. 191.
8. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Сочинения. М., 1995. С. 348.
9. Шипов Н.Н. История моих странствий (1860–1868) // Воспоминания русских крестьян XVIII – XIX в. М., 2006. С. 251.
10. ОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4390. Ед. хр. 47. Л. 2.
11. Николаев М.Е. Мои воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII–XIX в. М., 2006. С. 676.
12. Живописная Россия. Т. VII. Ч. I. СПб., 1900. С. 44-45.
13. Селиванов В.В. Год русского земледельца. Зарайский уезд Рязанской губернии. Изд. 5-е. М., 2015 С. 40.
14. Снегирев И.М. Русские праздники и суеверные обычаи. М., 1839. Вып. 4. С. 87-88.
15. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872–1887 гг.). М., 2012. С. 39.
16. Прыжов И. Нищие на Святой Руси (Материалы по истории общественного и народного быта в России). М., 1862. С. 58.
17. Эртель А.И. От одного корня // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 383.
18. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14.
19. Ключевский В.О Добрые люди Древней Руси. М., 2008. С. 2.
20. Энгельгардт А.Н. Указ. соч. С. 13.
21. Дмитриева С.И. Традиционная народно-медицинская практика // Русские. М., 1999. С. 770.
22. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1466. Л. 30.
23. Столяров Ив. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 398.
24. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила // Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995. С. 547.
25. Живописная Россия… С. 29.
26. Шингарев А.И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. Изд. 2-е. С. 185.
27. Максимов С.В. Указ. соч. С. 545.
28. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1766. Л. 13.
29. Столяров Ив. Указ. соч. С. 350.
30. Грэхем С. Непознанная Россия (Undiscovered Russia) / Пер. с англ. М. Ильюшиной. Lnd., 1914. С. 12.
31. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. II. Пг., 1915. С. 663.
32. Засодимский П.В. Пропал человек // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века. М., 1986. С. 432.
33. Этнографические сведения о Рязанской губернии, собранные действительным членом статистического комитета священником Селезневым. Рязань, 1871. С. 4.

34. См., напр.: Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
35. Кремер А.И., фон. Обычаи, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия. Воронеж, 2013. С. 142.
36. Селиванов А.И. Этнографические очерки Воронежской губернии // Там же. С. 76.

Г.В. ЛАУХИНА

ЖЕНСКИЕ КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ КАК ФАКТОР РОСТА ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ в 60-90-е гг. XIX в.

В эпоху буржуазных реформ происходит процесс разрушения традиционного общества, осознания различными слоями общества своих прав. Суфражистки выступают за предоставление представительницам слабого пола тех же возможностей, которыми пользуются мужчины. Женщины из разночинской и дворянской среды стремятся и к материальной независимости, в том числе к получению самостоятельного заработка. Некоторые из них становятся библиотекарями, учителями, фельдшерицами и др. Собственный доход, пусть и небольшой, давал возможность самостоятельно обеспечивать себя, а следовательно, и распоряжаться своей жизнью.

Несколько иначе обстояло дело в крестьянской среде, в которой женщина всегда была работницей. Исследователи XIX в. отмечали, что крестьянка никогда не удаляется от труда. Разнообразный труд составлял главный смысл и содержание ее жизни. Однако возможность «подзаработать» личные деньги крестьянки старались не упустить в основном за счет участия в кустарных промыслах. Местом, где, как правило, женщины осуществляли кустарные промыслы, являлся дом. Крестьянки были «привязаны» к семье, детям, домашнему хозяйству, а указанные промыслы, в отличие от отхожих, не требовали длительных отлучек женщин из дома. Ими крестьянки занимались в свободное от основных домашних дел время. Промысловая деятельность помогала удовлетворить возрастающее стремление женщин к большей самостоятельности и свободе в распоряжении своим трудом. Наряду с наемными сельскохозяйственными работами промыслы являлись способом заработка сельских женщин, обеспечивая их наличными средствами.

Выявим широту распространения кустарных женских промыслов в Центральном Черноземье, временные и трудовые вложения в этот вид деятельности и его значение для крестьянского хозяйства и для самих женщин.

В дореволюционный период данный вопрос подвергался разработке. Специальная комиссия проводила работу по исследованию кустарной промышленности в России. Опубликованные «Труды» этой комиссии дают возможность анализировать, в том числе и гендерный аспект данного вопроса (1). Изучению женских кустарных промыслов посвящены работы С.А. Давыдовой, Е.М. Твердовой-Свавицкой и др. (2). Вопросы женской промысловой деятельности, в том числе и кустарной, затрагивал П.Г. Рындзюнский. Он выделил три вида промыслов: домашние (без ухода из дома), местные, то есть осуществляемые в своей местности, и отхожие – заработки вдали от дома. Сосредоточим

наше внимание на домашних кустарных промыслах, под которым подразумевается мелкое домашнее товарное производство (3).

Кустарные женские промыслы являлись частью женской работы в деревне, приносили доход в крестьянское хозяйство. М.К. Горбунова, работавшая в Московском губернском земстве, отмечала важность женских промыслов для семей, «где женщины приносят свою долю денежного участия в поддержании хозяйства этих дворов». Она писала о том, что средняя сумма заработка крестьянок от промысла в 57 руб. 7 коп. «составляет довольно значительный вклад в бюджет крестьянской семьи» (4). Заметим, что речь шла о Московской губернии, относившейся к регионам с хорошо развитой промышленностью, высокой степенью втянутости крестьян в товарно-денежные отношения.

Имеются сведения о разнообразных кустарных промыслах, которыми занимались крестьянки Центрального Черноземья. Среди них было вязание различных изделий (рукавиц, варежек, чулок, носков), кружевоплетение, плетение поясов, плетение лаптей, изготовление домотканых холстов, вышивание (5). В Орловской губернии наиболее значительными были следующие промыслы: в Елецком уезде занимались кружевоплетением, в Малоархангельском уезде крестьянки ткали ковры, пояса и попоны, а в Карачаевском уезде «трепали пеньку и работали на прядильнях» (6). Изготовлением ковров занимались женщины и в Курской губернии, а именно – в Фатежском, Обоянском, Тимском и Щигровском уездах. В Фатежском уезде крестьянки вязали и ткали кушаки, в Суджанском уезде было налажено производство салфеток, а в слободе Борисовка Гайворонского уезда крестьянки производили салфетки и рушники (7).

Данные подворных переписей за период с 1880 по 1892 год по Воронежской, Орловской и Рязанской губерниям выявляют следующую картину занятости. В 12 уездах Воронежской губернии 26% мужского и 4,5% женского населения занимались кустарными промыслами. Согласно статистическим данным по 5 уездам Орловской губернии, 5,6% мужчин и 4,1% женщин занимались кустарными промыслами. Эти показатели в 7 уездах Рязанской губернии составляли 21,9% и 6,4% соответственно (8).

Как видно из приведенных данных, население дворов, исследованных земскими статистиками, было слабо втянуто в кустарные промыслы. Женщин-крестьянок в них было значительно меньше, чем мужчин. Слабое развитие кустарных промыслов можно объяснить ориентацией населения Центрального Черноземья на земледелие, вытеснение кустарей активно развивающимся в этот период промышленным производством. Что касается женских промыслов, то добавлялась еще одна причина – высокая степень загруженности крестьянок домашними и полевыми работами, необходимость ухода за детьми.

Причинами, тормозившими развитие женских кустарных промыслов, по справедливому замечанию М.К. Горбуновой, являлись рутинная техника, мизерность оборотного капитала, отсутствие хорошо налаженного сбыта (9). Однако в ряде уездов статистиками зафиксирована активная кустарная промысловая деятельность женщин. В Елецком уезде процент женского населения, участвовавшего в промыслах, был выше среднестатистических показателей по

всем исследованным уездам в трех губерниях Черноземья и составлял 10,6% всех проживавших там женщин (10).

Елецкий кружевной промысел был крупнейшим не только в Черноземье, но и в России. Е.М. Твердова-Свавицкая приводила такие данные: в 1880 г. в 17 регионах, где производилось кружево, насчитывалось 32 тыс. кружевниц. В Елецком уезде их было более 11,5 тыс., что составляло более трети всех женщин, занятых в кружевном промысле (11). С другой стороны, кружевной промысел Елецкого уезда был преимущественно женским. Статистические данные Орловского земства свидетельствуют, что кружевоплетением занимались и мужчины, но их количество по обследованиям разных лет устойчиво составляло не более двух десятков человек (12). Подавляющее же большинство кружевниц составляли женщины-крестьянки.

Уже во второй половине 60-х годов XIX в. кружевной промысел находит достаточно широкое распространение в Елецком уезде. С.А. Давыдова привела следующие данные о деревнях данного уезда: «В Затоне постоянно плели кружево только 40 кружевниц с 1865 года, в Лавах насчитывалось 322 человека, которые постоянно плели кружево. С 1865 года в Казаках было 387 кружевниц. Работали постоянно в Архангельском (Пушкари) 620 кружевниц с 1865 года». Промысел быстро развивался, охватывая все новые территории. В 1880 г. в Ельце и его пригородах насчитывалось 4679 кружевниц, из которых только 500 проживали в городе, а остальные были сельскими жительницами. Из 34892 дворов Елецкого уезда в кружевном помысле Елецкого уезда было занято 24685 (13). По данным подворной переписи 1886 г., в Елецком уезде было зафиксировано 11604 крестьянки, занимавшиеся кружевным промыслом. Это составляло 10,9% от всего женского населения уезда и 97,3% от всех промышляющих крестьянок (14).

На рубеже XIX–XX вв. в кружевной промысел втягиваются все новые массы крестьянок. В 1890 г. их насчитывается около 32 тысяч, а в 1904 г. уже более 44 тыс. чел. (15). Как уже ясно из приведенных данных, подавляющее большинство кружевниц в Елецком уезде составляли женщины-крестьянки. Среди них были женщины разных возрастов: подростки, взрослые женщины, старухи. Обучение кружевоплетению крестьянских девочек начиналось с 6-10 лет. Само обучение занимало 2-3 недели, но на совершенствование кружевного мастерства уходили месяцы, а иногда и годы. Показатель среднего количества кружевниц на двор, согласно обследованию 1886 года колебался от 0,92 в Суворовской волости до 0,03 в Чернавской волости (16).

Для занятия кружевным промыслом крестьянке не нужно было менять привычный образ жизни. Никаких специальных условий не создавалось. Необходимое оборудование стоило около 2 рублей. Материалы, собранные комиссией по исследованию кустарной промышленности, дают возможность выявить временные затраты кружевниц на производство различных видов изделий, а также оплату женских рабочих рук в данном промысле (17).

По данным 1880 г., период активного занятия кружевным промыслом приходился на период от Покрова до Пасхи, то есть с октября по апрель. В этот период не проводились сельскохозяйственные работы, которые являлись более

важными по сравнению с рукоделием. При проведении обследования из указанных 7 месяцев были вычтены воскресные дни и был получен результат в 182 дня. В 1913 г. при подсчете рабочих дней статистиками были учтены еще и 57 дней, приходящихся на церковные праздники, период, когда крестьянки кружевоплетением не занимались. Полученный результат в 118 дней (округленный до 120) нам кажется более достоверным и применимым к анализу промысла более раннего периода, так как религиозные воззрения крестьян, в том числе отказ от активной трудовой деятельности в воскресные и праздничные дни, сохраняли свою устойчивость на протяжении многих столетий (18).

Длительность рабочего дня кружевницы колебалась в достаточно широких границах. В первую очередь, она зависела от занятости крестьянок земледельческим трудом, а также и другими видами домашней работы. Незамужние или бездетные девушки и женщины имели возможность посвящать плетению кружева большую часть дня, в то время как замужние и имеющие маленьких детей едва выкраивали несколько часов на эту работу. Это подчеркивали и исследователи: «Есть работницы, особенно девушки, которые встают с 4-5 часов и работают до 10-11 часов ночи с небольшими перерывами на завтрак, обед и ужин, то есть около 15-16 часов в сутки. Но таких сравнительно немного, так как большинство наряду с плетением кружев выполняют работы по хозяйству, так что для них средний рабочий день можно считать не больше 10-11 часов. Замужние женщины работают в среднем не более 5 часов в сутки» (19).

При проведении обследования женских промыслов в Московской губернии было отмечено, что интенсивность занятия промыслами «зависит отчасти от величины надела, отчасти и от того, насколько в каждой местности женщины принимают участие в полевых работах (20). Этот вывод можно отнести и к губерниям Центрального Черноземья, так как и в них интенсивность промысловой деятельности была взаимосвязана с наличием свободного времени у крестьянок. Многие жительницы Елецкого уезда, при всем их желании заниматься кружевным промыслом, не могли посвятить этому делу более 1-2 часов в день из-за загруженности домашними работами. Средний показатель времени, затрачиваемого ежедневно женщиной, занимавшейся плетением кружева, можно определить в 8-9 часов в сутки, что составляло большую часть светового дня. При оценке затрат женского труда в кружевном промысле необходимо учесть и такие факторы как скорость и качество работы. Эти показатели напрямую зависели от сложности кружевного узора и личных особенностей мастерицы. Скорость выполнения работы зависела, в первую очередь, от навыков женщины, ее опыта, ловкости рук и общего развития кистей рук и моторики.

Более качественное кружево производили те женщины, которые отличались внимательностью, аккуратностью, были способны разобраться в замысловатых узорах. Особое значение придавалось такому качеству, как «способности провести свою работу ровно, чтобы все переплеты располагались правильно, отчетливо, а не вкривь и вкось» (21). Стоимость выполняемой елецкими мастерицами работы зависела, в первую очередь, от того, сколько кружева они производили. В 1880 г. при использовании минимального числа коклюшек (до 10 пар) и средней цене на кружево в 1 руб. 51 коп., стоимость работы кружевницы

составляла 1 руб. 23 коп. С усложнением работы и увеличением количества коклюшек соответственно увеличивалась и цена кружева, и стоимость работы. Однако увеличение это было непропорционально, что делало экономически невыгодным производство высококлассного сложного кружева (22). Исследователи отмечали, что к концу XIX в. елецкие кружевницы переходят к выпуску более дешевого и менее сложного кружева.

При плетении аршинного парного кружева средний дневной заработок мастерицы в Елецком уезде в 1880 г. составлял 18 коп., а при сбыте готовой продукции скупщикам чуть более 11 коп. Дневной женский заработок при производстве шарфов или косынок составлял 18,2 коп. При плетении крупных вещей из белых ниток кружевницы зарабатывали в день 20,2 коп. Если принять за средний дневной заработок 18 коп., то за год крестьянка могла заработать 21 руб. 60 коп. В 1890 г. средний доход женщин-кружевниц составлял 30 руб. 40 коп. в год. В 1892–1893 гг. в связи с падением цен на кружево доход сократился до 19 руб. 87 коп. Для сравнения заработок кружевниц в уездах Московской губернии в 1882 г. колебался от 37 до 60 руб. в год. Разница объясняется большей втянутостью крестьянства последней в товарно-денежные отношения и близостью к главным рынкам сбыта кружева (23).

Важным фактором, негативно влиявшим на размер заработка кружевниц, являлась организация сбыта готовой продукции в Елецком уезде. Как правило, крестьянки перепродавали кружево скупщикам. Некоторые кружевницы сами начинали заниматься этой деятельностью. Крестьянки, жившие в ближних к Ельцу волостях, могли сбывать готовую продукцию на рынке. Тех же, кто проживал вдали от города, зависимость от скупщиков делала наиболее уязвимыми. Скупщики и лавочники за бесценок скупали кружево у крестьянок, наживаясь на их труде. Деньги, которые ежегодно зарабатывали крестьянки, нельзя считать большими, однако учитывая ограниченность возможностей женского заработка в уезде, они были ощутимым пополнением бюджета. Поскольку женский заработок в крестьянских хозяйствах Центрального Черноземья являлся собственностью женщин и шел на удовлетворение ее потребностей, а также на одежду для мужа и детей, то именно эти расходы компенсировались доходом от кружевоплетения.

С.А. Давыдова обратила внимание на то, что обычно заработки крестьянки шли на покупку одежды. «Деньги эти всегда очень маленькие, а между тем потребности, в сравнении с деньгами, большие. На наряды крестьянки ничего не получают, а должны сами на свои деньги приобретать», – писала она (24). Это отмечала и М.К. Горбунова: «Заработок кружевниц идет в большинстве случаев на удовлетворение собственных нужд, главным образом для приобретения одежды, причем девушки работают большей частью на себя, а замужние женщины и на себя, и на детей, и на мужа» (25).

С другой стороны, кружево использовалось и самими крестьянками для своих нужд и составления приданного дочерям, что не раз подмечалось исследователями. Кружево шло не только на продажу, но и использовалось в быту. В крестьянских домах, в которых женщины плели кружево, им было украшено постельное белье, одежда. Иногда из кружев плели детали или даже целые сва-

дебные платья, фату для невесты. Элементы кружевной отделки присутствовали и в одежде гостей на крестьянских свадьбах.

Значение елецкого кружевного промысла заключалось не только в том доходе, который получали от него крестьянки. Благодаря мастерству местных мастериц елецкое кружево стало широко известно не только в России, но и в других странах. Образцы изделий были представлены и высоко оценены специалистами на Нижегородской выставке (1896 г.), Всемирной выставке художественных изделий в Париже (1900 г.), на Первой Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге (1902 г.) и др.

Таким образом, промысловая деятельность позволяла крестьянке получать дополнительный заработок, при этом не происходило ее отрыва от семьи и хозяйства. Заработанные промыслом деньги пополняли бюджеты крестьянских хозяйств. Как правило, они шли на покрытие расходов на белье и одежду для членов крестьянских семей. Женское крестьянское население, ощущая ответственность за дом и семью, необходимость ухода за детьми не могло активно включаться в отхожие промыслы. Это обстоятельство способствовало развитию кустарной женской промысловой деятельности, дававшей крестьянкам дополнительный доход, большую материальную независимость и более самостоятельное положение в домашней сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XV. Кустарная промышленность Орловской губернии. СПб., 1886.
2. Давыдова С.А. Русское кружево и русские кружевницы. СПб., 1892; ее же. Кустарная промышленность России. СПб., 1913.
3. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983. С. 77, 121.
4. Сборник статистических сведений по Московской губернииМ., 1882. . Т. VII. Вып. II. С. VIII-IX.
5. Давыдова С.А. Женские кустарные промыслы в России. СПб., 1913. С. 73.
6. Сельскохозяйственный обзор по Орловской губернии за 1898 год. Орел, 1899. С. 110.
7. Бережная С.В. Художественные промыслы Курского края в XVIII–XIX вв. // Бартеневские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 2002. С. 96.
8. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Земские подворные переписи 1880–1913. Поуездные итоги. М., 1926. С. 14-17, 24-27.
9. Сборник статистических сведений по Московской… С. IX.
10. Свавицкая З.М., Свавицкий Н.А. Указ. соч. С. 24-27.
11. Твердова-Свавицкая Е.М. Очерки кустарных промыслов Елецкого уезда. М., 1916. С. 2.
12. Там же.
13. Давыдова С.А. Кружевной промысел Елецкого уезда. СПб., 1913. С. 73.
14. Сборник статистических сведений по Орловской губернии. Елецкий уезд. М., 1887. Т. II. Вып. I. С. 258-259, 302-303.
15. Ершов С.П. Елецкие кружева и кружевницы. (Историко-экономический очерк). Елец, 2000. С. 41.
16. Твердова-Свавицкая Е.М. Указ. соч. С. 10.
17. Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. XV. Кустарная промышленность Орловской губернии. СПб., 1886.
18. Твердова-Свавицкая Е.М. Указ. соч. С. 24.
19. Там же. С. 26.
20. Сборник статистических сведений по Московской… С. 114.
21. Твердова-Свавицкая Е.М. Указ. соч. С. 27.
22. Там же. С. 30.
23. Сборник статистических сведений по Московской… С. 105; Ершов С.П. Указ. соч. С. 55.
24. Давыдова С.А. Записка о женских работах в Воронежской и Нижегородской губерниях. СПб., 1894. С. 50.
25. Сборник статистических сведений по Московской… С. 41.

Р.М. ЖИТИН

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ В ИМЕНИЯХ ТАМБОВСКИХ ПОМЕЩИКОВ: ПРОЦЕДУРЫ НАЙМА И ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) (1)

На территории Тамбовской губернии в 1880–1884 годах только по официальным данным более 14% (45918) крестьянских дворов занимались сельскохозяйственными промыслами (2). В ряде селений края, располагавшихся в районах крупного сельскохозяйственного производства, в отход было вовлечено более половины местного населения. Так, в 1881 г. из 576 жителей с. Малой Мещерки Тамбовского уезда на сельскохозяйственные заработки отправлялись более 300 человек. Аналогичная ситуация была в с. Сергеевке (99 жителей из 50) и с. Алексеевке (80 из 162) (3). Эти данные демонстрируют значимость сельскохозяйственных промысловых занятий в жизни крестьян края.

Дореволюционные историки-экономисты определяли различия в видах работников через условия денежного найма. В структуре сельского пролетариата традиционно выделялись издельные и сроковые рабочие. К сроковым относились полетчики (зарплата по истечении летних месяцев), недельщики (плата по истечении недели), поденщики (ежедневная оплата). Заработок издельного работника оценивался в зависимости от количества произведенной им продукции. При этом труд таких крестьян был связан с задолженностью перед владельцем и необходимостью отрабатывать взятые деньги (4).

Земские обследования Тамбовской губернии показали огромное значение сдельных форм оплаты труда в помещичьих имениях. По мнению специалистов, важнейшая причина этого явления заключалась в нестабильном материальном положении местного населения. Жителям села, «в особенности в период усиленного сбора податей», требовались наличные деньги, «а во вторую половину зимы» они искали средства на «прокормление семейств и скота». Материальные затруднения, в свою очередь, заставляли сельчан «продавать хлеб за бесценок или же искать кредита». При этом из-за отсутствия достаточных запасов зерновых в хозяйстве кредитование было наиболее приемлемым вариантом.

В большинстве помещичьих имений наймитам предоставлялся задаток в размере обыкновенно больше половины и даже всей стоимости продаваемого труда. Так владельцы обеспечивали себя достаточным количеством рабочей силы еще в зимний период, так как зимой крестьяне делали долги, а летом возвращать задолженности работой. Интересно характеризуют отношения помещиков к сдельным работникам на примере имения семьи Кожиных Тамбовского уезда. Как опытные хозяева и «еще недавно завзятые противники издельных форм обработки», в начале 1880-х гг. владельцы практиковали «исключительно батрачное хозяйство». Однако убедившись в значительной выгоде издельных форм найма, Кожины постепенно перевели свое поместье на сдельный труд. В окрестных деревнях им удалось найти значительное количество крестьян, готовых работать на условиях «заблаговременного найма с платой всего лишь

6 руб. за все работы на сороковой десятине». Следует отметить, что такие цены являлись обычными и в других хозяйствах Тамбовской губернии.

В большинстве случаев нанятые работники использовали личный инвентарь и тягловую силу. В условиях низкой материальной и производственной базы большинства имений региона такой шаг был вполне обоснованным. Так, в 13 наиболее крупных имениях Борисоглебского уезда общей площадью 59421 дес., земским описанием было зарегистрировано только 364 лошади и 1138 волов. Таким образом, на каждую голову рабочего скота приходилось около 40 дес. «Словом, полное запустение», – характеризовали ситуацию земские специалисты. Не менее красноречивы данные Центрального статистического комитета. Согласно подсчетам ведомства, имевшегося у помещиков Тамбовской губернии скота было достаточно для обработки 1/7 доли их посевов. Таким образом, остальные 6/7 посевной площади могли быть обработаны лишь при помощи крестьянского инвентаря.

К концу XIX в. владельцы тамбовских поместий настолько приспособились к издельным формам найма, что в большинстве случаев могли полностью обходиться без постоянных рабочих. Констатируя данный факт, земские деятели сообщали: «Хотя свыше половины всех обследованных экономий оказались с какими-нибудь постоянными рабочими, но в числе последних очень многие содержатся не для полевых работ и потому, в действительности, большая часть экономий уезда не имеют ни одного постоянного рабочего собственно для выполнения полевых работ. Из остальных экономий ни в одной эти работы не ведутся исключительно батраками, напротив, на долю последних приходится меньшая часть тех работ, нередко лишь малая часть их».

Огромный интерес представляет изучение оплаты труда сдельного рабочего. Земские описания показывают, что конкретная величина вознаграждения работников сильно варьировалась в зависимости от местных условий. Неизменным оставалось только одно: использование заблаговременных договоренностей позволяло владельцу существенно уменьшить расходы на зарплату. Так, «в одном из имений Кочетовской волости уборка ржи по зимнему найму на сороковой десятине оценивалась только в 3 руб., а в имении Абакумовской волости упала до 2 руб. 75 копеек». Наряду с этим, «в имении Александровской волости практикуется зимний наем и за уборку ржи на казенной десятине платят 1 руб. 75 коп., в соседней же экономии Стенановской волости, напротив, нанимают перед работами и за ту же уборку платят 3-4 руб.» (5). Одновременно с денежным вознаграждением в Тамбовской губернии широко практиковалась и натуральная форма оплаты труда. Причина этого скрывалась в экономических условиях развития сельского хозяйства в Тамбовской губернии. Помещикам недоставало оборотного капитала на оплату всех работ в имении, а крестьяне ощущали дефицит наличных средств для полной оплаты аренды.

Поденный труд в тамбовских экономиях относился к категории вспомогательного. Зимой он практически не использовался, летом применялся лишь при производстве некоторых работ. При этом лишь наиболее крупные имения предоставляли работниками тягловую силу или орудия труда. Остальные владельцы использовали инвентарь и скот крестьян. При значительном фронте ра-

бот поденщики могли быть переведены на полетную или недельную форма занятости. Объем оплаты труда поденных работников сильно зависел от фронта их работ. В 80-гг. среднее вознаграждение поденщиков-мужчин составляло 70 копеек в день, поденщицы могли получать 50 коп. Наиболее высокой оплатой пользовались рабочие, которые нанимались на выполнение безотлагательной работы. В таких условиях стоимость их труда доходила до 1 рубля (6).

Строгого документооборота в учете работников помещичьих хозяйств не было. В большинстве мелких и средних имений края счет поденщиков велся в экономиях, только когда они работали. В крупных экономиях могли применяться более развитые системы расчета. Так, в Ново-Покровском имении Орлова-Давыдова поденщики учитывалась списками, которые велись в вотчинной конторе (7). По достаточно распространенной системе расчета с рабочими выплата причитающихся им денег производилась путем выдачи ярлыков и марок (8), затем меняющихся на деньги. Характер отношений между рабочими и владельцами определялся Положением о найме на сельские работы от 12.06.1886 г. (9). Помещик мог предложить наймиту словесный и письменный договор (ст. 12,13). Устные соглашения по желанию сторон могли подписываться в волостном правлении (ст. 15). В случае с наймом по договору составлялся расчетный лист, в который вносилась информация о выданных деньгах, вещах или припасах, а также вычетах и штрафах. «Старые обычаи, – говорит Ф. А. Щербина, – стали ломаться, новые требования пошли вразрез с патриархальным складом народной жизни. Словесные договоры с каждым годом все более и более начинают уступать место письменным условиям» (10).

Одной из характерных черт помещичьего хозяйства стоит назвать нарушения трудовой дисциплины работниками. Массовые случаи неисполнения своих обязанностей фиксировались на территории всей губернии. Так, земский корреспондент из Козловского уезда отмечал: «На все полевые работы здесь нанимались зимой по «условиям в волостном правлении, с выдачею всех денег вперед, причем обыкновенно крестьяне не исполняли условий: не выезжают вовремя и дурно исполняют работы». Обращение помещиков к мировым судьям не приносило результата, так как «забранных денег взыскать не с чего» (11). Чрезвычайно распространенным явлением был уход работника от помещика вследствие более выгодного положения со стороны. «Рабочие, слышавшие о возвышенной плате, – описывал этот процесс один помещик края, – бросали работу, за которую уже принялись, и перекочевывали в другие экономии». Были случаи, когда «обезумевшие рабочие терялись настолько, что не знали, какую цену назначать, и предоставляли хозяевам вступить между собой в соревнование». Одновременно приходилось видеть «целые поезда, обозы и партии пеших рабочих, возвращавшихся домой с опечаленными, унылыми и исхудалыми лицами, с разными болезнями».

Одним из самых эффективным способов борьбы с некачественной работой являлось штрафование наемных работников. В ряде имений тамбовской губернии оно имело массовый характер. Так, например, в имении семьи Пашковых в

Тамбовском уезде за неявку в первый день полагается штраф в размере 1 руб., во 2-й и 3-й день по 1,5 руб., затем владельцы «взыскивали с нарушителя 4 руб. за не отработку и 6 руб. за не уборку». Низкая дисциплина местных работников стала причиной присутствия в номенклатуре профессий имений должности надсмотрщика, компетентного в нормировании процесса сельскохозяйственного производства. Подобная иерархия была полностью оправдана. Невысокая ответственность за выполненный объем работ и чрезвычайно высокая продолжительность рабочего дня работников по найму (15-16 часов) заставляли владельцев имения контролировать труд своих подчиненных.

Серьезные санкции в отношении недисциплинированных работников были закреплены и законодательно. По Закону 1883 г. «рабочий обязан был повиноваться нанимателю и исполнять беспрекословно все требования...». «Он должен охранять хозяина при угрожающей для него опасности, ... вести себя благопристойно, трезво и почтительно к хозяину». «Нанятые крестьяне не вправе были отлучаться без дозволения хозяина и принимать на себя без его согласия чужую работу» (12). В случае неявки или самовольного ухода рабочего, а также за каждое несоблюдение перечисленных условий наниматель имел полное право обратиться в полицию.

Необходимость столь серьезных наказаний работников определяла споры современников вокруг рабочего законодательства. Обращалось внимание на тяжесть сельскохозяйственного труда, «дурную или недостаточную пищу», «употребление сельскохозяйственных машин без всяких предохранительных приспособлений». «Конечно, – анализировал ситуацию Н.А. Соколовский, – дурно делает рабочий, отказавшийся до истечения условленного срока от работ; но едва ли не большую степень нравственной распущенности проявляет наниматель, не уплачивающий, в нарушение условия, цену исполненного труда или обременяющий рабочих непосильным трудом» (13). Однако проблемы невысокого материального обеспечения работников, некачественные условия труда сохранялись в российском сельском хозяйстве вплоть до Революции.

Таким образом, формирование новой сельскохозяйственной экономики пореформенного времени обусловило активное использование помещиками наемного труда. В качестве основного поставщика работников выступило крестьянство, находящееся в районах действия помещичьих экономий. Наиболее активно использовались сдельные формы найма, обеспеченные задолженностью перед владельцем. В условиях недостатка материальных ресурсов работа в имениях позволяла крестьянам приспосабливаться к изменившимся условиям жизни, давала дополнительные средства на развитие собственного хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-6315.2018.6.

2. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии / Предисл. Н. Романова; В 24 т. Тамбов, 1890. Т. 14. С. 198-210.

3. ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2222а. Л. 8-10.

4. Сборник статистических сведений… Тамбов, 1894. Т. 16. С. 103-110, 120-137.

5. Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы / Соч. Липского. СПб., 1902. С. 88, 90, 98, 106.

6. Сборник статистических сведений…. Тамбов, 1893. Т. 18С. 64-65.
7. ГАТО. 195. Оп. 1. Д 189.
8. Там же. 195. Оп. 1. Д. 596. Л. 119.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. СПб., 1888. Т. VI. № 3803.
10. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве: Обществ.-юрид. очерки. Москва, 1899. С. 9, 11.
11. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях / Сост. С.А. Короленко. СПб., 1892. С. 140.
12. Свод законов. СПб., 1902. Т. XII. Ч. 2. С. 35-39.
13. Наемные сельскохозяйственные рабочие… С. 27-28.

А.В. СЕВОСТЬЯНОВА

ДОХОДЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ)

Изучение бюджетов крестьянских хозяйств представляет научный и практический интерес. Материалы бюджетных обследований позволяют выявить механизмы взаимодействия различных сфер деятельности крестьян, определить уровень благосостояния крестьян в пореформенный период. Русский историк, статистик, кубанский казачий политик Ф.А. Щербина называл крестьянские бюджеты «анатомическим ножом, при помощи которого можно вскрыть… и всесторонне осветить самые сокровенные проявления семейных отношений… то, что скрыто под покровом сложности и запутанности» (1). Актуальность изучаемой проблемы не вызывает сомнений – экономическое положение населения является важнейшей составляющей всех сфер жизни общества.

Проблематика бюджетных исследований крестьянских хозяйств в дореволюционное время содержится в работах И.И. Иванюкова, В.Ф. Левитского, В.Е. Постникова, А.И. Скворцова, А.Ф. Фортунатова, А.В. Чаянова, А.И. Челинцева, А.А. Кауфмана, Н.П. Макарова, Д.Ф. Щербины (2). В советской историографии к данной проблеме обращались П.А. Богоявленский, Ю.П. Бокарев, В.П. Данилов, С.А. Первушина и др. (3). Обзор отечественных исследований бюджетов крестьянских хозяйств содержится в работах Б.А. Воронина, И.Д. Ковальченко, К.П. Стожко (4), А.И. Кравченко (5), А.В. Перепелицына (6) и др.

Методика бюджетных обследований в пореформенный период совершенствовалась. Материалы бюджетных обследований четырех уездов Калужской губернии 1896–1897 гг. под руководством А.В. Пешехонова отличались наиболее полными сведениями (7). По аналогичной методике его дело продолжил А.А. Гурьев, обследовавший три уезда Вятской губернии в 1900 г. (8). Самую полную картину крестьянских бюджетов во второй половине XIX в. дали исследования воронежских статистиков под руководством Ф.А. Щербины (1887–1896 гг.), которого считают родоначальником русской бюджетной статистики (9). В настоящее время возрастает научный интерес к деятельности Ф.А. Щербины. Анализ его общественно-политической деятельности содержится в работах воронежского исследователя О.П. Дорофеевой (10).

Федор Андреевич Щербина (1849–1936) был руководителем статистического бюро Воронежского земства, являлся членом-корреспондентом Российской Академии наук (1904). Будучи полевым исследователем, он путешество-

вал по стране, изучая быт простого народа через систему теоретически обоснованных социально-экономических показателей условий и образа жизни крестьян в пореформенное время (11).

Щербина провел бюджетное исследование среди крестьян Воронежской губернии. Из общего числа собранных и опубликованных во второй половине XIX в. по Европейской России для анализа было выделено 230 крестьянских бюджетов, а также зафиксировано состояние 176821 крестьянских хозяйств. Результаты исследования статистическая группа Щербины обобщила в монографическом труде «Крестьянские бюджеты», где наряду с подробными статистическими выкладками приводится хорошо обоснованный теоретический материал. Кроме того, именно Щербина впервые в России провел бюджетное исследование крестьянских хозяйств Воронежской губернии в широких масштабах, применив монографический метод с отбором «типичных хозяйств». В 1884 г. под его руководством была проведена подворная перепись, а полученные материалы долго служили основой для методологического анализа положения дел в российской деревне.

Обращаясь к материалам по Воронежской губернии, Д.Ф. Щербина учитывал ее особые черты, которые отразились на итогах исследования крестьянских хозяйств. В отличие от других губерний Центрально-Черноземного региона, в Воронежской проживал повышенный процент государственных крестьян в составе сельского населения (71,5% против 60,7%), с чем связана пониженная доля малоземельных крестьянских дворов (с наделами не более 5 дес. – 14,5% от всего числа наделенных землей крестьян при 23,3% по всем четырем губерниям центрально-черноземной группы).

Особое внимание было уделено учету народных потребностей – личных и хозяйственных. Другой статьей крестьянских бюджетов являлись доходы. Основными источниками доходов крестьян Воронежской губернии являлись доходы от сельского хозяйства и промыслов. Как видно из таблицы 1, в общей сумме чистые доходы крестьян, которые имели посевы до 6 дес., промысловые доходы составляли 47,3%, т.е. совсем немного уступая чистому доходу от сельского хозяйства (52,7%). А в группе крестьян, которые имели посев до 3 дес. (28,7%), промысловые заработки преобладали, и составляли 58,12% от всего дохода. Крестьяне, имевшие от 6 до 12 дес. посева, имели примерно равное соотношение доходов от сельского хозяйства (53,66%) и от промысловых заработков (46,34%).

Таблица 1. Основные источники доходов крестьянских хозяйств Воронежской губернии по обследованию 1887–1896 гг. (в руб. в среднем на одно хозяйство в год)

Группы крестьянских хозяйств по размеру посева, дес.	Сельское хозяйство			Промыслы, доход	Всего дохода	Доходы, % от общей суммы	
	доход	расход	Чистый доход			От сельского хозяйства	От промыслов
До 3	96,08	46,85	49,23	68,32	117,55	41,88	58,12
3-6	200,60	86,87	113,73	61,47	175,20	64,92	35,08
6-12	383,81	206,86	178,95	154,56	333,51	53,66	46,34
Свыше 12	818,41	379,79	438,62	167,34	605,96	72,38	27,62

Источник: Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Ч. 3. Таблицы. С. 274-285.

Следующая классификация крестьянских хозяйств была основана на показателях наемного труда. Данные таблицы 2 свидетельствуют, что у первой группы хозяйств с нанимающимися на работу крестьянами сельское хозяйство велось в убыток. Кроме того, несостоятельное крестьянство покрывало дефицит от своего земледелия и животноводства за счет промыслов, т.е. заработков, которыми покрывалась одна из самых тяжелых статей расходов на сельское хозяйство – арендная плата. Таким образом, безысходная ситуация вынуждала малоимущих крестьян обратиться к промысловым заработкам. В общем итоге, по всем трем группам хозяйств чистые доходы от сельского хозяйства и от промыслов были почти уравнены с небольшим превышением последних.

Таблица 2. Доходы крестьянских хозяйств в шести уездах Воронежской губернии по данным подворной переписи 1887–1896 гг. (в тыс. руб.)

Показатель	Группы хозяйств			Всего
	С нанимающимися на работу крестьянами	С ненанимающимися крестьянами и ненанимающимися работниками	Нанимающиеся работники	
Число дворов	20819	146011	9991	176821
%	11,8	82,6	5,6	100,0
Доход от сельского хозяйства валовой	3180,0	41099,5	12030,8	56310,3
За вычетом расходов	-323,1	6884,4	4996,8	56310,3
Доход от промыслов	1554,7	8787,6	1396,0	117738,3

Источник: Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Ч. 11. Таблица. С. 274-285.

Бюджетные исследования Ф.А. Щербины показали, что происходило резкое падение значения промысловых заработков по мере роста землевладения, потому как малоимущие крестьяне покрывали восполняли дефицит от своего земледелия за счет промыслов, т.е. заработков. Учет бытовых расходов, разного рода платежей и повинностей приводит к тому, что обе первые группы хозяйств, составляющие 94,4% всего их количества, оказываются неспособными погасить необходимые расходы, из-за чего были вынуждены обратиться к дополнительным заработкам (12).

В исследовании Ф.А. Щербины не учитывались бытовые и иные расходы деревни, на что обратил внимание И.К. Воронов. Исследуя 230 воронежских бюджетов, он сделал их перегруппировку по посевной площади вместо принятой Ф.А. Щербиной группировки по размерам надельной земли. Одновременно И.К. Воронов перевел денежные показатели в бюджетах 1887–1896 гг. в валюту 1913 г. (13). Под руководством Щербины с 1884 по 1903 г. было осуществлено подробное статистико-экономическое обследование одного из крупнейших черноземных регионов России – Воронежской губернии. Исследование крестьянских бюджетов принесли ему известность и признание: он был избран членом Вольного географического общества, Русского географического обще-

ства и др. Как создателя одного из лучших в России статистических бюро, Ф.А. Щербину приглашали в качестве эксперта в Черниговскую, Новгородскую и Олонецкую губернии.

Таким образом, основными источниками доходов крестьян во второй половине XIX в. являлись земледелие, скотоводство и промыслы. Доходы от промысловой деятельности преобладали в крестьянских хозяйствах, которые оказались в тяжелой экономической ситуации и были вынуждены искать иные виды денежных заработков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. С. 1.
2. Кореневская Н.Н. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России. М., 1954. С. 56-67.
3. Воронин Б.А., Стожко К.П. Бюджеты крестьянских хозяйств в России // Аграрный вестник Урала. Екатеринбург. 2017. № 10. С. 63.
4. Там же. С. 64.
5. Кравченко А.И. Бюджетные исследования Ф.А. Щербины // Academy. № 6(9). 2016. С. 56-62.
6. Перепелицын А.В. Доходы крестьянского хозяйства Центрального Черноземья в пореформенный период // Общество. Политика. Экономика. Воронеж. 2016. №1 (16). С. 19-23.
7. Пешехонов А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях // Русское богатство. 1908. № 8. С. 192.
8. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город капиталистической России второй половины XIX века. М., 1989. С. 89-90.
9. Щербина Ф.А. Указ. соч.
10. Дорофеева О.П. Общественно-политическая деятельность Ф.А. Щербины в Воронежском крае во второй половине XIX – начале XX века: Автореф... дис. канд. ист. наук. Воронеж, 2007.
11. Кравченко А.И. Указ. соч. С. 56-67.
12. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 274-285.
13. Воронов И.К. Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка. Воронеж, 1926. Вып. 1. С. 37.

Р.М. ЖИТИН

ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЯЮЩИЕ КРУПНЫМИ ИМЕНИЯМИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (1)

Социально-экономические перемены в сельском хозяйстве России второй половины XIX в. существенным образом отразились на практиках управления имениями. Встраивание экономий в капиталистический рынок, рациональное отношение помещиков к имеющимся ресурсам требовали чутких и современных способов администрирования собственностью, учитывающих не только новые условия развития владений, но и внешние вызовы и угрозы (аграрный и экологический кризис, революционное брожение и т.д.).

Подчеркивая важность выбора оптимальных механизмов управления собственностью, современники признавали, что кризис в области аграрного производства заставляет знать историю своего сельского хозяйства «так же как знает ее каждый промышленник купец, но несравненно лучше, так как помещик, в противоположность купцу, в огромном большинстве случаев, ведет свои сельскохозяйственные дела не лично сам, а через наемного управляющего» (2). Как правило, администрирование имением крупного собственника подчинялось унифицированной схеме. В большинстве случаев у таких помещиков имелось нескольких владений. Управлять ими позволяла система последовательного под-

чинения глав вотчинных контор (управляющих) начальнику главной конторы (главноуправляющим), подотчетных непосредственно владельцу.

Среди тамбовских управляющих было много иностранцев. Их точную численность определить сложно. Однако большое количество глав имений с нерусскими фамилиями говорит о распространенности опыта найма зарубежных специалистов. По всей видимости, помещики воспринимали таких работников как панацею от недостатков русской системы подготовки административных кадров. Однако не все помещики нанимали грамотных иностранных специалистов. Эксперты утверждали, что большей частью «нерусские управляющие объединяли неудачников своей страны, которым нередко не удалась другая карьера в России и берущихся за сельское хозяйство без всякой подготовки». Такие управленцы «приобретали кое-какие знания большей частью на счет своих доверителей, и никогда не достигали сведений, которые бы шли дальше известных рутинных, преимущественно административных приемов». Общим слабым местом подготовки начальников имений было низкое знаний норм документооборота. Большая часть таковых Тамбовской губернии пользовалась устаревшими приемами счетоводства. Без должной подготовки, без «предварительно составленного плана и с затратой всех имеющихся у них средств» такие администраторы разоряли имение (3).

К началу XX в. отмечаются первые попытки объединения тамбовских управляющих на основе общих профессиональных интересов. Важнейшим институциональным этапом этого процесса стало создание тамбовского Общества взаимопомощи служащих по сельскохозяйственной части (1899 г.). Организация имела целью «посильных вспоможений нуждающимся управляющим», улучшение их быта. Обществом выдавались разного рода пособия, устраивались благотворительные акции. Попавшим под сокращение управляющим «приискивали служебные занятия. В ходе ежемесячных собраний члены Общества могли обмениваться опытом». В организацию входили лица «обоего пола, без различия вероисповедания и подданства, служащие по различным отраслям сельского хозяйств а в частновладельческих казенных и удельных имениях, а также люди, именующие своей специальностью сельскохозяйственную деятельность по найму в частных и общественных учреждениях». В случае необходимости административным рабочим могли выдавать единовременные, безвозвратные пособия. Отметим, что выплаты распространялись не только на тамбовских управляющих, но и на представителей их семей. Общество гарантировало «призрение сирот и вдов умерших членов, а так же их родителей, малолетних братьев и сестер, находящихся на попечении умершего служащего и оставшихся без средств к жизни» (4).

Однако не все члены Общества могли рассчитывать на постоянное пособие. В 1912 г. Правлением было заслушено прошение М.А. Тиц о материальной помощи. Изучение вопроса показало, что семья Тиц с 1903 по 1912 г. неоднократно получала денежные выплаты (всего 385 рублей). На основании полученных отзывов в прошении решено было отказать. В крайних случаях Общество брало на себя обязанности по «помещению детей управляющих в учебные заведения и в приискании занятий для тех из них, кто способен к труду». В

1912 году Общество ходатайствовало перед Департаментом земледелия о выделении нескольких стипендий нуждающимся детям из состава Организации (5). Возникновение механизма взаимопомощи служащих позволяет говорить о высокой трудовой сознательности тамбовских работников, желании профессионального роста и стабильного социального и профессионального статуса.

Изучение методик рационализации сельского хозяйства заставляло владельцев задумываться над повышением квалификации своих управляющих. Большое значение в этом процессе играли сельскохозяйственные выставки. Выставки устраивали отраслевые объединения при активной поддержке, а порой – и непосредственном участии государственных учреждений и органов местного самоуправления. Главной целью таких мероприятий считалось распространение передового опыта и пропаганда научных знаний. Технические новинки – плуги, сеялки, веялки, прессы, подъемники и прочие орудия – показывались не только в павильонах, но и в работе, с выездом на специально отведенные поля (6).

Важнейшее значение имело открытие Тамбовской сельскохозяйственной выставки (15 сентября 1883 г.). Это было первое мероприятие такого характера в крае. На выставке демонстрировались «произведения сельского хозяйства Тамбовской и смежных губерний, а также произведения русских других местностей и заграничные, имеющие значение для сельского хозяйства в данной местности». Доставка предметов на место и обратный вывоз осуществлялись за счет ее участников. Однако оргкомитет брал на себя обязанности бесплатной перевозки товаров по железным дорогам. Во время работы выставки происходили испытания сельскохозяйственной техники, организовались публичные чтения и лекции по актуальным вопросам сельского хозяйства (7).

Профессиональная карьера управляющих зависела от успешности их хозяйственной деятельности и могла включать несколько мест работы. Начальник Ильиновской экономии Боратынских М.А. Заверячев так характеризовал свой путь: «1876-го года мая 19-го дня отправился на службу к Аносову по рекомендации Павла Кирилловича Попова; а 26 мая т<ого> г<ода> поступил лесничим Сульчинскаго лесничества у Аносова Чистопольского уезда Казанской губернии; 1877-го года мая 11-го был переведен в Александровский Винокуренный завод на должность кассира при конторе; как лесничим, так и кассиром получал жалованья по 35 руб. в месяц. 1879-го года февраля 1-го был переведен Аносовым из Казанского имения в Саратовское (Андреевка), где с 6-го февраля 1879-го года занял должность управляющего имением с окладом 40 р. в месяц. С 1-го января 1880 года поступил управляющим вместо умершего родителя Андрея Нестеровича <Заверячева> в имение Андрея Ильича» (8). Богатый послужной список ильинского управляющего свидетельствует о достаточно напряженной графике работы и частой смены работодателей.

Вознаграждение начальников вотчинных контор оказывалось пропорционально размеру владения. Наибольшая часть тамбовских управляющих получали от 600 до 1200 руб. в год. Помимо постоянного жалования, они могли иметь еще и проценты с чистого дохода имения. Так, среди начальников вотчинных контор Тамбовского уезда «один управляющий получал определенное жалова-

ние на 240 рублей, и еще 10% с суммы прибыли», «другой к годовому доходу жалования в 800 руб. прибавлял 5% с чистого дохода от имения, а у третьего к жалованию в 400 руб. назначалась прибавка в 10% с дохода от двух участков имения». Такие пропорциональные прибавки рассматривались владельцами как награды за увеличение доходности имений. Кроме того, весь персонал вотчинной конторы находился на полном содержании хозяев. Согласно данным земским статистическим обследованиям, среднее содержание управляющих вотчинных контор могло достигать до 35% от общей суммы жалования (9).

Относительно высокая заработная плата управляющих имений определялась значительной трудозанятостью начальников вотчинных контор. Вотчинная документация крупных экономий Тамбовской губернии содержит множество примеров жалоб управляющих на условия труда в имении. Переписка управляющего Ново-Покровского имения И.Г. Печаткина с Главной конторой в Санкт-Петербурге содержит просьбы о привлечении в штат служащих дополнительных работников, компетентных в работе с бумагами и отчетами. Как доказательство важности подобных просьб Печаткин обычно утверждал, что команда из трех человек «вынуждена была работать круглый год по 12 часов в день » и только ради того, чтобы заполнить все отчеты и бумаги для Главной конторы. В Санкт-Петербурге ссылались на опыт других имений, и новых работников присылать не спешили (10).

На управляющем лежала обязанность администрирования большинства хозяйственных работ в экономии. Нередко предстояло лично договариваться с конкретными поставщиками, предпринимать длительные командировки. «8 сентября был в Кирсанове», – вспоминал начальник ильинского имения М.А. Заверячев. «Рожь стала еще дешевле, дают с доставкой лишь 20 к. <за> пуд. Как рассчитываться и чем жить помещикам?», – восклицал управляющий. Тем не менее своей работой он были доволен: «Живу хорошо – нужды в глаза не вижу, здоров, сыт, прилично одет, доверители мои мною довольны, а больше мне и не надо». Часто управляющие могли уйти от помещика и открыть свой собственный бизнес. В переписке с начальником вотчинной конторы И.Г. Печаткиным Главная контора имения недвусмысленно давала понять, что «вопрос об определении служащих временным или постоянным» не имеет для него особого значения». Главная контора «вообще не должна определять служащих по условиям на какой-либо срок». «Как служащие могут оставлять имение в любое время, так и управляющие свободны увольнять их, когда они окажутся лишними» (11). Не случайно в документах экономий Орлова-Давыдова встречаются упоминания о прибыльных занятиях бывших управляющих в сфере мукомольного производства (Натальнское имение в Повольжье) или садовом промысле (Ново-Покровка), причем прямо на арендуемой у имения земле (12).

Таким образом, модернизация крупных имений конца XIX в. обусловила совершенствование механизмов администрирования помещичьим хозяйством. В условиях пореформенного времени управляющие становятся главными распорядителями экономики поместий, определяя основные формы их развития. Сформированные в ряде экономий практики управления играли важную роль в

капиталистической трансформации помещичьих хозяйств, позволяли эффективно использовать имеющиеся ресурсы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-6315.2018.6.
2. Социальные характеристики постоянных сельскохозяйственных и административных работников имений // Тамбовская помещичья усадьба: взгляд сквозь столетие. URL: https:// tambov.ru.net/ stead/html/istorspravka_sl.php (дата обращения: 15.09.2019).
3. Стебут А.И. О мерах для подготовления хороших управляющих имений. М., 1873. С. 4, 12.
4. Устав Тамбовского общества взаимопомощи служащих по сельскохозяйственной части. Тамбов, 1899. С. 3-4.
5. Отчет Тамбовского общества взаимопомощи служащих по сельскому хозяйству и сельскохозяйственной промышленности за 1912 год. Тамбов, 1914. С. 8, 32.
6. Белонявский, А. Хороший баран дорого стоит! К 100-летию Первой всероссийской выставки овцеводства 1912 года в Москве. URL: http://www.informexpo.ru/just/uni/32_35_History.pdf (дата обращения: 30.09.2019).
7. Правила сельскохозяйственной выставки, устраиваемой обществом Тамбовских сельских хозяев, в сентябре 1883 г. [Б. м., б. г.].
8. Дневник управляющего «Тихие дни»: Из истории усадьбы Боратынских URL: http://www.grad-kirsanov.ru/article.php?id=zaveryach (дата обращения: 15.09.2019).
9. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: В 24 т. Тамбов, 1891. Т. 16. С. 77-79, 82.
10. Житин Р.М. Социальные характеристики административного аппарата Ново-Покровского имения графа А.В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 11. С. 200-207.
11. НИОР РГБ. Ф. 219. К. 5. Д. 56. Л. 3.
12. ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 257. Л. 111.

Е.Ю. БОЛОТОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ КООПЕРАЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Российская кооперация за короткий исторический отрезок времени прошла путь от зарождения отдельных обществ во второй половине XIX в. до массового общественно-хозяйственного движения в начале XX столетия., объединяя к 1917 г. до 17 млн. чел. (1) Более 100 лет исследователи анализируют феномен кооперации этого периода, определяя причины, этапы в развитии движения, комплекс факторов, воздействующих на характер и содержание кооперативного движения, выявляя механизмы функционирования кооперативов, обеспечивавшие столь быстрый количественный рост и качественные изменения. Однако и сегодня изучение кооперативного опыта начала XX в. имеет научную значимость и ясный практический смысл.

В 2000-е гг. издано несколько сотен работ, в которых на региональном и общероссийском уровне характеризуются разные стороны кооперативной деятельности. Авторы, как правило, стремятся создать наиболее полную картину развития кооперации в определенных территориальных границах, либо дать разностороннюю характеристику одного вида кооперации. Вместе с тем заметной становится тенденция выделения в качестве предмета исследования отдельных направлений в деятельности кооперации. А.П. Корелин в 2009 г. в обобщающей работе по истории дореволюционного кооперативного движения, характеризуя достижения отечественной историографии, отмечал: «Видимо, верное и важное наблюдение, что российская кооперация представляла собой социокультурное явление, выходившее по степени своего воздействия на обще-

ство за рамки кооперативно-хозяйственной организации, нуждается в исследовательском обосновании» (2). По сути, перед историками кооперативного опыта была поставлена исследовательская задача, и за последние годы появился ряд работ, существенным образом расширивших представление о так называемом «нехозяйственном» направлении в работе кооперации.

В постсоветской историографии внимание к этой сфере деятельности кооперации привлекла еще в начале 1990-х гг. Е.Н. Козлова, предложив в статье «Культурная миссия кооперации» краткий обзор содержания культурно-просветительской работы кооперативов (3). В последующие годы шло накопление фактического материала, иллюстрирующего на региональном уровне эту сторону кооперативной жизни (исследователи, как правило, рассматривают формы культурно-просветительской работы кооперативов в общем контексте истории кооперативного движения в регионе). В 2000-е годы появился довольно широкий круг работ, в которых на серьезной документальной основе изучается региональная специфика разноплановой общественно-культурной деятельности кооперации (4). Авторы этих работ, вслед за кооператорами начала XX в., исходят из понимания того, что успех экономической деятельности кооперации во многом зависел от культурно-просветительской работы, направленной на воспитание кооперативной среды, развитие кооперативного сознания народа, придание движению социальной направленности. По признанию самих кооператоров, на пути к осуществлению своих прямых задач общества «встретились с отсутствием просвещения среди народа, с низкой культурой населения, недостатком его общественного развития» (5).

Формулируя задачи культурно-просветительской деятельности, руководители кооперативного центра – Московского союза потребительских обществ – выделяли две ее стороны: они говорили о культуре кооперации (утилитарная задача, обеспечивающая совершенствование хозяйственной деятельности) и кооперации культуры («обслуживание на кооперативных началах духовных нужд человека») (6). Если первая сторона получила широкое развитие в деятельности кооперативных обществ и союзов, то вторая встречала административно-полицейские препятствия, так как своей широтой и содержанием выходила за пределы внутренних нужд кооперации. В поле внимания современных исследователей находятся обе стороны культурно-просветительской деятельности кооперации – пропагандистская и консультационная (разъяснительная) работа, вклад в развитие системы образования и организация кооперативного образования в разных формах, создание библиотек и наполнение литературой их фондов, роль кооперативной печати в просвещении народа, создание народных театров, развитие кинематографа и пр.

Т.Ю. Быковец, автор первой диссертации (2003 г.), предметом которой является культурно-просветительская работа кооперации, пришла к выводу, что в Нижнем Поволжье система этой работы «органически вошла в общую систему народного просвещения». В этой системе автор выделяет «5 групп»: 1) учреждения образовательного характера (народные университеты, воскресные и коммерческие школы, училища, кооперативные курсы); 2) организации общепросветительского характера (библиотеки, читальни, чайные, музеи, ко-

миссии и общества народного чтения); 3) общества и кружки по интересам (общества любителей хорового пения, сценического творчества, фотографии и пр.); 4) культурно-развлекательные организации (народные театры, клубы, кинематограф); 5) многофункциональные культурно-просветительские организации (народные дома, народные университеты, сочетавшие в себе различные формы внешкольного образования и просветительские учреждения) (7). На основе анализа широкого документального материала автор систематизирует культурно-просветительскую работу кооперации по трем направлениям:

агитационно-пропагандистское (агитация и пропаганда кооперативных знаний и культуры); учебно-курсовое (подготовка квалифицированных кадров и образование членов кооперативных организаций и населения страны); культурно-развлекательное (организация досуга населения) (8) и дает характеристику каждого из них, наполняя фактическим содержанием.

В докторской диссертации Е.В. Дианової (2017 г.) культурно-просветительская деятельность кооперации рассматривается на примере губерний Европейского Севера в границах первой трети XX в. Автор прослеживает трансформацию деятельности кооперации в разных политических и социально-экономических условиях, ставя перед собой задачу «выявления основных социально-культурных аспектов в деятельности кооперации как элемента гражданского общества» (9). Углубляя представления о сложившейся в России практике кооперативного воспитания и образования, Е.В. Дианова подчеркивает основательность подходов кооперативных деятелей к этой работе, их знакомство с идеями ведущих педагогов и достижениями разных педагогических школ России и зарубежных стран: школы свободного воспитания Л.Н. Толстого и М. Монтессори, «школы делания» Д. Дьюи, «школы действия» В.А. Лая, «трудовой школы» Г. Кершенштейнера (10). Как актуальную автор рассматривает проблему взаимоотношений земства и кооперации на «ниве просвещения», делая вывод о проявлении чаще конкуренции, нежели сотрудничества, о стремлении земств к монополизации права на ведение внешкольной работы, а кооперации – к самостоятельности в организации этой работы (11). В диссертации последовательно раскрывается содержание деятельности «неторговых» отделов кооперативных обществ и союзов региона, характеризуется работа культурно-просветительских комиссий, призванных координировать эту сферу деятельности кооперации. Масштабность и глубина культурно-просветительской работы показывается автором на примере Вологодского общества сельского хозяйства, занимающего «лидирующее положение» в этой сфере деятельности (12).

Особым периодом в развитии культурно-просветительской деятельности кооперации стала Первая мировая война. Обстановка военного времени актуализировала идеи гражданского единения, гуманистические ценности, придав, в свою очередь, всем сторонам общественно-культурной деятельности кооперативов особый смысл и содержание. Основной акцент при анализе общественно-культурной деятельности кооперации современные авторы делают именно на этом периоде. Характеризуя культурно-просветительскую миссию кооперации, А.В. Лубков отмечает, что в период Первой мировой войны, которая многими мыслителями воспринималась как борьба России за культуру и цивилизацию,

понимание культурной миссии кооперации стало особенно актуальным (13). В военные годы чрезвычайно активизировалась издательская деятельность кооперации: по данным А.В. Лубкова, издание разного рода кооперативных газет и журналов возросло с 29 наименований в 1914 г. до 117 в 1918 г. (14). В этот период складывается разветвленная система кооперативного образования, активно создаются народные дома – очаги культурного досуга, «центры культурной жизни в провинции, своеобразные клубы общественной самодеятельности» (в 1915 г. таких домов насчитывалось 159 и около 300 находилось в стадии организации) (15). Кооперативы активно поддерживают трезвеннические движение, считая борьбу за трезвый образ жизни необходимым условием для развития всех направлений общественно-культурной деятельности кооперации (16). В широкой благотворительной деятельности раскрылась социальная направленность кооперации (17).

Оценивая в целом масштабы и содержание культурно-просветительской работы кооперативов, взаимодействие в процессе её организации с органами местного самоуправления, авторы на основе анализа как регионального материала, так и документов общероссийских кооперативных центров, приходят к созвучным выводам.

Так, Т.Ю. Быковец на примере истории кооперации в Нижнем Поволжье отмечает, что культурно-просветительская деятельность «проявила себя как сложное, многогранное историческое явление, сочетавшее в себе целый комплекс социально-культурных, просветительных и благотворительных мер», которые «вносили свой вклад в гармонизацию, гуманизацию отношений между людьми, в формирование условий для самореализации личности и широких масс населения», способствовали росту духовности, повышению культурного уровня, социальной активности и самодеятельности населения (18).

Е.В. Дианова, обобщая опыт кооперативной деятельности, приходит к выводу, что кооперативные организации являлись «важным элементом социокультурного пространства Европейского Севера», их культурно-просветительская деятельность, «не нарушая традиционных форм народного быта, способствовала проникновению кооперативных идей, естественнонаучных знаний, приобщению населения к лучшим образцам мировой и отечественной художественной культуры через народные чтения, библиотеки, периодическую печать, музеи, театр, кинематограф» (19).

Анализируя неторговую деятельность городской потребительской кооперации Сибири, отмечая ее особенности в условиях сибирского региона (удаленность от культурных центров, отсутствие земств), Г.М. Запорожченко отмечает: «…городские кооператоры придавали культурной работе определенные черты социореформистской миссии» (20); благодаря культурной деятельности городской кооперации начали создаваться «многочисленные пространства для общения, образования, попечительства и культурного досуга», способствующие сплочению представителей разных социальных групп «вне зависимости от сословных, имущественных, социальных, профессиональных различий», а также выработке «новых норм поведения и ценностей, расширению интеллекту-

ального и духовного горизонта участников кооперативного движения, формированию гражданской и индивидуальной идентичности» (21).

А.В. Лубков на примере кооперации Центрального промышленного района приходит к выводу, что культурно-просветительская и образовательная деятельность кооперации «формирует пространство культурного измерения кооперативного процесса» (22) и во всей своей совокупности позволяет рассматривать кооперативное движение «как своеобразный социокультурный феномен в решении социальных проблем, прежде всего, на селе». В этой деятельности, отмечает автор, кооперация «реализовывала общекультурную миссию, преображая весь жизненный уклад русского народа» (23).

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на внимание историков к месту и роли культурно-просветительской работы в кооперативной практике, эта сторона кооперативной жизни дореволюционной России еще не получила всестороннего исследования. Исследования, выполняемые на региональном материале, создают условия для обобщений на общероссийском уровне, что позволит наиболее полно представить масштабы и содержание деятельности российской кооперации, активно влиявшей на формирование социокультурного пространства регионов и страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-09-00607 А («Современная историография российского кооперативного движения конца XIX – начала XX в.»).

1. Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926. С. 223, 234.
2. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С.14.
3. Козлова Е.Н. Культурная миссия кооперации (1864–1918 гг.) // Кооперация. Страницы истории. М. 1993. Вып. III. С. 87-113.
4. См., напр.: Болотова Е.Ю. Периодическая печать и издательская деятельность Московского союза потребительских обществ в начале XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Социально-экономические науки и искусство. 2014. № 3 (88). С. 110-115; Быковец Т. Ю. Культурно-просветительная деятельность кооперации России в конце XIX – начале XX века: На материалах Нижнего Поволжья: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2003; Габриель Н.Л. Культурно-просветительные мероприятия союзной потребкооперации в Пермской губернии в начале XX века // Вестник Пермского государственного гуманитарного педагогического университета. 2013. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. С. 112-120; Дианова Е.В. «Артельный котел гущу кипит»: пословицы и поговорки как средство кооперативного просвещения // Клио. 2014. № 12 (96). С. 84-90; ее же. Кино в культурно-просветительной работе северной кооперации // Там же. 2016. № 7 (115). С. 153-162; ее же. Народный театр и кооперация Европейского Севера (по материалам 1910-х годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Научный журнал. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 7. Т. 2. С. 24-30; Запорожченко Г.М. Образовательная и культурно-просветительная деятельность кооперации Сибири начала XX в. в концепте гражданского общества // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 221-226; Ковылин Д.А. Социокультурный аспект кооперативного движения на Южном Урале в начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 2. С. 11-15; Лачаева М.Ю. Осмысление общественного значения явления кооперации в конце XIX – начале XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. 2013. № 20. С. 178-196; Левченко О.Ю. Образовательная и культурно-просветительная деятельность Забайкальской кооперации в 1916–1920 гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 6 (46). С. 305-309; Макеев А.Н. Культурно-просветительская деятельность кооперативных организаций Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. (на примере Енисейской и Иркутской губерний) // Там же. 2015. № 1 (96). С. 277-281; Потапова Л.В. Культурно-образовательная деятельность средневолжских обществ на рубеже XIX – начала XX в. // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 284-286; Чедурова Е.М. Кооперация Западной Сибири и ее культурно-просветительная деятельность в начале XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 309. С. 90-96; ее же. Роль кооперации в зарождении учебно-производственных заведений в Западной Сибири в начале XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11 (2). С. 147-155; Черников О.А. Осо-

бенности культурно-просветительной деятельности кооперативов городов Центрально-Черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Новая наука: теоретический и практический взгляд. 2016. № 3 (117). С. 238.
5. Культурно-просветительская работа кооперативов. Харьков, 1914. С. IV.
6. Ежегодник Московского союза потребительских обществ. 1913М., 1914. . Вып. 3. С. 137.
7. Быковец Т.Ю. Культурно-просветительная деятельность кооперации России в конце XIX – начале XX века: На материалах Нижнего Поволжья: дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 152-153.
8. Там же. С. 154.
9. Дианова Е.В.Культурно-просветительная деятельность кооперации Европейского Севера в первой трети XX века: дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2017. С. 16.
10. Там же. С. 29.
11. Там же. С. 120, 494.
12. Там же. С. 122.
13. Лубков А.В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М., 2019. С. 138.
14. Там же. С. 116.
15. Там же. С. 145-146.
16. Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX в. Волгоград, 2003. С. 300-301.
17. Там же. С. 312-314.
18. Быковец Т.Ю. Указ. соч. С.155-156.
19. Дианова Е.В. Культурно-просветительная деятельность... С. 502.
20. Запорожченко Г.М. Городская потребительская кооперация в Сибири в начале XX в.: поиск идентичности и опыт гражданского самоуправления. Новосибирск, 2015. С.432.
21. Там же. С. 467-468.
22. Лубков А.В. Указ. соч. С. 149.
23. Там же. С. 150.

Н.А. ЖИРОВ, О.В. КЛЕВЦОВА

СОСТОЯНИЕ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ЕЛЕЦКОМ УЕЗДЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

Либеральные реформы 1860–70-х гг. стали началом изменений во многих сферах жизни страны, в том числе и в системе здравоохранения. Не исключением стало влияние на развитие здравоохранения в Орловской губернии земской реформы, способствовавшей расширению сети медицинских учреждений и увеличению численности лечащего персонала в регионе. В условиях денежного дефицита и недостатка квалифицированных специалистов орловское земство к концу XIX в. смогло создать в губернии относительно развитую медицинскую сеть.

Основными источниками официальной информации являются отчеты о состоянии лечебниц, доклады, статистические материалы и хроники, которые велись благодаря деятельности земских органов управления по созданию систем учета и публиковались ежегодно при проведении ревизий земств. Пристальное изучение со стороны отечественных историков регионального состояния медицины в эпоху российского самодержавия пришлось на постсоветский период. На эту тему были защищены целый ряд диссертационных работ, написано много публикаций, в том числе и по Орловской губернии, но территория Елецкого уезда осталась мало исследованной (1).

Важным аспектом осуществления медицинской деятельности была законодательная база, которая тем не менее формировалась в крайне медленных масштабах. Первым таким законодательным актом стал принятый

в 1832 г. «Свод законов Российской империи», в 13-й том которого входил «Врачебный устав», продолжения и дополнения к которому выходили в 1876, 1889, 1890 гг., и переиздававшийся в 1892 и в 1905 гг. Документами, регулировавшими работу медицинских учреждений, были нормы «Свода учреждений и уставов об общественном призрении», а правовое положение врачей, аптек и судебная медицина регулировались тем же «Сводом учреждений» и «Уставом врачебным по гражданской части» в редакциях от 1832 г. (2).

Благодаря издаваемому ежегодно Медицинским департаментом Министерства внутренних дел списку с указанием всех чиновников, состоящих на врачебной службе или частнопрактикующих, была упрощена задача контроля над незаконной деятельностью врачей. Ответственность за причинение вреда здоровью или нанесение вреда, который привел к смерти пациента, была предусмотрена в «Своде учреждений врачебных» в статье 76, согласно которой в таком случае лекарь передавался уголовному суду. В связи с распространением в середине века эпидемий был принят в 1836 г. «Устав о карантинах», содержавший в себе основы деятельности и финансирования карантинных мероприятий. Законодательная база медицинской сферы регулировала также один из наиболее важных аспектов – бесплатность получения медицинской помощи. Именно период второй половины XIX – начала XX в. следует считать периодом правового внедрения бесплатной медицины ввиду становления земских органов. Благодаря земской политике количество больниц в России с 350 к концу века выросло до 1197, а число земских врачей достигло двух с половиной тысяч с восемью тысячами помощников (3).

В 1890-е гг. в Елецком уезде насчитывалось четыре земских больницы, одна городская и 3 сельских. Общее количество поступивших на лечение больных в 1895 г. составляло 2330 чел. Из них около 16% страдали инфекционными заболеваниями, такими как брюшной и сыпной тиф, холера, инфлюэнция, туберкулез, дифтерия и т.д. Кроме того, в больницах находились люди с венерическими заболеваниями (например, сифилисом), ожогами, переломами и другими травмами. Согласно отчету земства, в конце XIX в. в Ельце имелось хорошее хирургическое отделение, где проводились операции по удалению опухолей, почечных камней, грыж, глазной катаракты, а также в области пластической хирургии. Для операций врачами использовались обезболивающие средства (кокаин, эфир) и анестезия при помощи хлороформа (4). В уезде функционировали 10 фельдшерских пунктов, которые оказывали жителям первую медицинскую помощь или направляли на стационарное лечение в больницы (5).

Важным видом деятельности сельских фельдшеров являлась профилактика инфекционных заболеваний. Примером эффективной работы стала ликвидация холерной опасности в уезде, а также оспопрививание, снизившее смертность от этой болезни до минимума. Важным этапом в развитии уездной медицины стало решение земской управы об организации народных чтений, в которых студенты медицинских учебных заведений и фельдшеры рассказывали населению о различных инфекционных заболеваниях, мерах борьбы с их распространением, о личной гигиене и прочем.

Больницы и фельдшерские пункты Елецкого уезда находились под бдительным присмотром земства. Оно следило за состоянием зданий, финансовой и практической частью медицинского дела. Кроме того, Елецкое земство радело за открытие новых медицинских учреждений на территории уезда. Одной из проблем местной медицины была удаленность населенных пунктов от больниц и фельдшерских пунктов, из-за чего большинство жителей не обращались в эти учреждения за помощью.

При открытии новых медицинских учреждений учитывались просьбы местного населения, как например, ходатайство Каменского волостного схода о необходимости появления у них фельдшерского пункта. Жители волости были недовольны тем, что за медицинской помощью им приходится обращаться в соседнюю Суворовскую волость, преодолевая расстояние в 17 верст. Между тем их волость исправно платила все казенные и земские сборы и не имела недоимки, вследствие чего они считали справедливым открытие у себя в селе фельдшерского пункта. Елецкое земство удовлетворило их просьбу, так как приведенные аргументы были весомыми.

В 1899 г. был образован Санитарный совет г. Ельца и уезда. Он состоял из управы, попечителя городской больницы, уездного и городского врачей и всех земских врачей Елецкого уезда. Собрания проходили раз в месяц, на них составлялись планы и сметы по строительству новых больниц и фельдшерских пунктов, давались характеристики земских врачей и отстаивались их права и т.п. Благодаря его работе были открыты повивальные курсы для женщин и девушек. В 1903 г. актом Министерства внутренних дел было введено положение об организации надзора за проститутками в империи. В связи с этим постановлением в 1904 г. последовали распоряжения Елецкого земства о создании санитарного бюро по надзору за проституцией. В них должен был производиться периодический осмотр женщин фельдшерицей и при надобности последующее лечение. Такие меры государство считало необходимыми для уменьшения распространения венерических заболеваний (самое распространенное из них – сифилис) среди населения. Для выявления женщин, уклоняющихся от осмотров, был организован контроль полиции (6).

Еще одной вехой в медицинской деятельности Елецкого земства стала реорганизация сети здравоохранения в годы русско-японской войны. С ее началом в уезде осталось только два участковых врача, остальные были отправлены на фронт. Больницы, оставшиеся без врачей, было принято перевести на амбулаторный прием под руководством фельдшеров, а также организовать выезды врачей из г. Ельца и г. Задонска в больницы, находящиеся на периферии. Положение уездного здравоохранения было осложнено во второй половине 1905 г., когда стало ощущаться недофинансирование лечебных учреждений в связи со сложным социально-экономическим положением в стране. В 1908 г. состояние системы здравоохранения в уезде было оценено как удовлетворительное (7).

Все временно закрытые больницы и фельдшерские пункты были вновь открыты, восстановлено в прежнем размере финансирование медицины. Ежегодно стали проводиться ремонт и постройка новых зданий на террито-

рии больниц, обеспечивающих более комфортное пребывание больных и медицинского персонала.

Итогом развития здравоохранения в исследуемый период является рост числа сельских медицинских учреждений, увеличение числа медицинского персонала, качества предоставляемых услуг населению. В то же время вакцинация населения от инфекционных заболеваний проводилась неповсеместно, исключение составляло только оспопрививание. Противоречивость развития сельской медицины была связана с недостатком финансирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Липецкой области в рамках научного проекта № 19-49-480002.

1. Сосновская И.А. Развитие системы здравоохранения в Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф… дисс... канд. ист. наук. Брянск:, 2013; Малышева О.В. Организация медицинской помощи населению Елецкого уезда Орловской губернии во второй половине XIX в.: Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения» / Отв. ред. А.Н. Долгих, И.Д. Петришина. Липецк, 2014. С. 116-121; Назаров В.В. Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX – начале XX века (по материалам Саратовской губернии): Автореф… дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2003; Третьяк А.С. История земской медицины и ветеринарии в Центральном Черноземье: 1865–1914 гг.: Автореф… дисс... канд. ист. наук. Курск, 2009.

2. Пристанкова Н.И. Организация земской медицины в Российской империи в XIX веке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. № 2. С. 70-73.

3. Гаджиев Р.С., Османова Ф.М. К 150-летию земской медицины в России // Земский врач. 2014. № 3-4(24). С. 7-8.

4. Доклады Орловской губернской земской управы 1898 г. XXXIII очередному Орловскому губернскому земскому собранию. Орел, 1898.

5. Журналы Елецкого уездного земского собрания за 1895 г. Елец, 1896. С. 123-141.

6. Журналы Елецкого уездного земского собрания за 1904 г. Елец, 1905. С. 132.

7. Журналы Елецкого уездного земского собрания за 1908 г. Елец, 1909. С. 57-69.

Р.М. ЖИТИН, А.Г. ТОПИЛЬСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗЕМЕТЧИНСКОГО ИМЕНИЯ ДОЛГОРУКИХ В НАЧАЛЕ XX в. (1)

Имение Земетчино не принадлежало к числу известных поместий России. Здесь не было крупной усадьбы, садово-паркового и мемориального комплекса. Вместе с тем данное поместье выполняло другую, не менее значимую роль – было экономическим центром обширного хозяйства Долгоруких, объединяя развитый полеводческий комплекс и промышленное производство на своей территории. В представлении современников данная экономия было образцовой как по технике сельскохозяйственного производства, так и по его результатам (2). Здесь находился крупнейший в Тамбовской губернии сахарный завод, имелись ремонтные мастерские, значительный парк селькохозяйственной техники. Уже после революции вся инфраструктура имения станет базой организации социалистического производства.

Изучение данного имения представляет большой научный интерес как эффективного примера капиталистической эволюции помещичьего хозяйства и его экономических результатов. В начале XX в. Земетчино принадлежало О.П. Долгоруковой (Долгорукой), урожденной графине Шуваловой. Свое имение Ольга Петровна получила еще в начале 1870-х гг. в качестве приданого от Софьи Львовны Шуваловой (Нарышкиной). Помимо Земетчинского,

ей также перешли Богородицкое Липовка (4791 дес.), Усердно-Раево (17679 дес.), Черемошное (2214 дес.) поместья (3). Переход имения молодой помещице, однако, не вызвал разорения экономии. Несмотря на молодость, Ольга Петровна крепко держала управление в своих руках, модернизируя и расширяя владельческое производство.

Главной частью капитала поместья была его земля. К началу XX в. в распоряжении владельцев было до 8 тыс. десятин плодородной земли. 70% фонда относилось к пахотным угодьям, 9% занимали луга, 15% – леса. Остальная площадь относилась к категории «неудобной» и фактически не использовалась в имении. Если бы в 1911 году Долгорукие продали свое имение, то они при средней цене в 300 руб. за десятину смогли бы выручить не менее 2,4 млн. рублей (4). Однако владельцы предпочли развитие собственного производства. Попытки рационализации производства в Земетчино принимались еще до отмены крепостного права. В 1848 г. в экономии был построен один из первых в Тамбовской губернии сахарных заводов. Часть площадей использовалось под свекловицей, часть под зерновыми. Однако обновленный промышленный комплекс развивался на основе крепостнических форм организации производства.

Отмена крепостного права чрезвычайно сильно сказалась на владельческом производстве. После 1861 г. помещикам было трудно перестроить хозяйство на капиталистический лад. Вплоть до 1890-х гг. Долгорукие сдавали всю удобную землю в аренду местным крестьянам. Данная система не была выгодна, что стало одной из причин начавшейся модернизации. В своем описании поместья А.И. Воронков отмечал, что испольное хозяйство «ничего владельцу не приносило, кроме огорчения, даже расходы по ведению самого хозяйства не оправдывались». Первым элементом развития рационального производства в Земетчино стало правильно поставленное полеводство. Начиная с 1880-х гг., на всех хуторах имения была принята многопольная система. Удобрение одной десятины пара в среднем обходилось до 20 рублей в год, причем стоимость рационализации увеличилась вследствие использования минеральных туков вместе с навозом, а также удобрения пашни дефекационной грязью, суперфосфатом, костяной мукой, голубиным пометом, селитрой.

Высокие результаты полеводства обеспечивал и качественный семенной материал. В имении культивировалась свекла марок «Клейн Вайцлебен», Майзель, Дитше. Озимая рожь закупалась у производителя из Ивановской губернии. Новые сорта позволяли избежать свойственной отечественным культурам уязвимости к заболеваниям. Залогом продуктивности местного полеводства являлась значительная механизация сельского хозяйства. В имении находилось 25 культиваторов Кольмана, более 300 плугов, 22 жатвенных машины «Дези». Для ремонта орудий на каждом хуторе имелась специальная мастерская. В общей сложности на ремонтные работы Долгорукие ежегодно тратили до 11 тысяч рублей. При этом обращает на себя внимание приоритет механизации сферы обработки и посева культур, тогда как закупкам машин для уборки урожая отводилась более скромная роль. По всей видимости, в

имение обеспечивали орудиями наиболее трудоемкие и технически сложные этапы труда, на которые было трудно найти квалифицированные кадры.

Рационализация производства затронула и лесное хозяйство. Лес Земетчинского имения занимал площадь в 1236,77 дес. и состоял из 4 отдельных участков. В 1911 г., согласно новому плану развития экономии, под облесение была передана часть сельскохозяйственных угодий. Оборот рубки был принят в 60 лет для твердых пород, 40 лет – для мягких. Рациональная забота о лесах была редкостью для владельцев даже наиболее крупных имений Тамбовщины. Большинство помещиков осваивали лесные ресурсы для продажи (5). Рационализация Земетчинского поместья, таким образом, затронула весь хозяйственный комплекс и проводилась с учетом регулирования антропогенного воздействия на ресурсы. Важной частью модернизации имения явилось создание производства замкнутого цикла. Большая часть урожая ржи поступала на собственную водяную мельницу. Для упрощения внутренней переброски грузов река Машня была превращена в судоходную. Также при мельнице была построена дополнительная инфраструктура: помещения для служащих, казарма, амбары, сушилки, склады.

Загрузка Земетчинского сахарного завода полностью обеспечивалась собственными посевами свекловицы. Ежесуточно завод перерабатывал до 36000 пудов сырья, получая до 5000 пудов сахара. Высоким качеством семян сахарной свеклы и техническими усовершенствованиями на заводе владельцы достигли больших успехов в выходе сиропа, дающего более одного фунта сахара с 12-пудового берковца (6). Дополнительной точкой роста имения стало включение экономии Долгоруких в железнодорожную инфраструктуру. В 90-е гг. XIX в. решением О.П. Долгорукова была построена ветка железной дороги от Земетчино до Вернадовки общей протяженностью 25 километров. В 1901 г. ветка была дополнена 12-километровым участком (Земетчино- Кустаревка). Таким образом, помещик обеспечил большую оперативность доставки грузов и вывоза произведенной продукции. Огромное значение для производства поместья имела качественная хозяйственная инфраструктура. Основная часть экономических строений была сделана из кирпича и крыта железом. Все хозяйственные постройки были расположены по периферии и на значительном расстоянии друг от друга.

Владение Долгоруких имело сложную систему администрирования. Во многом ее формирование началось до отмены крепостного права и определялось спецификой территориального расположения имения. Поместье состояло из пяти отдельных хуторов, вытянутых вдоль реки. Такая конфигурация заставляла иметь главную и подчиненные конторы, благодаря чему достигалось быстрота управления обширным хозяйством. После реформы 1861 года данная система продолжала действовать. Управляющему Главной конторы подчинялись начальники отдельных хуторов. В начале XX в. центральное управление осуществлялось при помощи телефонной линии, что было удобно в достижении «всех немедленных, важных сообщений и распоряжений».

С 1906 г. во главе имения стоял С.А. Шилин, грамотный и надежный управляющий. В отличие от многих других тамбовских управляющих, он

имел специальное образование (закончил Петровско-Разумовскую Академию). В его распоряжении находился конторский штат служащих – счетчики, ключники, машинисты и приказчики. Как и в большинстве крупных имений России, у Долгоруких была принята двойная (итальянская) система счетоводства. Данный подход позволял сочетать в себе одновременный учет расходов и доходов производства, что повышало эффективность контроля и расходования бюджета владения. Принцип максимальной хозяйственной эффективности реализовывался благодаря учету финансовых возможностей имения. Хозяйственный год здесь начинался в сентябре. В основу ложилась стоимость урожая предыдущего периода, служившая капиталом для будущих расходов. В соответствии с бюджетом владельцами утверждались затраты по содержанию и развитию имения. В целом, сформированная модель позволяла эффективно и грамотно осуществлять финансовое и административное управление.

Обеспечение хозяйства рабочей силой традиционно являлось одним из слабых мест экономики помещичьих хозяйств (7). Даже в Центральном Черноземье некоторым владельцам приходилось нанимать артели из других регионов страны. Для тамбовского владения Долгоруких такой проблемы не существовало. Отсутствие поблизости крупных промышленных предприятий и значительная населенность округи создавали благоприятные условия для обеспечения поместья рабочей силой. В отчетах по экономии отмечалось, что все работники приходили с близлежащей округи. Найм на копку и возку свеклы производится заблаговременно, уборка хлебов и сенокос обеспечивались без предварительной договоренности. Кроме поденных, на хуторах всегда имелись годовые, месячные и сдельные рабочие, количество которых никогда не превышало необходимой нормы. Чрезвычайно важен вопрос материального обеспечения работников. Цены месячным и годовым рабочим находились в пределах от 6 до 12 рублей летом и от 5 до 9 рублей в зимний период. Поденные получали от 20 до 75 коп. в день в зависимости от специфики работы и времени занятости. Дополнительной формой поддержки рабочих явилось экономическое содержание. Продуктовые пайки в Земетчино обходились в 15 копеек в день на человека. Названные расценки труда были стандартными для сельскохозяйственных работ в других имениях Тамбовщины и отражали общую практику развития помещичьего хозяйства.

Для помещения поденных работников прямо на полях владельцами были обустроены большие шалаши, крытые соломой. В целях противопожарной безопасности место для строительства временного жилья выбиралось исключительно вблизи воды. Месячные и годовые рабочие жили в специальных казармах. Расширение производства имения и привлечение в Земетчино новых работников потребовало расширения жилой инфраструктуры. На каждом хуторе находились дом эконома, казарма, квартиры служащих, конюшня, воловня, магазины. Хутора освещались в ночное время керосиновыми фонарями системы Галкина. В 1892 г. рядом с усадьбой был возведен кирпичный дом постоянных рабочих. Это было двухэтажное с двумя флигелями

и мезонином здание площадью 363 кв. м. По обе стороны дома тянутся флигели-открылки в один этаж.

Важное место в инфраструктуре имения занимала больница для служащих и рабочих экономии. Расходы по лечению и отпуску лекарств владельцы полностью брали на свой счет. Ежегодно расход на больницу составлял около10 тыс. рублей. С 1891 г. врачом этой больницы работал выпускник Новороссийского университета Н.П. Толачинов. После его смерти имя врача было увековечено в названии Земетчинской больницы. Создание учреждения являлось важным звеном социальной поддержки земетчинских рабочих. В отсутствие системы государственного медицинского обеспечения данные практики развивались благодаря частной инициативе владельцев крупных экономий. Важной социальной мерой развития владения Долгоруких являлась организация школы для детей служащих (1895 г.). Открытие учебного заведения позволяло проводить раннюю профориентацию детей в различных отраслях рационализации и управления поместьем, готовить для имения будущие рабочие кадры.

Достигнутые результаты хозяйственной деятельности в Земетчинском имении семьи Долгоруких отражали важные изменения в структуре крупного помещичьего хозяйства во второй половине XIX века. В пореформенное время владельцы Земетчино обращаются к капиталистическим методам развития производства. Огромное значение здесь играла организация многоотраслевого хозяйства, выбор эффективных практик администрирования. Произведенные нововведения укрепляли экономический потенциал поместья, способствовали более качественному развитию экономики в начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-6315.2018.6.
2. Воронков А.И. Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини О.П. Долгорукой. К экспонатам на Моршанской сельскохозяйственной выставке 1911 г. Моршанск, 1911. С. 4, 6, 8, 15-19, 23-24, 27.
3. Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в.: землевладение, землепользование, система хозяйства. М., 1971. С. 61, 390.
4. Анфимов А.М. Карловское имение Мекленбург-Стрелицких в конце XIX – начале XX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. С. 352.
5. Канищев В.В., Баранова Е.В., Жиров Н.А. Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни) // История и современность. 2014. № 2. С. 92-111.
6. Обзор Тамбовской губернии за 1910 год: приложение к всеподданнейшему отчету Тамбовского губернатора. Тамбов, 1911. С. 96.
7. Бунеева Е.Н., Перепелицын А.В. Промысловые сельскохозяйственные занятия крестьян Центрального Черноземья в пореформенный период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13. С. 107-118.

И.А. ШЕВЧЕНКО

ЕПИСКОП МИТРОФАН (КРАСНОПОЛЬСКИЙ) – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ДУМСКОЙ КОМИССИИ О МЕРАХ БОРЬБЫ С НАРОДНЫМ ПЬЯНСТВОМ*

Потребление алкоголя – проблема, уже немало лет вызывающая обеспокоенность властей и общественности в России. В настоящее время, несмотря на

сокращающиеся размеры потребления (1), ее острота связана, например, с сохраняющимся высоким уровнем смертности мужского трудоспособного населения страны, обусловленного ведением нездорового образа жизни, в котором существенное место занимают спиртные напитки (2).

История потребления алкоголя, а также трезвенной борьбы представляет собой комплекс разнообразных сюжетов, привлекавших и продолжающих привлекать внимание отечественных специалистов. Пожалуй, первая российская исследовательская работа в данной области принадлежит перу И.Г. Прыжова, занимавшегося историей кабаков. Настоящий всплеск исследовательской активности произошел в России на рубеже XIX–XX вв., когда в связи с общественным подъемом и в условиях введения государственной монополии на продажу крепких спиртных напитков питейной проблемой занялись не только историки и экономисты, но и врачи, земские деятели, священники, то есть те, кто нередко являлись деятелями, организующими борьбу за трезвость (4).

Исследования советских специалистов на тему истории потребления алкоголя в первую очередь были направлены на установление связи между пьянством и несовершенным социально-экономическим и политическим строем дореволюционной России. Неумеренное потребление спиртных напитков в СССР, таким образом, характеризовалось в контексте отмирающих пережитков капиталистических отношений (5). После 1991 г. по настоящее время исследования питейного вопроса в России ведутся разнопланово, сквозь призму социальной, политической, экономической истории страны, с привлечением различных источников, региональных данных (6).

Внимательное изучение истории трезвенной борьбы приводит к выводу о том, что освобождение от алкогольной зависимости происходило в ряде случаев как следствие активной деятельности харизматичных личностей, могущих вдохновлять людей, организовывать различные специализированные объединения, создавать системы законодательных мер и благоприятные общественные обстоятельства. На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи среди таковых фигур нередко были представители православного духовенства. Очень часто это были приходские священники, в селах разворачивавшие трезвенную борьбу среди крестьян, например, Николай Брянцев из Ельца и Сергий Пермский из Нахабино. Или же можно назвать пастырей из крупных городов, которые занимались антиалкогольной деятельностью в рабочих кварталах (священники Иоанн Сергиев, Александр Рождественский, Петр Миртов из Санкт-Петербурга).

Несколько иной фигурой был представитель епископата Русской Церкви Митрофан (Краснопольский) (1869–1919). В рассматриваемое время он являлся викарием Могилевской епархии, епископом Гомельским, был депутатом Государственной думы III созыва (1907–1912). В народном представительстве епископ Митрофан являлся председателем Комиссии о мерах борьбы за народную трезвость. Целью исследования будет являться изучение воззрений архиерея по вопросам борьбы с пьянством, а также его думской работы по разработке законодательных антиалкогольных мер.

Известно, что будущий Гомельский викарный епископ, в миру – Дмитрий Иванович Краснопольский, родился в крестьянской семье Воронежской губернии, получил духовное образование сначала в училище, затем в семинарии. После смерти жены в 1893 г., будучи уже в сане диакона, Дмитрий избрал монашеский путь, окончил Киевскую духовную академию и несколько лет в чине архимандрита являлся ректором Могилевской духовной семинарии (1902–1907). После епископской хиротонии в начале 1907 г. Митрофан стал одним из самых молодых архиереев Русской Церкви того времени, на тот момент ему не было и 38 лет. Молодой, энергичный, образованный епископ в том же году был избран в третью Государственную думу от Могилевской губернии как член фракции правых.

В ноябре 1907 г. в стенах Таврического дворца Санкт-Петербурга довольно неожиданно для многих в повестке дня оказался вопрос о потреблении алкоголя в России. Депутат от «Союза 17 октября» М.Д. Челышов с думской трибуны заявил о том, что страна буквально спивается, по этой причине происходит нравственное разложение и хозяйственное оскудение крестьянства – самой многочисленной социальной группы империи, ее опоры (7). В декабре того же года была образована специальная Комиссии о мерах борьбы с народным пьянством, которая параллельно с Министерством финансов должна была заниматься разработкой соответствующего законопроекта (8). В ее состав вошли 22 депутата, в том числе епископ Митрофан, который на первом заседании был избран в качестве председателя (за него были отданы 10 голосов из 18 присутствовавших). В избрании Гомельского архиерея можно увидеть не только признание его определенных способностей и трезвеннических идей. Логичным вообще было то, что ответственным за разработку законодательных антиалкогольных мер был назначен представитель Русской Церкви, духовенство которой тогда в России очень широко занималось борьбой с пьянством посредством приходских обществ трезвости. Так, в 1911 г. в стране существовало 1873 общества трезвости, из которых 95% были приходскими (9).

Епископ Митрофан принимал живое участие в думских обсуждениях по вопросам народной трезвости. Как и Челышов, он бил тревогу в отношении ситуации с потреблением алкоголя в селе. По его словам, крестьянин, зарабатывая в год 60 рублей, треть пропивает, что является разрушительным для его благополучия (10). Характерно, что епископ Митрофан не был сторонником популярной в те годы идеи об умеренном употреблении алкоголя, который в небольших дозах не приносит вреда организму: «Теперь с несомненностью установлено, что даже небольшая доза принятого алкоголя отражается на умственной деятельности пагубно, причем присутствие алкоголя замечено было в мозговых частях чрез два и три дня после приема, хотя он поглощен был в самых малых размерах. Таким образом, и умеренно пьющий находится долго с расстроенным рассудочным аппаратом» (11).

Прения по вопросу о мерах борьбы с народным пьянством нередко возбуждали политические страсти. Вопрос о потреблении алкоголя в условиях государственной винной монополии провоцировал депутатов обвинять власти в спаивании народа, заявлять, что отрезвление народа станет возможным лишь

при преобразовании политического и социально-экономического строя страны. Во время такого рода дебатов епископ Митрофан старался смягчать накал страстей: «Горе народное не должно служить для нас ареной игры политических страстей; в вопросе о борьбе с пьянством нужно нам всем объединиться и дружно идти на врага, имя которого "зеленый змий"» (12).

Работа Комиссии над составлением антиалкогольного законопроекта растянулась практически на весь срок функционирования Государственной думы III созыва. В отличие от М.Д. Челышова, предлагавшего раз и навсегда покончить с пьянством в стране путем полного прекращения производства и продажи любого алкоголя, епископ Митрофан был сторонником менее радикальных мер, которые современники характеризовали как «запретительные». На них, в итоге, был основан думский законопроект, направленный на рассмотрение в Государственный совет в конце 1911 г. Среди его положений: предоставление сельским обществам права запрещать на своей территории питейную торговлю, ужесточение наказаний за незаконную продажу горячительных напитков, ограничение торговли спиртным в праздничные дни, понижение крепости водки до 37 градусов, увеличение минимального размера посуды, в которой мог отпускаться алкоголь и т.п. (13).

Интересно, что епископ очень скептически относился к перспективам антиалкогольного законопроекта, к тому, что он когда-либо возымеет силу, имея в виду сопротивление со стороны сил, получавших доходы от питейного дела. «Кабатчики в России тоже принимают меры против трезвости. Своими объявлениями они даже подкупают газеты, которые замалчивают вопросы борьбы с пьянством», – подчеркивал Митрофан (14). Однако работу думцев (и свою в том числе) он характеризовал в пророческом ключе. В 1912 г. на открытии Всероссийского съезда практических деятелей по борьбе с пьянством он заявил буквально следующее: «Возможно, что законопроект о борьбе с пьянством будет отклонен, но вместе с тем с полным убеждением можно сказать, что этот вопрос о борьбе с пьянством не будет похоронен. Он возникнет снова в самое ближайшее время, и возникнет в более радикальной форме, ибо нет никакого сомнения в том, что русский народ в массе своей хочет быть трезвым» (15). Эти слова сбылись, когда в 1914 г. с началом Первой мировой войны в России был введен так называемый «сухой закон» – некоторые ограничения на продажу алкоголя в период военного противостояния. Законодательные предложения депутатов в части борьбы за трезвость так и остались на бумаге, но их пятилетняя работа формировала общественное мнение и настрой императора Николая II, который санкционировал «сухой закон».

В 1919 г. Митрофан (Краснопольский), в то время уже архиепископ Астраханский, был расстрелян чекистами якобы как участник антисоветского заговора. В 2002 г., согласно решению Священного синода, состоялось его прославление как священномученика с включением в Собор новомучеников и исповедников российских. При принятии решения о канонизации учитывалась не только мученическая кончина архиерея, но и его служение, в том числе выразившееся в организации трезвенной борьбы в России начала XX в. Примечательно, что сегодня российские власти, говоря о сокращении потребления алкоголя

среди населения страны, причину видят в реализации мер ограничительного характера (16). Это своего рода реализация той запретительной политики, которую предлагал Митрофан (Краснопольский).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Статья подготовлена в рамках проекта «Представительные учреждения России начала XX века в борьбе за народную трезвость» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2018 года. Проект № МК-6496.2018.6).

1. Невинная И. Пьем вдвое меньше. Россия может выйти из числа самых пьющих стран // Российская газета. 2019. № 222 (7980) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2019/10/02/upotreblenie-spirtnogo-v-rossii-umenshilos-v-dva-raza.html

2. Мельников Р. Названа главная причина смертности мужчин в России // Российская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2019/03/23/nazvana-glavnaia-prichina-smertnosti-muzhchin-v-rossii.html

3. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., 1868.

4. Булгаковский Д.Г. Роль православного духовенства в борьбе с народным пьянством. СПб., 1900; Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911; Фридман М.И. Винная монополия: В 2 т. СПб.; Пг., 1914–1916; Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. По данным земских и других анкет. Пг.,1916.

5. Петров С. Царские наследники-самогонщики и борьба с ними. М., 1919; Ковалев И.И. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1928; Зеневич Г.В. Алкоголизм – вреднейший пережиток капитализма. Л., 1955; Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988.

6. Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2000; Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX века // ВИ. 2010. № 9; Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы). М., 2016.

7. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Т. 1. Стб. 789-790.

8. Там же. Стб. 1002.

9. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007. С. 40.

10. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. Стб. 2136.

11. Священномученик Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский. Об умеренном употреблении вина // Его же. Ныне радуюсь в страданиях моих за вас…: В 3 т. М., 2016. Т. 2. С. 225.

12. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1909. Стб. 3057.

13. Одобренный Государственной думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, постановлений) // Челышов М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 690-701.

14. Священномученик Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский. Беседа о вреде алкоголя и средствах борьбы с ним // Его же. Ныне радуюсь… Т. 2. С. 64.

15. Священномученик Митрофан (Краснопольский), архиепископ Астраханский. Речь при открытии в Москве съезда практических деятелей по борьбе с алкоголизмом // Там же. С. 212.

16. Невинная И. Указ. соч.

Е.В. ЧЕРНЫХ

А.Ф. КОНИ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ

В конце XX – начале XXI в. в России серьезной проблемой считается комплекс вопросов, связанных с потреблением населением алкогольной продукции. По данным Всемирной организации здравоохранения, за период с 2003 по 2016 г. потребление алкоголя в России снизилось на 43%. Тем не менее остается актуальной проблема смертности от употребления населением контрафактных спиртных напитков, а также широкая распространенность питейных заведений в жилых домах (1). На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи также остро стояла проблема потребления алкоголя широкими слоями населения. Для борьбы с пьянством и в связи с введением винной монополии

государство учредило в 1895 г. попечительства о народной трезвости (далее – ПНТ), чей опыт работы представляет интерес для формирования стратегии борьбы с алкоголизацией населения на современном этапе.

Изучение работы ПНТ началось в дореволюционный период. Исследования стали появляться уже в то время, когда ПНТ еще не распространились на территории всей империи. Со временем интерес к этой теме только растет, а оценка деятельности ПНТ становится все критичнее. В связи с этим можно выделить работы Д.Н. Бородина (2), Д.Г. Булгаковского (3), А.Ф. Кони (4). В советской литературе тема потребления алкоголя была популярна в 1920-е и 1980-е гг. Историки 1920-х гг. сравнивали объемы потребления алкоголя с дореволюционными данными и делали вывод о большом количестве существующих пережитков буржуазного общества, к которым относили и народное пьянство. Исследователи периода перестройки особое внимание уделили работам, изучающим опыт борьбы за трезвость. Отдельно стоит выделить работу Т.С. Протько (5), т.к. она касается интересующего нас периода борьбы за трезвость. Главный вывод Протько – несостоятельность мер, принимаемых государством в деле борьбы с пьянством. Современный этап изучения проблемы пестрит богатством подходов и оценок. Среди солидного списка литературы, напрямую или косвенно касающейся интересующей нас темы, стоит выделить работу А.Л. Афанасьева (6), посвященную трезвенному движению в России в 1907–1914 гг.

Из привлеченных нами источников наибольший интерес представляют стенографические отчеты Государственного совета, т.к. в ходе заседаний не раз проходило живое обсуждение судьбы ПНТ. В сферу деятельности ПНТ входили следующие обязанности: наблюдать за законным совершением торговли алкогольной продукцией; распространять среди населения информацию о вреде неумеренного потребления алкоголя, а также изыскивать средства для предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений; иметь попечение об открытии лечебных приютов для страдающих запоем. Комитеты ПНТ создавались на уровне уездов и губерний, в них состояли люди, занимающие высшее иерархическое положение – от губернаторов до членов судебного ведомства. Малая часть комитетов состояла из так называемых членов соревнователей, людей по собственной воле участвующих в деле борьбы с пьянством. Но их участие в жизни комитета ПНТ ограничивалось правом совещательного голоса (7).

Спустя время интерес к ПНТ и результатам их деятельности только рос, вместе с ним росло количество критических оценок со стороны российской общественности. Дело дошло до того, что обсуждение главного государственного проекта по борьбе с пьянством захватило залы заседания Государственной думы и Государственного совета. В декабре 1907 г. 39 членов Государственного совета выступили с инициативой упразднения ПНТ. Во главе этой группы был В.П. Череванский, известный государственный деятель, тайный советник, действительный статский советник. Он разработал законопроект и представил его на заседании Государственного совета 5 декабря 1907 г. Череванский указывал на то, что существующий устав ПНТ не оправдал возлагаемых на него надежд.

Предлагаемый законопроект, по его мнению, «не отрицает необходимость борьбы с алкоголизмом; напротив, желает, чтобы эта борьба была серьезной, а не скрытой учреждениями, не приносящими пользы, соответственной казенным на них затратам». До осуществления замены ПНТ другими организациями для борьбы с алкоголизмом следовало, по мнению автора проекта, всю недвижимую собственность попечительств передать в ведение городских и земских общественных учреждений «для того, чтобы она была использована для целей народного образования и народного здравия» (8).

Выступление Череванского вызвало бурное обсуждение в стенах здания Петербургского Дворянского собрания, где заседал Государственный совет. Главным противником законопроекта стал министр финансов В.Н. Коковцов. В своей речи он указывал, что не может согласиться с конечными выводами объяснительной записки законопроекта о том, что дело борьбы с пьянством не имеет успеха из-за зависимости государства от доходов казенной продажи питей. Кроме того, министр отметил, что кроме экономии суммы, выделяемой на ПНТ, и передачи их недвижимого имущества городам и земствам, у сторонников законопроекта нет конкретных предложений по улучшению борьбы с пьянством. По мнению министра, вся суть законопроекта сводилась к обвинению государства в пьянстве народа и к уничтожению неэффективных ПНТ (9). Обсуждение законопроекта продлилось весь день 5 декабря и было продолжено 8 декабря. За это время в дискуссии успели поучаствовать многие видные политические и общественные деятели. Одним из самых успешных ораторов – сторонников предлагаемого законопроекта – был юрист, доктор уголовного права А.Ф. Кони. Его критика ПНТ встретила большее одобрение, чем даже выступление автора проекта Череванского.

Анатолий Федорович последовательно выявляет больные места ПНТ, начиная в своей речи с их устройства. По его мнению, главной ошибкой было давать решающий голос в комитете ПНТ людям, которых обязали там состоять и у которых своих забот достаточно, а попечению о трезвости они могут посвятить «лишь обрывки своего досуга». Среди членов соревнователей, людей, искренне желавших активной борьбы с пьянством, были и те, кто испытал «импульс труда» ради награды. Кони называет это «эпидемией нагрудных знаков». Далее оратор отвечает на критику Коковцова, на то, что сторонники законопроекта об упразднении ПНТ «бездоказательно предполагают наличие многих случаев отказа крестьянским обществам в закрытии винных лавок». На это обвинение Кони отвечает статистикой министерства финансов, свидетельствовавшей о том, что ходатайств ПНТ о закрытии казенных лавок селах удовлетворено не более 30% за все время существования ПНТ. Именно поэтому, констатировал Кони, ПНТ не встретили должного сочувствия у общества и не получили серьезных денежных пожертвований на дело борьбы с пьянством (10).

Говоря о деятельности ПНТ, Анатолий Федорович обращает внимание на то, что мысль властей, по которой неумеренное употребление крепких напитков в кабаках сменилось бы приемом алкоголя в домашнем кругу, где пьющего неизменно сдерживали от лишних грамм, – провалилась. На деле вышло так, что кабак «внес в нее (семью. – *Е.Ч.*) развращение и приучение жен и даже де-

тей пить водку». Наряду с этим расцвело и уличное пьянство, доходившее до того, что дети просили взрослых купить им водку, а те взамен получали право глотнуть из бутылочки (в тексте стенографического отчета Государственного совета опечатка, исправленная позже в публикации этой речи в третьем номере «Вестник Европы») (11). Все эти случаи указывают напрямую на то, что ПНТ не могли осуществлять на должном уровне возложенную на них обязанность следить за законным совершением торговли крепкими напитками. Препятствиями на пути осуществления надзора и выявления нарушений были, на взгляд Кони, сложная бюрократия и отсутствие сочувствия у населения административным методам борьбы с пьянством. Кони как профессиональный юрист подходит к делу с законодательной стороны. Так, он говорит о том, что протокол, который составляют соревнователи комитетов ПНТ, должен быть подписан двумя понятыми, а их найти было совершенно невозможно. Что касается устройства лечебниц для алкоголиков, то тут Кони обращает внимание на то обстоятельство, что «в объяснительной записке министерства финансов даже не указана цифра расхода на них» (12).

По мнению оратора, это напрямую указывает на ничтожное количество таких заведений, неспособных выполнить возложенную на них обязанность помощи «привычным пьяницам». Более других попечительствами выполнялась работа по наполнению досуга народа здоровым и трезвым содержанием. Но, как утверждает Кони, «практика извратила эту цель. На место разумного препровождения – она поставила развлечения. На место народа… сравнительно состоятельные классы общества» (13). В качестве примера, подкрепляющего его слова, оратор рассказывает о деятельности народного дома петербургского ПНТ. В будние дни, когда, по мнению деятелей этого попечительства, народ «не хозяин собственного времени», в театре идут пьесы для более утонченной публики по ценам в четыре раза выше, чем по праздникам для народа. Кони же говорит, что и в будний день рабочий мог бы посвятить себя делу просвещения, но ему остается либо кинематограф, в котором большую часть составляют сцены насилия и жестокости, либо выступления клоунов, построенные на шутках, унижающих достоинство человека. «В этих забавах очень мало облагораживающего элемента», – подчеркивает Анатолий Федорович (14).

«В общем выводе, попечительства о народной трезвости страдают соединением в одно множества разнородных и взаимно друг друга ослабляющих функций», – заключает Кони. Как и Череванский, он предлагает разделить функции ПНТ между земствами, городами, но добавляет к этому списку и другие подходящие, по его мнению, организации: комитеты грамотности, общества охранения народного здравия, даже общества Красного Креста (15).

В прениях по этому вопросу не принимал участия видный общественный деятель, председатель Московского столичного ПНТ В.Ф. Джунсковский. В своих воспоминаниях он пишет: «Досадно было то, что большинство членов Государственного Совета, подписавших законопроект, недостаточно были знакомы с работой в попечительствах и совершенно голословно обвиняли их» (16). Тем не менее руководителю самого успешного в империи ПНТ удалось в личных беседах со сторонниками проекта и другими членами Государственного

совета отстоять необходимые, по его мнению, стране попечительства. Государственным советом было принято решение сформировать особую комиссию по вопросу упразднения ПНТ, которая, в конечном итоге, решила отказаться от идеи упразднения попечительств. И вплоть до начала Первой мировой войны их судьба не претерпела серьезных изменений. ПНТ хотели передать из ведения министерства финансов в министерство внутренних дел. За принятие подобной меры были как противники, так и сторонники деятельности ПНТ. Их мнения совпадали по вопросу невозможности борьбы с пьянством под руководством и контролем министерства, которое получает солидную часть бюджета благодаря винной монополии. Но осуществить эту идею не успели.

Что касается А.Ф. Кони, то он на протяжении всей своей государственной и общественной деятельности не отказывался от борьбы с пьянством. После того, как проект 39 не прошел в Государственном совете, Кони публикует свою речь в качестве статьи в «Вестнике Европы». Несомненно, эта публикация повлияла на общество, которое волновал вопрос потребления алкоголя в Российской империи. Несмотря на это, с точки зрения устройства ПНТ, мало что менялось из года в год, кроме их финансирования. Когда весной 1914 г. в очередной раз встал вопрос о сокращении министерством финансов субсидий для ПНТ, на их защиту встает Кони, человек еще несколько лет назад выступавший за упразднение ПНТ (17). Вопрос утратил актуальность, когда летом того же года в связи с начавшейся Первой мировой войной в Российской империи был введен «сухой закон», который Кони восторженно приветствовал. Его заключительная публикация в сокращенном виде рассказывает о сложной проблеме потребления алкоголя в Российском государстве в начале XX столетия, а также отмечает успешность принятого императором в 1914 г. решения о введении «сухого закона» (18). Сложно сказать, насколько этот указ Николая II оправдал бы себя, т.к. 1917 г. не дал нам увидеть его последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Потребление алкоголя в России по данным ВОЗ. URL:https://rg.ru/2019/10/02/upotreblenie-spirtnogo-v-rossii-umenshilos-v-dva-raza.html Дата обращения 3.10.2019
2. Бородин Д.Н. Значение чайных в борьбе с алкоголизмом. СПб., 1903.
3. Булгаковский Д.Г. Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за время их существования (1895–1908). СПб., 1908
4. Кони А.Ф. Попечение о народной трезвости // Вестник Европы. 1908. № 3.
5. Протько Т.С. В борьбе за трезвость: страницы истории. Минск, 1988.
6. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.
7. Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. СПб., 1900. С. 49-52.
8. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 3. Заседание 7. СПб., 1908. Стб. 128.
9. Там же. Стб. 153-154.
10. Там же. Стб. 168-169.
11. Там же. Стб. 170-171.
12. Там же. Стб. 171.
13. Там же. Стб. 172.
14. Там же. Стб. 174.
15. Там же. Стб. 176.
16. Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 261.
17. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 9. Заседание 38. Пг., 1914. Стб. 1934-1938.
18. Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 371-379.

И.А. ШЕВЧЕНКО

МЕРЫ БОРЬБЫ ЗА НАРОДНУЮ ТРЕЗВОСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX в. В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ И ПРОЕКТАХ СОВРЕМЕННИКОВ*

Вопрос о потреблении алкоголя, способах борьбы за трезвость – спектр проблем, актуальных в разные времена не только в России, но и за рубежом. В XIX в. алкоголизм был проблемой номер один в странах Скандинавии, в наши дни высоким уровнем смертности от употребления спиртного озабочены во Франции (1). В России эта тема активно прорабатывается обществом и властью с разной интенсивностью уже более 100 лет. На рубеже XIX–XX столетий у нас, по оценкам специалистов (2), возникло целое трезвенное движение, выразившееся в небезрезультативной деятельности приходских обществ трезвости, общественно-государственных попечительствах о народной трезвости, нескольких всероссийских съездах деятелей в сфере борьбы с пьянством.

С 1907 г. к этой работе присоединились законодательные органы власти Российской империи – Государственный совет и Государственная дума. В ноябре указанного года в стенах Таврического дворца раздался звучный голос М.Д. Челышова – самарца, депутата от «Союза 17 октября» – который в самых тревожных тонах охарактеризовал ситуацию в российской деревне – крестьяне спиваются, нищают, разгоряченный хмелем народ устраивает аграрные беспорядки (3). Эти слова спровоцировали в думе обсуждение таких тем, как уровень и формы потребления спиртного в стране, эффективность существовавших мер борьбы с пьянством, особенности реализации казенной продажи питей – государственной монополии на продажу крепкого алкоголя (водки в 40 градусов), детища С.Ю. Витте. Депутатские споры привели к созданию в народном представительстве специальной Комиссии о мерах борьбы с народным пьянством, которой было поручено разработать законодательные механизмы распространения трезвости в России.

Стоит отметить, что проблема потребления алкоголя в России тех лет имело свою социокультурную специфику. Дореволюционные экономисты отмечали, что страна по размерам потребления абсолютного алкоголя находилась на 11 месте, а по потреблению сорокаградусной водки – на 9 месте в Европе (4). Но в России, как правило, среди крестьянства при этом было распространено спорадическое потребление, а не регулярное. То есть пьянство от случая к случаю, по особым поводам, среди которых – свадьбы, престольные праздники и т.п. В итоге получалось так, что в очень короткое время крестьяне пропивали довольно значительную часть годового дохода, такая форма потребления имела свои негативные последствия, но при этом алкоголиков, находящихся в болезненной зависимости от спиртного в деревнях было мало (5).

Начало разработки законодательных мер борьбы за трезвость спровоцировало активность определенных общественных кругов. В Государственную думу стали поступать различного рода предложения и проекты как частных лиц, так и целых объединений относительно противодействия алкогольным излишествам. Эти документы, хранящиеся в фонде Государственной думы Российского государственного исторического архива (6), представляют собой интересный

источник, позволяющий понять общественные настроения по отношению актуальной для страны проблемы потребления алкоголя.

В феврале 1908 г. депутат А.Н. Ткачев, член Комиссии о мерах борьбы с народным пьянством, направил своим коллегам записку, в которой перечислил меры, необходимые, по его мнению, для прекращения пьянства в России. Среди них – понижение крепости водки до 30-35 градусов и повышение ее стоимости, уголовное наказание для родителей, допустивших употребление алкоголя несовершеннолетними детьми. Также уголовное наказание предусматривалось для крестьян за расстройство хозяйства из-за пьянства. Для учителей и священников, злоупотреблявших спиртным, было предусмотрено лишение должности и сана соответственно. Помимо этого, Ткачев предлагал ввести денежный штраф за хранение у себя дома более чем одной бутыли водки. Резюмируя, автор делал закономерный вывод: борьба за трезвость возможна лишь при ужесточении наказаний за пьянство (7).

Сразу стоит сказать, что запретительная интонация стала характерной для большинства таких документов, какими бы разными людьми они ни составлялись. Так, например, крестьяне села Кривая Руда из Полтавской губернии Андрей Кочерга и Андрей Таран (обоим – по 22 года) ходатайствовали перед Государственной думой о полном запрете питейной торговли в России (8). В 1909 г. Тверской епархиальный съезд духовенства высказал «пожелание, чтобы законодательные учреждения встали на путь совершенного прекращения как казенной, так и частной торговли вином, предоставив таковую только аптекам для отпуска по рецептам врачей» (9). В письме неизвестного из Смоленской губернии от 1908 г. упор делался на необходимости организации правильной борьбы с незаконной торговлей спиртным, от которой, по мнению автора, главным образом и развивается пьянство. Излагалась идея ввести уголовное наказание за шинкарство или штраф в 300 рублей, причем, лица, сообщившие властям о месте незаконной продажи алкоголя, должны были получать половину этой суммы. Кроме того, автор письма предлагал в качестве поддержки дать места продавцов казенок «маньчжурским воинам, которые пострадали в минувшую несчастную войну» (10).

Члены тамбовского Серафимовского союза русских людей в письме, адресованном лично председателю думской антиалкогольной Комиссии, сообщали следующее: «Лучшим и решительным средством для уничтожения пьянства было бы запрещение приготовлять и продавать спиртные напитки, но в виду моральных трудностей проведения в жизнь этой меры (финансовые скорее можно было бы преодолеть) следует временно ограничиться полумерами, то есть стремиться только к ограничению употребления спиртных напитков и в особенности злоупотребления ими». Среди таких «полумер» перечислялись ужесточение уголовной и денежной ответственности за шинкарство, «безапелляционное» право сельских обществ закрывать на своей территории питейные заведения, принудительное лечение алкоголиков, штрафы и аресты за появление на улице в нетрезвом виде (11). Иногда имели место и явно утопические проекты, как, например, предложение некоего А. Данилевича из Рыбинска, который призывал «разрешить пропивать известный процент от заработка». По

его словам, «сделать это нетрудно: зарабатывает сапожник-портной 20 рублей в месяц, разрешить пропивать 2 рубля и так далее каждому по его заработку». По мысли Данилевича, для реализации такой задумки нужно было в России каждому совершеннолетнему дать специальную чековую книжку с фотографией, чтобы нельзя было использовать чужой документ при покупке положенного конкретному человеку алкоголя (12).

Подытоживая, скажем, что в первые месяцы 1908 г. в думскую Комиссию о мерах борьбы с народным пьянством было направлено 26 различных предложений, касающихся распространения трезвости в России. Подавляющая часть этих записок, проектов, прошений из разных регионов страны была ориентирована на расширение запретительных мер и ужесточение наказаний за нарушение закона в сфере производства, продажи и распития спиртных напитков.

Примечательно, что депутаты, рассматривая зарубежный опыт борьбы за трезвость, обращали внимание на то, что за границей нередко власти успешно реализовывали антиалкогольную политику, ограничивая доступность спиртного. Так, на заседании Комиссии рассматривалась записка о борьбе против алкоголизма в Норвегии секретаря императорской миссии в Христиании. Автор записки сообщал, что в 1830–1840-х гг. в этой скандинавской стране имела место так называемая «алкогольная чума», когда потребление абсолютного алкоголя достигло уровня в 8 литров на человека в год. Как сообщалось в записке, норвежские власти сумели переломить ситуацию только прибегнув к следующим мероприятиям: запретив частное винокурение, запретив торговлю спиртным по воскресным и праздничным дням, введя наказание за продажу горячительных напитков детям, предоставив право органам местной власти разрешать или запрещать на своей территории питейную торговлю. Эти и некоторые другие меры к рубежу XIX–XX вв. снизили потребление алкоголя в Норвегии до 1 литра с небольшим на человека (13).

Общественная реакция в России и изучение иностранного опыта во многом предопределило направление, в котором депутаты Государственной думы стали разрабатывать антиалкогольный законопроект, – стала рождаться система законодательных ограничений. К концу 1911 г. документ был готов, получил одобрение в народном представительстве и был направлен в Государственный совет. Его основные положения сводились к следующему: сельским обществам России предоставлялось право закрывать на своей территории питейные заведения, вводились временн**ы**е и территориальные ограничений питейной торговли (запрет продавать алкоголь по праздникам, на призывных пунктах и т.п.), следовало ужесточение наказаний за питейную торговлю (14).

Интересно, что обсуждение данных позиций сопровождалось неоднозначной реакцией в Думе и отечественной прессе. Депутаты от либеральных и социалистических организаций, критикую законопроект, очевидно, преследовали политические цели. Лидер кадетов П.Н. Милюков на основе иностранного опыта предлагал уничтожить частный интерес в продаже спиртного и передать доходы от алкогольной торговли обществу с тем, чтобы часть прибыли шла на борьбу с пьянством. Кроме того, он считал, что в прибыли от продажи алкоголя не должен быть заинтересован конкретный продавец, и что питейное заведение

должно быть лишено «всякой привлекательности». По мнению Милюкова, пьянство – «продукт нищеты, невежества и бесправия» (15). Аналогичной точки зрения придерживались и трудовики. Их представитель В.И. Дзюбинский заявлял: «Путь к отрезвлению народа… в коренном изменении экономического, политического и финансового строя страны» (16).

В министерстве финансов также скептически смотрели на деятельность думской антиалкогольной Комиссии. Начальник Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей И.И. Новицкий в переписке с секретарем III Думы сообщал, что большинство мер Комиссии направлены не против пьянства, «а имеют в виду создать всякого рода преграды к получению крепких напитков даже людьми, не злоупотребляющими ими», что они «направленные не против борьбы с пьянством, а к полному стеснению торговли крепкими напитками, могут вызвать значительный недобор в питейном доходе» (17). С мнением Новицкого были солидарны члены думской финансовой Комиссии, которые в своем заключении по антиалкогольному законопроекту отметили следующее: «Главными основаниями к отклонению или изменению означенных мер (предложенных Комиссией о мерах борьбы с пьянством – *И. Ш.*)… является желание оградить население от излишних стеснений в отношении возможности приобретения спиртных напитков для нормального потребления» (18).

Несмотря на критику, законопроект получил одобрение большинства членов Думы, откуда был направлен на рассмотрение в Государственный совет. Там этот документ не получил дальнейшего хода. В 1914 г. с началом Первой мировой войны в России были введены меры по ограничению продажи алкоголя – «сухой закон». В новых обстоятельствах прежний законопроект должен был перенести новые изменений, но революционные события 1917 г. эту проблемы вывели из разряда вопросов, требующих первоочередного внимания.

Резюмируя, стоит заметить, что ограничительные меры вполне могут давать ощутимые результаты. Это, к примеру, показывает современный российский опыт. В начале XXI в., как констатируют специалисты, опираясь на статистику, в стране наблюдается устойчивое снижение уровня потребления алкоголя. Так, по словам министра здравоохранения России В.И. Скворцовой, за последние 7 лет потребление спиртного среди соотечественников сократилось в два раза. Помимо распространения ценностей здорового образа жизни, ужесточения трудовой дисциплины и т.д. такой динамике поспособствовала государственная система временн**ы**х и территориальных ограничений в продаже алкогольной продукции. Более того, подчеркнула министр, ее ведомство готовит новые предложения по ограничению доступности горячительных напитков, среди которых на первом месте увеличение планки минимального возраста, позволяющего приобретать спиртное, – с 18 до 21 года (19).

Возможно, полноценная реализация ограничительных мер в начале XX в. принесла бы ощутимый эффект на длительной дистанции, однако военные и революционные потрясения не позволили этого сделать.

ПРИМЕЧАНИЯ

***** Статья подготовлена в рамках проекта «Представительные учреждения России начала XX века в борьбе за народную трезвость» (грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук 2018 года. Проект № МК-6496.2018.6).

1. Минздрав: алкоголь ежегодно уносит жизни 41 000 французов // RFI. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.rfi.fr/frantsiya/20190219-minzdrav-alkogol-ezhegodno-unosit-zhizni-41-000-frantsuzov-0
2. Афанасьев А.Л. Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 годы: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.
3. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб.,1908. Стб. 789-790.
4. Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001. С. 43-44, 332.
5. Норов В. Казенная винная монополия при свете статистики. Ч. 1. Потребление вина. Участие общества в борьбе с пьянством и в организации виноторговли. СПб., 1904. С. 41.
6. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3602, 3603, 3606, 3607.
7. Там же. Д. 3602. Л. 27-28.
8. Там же. Д. 3603. Л. 1-2.
9. Там же. Д. 3607. Л. 147.
10. Там же. Л. 161-162 об.
11. Там же. Л. 179-180.
12. Там же. Л. 167-168 об.
13. Там же. Д. 3603. Л. 213-215 об.
14. Одобренный Государственной думою законопроект о мерах борьбы с пьянством (об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких спиртных напитков, постановлений) // Челышов М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912. С. 690-701.
15. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Т. 1. Стб. 2117-2118, 2122.
16. Там же. Стб. 2131.
17. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3606. Л. 43-44.
18. Там же. Л. 68.
19. Невинная И. Скворцова: Россияне сократили потребление алкоголя вдвое за 7 лет // Российская газета. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2019/04/24/skvorcova-rossiiane-sokratili-potreblenie-alkogolia-vdvoe-za-7-let.html

М.Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ XIX в. В ТВОРЧЕСТВЕ В.Е. ЧЕШИХИНА-ВЕТРИНСКОГО

В.Е. Чешихин (псевдоним Ветринский, 1866–1923) известен как автор многочисленных трудов по истории русского освободительного движения, общественной мысли и литературы XIX века. Его книги об А.И. Герцене, Т.Н. Грановском, Н.Г. Чернышевском, разделы в фундаментальных коллективных изданиях, статьи и брошюры о русской литературе – Н.В. Гоголе, А.В. Кольцове, Н.А. Некрасове, И.С. Тургеневе, А.Н. Островском, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом и др. во многом обогатили научные представления исторической и филологической науки (1).

Своим исследовательским мастерством Чешихин прежде всего был обязан воспитанию в образованной интеллигентной семье (он не имел ни исторического, ни филологического образования), собственной целеустремленности, трудолюбию и окружению. В кругу современников, оказавших на него влияние, были петрашевец А.Д. Ахшарумов, участник освободительного движения 60-х гг. Л. Пантелеев, деятели земского народнического движения С.Г. Гациский, писатели В.Г. Короленко и Максим Горький. С Горьким Чешихин сотрудничал в газете «Нижегородский листок». Департамент полиции неоднократно обращал внимание на «неблагонадежность» этой газеты. В одном из докладов департа-

менту полиции говорилось, что «в числе сотрудников этой газеты состоят негласные поднадзорные: Пешков Алексей Максимович и Чешихин-Ветринский» (2). С Горьким Чешихин находился в довольно близких отношениях. Горький почитал Чешихина как автора работ о Герцене и Грановском. Чешихин собирал биографические материалы о Горьком и намеревался написать о нем книгу.

В исторической науке Чешихина считали историком освободительного движения и общественной мысли, филологи – литературоведом. Оба утверждения имеют свои основания. Историк сосуществовал в Чешихине с литературоведом. Феномен этого сосуществования представителей двух гуманитарных дисциплин коренится, как представляется, в научных основаниях. Эта тема не ставилась в исторической литературе.

Как профессионал Чешихин формировался под воздействием «культурно-исторической школы» А.Н. Пыпина и Н.С. Тихонравова. История литературы рассматривалась ими как составная и органическая часть исторической науки. Осознание представителями этой школы литературы как отражения общественной жизни во всех ее проявлениях определяло новые задачи изучения. Это означало раскрытие «исторического» смысла литературных явлений: изучения умственного и нравственного состояния общества, всех его сословий, особенно народа, эпохи в многообразии влиявших на нее факторов.

Главным предметом современной истории литературы являлась подлинная жизнь народа, выявление всех, особенно социальных, препятствий его росту и сохранение веры в будущее. Замысел создания литературы, сохраняющей народный дух и народный характер, определял и новый метод изучения – «общественно-исторический», окрашенный гражданственностью и общественно-политическим идеалом (3). В связи с этим к изучению привлекались малоизвестные писатели, писавшие о народе, и отвергался эстетический принцип – «искусство для искусства». Социальная направленность литературы признавалась определяющей ее сущность.

Русское освободительное движение XIX в. рассматривалось Чешихиным преимущественно на основе литературных произведений. К изучению привлекались произведения А.И. Герцена, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.И. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Н. Островского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др., критические статьи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, а также так называемые писатели второго разряда – В.А. Соллогуб, Е.П. Гребенка и др.

Как историк Чешихин признавал преемственность освободительных традиций от декабристов к участникам освободительной борьбы 40 и 60-х гг. XIX в. В целом, процесс развития общественного мировоззрения характеризовался поступательным развитием радикализма. Творчество писателей и их произведений рассматривалось Чешихиным в эволюции, определяемой потребностями общественной борьбы, отмечалось появление новых тем и новых героев.

Так, например, «Записки охотника» И.С. Тургенева, подчеркивал Чешихин, защищают крестьян от засилья крепостного права, роман «Рудин» осуждает несостоятельность дворянства к преобразованию общественного строя, «Отцы и дети» представляют «нового человека», разночинца Базарова, в романе

«Накануне» революционер Инсаров уже борется за независимость своей страны Болгарии. Чешихин обращал внимание и на персонажей литературных произведений, отражающих новые явления экономического характера. Образы гоголевского Костанжогло, гончаровского Адуева, героя некрасовских «Трех стран света» раскрывали отношение к развитию промышленности и буржуазного приобретательства. О мире купечества, гнете капитала, власти денег, самодурстве и плутовстве этого сословия свидетельствуют действующие лица пьес А.Н. Островского.

Историк в Чешихине проявлялся и в том, что он, характеризуя русское освободительное движение, постоянно обращался к историческим фактам: студенческим кружкам 30 – 40-х гг., правлению Петра I, работе государственных органов по цензурной политике, революционно-практической деятельности Чернышевского, привлекая для этого архивные источники. Использование Чешихиным положений культурно-исторической школы, «общественно-исторического» метода исследования способствовало углублению содержания освободительного движения и самих литературных произведений, на основе которых оно создавалось.

Как литературовед Чешихин писал о художественных особенностях, форме и стиле литературных произведений. В этом синтезе проявлялись признаки междисциплинарного подхода к общественной жизни, чрезвычайно плодотворного метода научного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ч.-Ветринский. И.С. Тургенев. М., 1894; Н.В. Гоголь и его произведения. М., 1895; Грановский и его время. М., 1897; Н.А. Некрасов. СПб., 1899; А.И. Герцен. М., 1908; Сороковые годы XIX века // История русской литературы XIX в. / Под ред. Д.Н. Овсянико-Куликовского. М., 1909. Т. 2; Литературное и критическое движение шестидесятых годов // Там же. Т. 3; В.Г. Белинский (1811–1848). М., 1911; «Колокол» и крестьянская реформа; А.Н. Муравьев и декабристы во время крестьянской реформы // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем / Под ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. М., 1911. Т. IV, V; Освобождение крестьян и русские писатели. М., 1913; Л.Н. Толстой. Очерк. Нижний Новгород, 1911; Н.Г. Чернышевский. Пг., 1923 и др.

2. Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 425; М., 1955. Т. 28. С. 134; М., 1956. Т. 29. С. 239, 575.

3. Гришунин А.Л. Культурно-историческая школа // Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 128.

С.А. СЕМЕЕВА

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Особенностью российской действительности второй половины XIX– начала XX в. являлось сопровождение общественных и внутригосударственных изменений террористическими актами. «Диктатура сердца и конституционные поползновения М.Т. Лорис-Меликова начались после взрыва, осуществленного народовольцами в Зимнем дворце» (1). Убийство одиозного министра внутренних дел В.К. Плеве инициировало назначение либерала П.Д. Святополк-Мирского. Теракты выступили в роли катализатора реформ 1905 г. Вместе с тем стойкую привычку (дошедшую до равнодушия) общества к насилию, физическому уничтожению инакомыслящих также следует приписать воздействию народовольческого, эсеровского и, наконец, массового анар-

хистского кровопролития. Проблема отношения к личности террористов прошлого актуальна для современного общества, безопасность которого находится под угрозой вследствие потрясающих мир массовых терактов с целью запугивания и власти, и населения. Это породило тенденцию уравнения последних с народовольческими, эсеровскими индивидуальными политическими терактами как следствие пренебрежения принципом историзма, заключающимся в рассмотрении общественных процессов и явлений относительно конкретных исторических условий. Таким образом, грубое навешивание ярлыков аморальных головорезов на политических террористов второй половины XIX – начала XX в. не соответствует реальности.

Явление политического терроризма неотделимо от его творцов, по преимуществу выходцев из рядов интеллигенции, вложивших свою лепту в этическое оправдание политического убийства. Цель данной статьи – приблизиться к пониманию психологических основ российских революционных террористов. Для достижения цели следует выделить ряд задач: рассмотреть мировоззренческую сторону, мышление вершителей терроризма; проанализировать специфику восприятия, влияние на сознание возрастных, социально-экономических факторов. Проблема психологии эсеровских террористов практически не затронута в советской историографии, имеет поверхностное освещение в работах дореволюционных (В.И. Веножинский, А.С. Изгоев) и современных исследователей (О.В. Будницкий, А.А. Гейфман). Однако существуют источники, дающие такую возможность, а именно – мемуары участников терактов, сотрудников полиции, художественные произведения Б.В. Савинкова.

«Мир, как азбука, прост. На одной стороне рабы, на другой – владыки. Хорошо, когда убивает раб. Дурно, когда убивают раба. Будет день, рабы победят. Тогда рай и благовест на земле: все равны, все сыты, все свободны» (2). Подобное нарочитое приземление мировоззрения, стремление очертить все в границах классовой ненависти не устраивает интеллигенцию, составлявшую 74% и 27% среди женщин и мужчин соответственно (3). Так, однажды, по воспоминаниям знаменитого террориста Б.В. Савинкова, он спросил Егора Сазонова (будущего убийцу В. Плеве), «что мы будем чувствовать после убийства. Тот, не раздумывая, ответил:

- Гордость и радость!

- Только?

- Конечно, только».

И тот же Сазонов впоследствии писал с каторги: «Сознание греха никогда не покидало меня» (4), как бы он ни оправдывал себя.

Об отношении консервативного крыла общества к террористам в докладе для «Русского Собрания» красноречиво говорит юрист В.И. Веножинский, отметивший, что «законы пишутся для людей, а не для зверей и сумасшедших, начиненных динамитом… Не может быть лишь помилован тот, кто преступил самое помилование и, убивая человека, убил закон и чувство милосердия» (5). Ниспровергая данное предубеждение, внутреннюю борьбу террористов демонстрирует В.М. Зензинов, член БО ПСР: «Как оправдать убийство и можно ли вообще его оправдать? Убийство при всех условиях остается убийством. Мы

идем на него, потому что правительство не дает нам никакой возможности проводить мирно нашу политическую программу, имеющую целью благо страны и народа. Но разве этим можно его оправдать? Единственное, что может его до некоторой степени, если не оправдать, то субъективно искупить, это принесение при этом в жертву своей собственной жизни» (6).

Иные готовы были покорно принять и жизнь с тяжестью греха. В повести «Конь бледный» для воцерковленного Вани нет ничего страшнее, когда после совершенного убийства «люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них». Но герой сознательно приносил себя в жертву ради будущего народа, идя по тропе мученичества («Знаешь, легко умереть за других, смерть свою людям отдать. Жизнь вот отдать труднее!» (7)), надеясь на наступление рая на земле, на то, что «завтра придут другие, чистые, меч не для них, ибо будут сильны; и будут люди свободны и сыты и в любви будут жить, а внуки детей будут в Боге жить и узрят в нем то, чего мы не видим» (8). Ища религиозной опоры, он приводит строки из Евангелия от Иоанна (15:13), которые, по его мнению, дают право на убийство: «Убить – тяжкий грех, но нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою, не жизнь, а душу. Нужно непременно из любви и для любви на все решиться» (9).

Объясняя мотивы, заставившие ступить на тропу терроризма, стоит акцентировать внимание на специфике мироощущения. Нельзя не учитывать возрастные особенности террористов, большинству из которых не достигло 28 лет (10). Как известно, это период духовного поиска, бушующих амбиций, максималистических суждений при слабости критического мышления и наивности, внушаемости. Если усилить это тонкой душевной организацией, остротой восприятия жизненных проблем как личных, так и народных, эмоциональностью холерического или меланхолического типов темперамента, неудивительно, что молодежь, не найдя себе применения, оказывается под властью энергии эффектного действия (убийства), становящегося идеей фикс, часто доводящего до сумасшествия и позволяющего немедленно выразить свой гнев и стать героем в глазах окружающих.

Вспоминая террористку, дворянку Лидию Стуре, знакомую своей сестры, В.И. Веножинский говорит: «Как не закружиться неразумной и смелой голове 18-летней барышни: ведь прямо с институтской скамьи, от классной дамы да в самое пекло… свято исполнять волю неведомого ей центрального комитета, ища поэзию в смерти» (11). Кроме того, по версии американских исследователей Э. Найт и А. Гейфман, «склонность к суициду была частью террористической ментальности, террористический акт был часто актом самоубийства», который непосредственно совершить не хватало решимости. Приговоренная к смерти Анна Распутина, член Летучего боевого отряда Северной области, говорила, что обвинитель в суде, характеризуя их группу, сказал: «В этих людях убит инстинкт жизни, и поэтому они не дорожат жизнью других» (12).

Уровень жизни террориста, безусловно, также мог влиять на избрание пути, порождая стремление к классовой мести. Так, лишенная детства эсерка еврейского происхождения Мария Школьник познала бедность, бесцеремонность

сборщиков податей, тяжкий труд на фабрике и в семье, когда девочке приходилось ухаживать за больной матерью и маленькими сестрами.

Исходя из вышеизложенного, следует сформулировать выводы о формировании террористического менталитета под влиянием возрастных особенностей юности, тяжелых социально-экономических условий формирования установок личности, индивидуально-психологических характеристик. Кроме того, отметим несправедливость абсолютизации мнения об эсерах как о расчетливых, холодных убийцах. Пусть их деяния ошибочны, осуждаемы, но упрощение, пренебрежение рефлексией ведет к искажению понимания истинной картины эсеровского терроризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 24.
2. Ропшин В. (Савинков Б.В.) Конь бледный. Пг., 1914. С. 18.
3. Будницкий О.В. Женщины-террористки России. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону, 1996. С. 9.
4. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. URL:http://docplayer.ru/34071788-Boris-savinkov-vospominaniya-terrorista.html (дата обращения – 30.09.2019 г.)
5. Веножинский В.И. Смертная казнь и террор. СПб., 1908. С. 26.
6. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 108.
7. Ропшин В. (Савинков Б.В.). Указ. соч. С. 9.
8. Там же. С. 22.
9. Там же. С. 8.
10. Будницкий О.В. Женщины-террористки России. С. 9.
11. Зензинов В.М. Указ. соч. С. 28.
12. Будницкий О.В. Женщины-террористки России. С. 14-15.

З.С. БОЧАРОВА

«СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ» О.С. МИНОР

История начинает играть новыми красками, когда она освещается через персоналии. Меняется представление об истории партий, раскрывается их закулисье, когда на авансцену выходят лидеры не только в парадных одеждах, появляются новые, подчас забытые, лица. В ряду эсеров, незаслуженно остающихся на периферии исследовательского интереса, стоит один из основателей Партии социалистов-революционеров Осип Соломонович Минор (1861–1932).

Студентом он влился в народническую среду, не раз подвергался арестам. Поэтому так и не смог завершить образование, хотя обучался на естественном отделении физико-математического факультета, затем юридического факультета Московского университета, а после исключения из университета – в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Его юношеское увлечение революцией закончилось ссылкой в Сибирь. В.М. Чернов в своих воспоминаниях писал: «Его портрет из Бутырской тюрьмы, от мая 1888 г., перед отправкой в ссылку, рисует нам высокого, худощавого, несколько узкоплечего брюнета, выглядевшего старше своих лет, с высоким лбом, гладкой, откинутой назад прической, в очках, притемняющих задумчивые, грустные глаза, с пышными черными бородой и усами, с общим видом скорее приват-доцента, чем революционера и человека действия. И какие же, в сущности, действия могли быть поставлены ему в счет? Прокурор Муравьев, в ответ на вопросы отца Минора о сыне, ответил коротко: "Десять лет ссылки в Средне-Колымск – за вредное вли-

яние на молодежь"» (1). По мнению лидера эсеров, О.С. Минор «был демократ до мозга костей. Он воплощал в себе лучшие и глубочайшие черты того, что обозначается словом "товарищ". Он по-славянски, по-русски требовал, чтобы все решалось скопом, миром, да еще, ежели возможно, соглашением, доходящим до единогласия, все предварительно хорошенько пообсудив, пораздумав, поспорив, сообща семь раз примерив и лишь после этого отрезав» (2).

Этот портрет дополняет М.В. Вишняк: «Это был удивительный человек, и в преклонные годы сохранивший и юношеский жар, и простодушное незнание жизни. Он был бессребреник в самом полном смысле этого слова: никогда не имел сам ни гроша и не знал цены деньгам, если они не идут на дело или на помощь ближнему. О.С. Минор бывал и святым, и, как все святые, фанатиком. …Он поражал и пленял своею преданностью "делу". …Он отстаивал усвоенное им на заре своей юности, как высшее и неопровержимое достижение научного знания и социальной справедливости. Жизнь, и какая жизнь – полная личных и общественных драм и трагедий, – оставила почти нетронутым весь запас духовных и моральных сил, отпущенных этому младшему сыну бывшего московского раввина, ни в чем, кроме имени и внешности, длинной бороды и грустных темных глаз, не сохранившему связи с еврейством» (3). В 1902 г. в Германии Минор сошелся с Е.Ф. Азефом. Но даже став семь лет спустя жертвой его провокации, не мог поверить в предательство.

Минор, как и его товарищи, был человеком «глубокой религиозной веры в великое и счастливое будущее». В рецензии на вышедшие в 1925 г. в Москве письма Е.С. Сазонова, покушавшегося на жизнь министра внутренних дел В.К. Плеве в 1904 г., он писал об огромном моральном влиянии русских террористов, идущих на верную смерть, чтобы «толкнуть мир на несколько шагов вперед к чести, совести, правде и справедливости». Ибо нельзя жить окруженным «густым облаком зла, людских страданий, неправды, жестокости» (4).

Всю свою жизнь О.С. Минор посвятил служению людям, жертвуя собственным благополучием, чтобы мир стал чище и добрее. Эту жертвенность особенно подчеркивает эпизод следования их с женой на каторгу, когда на руках у жены замерзла их дочь-младенец. Уже в эмиграции для газеты «Русский Солдат-Гражданин во Франции» (Париж, 1917–1921), обслуживавшей тысячи солдат русского экспедиционного корпуса и военнопленных, перекинутых из Германии во Францию после перемирия, Минор написал «Это было давно... (Воспоминания солдата революции)». Мемуары охватили период с 1883 по 1899 г., т.е. время работы в «Народной Воле», тюремных скитаний, истории якутского протеста 1889 г., годы каторги в Акатуе и поселения в Чите. По поводу подзаголовка В.М. Чернов замечал, что к психике автора записок действительно подходило почетное имя «солдата революции». Советская печать выделила эти воспоминания из всей зарубежной мемуарной литературы и назвала важным источником по борьбе народовольцев с самодержавием. В 1933 г., уже после смерти автора, вышел книжный вариант воспоминаний (5). Доход от продажи пошел на дело помощи политическим ссыльным и заключенным в России.

За 33 года, с 1884 по 1917 г., О.С. Минор только 6 лет полноценно жил и работал в России, 22 года провел на каторге и поселении и 5 лет пробыл за границей. С 1919 г. началась последняя и самая продолжительная его эмиграция.

Февральскую революцию бывший народоволец принял восторженно, характеризовал свержение монархии как революцию социальную, а не социалистическую, баллотировался в Учредительное собрание от Москвы, возлагая на этот институт как выразителя народной воли большие надежды. Октябрьский переворот О.С. Минор не признал, и расценивал захват власти большевиками акцией, разбивающей широкий демократический фронт. Поэтому как председатель Московской городской думы Минор инициировал принятие 5 ноября 1917 г. резолюции о борьбе с советской властью. От долгого ареста после разгона Учредительного собрания большевиками его спасло лишь ходатайство левых эсеров. Факт разгона Учредительного собрания лидер эсеров расценивал как насилие, насилие не над депутатами, а над самой Волей Народа, и говорил об отрыве большевиков от народа и превращении их в его насильников.

Борьба против большевиков привела Минора в сентябре 1918 г. в Симбирск, затем в Уфу на совещание, избравшее Директорию. Переворот в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. и приход к власти А.В. Колчака заставили Минора принять участие в мятеже белочехов. С помощью чехословацких социалистов эвакуировался и в начале 1919 г. перебрался в Париж. Позже в своих воспоминаниях Минор писал о жизни в Советской России, как о кошмаре: «…эти расстрелы сотен заложников, эти "к стенке" тысяч юношей и девушек, эти смерти сотен тысяч людей от голода, холода, тифа, чумы, холеры, – теперь кошмары обратились в бытовое явление, и я боюсь вспоминать, чтобы не быть смешным, о простых жизненных кошмарах, о галлюцинациях, мучивших меня в 1910 г. в одиночном корпусе Саратовской тюрьмы. Что мои галлюцинации по сравнению с кошмаром, переживаемым Россией почти седьмой год?» (6).

Бежав от ужасов Гражданской войны, Минор предполагал, что за границей включится в большую работу, которую развернет ПСР. Занимая центристские позиции, он часто солидаризировался с правыми, признавая возможность коалиции с кадетами, поддерживая бойкотирование большевистской власти и т.д. 16 мая 1919 г. в числе восьми эсеров-членов Учредительного собрания он подписал «Призыв к мировой демократии» («Манифест Керенского») о помощи русским демократическим силам, который ЦК ПСР в Москве осудил, предпочитая поддержку международного социализма, а не буржуазных правительств. Эсеры, находившиеся в застенках ЧК, осуждали политиканство эмигрантов-однопартийцев и их стремление заняться «высокой политикой»: «Ехали бы в Россию, проводить свои идеи, чем заниматься интригами за границей» (7).

Минор поддержал коалицию депутатов Учредительного собрания в Зарубежье с целью создания представительного органа на международной арене. С 8 по 21 января 1921 г. в Париже собрались 33 члена Собрания, высказались о незаконности власти большевиков и призвали иностранные державы воздержаться от признания Советского государства и заключенных им договоров и соглашений. Минор вошел в избранный орган – Исполнительную комиссию, возглавив подотдел о военнопленных и интернированных. Русские военно-

пленные и интернированные из германских лагерей лица, служившие во французском иностранном легионе, обращались с просьбами о высылке книг, словарей, о содействии возвращению на родину, об оказании юридической помощи и т.д. Минор отвечал на каждое письмо, а также вел переписку с министром иностранных дел Франции, с русским генеральным консулом в Марселе Л.П. Гомелем, Ф. Нансеном по поводу репатриации, обращался в Лигу Наций с предложениями по урегулированию правового положения русской эмиграции.

Авторитет Минора был безупречен в рядах социалистов других стран. Он представлял российских эсеров на Международном объединительном социалистическом съезде в Гамбурге, являлся членом французской Лиги прав гражданина и человека, делегатом ее русской секции в Международной лиге (3 июня 1924 г. на первом заседании Комитета французской секции Российской лиги прав человека и гражданина он был избран председателем Комитета), учредил русскую рабочую секцию при французской конфедерации труда. Его общественно-политическая активность простиралась на ссыльных и заключенных в России, так как он возглавлял Политический Красный Крест в Париже (Политический Красный Крест создавался почти исключительно силами российской эмиграции), на русских рабочих и молодежь в Париже, много сделал для создания Пражского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгор) и входил в состав Парижского, являясь членом его Ревизионной комиссии, представлял во Франции пражский Русский заграничный исторический архив.

В последние годы жизни Минор остро переживал свою изоляцию в партийной среде, осознавал, что партия рассыпается. В ноябре 1928 г. Минор в одном из писем писал о затухании партийной жизни. Поэтому с энтузиазмом подключился к написанию истории ПСР, наряду с В.В. Сухомлиным и С.П. Постниковым, так как роль партии извращалась как историками, так и непосредственными участниками революции, «которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла» (8). Минор переживал, что состояние его здоровья не позволяет поехать в Прагу для изучения архива партии, «без чего добросовестная работа невозможна» (8). «…Мое здоровье совсем плохо, – писал он С.П. Постникову 7 апреля 1931 г., – дважды за последние месяцы чуть не подох, и строго обозначить, как Вы хотите срок, когда я смогу сдать мою работу – не могу. Но начну я работу немедленно» (8). Он жаловался, что «нервы истаскались благодаря удивительному хамству моих товарищей и справа, и слева… мне противно вырождение партийного интереса: все только думают – о власти, о славе, о почестях и т.д., но не о судьбе партии. "Партия С.Р." осталась лишь пока удобной вывеской и для Чернова, и для Керенского, и для Авксентьева, Сухомлина и иже с ними, и т.д. Но любви, преданности, жертвенности я не вижу…» (8).

Одной из последних акций, в которой участвовал Минор, стало подписание резолюции по поводу японской оккупации Маньчжурии в апреле 1932 г. Подвергнув критике политику советского правительства в отношении Китая и отметив в то же время возникшую угрозу утери территории в Восточной Сибири, авторы резолюции призвали эсеров в случае вооруженного столкновения

между Японией и СССР быть со своим народом и препятствовать попыткам захвата принадлежащих России территорий. В 1931 г. эсеровская колония отмечала 70-летие своего мэтра. Как писал его сын, А.О. Минор, «сам он совсем не собирался торжественно праздновать свое 70-летие, но не мог не удовлетворить просьбу товарищей». В ответ на запрос Е.Е. Лазарева Осип Соломонович в письме ему изложил главнейшие этапы своей жизни.

В заключение следует сказать, что О.С. Минор не смог полностью влиться в западноевропейскую среду несмотря на знание языков и солидные связи. До последних дней верил в торжество идей свободы и социализма в их эсеровском понимании. 25 сентября 1932 г. жена, дети, сестры, брат О.С. Минора сообщили в «Последних новостях» о кончине на 71-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни одного из старейших членов ПСР. Сам Минор пожелал, чтобы на могиле не было ни речей, ни венков, поэтому похороны были «просты и суровы». Похоронен он был на кладбище Банье в Париже.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 155.
2. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov3/index.htm.
3. Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 254.
4. Минор О.С. Рецензия: Письма Е.С. Сазонова к родным. 1895–1910. Изд. Историко-революционной библиотеки журнала «Каторга и ссылка» под ред. Б.П. Козьмина и Н.И. Ракитникова. М., 1925 // Воля России. Прага, 1926. № 3. С. 181.
5. Минор О.С. Это было давно. Воспоминания солдата революции. Париж, 1933.
6. Минор О.С. Отрывки жизни. (Из воспоминаний) // Воля России. Прага, 1924. № 4. С. 1.
7. Цит. по: «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: Документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / Сост., коммент. К.Н. Морозова, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой (Рихтер); предисл. К.Н. Морозова, Т.А. Семеновой. М., 2005. Предисловие. С. 28.
8. ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4, 9, 9 об.

Е.В. ГОРЬКОВА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В 1917–1921 гг.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Процесс становления трудового законодательства в России начался еще в дореволюционный период (1). Однако как самостоятельная отрасль российского права оно оформилось только в начале XX в. Хронологические рамки данного периода (1917–1921 гг.) можно условно определить как время формирования основ социологической школы права, при этом ключевым аспектом становления советского права вообще была провозглашена необходимость приведения его в соответствие с «республиканским строем» (2). Предельно конкретно задачи советского государства по формированию социалистической системы права выразил нарком юстиции П.И. Стучка, подчеркнув, что «наши законы и наше право не могут быть консервативным, задерживающим фактором, они должны играть всегда живую, революционную роль. Вот почему мы говорим о революционной законности…» (3). Именно принципы революционной законности и революционного правосознания стали базисом формирования трудового законодательства советского периода.

В этой связи представляется целесообразным провести историко-правовой анализ всего массива нормативно-правовых актов, регламентирующих особенности регулирования частных аспектов труда наемных рабочих в рассматриваемый период. Принципиальными в рамках данного вопроса будут два ключевые момента. Во-первых, период отечественной истории с октября 1917 г. (Великой Октябрьской социалистической революции) по март 1921 г. (введение основ новой экономической политики). Во-вторых, принятие советским правительством нормативных правовых актов, отражающих специфику рассматриваемой проблемы.

Основываясь на хронологическом принципе изложения материала, остановимся на Декрете СНК РСФСР от 30 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне». Впервые в российском законодательстве в нем дается определение рабочего времени (п. 1), которое не должно было превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю. Пункт 3 Декрета устанавливал «свободный перерыв в работе для отдыха и для принятия пищи». Исключение из общего правила составляли предприятия, на которых работа «ведется тремя сменами рабочих в сутки» и признанных Главной Палатой Труда «непрерывной». Они были обязаны предоставить рабочему «право принятия пищи во время работы». С особенностью производственного процесса предприятий связан п. 5 Декрета, определяющий ночное время «от 9 часов вечера до 5 часов утра», в течение которого запрещалось «пользоваться трудом рабочих женского и мужского пола в возрасте до 16 лет» (п. 6). Дополнительные гарантии лицам, не достигшим 18 лет, были установлены в п. 9: лица, не достигшие 14 лет, к работе по найму не допускались; а рабочее время лиц, не достигших 18 лет, не могло превышать 6 часов в сутки. Дополнительно сокращался рабочий день на особо вредных производствах (п. 14). Были официально введены выходные и праздничные дни (п. 10). Женщины и подростки «обоего пола в возрасте до 18 лет» не могли быть допускаемы к подземным (п. 15) и сверхурочным работам (п. 18). Декретом (п. 26) предусматривалась уголовная ответственность для лиц, виновных в нарушении «настоящего закона», которые карались «по суду лишением свободы до одного года» (4).

Следующим документом, заслуживающим пристального внимания, является Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. Фактически она нормативно закрепила результаты Октябрьского этапа революции, начавшегося «под общим знаменем раскрепощения». При этом постулировалось, что «отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками» (5), что нашло свое отражение в Положении о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г., под которым понимался контроль над «производством, хранением и куплей-продажей продуктов и сырых материалов» (п. 1) самих рабочих непосредственно, или через выборных ими лиц, в лице фабрично-заводских комитетов (п. 8-9) и советов служащих (п. 2), для которых должны были быть открыты все «книги и документы… склады и запасы» (п. 4). Положение предусматривало уголовную ответственность за сокрытие запасов и подделку отчетов: виновные приговаривались к конфискации всего имущества и тюремному заключению до 5 лет, а соучастники – до 3 лет (п. 6). Ответственность была установлена и для пред-

принимателей «за нерадение или нарушение своих обязанностей» в виде заключения «в арестном доме на срок до 30 дней» (п. 7). Таким образом, Положение закрепило нормативный порядок создания, деятельности и ответственность органов рабочего контроля (6).

Положение ВЦИК и СНК «О страховании на случай безработицы» от 11 декабря 1917 г. (7) конкретизировало формы организации найма рабочей силы в виде государственных, частных, общественных учреждений и у частных лиц. Пункт 3 Положения дает понятие безработного, относя к их числу и лиц, лишившихся заработка вследствие локаута. Наличные денежные средства для людей, признанных безработными, а также период их выплаты (п. 5), именуемые настоящим Положением «страховыми пособиями», формируются за счет «отчислений… части прогрессивного налога на доходы, имущества и наследства» (п. 6), а до его введения – «из взносов нанимателей» (п. 7).

Декрет ВЦИК от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни» предоставляет дополнительные гарантии всем рабочим, осуществляющим свою деятельность по найму (п. 1). Действие Декрета распространялось не только на российских граждан, но и на иностранцев (п. 1, прим. 1 и 2). Значительные полномочия для установления оснований предоставления страхования на случай болезни (п. 3), добровольного страхования кустарей, ремесленников и беднейшего крестьянства (п. 4), а также разъяснения относительно положений данного Декрета (п. 7) и управлению делами кассы (раздел 5) даны Страховому совету (п. 3-4, 7, 63), Делегатскому собранию (п. 57-62, 67-68) и Правлению (п. 65-66). В подпункте «а» п. 6 анализируемого Декрета приведено понятие заработной платы и ее форм: под заработной платой работника следует понимать сумму, заработанную им «в течение года или иного промежутка времени… безотносительно к способу расплаты: поденному, помесячному, сдельному и другим».

Второй раздел Декрета регламентирует порядок организации и деятельности больничных касс, учреждаемых «явочным порядком» (п. 14). Общегородские и окружные больничные кассы создаются соответственно для городов и местных округов (п. 8) и действуют на основании устава (п. 12). Членство в кассе начинается для работника с момента его фактического допущения к работе (п. 9) и прекращается только при наличии одного из обстоятельств, указанный в п. 10 настоящего Декрета: «при вступлении участника в другую больничную кассу» или «месяц спустя после прекращения договора найма». Раздел третий данного Декрета регламентирует предмет страхования (п. 24), под которым понимается врачебная помощь (п. 38-45), различные виды лечения (п. 39) и денежные пособия (п. 25-37) «по случаю болезни» в размере полного заработка (п. 26), по случаю родов и по случаю смерти участников кассы – на их погребение (п. 25). Следующий раздел закрепляет правовые формы комплектования средств больничных касс (п. 46). Шестым разделом предусмотрены взыскания и штрафы за неисполнение норм Декрета рабочими и работодателями.

Следует отметить, что в 1917 г. были нормативно закреплены основные права рабочих, осуществляющих свою деятельность по договору найма, в отношении руководства предприятий. Главным достижением этого периода было введение рабочего контроля на предприятиях, 8-часового рабочего дня, страхо-

вых выплат на случай безработицы и болезни. В указанных ранее Декретах были конкретизированы, а в отдельных случаях даны впервые ряд определений трудового права, в том числе: рабочее время, сверхурочные работы, заработная плата, безработные, больничные кассы, рабочий контроль, ночное время и т.п., которые составили базу будущего КЗоТ.

Отступая от принципа хронологического изложения материала за 1918 г., рассмотрим два нормативных правовых акта, обладающие большей юридической силой. Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Первый раздел Конституции открывается Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Контент-анализ Основного закона Советской Республики позволяет выявить следующую особенность: в тексте Конституции 34 раза упоминается термины «труд» и «трудящиеся», 24 – «рабочие» и «рабочих», 20 – «крестьяне» и «крестьянских» и 5 – «солдаты» и «солдатских». Рассмотренные ранее законодательные акты 1917 г. говорят о том, что под трудящимися советское трудовое законодательство понимало лиц, работающих по найму, следовательно, подавляющее большинство граждан Советской Республики относилось к данной категории, и руководство нового государства сделало акцент именно на установлении и закреплении их прав, свобод и законных интересов.

Пункт «а» ст. 3 Конституции закрепил право трудящихся на использование земельного фонда «на началах уравнительного землепользования». Был подтвержден советский Декрет о рабочем контроле (п. «в» ст. 3) и введена всеобщая трудовая повинность (п. «е» ст. 3). Пятая глава Конституции закрепляла основные права советских граждан. К ним, среди прочих, относились право «действительной свободы союзов», т.е. «всяческое содействие, материальное и иное, для их [рабочего класса и крестьянской бедноты] объединения и организации» (ст. 16) и право «действительного доступа к знанию», ставившее своей задачей предоставление «рабочим и беднейшим крестьянам» полного, всестороннего и бесплатного образования (ст. 17). Активным и пассивным избирательным правом (ст. 64) обладали все граждане РСФСР, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом» (п. «а» ст. 64), а также и «потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность» (п. «в» ст. 64).

С целью реализации основных положений Конституции РСФСР в декабре 1918 г. был утвержден проект КЗоТ, разработанный Наркоматом труда и ВЦСПС. Структурно первый советский Кодекс законов о труде представлял собой введение и 137 статей, объединенных в 9 разделов. Определяющее значение для характеристики основных положений КЗоТ 1918 г. имели нормы «Введения». В частности, они утверждали, что приведенные положения «распространяются на всех лиц, работающих за вознаграждение, и обязательны для всех предприятий, учреждений и хозяйств (советских, общественных, частных и домашних), а также и для всех частных лиц, применяющих чужой труд за вознаграждение» (п. II). Также п. III КЗоТ устанавливал, что все изданные в будущем постановления «по вопросам труда» должны соответствовать данному своду законов, а изданные ранее инструкции и постановления, не соответствующие нормам Кодекса, признавались «недействительными» (п. IV).

Первый раздел КЗоТ посвящен трудовой повинности, которой подлежали все лица от 16 до 50 лет (ст. 2), за исключением лиц, находившихся в состоянии «временной нетрудоспособности… на срок, необходимый для ее восстановления (п. «а» ст. 3), и беременных женщин «за 8 недель, до разрешения от бремени и 8 недель после родов» (п. «б» ст. 3). Второй раздел «О праве на применение труда» предполагал реализацию права на применение труда всех трудоспособных граждан «по своей специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы» (ст. 10). В рамках норм, регламентирующих порядок предоставления труда (3 раздел КЗоТ), закреплялось правило, согласно которому осуществление права на труд обеспечивалось «отделами распределения рабочей силы, профессиональными союзами и всеми учреждениями РСФСР» (ст. 15). КЗоТ устанавливал предварительное испытание (раздел 4) для работ, характеризовавшихся «длительным характером», при этом до момента официального окончания срока испытания человек считался безработным (ст. 35). За весь отработанный период времени на условиях предварительного испытания рабочий получал заработную плату по соответствующим тарифным ставкам (ст. 33).

Раздел 5 «О переводе и увольнении» устанавливал, что перевод рабочих может быть осуществлен «только в интересах дела и на основании постановления соответствующего органа управления» (ст. 40). Подробно были расписаны возможные случаи увольнения трудящихся (ст. 46), к которым относились ликвидация учреждения или предприятия, а также отдельных обязанностей или работ (п. «а» ст. 46); приостановка работ на срок более месяца (п. «б» ст. 46); истечение срока работы, если она носила временный характер (п. «в» ст. 46); при «явной непригодности к работе, но с согласия соответствующей профессиональной организации (п. «г» ст. 46); по желанию самого трудящегося (п. «д» ст. 46). Регламентация процедуры увольнения была представлена в ст. 47-51.

Вознаграждение за труд (раздел 6), условия и порядок выдачи заработной платы определялись тарифами (ст. 55), вырабатываемыми для каждого рода труда отдельно (ст. 7-9), только после выполнения работы (ст. 70) или в период отпуска (ст. 77, 106-107), в месте выполнения работы (ст. 75) и в рабочее время (ст. 74). Выплаты могли быть произведены «деньгами или натурой» (ст. 72). Ст. 58 закрепляла положение о том, что вознаграждение за труд не могло быть меньше «прожиточного минимума», который устанавливался Наркоматом Труда «для населения каждой местности» РСФСР (ст. 59). Оплата сдельных работ осуществлялась, исходя из расчета «поденной тарифной платы, разделенной на количество предметов, являющееся нормой выработки» (ст. 63), а за сверхурочные работы – не выше «полуторного размера нормального вознаграждения» (ст. 64). В период временной нетрудоспособности рабочего он имел право на пособие, выплачиваемое больничной кассой (ст. 78), а безработные граждане – из фонда безработных (ст. 79). Все трудящиеся, работавшие по найму, должны были иметь трудовую книжку, в которой делались «отметки о произведенных работах, полученных вознаграждениях и пособиях» (ст. 80). Порядок ведения трудовых книжек регламентировался отдельным приложением к КЗоТ.

Непосредственно был связан с особенностями выплаты вознаграждения за труд раздел 7 КЗоТ – «О рабочем времени». Он давал определение нормаль-

ного рабочего времени, т.е. времени, определенной тарифным положением для выполнения конкретной работы (ст. 83), продолжительность которого не могла превышать «8-ми дневных или 7-ми ночных часов» (ст. 84), 6 часов для «лиц, не достигших 18-летнего возраста» и «в отраслях труда, особо тяжких и неблагоприятных для здоровья» (ст. 85). Кодекс подтверждал право рабочих в течение нормального рабочего времени на перерыв для отдыха и принятия пищи (ст. 86, 88-89). В целом, оно практически полностью дублировало положения Декрета СНК РСФСР от 30 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне». Раздел 8 КЗоТ «Об обеспечении надлежащей производительности труда» устанавливал нормы выработки (ст. 114) в отношении трудящихся каждой отдельно взятой профессии (ст. 115), установленные расценочной комиссией СНХ (ст. 117) и закрепленные в правилах внутреннего распорядка предприятия (ст. 21-24). Последний раздел регламентировал охрану жизни, здоровья и труда трудящихся, возлагаемые этим Кодексом на инспекцию труда, технических инспекторов и представителей санитарного надзора (ст. 127).

Кроме того, в качестве приложений к КЗоТ были представлены: правила о порядке установления трудоспособности, выдача пособий трудящимся во время болезни, о безработных и выдаче им пособий, о трудовых книжках, о еженедельном отдыхе и праздничных днях (10). Следует отметить, что большинство приложений были переработанной версией ранее изданных (в 1917 и 1918 гг.) Декретов СНК и ВЦИК РСФСР. К ним, в частности, относился Декрет СНК РСФСР от 31 января 1918 г. «О биржах труда», которые создавались с целью учета и распределения рабочей силы в отраслях народного хозяйства, упорядочения спроса и предложения труда, а также контроля в отношении безработных (ст. 1). Частные конторы и бюро по найму рабочей силы подлежали закрытию (ст. 15), а нарушение данной нормы влекло привлечение к уголовному наказанию в виде тюремного заключения на срок до шести месяцев (ст. 17).

Особое значение для комплектования КЗоТ 1918 г. имели нормы Декрета СНК РСФСР «Об учреждении инспекции труда» от 17 мая 1918 г. (11), который полностью вошел в раздел 9 Кодекса «Об охране труда» и«Временные правила об отпусках» (12), утвержденные СНК РСФСР 14 июня 1918 г., устанавливавшие для трудящихся всех отраслей, проработавших не менее 6 месяцев без перерыва, право на «отпуск с сохранением содержания и выдачею его вперед» один раз в течение года (ст. 1). Запрещалась платная работа во время отпуска (ст. 4), а очередность отпусков устанавливалась по соглашению между администрацией предприятия и выборными представителями рабочих и служащих с таким условием, «чтобы нормальный ход работ и занятий в предприятиях и учреждениях не нарушался» (ст. 5), а неиспользованное право на получение отпуска дополнительно не оплачивалось (ст. 6). Статьи «Временных правил об отпусках» с незначительной корректировкой были включены в состав раздела 7 КЗоТ «О рабочем времени».

В 1919 г. к сфере регулирования трудового законодательства относились Декреты СНК РСФСР«О повышении заработной платы» от 21 февраля; «О воспрещении самовольного перехода советских служащих из одного ведомства в другое» от 12 апреля и «О порядке совместительства должностей» от 18 сен-

тября. Данные Декреты регламентировали частные вопросы трудового права, отражая специфику развития трудовых правоотношений в Республике в указанный период. Значительные изменения трудового законодательства произошли в 1920 г. Многие нормы КЗоТ 1918 г. были уточнены, расширены, а отдельные –пересмотрены. Анализ Декретов данного периода позволяет говорить о значительном прогрессивном изменении норм данной отрасли права, в том числе за счет детальной регламентации ряда положений и условий осуществления трудовой деятельности, ранее не охваченных законодательной практикой.

Так, например, Декрет СНК и ВЦИК РСФСР «О дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов исполнительных комитетов и служащих советских учреждений» от 26 апреля 1920 г. был принят с целью «поднятия и укрепления дисциплины» (ст. 1). Декрет СНК РСФСР «О борьбе с прогулами» от 27 апреля 1920 г. предусматривал «сверх удержания заработной платы производить вычеты из премии как денежной, так и натуральной за прогулы», под которыми понималась неявка на работу без законных оснований (ст. 1). Прогул должен был быть отработан в сверхурочное время и в праздники, в том числе и не по специальности, с оплатой работ по тарифным ставкам, без начисления премии и сверхурочных выплат (ст. 1). В случае уклонения от отработки прогульщик подлежал «заключению в концентрационный лагерь» (ст. 3). Прогул более трех дней в течение месяца подлежал ответственности по «дисциплинарному суду, как за саботаж» (ст. 2).

В случае отсутствия рабочего на работе по болезни данное обстоятельство должно было быть удостоверено «больничным листком» (ст. 7), в котором врач указывал дату начала заболевания, дни назначенных и исполненных посещений больным и дату его выздоровления (ст. 9). Данная мера, как и само название соответствующего документа были введены впервые. Ст. 11 предусматривала «необходимость ухода за заболевшими членами семьи». Это освобождало гражданина от трудовой деятельности, но требовало удостоверения врача. Принципиально новой мерой было и принятие решения «на выезд по болезни» для лечения (ст. 12), о котором следовало немедленно сообщить на предприятие (ст. 14), а время, проведенное в деревне, на курорте или в санатории, удостоверить местным Советом Депутатов или заведующими специализированных учреждений (ст. 16).

Принятие Декрета СНК РСФСР «О премировании труда» от 8 июня 1920 г. было обусловлено необходимостью установления единообразного порядка «определения норм как денежных, так и натуральных премий за повышение производительности труда». СНК установил пределы, планы, нормы и фонды премирования, оставив контроль за ВЦСПС (ст. 2), который должен был разработать детальные инструкции по введению данного Декрета в жизнь (ст. 7).

Декрет СНК РСФСР от 17 июня 1920 г. «Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР)» состоял из 8 разделов и 154 параграфов, регламентировавших рабочее время, нормы производительности труда, тарифные ставки, нормы и порядок оплаты, времени отдыха, в том числе и в праздничные дни, проведение испытаний при приеме на работу, аналогичные

КЗоТ. Данное Положение вступило в силу с 1 июля 1920 г. (§ 3) на всей территории РСФСР (§ 1), уточняло категорию «продолжительности нормального рабочего» времени (§ 5), определяя ее в 8 часов днем (с 6 часов утра до 9 часов вечера) и 7 часов ночью (с 9 часов вечера до 6 часов утра). Для трудящихся, занятых «конторским или иным умственным трудом», она была установлена в 6 часов в день (§ 10), для малолетних от 14 до 16 лет – не более 4 часов в день (§ 12), для подростков в возрасте до 18 лет – 8 часов в день (§ 13), так как к ночным работам они не допускались.

Принципиально новыми являлись положения о распределении по тарифным разрядам, об ученичестве и сдельной оплате работ. Положение установило требование производить все выплаты рабочим и служащим «наличными деньгами в рабочее время» (§ 51), в отличие от ст. 72 КЗоТ и ст. 1 Декрета СНК РСФСР «О борьбе с прогулами» от 27 апреля 1920 г., где была предусмотрена натуральная форма оплаты труда. Администрация предприятия, учитывая целесообразность сдельной и премиальной систем оплаты труда, могла вводить их (§ 53), исходя из специального расчета (§ 54, 70-71). Значительные изменения по отношению к 64 ст. КЗоТ произошли в отношении оплаты сверхурочных работ, допускаемых в исключительных случаях «не свыше 4 часов в день» и «когда Производственный Союз найдет их необходимыми» (§ 82). Абсолютным новшеством была оплата брака, происшедшего не по вине рабочего «по нормальной тарифной ставке», а брак по вине рабочего – двумя третями тарифной ставки. Брак не оплачивался при небрежном отношении трудящегося к выполняемой работе (§ 95). Определение причины брака отдавалось в ведение местной Расценочной Комиссии (§ 96). Положение предусматривало и «оплату при приостановке работ», что также являлось новаторством в советской системе регулирования оплаты труда (§ 97).

С целью преодоления технической неграмотности и потребности в квалифицированной рабочей силе (ст. 1) был принят Декрет СНК РСФСР «Об учебно-профессиональной технической повинности» от 29 июля 1920 г., распространявший свое действие на всех рабочих промышленных предприятий и железных дорог Республики (ст. 19) с 18 до 40 лет (п. «1» ст. 1) при сохранении полного заработка (ст. 11). Нарушение учебной дисциплины и учебной повинности рассматривалось как уклонение от трудовой повинности, а непосещение курсов – как прогул (ст. 15). 21 марта 1921 г. был принят Декрет СНК и ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», ознаменовавший собой начало проведения новой экономической политики и значительно изменивший область регламентирования трудовых правоотношений с участием наемной рабочей силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валетов Т.Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическая история. Обозрение. 2007. Вып. 13. С. 37.
2. Цит. по: Антонова Л.И. «Революционная кодификация законодательства РСФСР (1920–1930 гг.)» // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2008. № 4 (32). С. 137.
3. Стучка П.И. Революционная кодификация // Революция права. 1929. № 5. С. 15.

4. Декрет СНК РСФСР «О восьмичасовом рабочем дне» от 30 октября 1917 г. // Собрание Узаконений РСФСР. 1917. № 1. Ст. 10.
5. Декларация прав народов России // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 39-41.
6. Положение СНК РСФСР о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. // Там же. С. 78-85.
7. Положение ВЦИК и СНК «О страховании на случай безработицы» от 11 декабря 1917 г. // Там же. С. 201.
8. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Там же. С. 321-323.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10 июля 1918 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 5 июля 1918 г. № 138.
10. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г. // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87-88. Ст. 905.
11. Декрет СНК РСФСР «Об учреждении инспекции труда» от 17 мая 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 279-281.
12. Временные правила об отпусках от 14 июня 1918 г. // Там же. С. 433-434.

М.В. СМИРНОВА

РОЛЬ Г.В. ЧИЧЕРИНА В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Георгий Васильевич Чичерин, нарком по иностранным делам РСФСР (с 1922 г. – СССР) заложил основы организации и деятельности дипломатического ведомства и принципы внешней политики молодого советского государства. Тема актуальна как с точки зрения активного интереса к периоду 1920-х гг., в том числе к изучению эволюции международного положения СССР, так и в связи с растущим вниманием к роли конкретной личности в истории. До сих пор ряд вопросов остается в дискуссионном поле. Советское государство на этом этапе завоевывало свое место в новой системе взаимоотношений между государствами, сложившейся после Первой мировой войны. Изучение вклада Г.В. Чичерина в процесс превращения Советской России/СССР в полноценного партнера на мировой арене позволяет лучше осмыслить механизмы и оценить методы работы внешнеполитического ведомства. Вместе с тем исследование личности и деятельности наркома по иностранным делам дает дополнительный материал по истории Коммунистической партии, политики правительства. Знание условий, в которых действовал Чичерин, позволит многое понять и по-новому оценить место 1920-х гг. в истории России. Цель статьи – выявить роль и эффективность работы наркома по иностранным делам в период формирования внешнеполитических позиций Советского государства и взаимоотношений страны с окружающим миром.

Г.В. Чичерин стал наркомом по иностранным делам 30 мая 1918 г. (1), имея значительный опыт работы за границей и проявив себя лидером, способным реализовывать поставленные перед ним задачи. С самых первых дней своей деятельности он начал разрабатывать принципы и стиль советской политики на мировой арене, содействующие росту престижа дипломатии большевистского государства. Аристократическое происхождение наркома и блестящее образование позволяли ему вести переговоры наравне с западноевропейскими дипломатами. Несмотря на недоверие к Г.В. Чичерину со стороны некоторых членов властной верхушки, наркома все уважали ввиду его фантастической работоспособности и преданности делу.

Чичерин был разносторонней, энциклопедически образованной, творческой личностью, гуманистом, как и его знаменитые родственники. Он прекрасно владел словом, говорил на нескольких языках, знал историю дипломатии Запада. Эрудиция, культура, манеры, интеллект, глубокие познания в истории, красноречие – все эти качества делали Г.В. Чичерина незаурядным дипломатом и квалифицированным руководителем Наркоминдела.

Став наркомом по иностранным делам, Чичерин взял на себя большую ответственность за укрепление позиций своей страны на мировой арене. Также ему постоянно приходилось, лавируя между партийной дисциплиной и служебным долгом, проводить курс руководства по реализации внешней политики, направленный на выполнение революционной партийной программы, но одновременно с этим стараться наладить мосты сотрудничества со странами, готовыми признать Советскую Россию и ее правительство (2).

3 марта 1918 г. состоялось важное событие – Г.В. Чичерин подписал Брестский мир. Позднее в своей статье «Два года внешней политики», уже будучи наркомом, он писал: «Советское правительство сознательно шло на тяжелые испытания, подготовленные брестским договором, зная, что рабоче-крестьянская революция будет сильнее империализма и что передышка означает путь к победе» (3). В самом начале Георгий Васильевич возражал против Брестского мира, потому что это было, скорее, не соглашение, а принятие условий второй стороны, Германии. Также он отмечал, что этот документ не гарантирует незыблемость границ и суверенитет Советской России и не определяет статус отношений двух стран. Его оценка намерений Германии оказалась верной. Несмотря на собственную позицию, отличную от ленинской, он предпринимал попытки договориться о мире.

Против этого мира также выступили страны Антанты, но уже по другим соображениям. Выход России из войны расценивался как нарушение договора от 23 августа 1914 г. о незаключении сепаратного мира. Воспользовавшись Гражданской войной в России, Англия, Франция начали интервенцию в надежде удовлетворить свои геополитические амбиции. В опубликованной в декабре 1919 г. статье «Доклад народного комиссара по иностранным делам» он указывал, что война с Антантой была нам навязана без всякого вызова с нашей стороны и что за все время этой войны Советское правительство делало все от него зависящее для прекращения вражды двух сторон (3).

На протяжении всей своей карьеры Г.В. Чичерин придерживался принципов мирного сосуществования, активно и последовательно претворяя их в жизнь. «Наш лозунг, – говорил он на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. во время третьего похода Антанты на Советскую Россию, – был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были». Он также отмечал: «Мы силою никуда не приносим коммунизма, и наши соседи это знают; они знают, что мы не угрожаем им ни нападением, ни насильственным навязыванием нашего строя...» (3).

При наличии множества проблем и противоречий в советской внешней политике 1920-х гг. все-таки можно выделить несколько главных задач: переломить ситуацию на международной арене и укрепить положение Советского

государства; обеспечить защиту от интервентов, а также от экономического и идеологического давления других стран. Чичерин намерен был создать «пояс безопасности», буферную зону из дружественных государств, чтобы обезопасить государственные границы.

Стоит отметить, что заключение мирных договоров было возможно только благодаря дипломатическому искусству Чичерина, потому что он представлял интересы Советского государства в качестве человека, проповедующего идею мира и взаимовыгодных торговых отношений со странами, чей суверенитет он считал незыблемым. Так, договор с Эстонией призван был укрепить веру западных стран в то, что Чичерин – миротворец. Заключение договоров с прибалтийскими государствами, а также с Польшей положило конец поддержке Англией интервенции. Им импонировало «мирное наступление», которое претворял в жизнь Георгий Васильевич. Правительство Ллойд Джорджа надеялось на скорое заключение торговых договоров. К 1921 г. Советская Россия вышла из международной изоляции, и ее границы были в безопасности. Но, что еще более важно, у западных и прибалтийских стран сложилось впечатление о главе советского внешнеполитического ведомства, как о поборнике мира.

Чичерин прекрасно осознавал, что одним принципом мирного сосуществования Запад не успокоить, и нужно пойти на более конкретные меры и уступки, чтобы получить его доверие и признание де-юре советской власти. Главными мерами по реализации этой задачи были бы выход Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина из Исполкома Коминтерна, а также официальное признание российских долгов перед кредиторами из других стран. Западные державы требовали от Советского государства 14 млрд. рублей золотом (4). В.И. Ленин категорически отказывался идти на эти уступки, а требования, которые предъявлял Запад в связи с уплатой долгов, считал грабежом. Только вследствие неотступности от своих позиций Чичерина Политбюро ЦК РКП(б) при подготовке к международной конференции в Генуе утвердило его проект предложений с поправками В.И. Ленина. Это было очень важным действием со стороны Советской России в отношении развития диалога с Западом.

В Генуе Г.В. Чичерин изложил программу мирного сосуществования, он также отметил готовность Советской России принимать участие в процессе экономического сотрудничества и восстановления Европы. Глава советской делегации заявлял, что правительство готово пойти на разоружение, но при условии, что от капиталистических держав последуют аналогичные действия. Также Чичерин предложил создать новый орган, занимающийся международной безопасностью и основанный на политическом равенстве – Совет Народов, который, как он полагал, может занять место Лиги Наций. Эта речь задала тон конференции, однако страны Антанты по-прежнему требовали полной компенсации довоенных долгов и выплаты компенсации иностранным частным лицам, и лишь после этого готовы были бы приступить к обсуждению вопросов о кредитах и признании Советской республики. Однако позиция Ленина оставалась по этому вопросу непоколебимой, и переговоры зашли в тупик.

В этот момент Чичерин принял решение обратиться к германской стороне. 16 апреля 1922 г., после продолжительных переговоров, был подписан

Рапалльский договор. В этом документе было несколько статей, в которых содержались взаимный отказ от претензий, связанных с военными расходами, возобновление дипломатических и экономических отношений, отказ Германии от претензий, связанных с национализированной германской собственностью. Рапалльский договор явился воплощением принципа мирного сосуществования. Теперь Германия предлагала Советской республике кредиты, юридическое признание и торговые отношения. Этот договор можно в полной мере считать заслугой Чичерина, так как именно благодаря дипломатическому искусству, которым обладал этот выдающийся человек, стало возможным заключение столь важного соглашения, ставшего первым шагом к выходу из дипломатической изоляции. Также, будучи в Генуе, Чичерин заключил торговый договор с Чехословакией. Так что для кого-то Генуя и Рапалло стали, возможно, провалом, но только не для него.

При Георгии Васильевиче советскую дипломатию отличали прагматизм, приоритет национального интереса, поиск совпадающих позиций с другими государствами, отказ от риторики и пропаганды. После Генуи и Рапалло внешнеполитические успехи Советской России стали восприниматься за рубежом как личная заслуга Чичерина. Однако соглашения с бывшими союзниками достигнуто не было из-за непримиримости советской стороны по вопросу о выплате долгов. Следующей важнейшей внешнеполитической акцией стала Лозаннская конференция (ноябрь 1922 г. – июль 1923 г.), на повестке дня которой стоял вопрос о контроле над черноморскими проливами. Георгий Васильевич выступал в Лозанне как последовательный защитник геополитических интересов России в этом регионе. Он рассчитывал на развитие отношений с Турцией и полагал, что они станут фактором укрепления позиций страны на Ближнем и Среднем Востоке. Правительства Англии, Франции и Италии, которые предложили созвать эту конференцию, предполагали использовать ее в своих интересах для воплощения империалистических планов, что и было осуществлено. Вот как высказался Чичерин в статье «Лозаннская конференция и мировое положение»: «Открытие проливов для чужих военных судов ставит важнейшие области Турции под вечную угрозу» (3).

Однако ввиду смены премьер-министра Великобритании растущая напряженность между странами сошла на нет, последовало признание юридической правомочности Советского правительства, 1 февраля 1924 г. с Англией были установлены дипломатические отношения (5). Такой важный шаг юридического признания Великобританией в 1924 г. побудил многие другие страны установить дипломатические отношения с СССР. В этом же году последовала «полоса признания». Италия, Австрия, Китай, Дания, Франция, Греция, Мексика, Норвегия, Швеция признали юридический статус СССР. Также к соглашению с Советами пришла Япония, но уже в 1925 г. На II сессии ЦИК Союза ССР 18 октября 1924 г. Чичерин докладывал: «Эта серия признаний служит ярким показателем упрочения международного положения Союза ССР. Его международный вес и влияние сильно выросли; это доказывается стремлением ряда правительств развивать с Союзом ССР дружественные отношения» (3).

С поражением революций на Западе актуализировалось восточное направление внешней политики, взоры Советской России обратились к Азии. Основной целью было предотвращение новых конфликтов на международной арене и военных столкновений с западными империалистическими державами, преследующими свои интересы в Азии (5). Китай рассматривали как локомотив продвижения социалистических революций на Дальнем Востоке. Чичерин поддерживал китайское национально-освободительного движение, вел переписку с Сунь Ятсеном, лидером партии гоминьдан, боровшейся за национальное освобождение. В этой переписке Чичерин обещал оказание всяческой помощи и поддержки в случае необходимости. Предпринимая данные шаги, он осознавал необходимость развития дипломатических отношений и с другими странами Азии и Востока, стремился превратить Центральную Азию и Средний Восток в сферы влияния Советского Союза, тем самым вытеснив из этих регионов доминирующую здесь Великобританию. Он считал, что установление взаимовыгодных отношений с Афганистаном, Персией и Турцией могут послужить «заслоном» против держав Запада.

Стремясь воплотить поставленные цели, Чичерин заключил договор с Персией о дружбе и дипломатическом признании 26 февраля 1921 г., двумя днями позже Советы заключили аналогичный договор с Афганистаном, а 16 марта 1921 г. было заключено соглашение с Турцией. Затем последовал договор с последней об оборонительном союзе. Особенно актуальным этот вопрос стал после Локарнских соглашений 1925 г. СССР планировал установить кордон из нейтральных государств в Азии и на Востоке против Рейнского оборонительного пакта. Договор с Турцией 1925 г. Чичерин считал лишь началом и полагал, что это соглашение будет образцом для заключения подобных договоров. Он искренне был убежден, что лишь Советский Союз может предоставить Афганистану, Персии и Турции условия, на которых они смогут независимо развивать собственную экономику без воздействия Запада. Усилия наркома увенчались успехом. 22 апреля 1926 г. Турция и Персия подписали договор о нейтралитете и ненападении, аналогичное соглашение было подписано с Афганистаном 31 августа того же года. Таким образом, удалось создать пояс, который служил защитой в случае новой интервенции, а также нейтрализовать Локарнские соглашения.

Подводя итоги, стоит сказать, что роль Г.В. Чичерина в становлении советской внешней политики невозможно переоценить, так как именно он заложил основы развития отношений СССР как со странами Запада, так и Востока. Став главой внешнеполитического ведомства, он сам набирал штат сотрудников в Наркоминдел, организовывал их работу и следил за ее выполнением, проверял документы, письма, доклады, выполняя львиную долю обязанностей, лежавших на его ведомстве. Георгий Васильевич всегда прекрасно справлялся со своим делом и усердно работал для развития внешних связей СССР. Во время международных конференций он показал себя как компетентный представитель внешнеполитического ведомства, который мог «соревноваться» с лидерами и представителями других стран. В том числе благодаря международному авторитету Чичерина Россия вернулась в мировую политику. Не случайно «звезд-

ным часом» дипломатической карьеры наркома считают Рапалло, после чего последовал ряд взаимовыгодных договоров с другими странами. Его заслугой стало расширение зоны влияния СССР на Востоке и в Азии. Международный принцип, который он взял за основу для укрепления позиций СССР на международной арене – мирное сосуществование – оказался успешным.

Однако противоречивость и двуликость советской внешней политики – между реальной политикой и курсом на мировую революцию – привели к тому, что отношения между Г.В. Чичериным и партийным руководством ухудшились. Несмотря на успехи, которые он делал на международной арене в рамках реальной политики, его инакомыслие и расхождения с другими членами правительства стали причиной его ухода с поста наркома, а также моральной и политической изоляции. Но служение Чичерина долгу, его роль в становлении советской внешней политики дают основания гордиться нашим выдающимся соотечественником.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 51.
2. Макаренко П. Нарком Г.В Чичерин и советская внешняя политика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 105-111.
3. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 7, 9-10, 250, 298.
4. О'Коннор Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика. 1918–1930. М., 1991. С. 117.
5. Редченко Д. Г.В. Чичерин и Советская внешняя политика в странах Востока // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2009. № 1. С. 104.
6. Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М., 2010. С. 4.

В.А. СОМОВ

К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ РОЛИ И.В. СТАЛИНА В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

За последние десятилетия об этом человеке написано столько научных текстов, что один их анализ может претендовать на новую отрасль исторического знания – сталиноведение. Находиться среди исследователей «жизни и творчества» вождя в разные времена было и почетно, и опасно, и выгодно, и ответственно, но мало когда – научно продуктивно. Почему? Потому что большинство авторов пытались оценить личность на фоне эпохи, в определенных исторических обстоятельствах, нередко с уже заданными «параметрами» этих обстоятельств. При этом их оценка зависела от разнородных по фактическому составу и разнонаправленных по цели факторов. Неудивительно поэтому, что до сих пор нет более или менее стабильного научно обоснованного оценочного суждения относительно «вопроса мирового значения», по выражению Мао Цзэдуна (1).

По мере расширения интереса к личности И.В. Сталина все очевидней становится необходимость методологического перелома в этом вопросе. *Не судить о человеке в рамках эпохи, а дать оценку эпохе и уже из нее выводить оценку человека в соответствии с его социальной ролью в данный период* – вот что нужно для научного осмысления проблемы. Одним из первых такой методологический подход предложил А.А. Зиновьев (2). Оценить эпоху в целом, в

сравнении с другими по временной и пространственной протяженности цивилизации, а уж потом раздавать всем «сестрам по серьгам» – вот что необходимо для научно обоснованного, стремящегося к «субъективной беспристрастности» анализа. Сначала проанализировать сущность исследуемого социального объекта (в нашем случае – СССР второй половины 1920-х – начала 1950-х гг.), затем и только на основании полученных данных выяснять роль каждого в организации его социального бытия. Данный индуктивный метод логической социологии всесторонне описан в работах А.А. Зиновьева (3) (4).

Нетрудно заметить, что для оценки эпохи, например, 1930-х годов, или периода Великой Отечественной войны, или в целом тридцатилетия (1924–1953 гг.) у нас есть все необходимые данные. Безусловно, для этого потребуется длительная работа целого ряда специалистов.

Во-первых, необходимо привлечь современные диссертационные исследования, *напрямую не затрагивающие интересующую нас проблематику,* посвященные вопросам регионального и отраслевого характера. Комплекс научных (диссертационных) исследований по различным отраслям науки и техники является источником если не объективного, то вполне беспристрастного анализа роли каждого руководителя данной отраслью в определенный исторический период. Сюда можно добавить диссертации по философии, педагогике, искусствоведению и т.д. Даже беглого знакомства с выводами многочисленных и независимых друг от друга ученых будет достаточно, чтобы признать несомненные успехи советского общества, достигнутые после окончания гражданской войны. В этом контексте достижения второй половины XX в. (в том числе полет в космос!) представляются результатом хоть и затухающего, но еще инерционного развития. Каждый руководитель определенной отрасли должен оцениваться (именно как руководитель – определяющее лицо) в соответствии с критериями успешного развития и функционирования руководимого им общественно значимого сектора, руководитель макросистемы – по совокупности успешного функционирования микросистем.

Во-вторых, для социоисторического анализа будут полезны демографические характеристики. Несмотря на то что спорным сегодня является тезис о непосредственной зависимости рождаемости от материальных условий жизни, трудно отрицать тот факт, что убыль населения (за исключением естественной) в указанный период была вызвана, главным образом, внешними причинами – бесчеловечными по своим целям попытками продвижения на Восток фашистской Германии. Трудно также отрицать, что, несмотря на гигантские потери (27 млн. человек во Второй мировой войне), Советский Союз нашел внутренние ресурсы для восстановления. Без адекватной демографической и социальной политики сделать это было бы просто невозможно. А учитывая то, что и до, и после войны развивалась социокультурная сфера, был обеспечен 8-часовой рабочий день, а в планах было установление 5-часового рабочего дня, сделано это было отнюдь не одними лишь принудительными мероприятиями власти.

В-третьих, эти замечания по понятным причинам могут вызвать возражения со ссылкой на личный опыт или опыт знакомых (родственников). Поэтому необходимо сказать несколько слов о таком специфическом источнике как ме-

муары. Представляется, что воспоминания свидетелей эпохи должны оцениваться не метафизически «дистиллированно», а также в соответствии с той социальной ролью, которую играли в тот или иной исторический период авторы воспоминаний. Как говорил немецкий философ XVIII в. Иоганн Годфрид Гердер: «Всякий человек любит свою страну, свои нравы, свой язык, свою жену, детей не потому, что они лучше всех на свете, а потому что они показали, что принадлежат ему, потому что в них он любит себя самого и труд свой» (5). Военачальники и солдаты, ученые и государственные деятели, рабочие и инженеры – все, кто приложил усилия для создания, а затем для защиты государства, все, кто ценил труд свой на благо Отчизны, отзываются об этой сложной эпохе, в целом, положительно.

Иное мы наблюдаем, когда знакомимся с оценкой периода «жертвами системы». В качестве примера можно привести воспоминания 454 таких «жертв», на основе которых осуществлено исследование британского историка О. Фигеса (Файджеса) (Orlando Figes) «Шептуны. Частная жизнь сталинской России» (6). В случае с Файджесом, как видно из иностранной печати (The Guardian), профессиональной оценке подверглись методы, используемые автором (7). Выдумывать, приписывать, «допускать неточности», при этом оставлять на профильных интернет-порталах положительные отзывы о своих изданиях и отрицательные о работах коллег – методика, далекая от принципа «субъективной беспристрастности», предложенного А.А. Зиновьевым! Думается, что качество и научная значимость таких выводов соответствуют методам.

В-четвертых, при осуществлении масштабного исследования необходимо еще прибегнуть к свидетельствам очевидцев – гостей из-за рубежа (например, Джозефа Дэвиса, Лиона Фейхтвангера и др.). Их мнения необходимо также оценивать, исходя из конкретной исторической обстановки и целей, которые они преследовали. Например, характерным представляется высказывание посла США Д. Девиса о социально-экономическом строительстве в СССР. 9 марта 1937 г. в сообщении пресс-секретарю Белого дома Стиву Эрли он писал: «Нельзя не отдавать себе отчет в том, что здесь вызревают силы, с которыми будущему придется считаться. При условии мира они достигнут крупных экономических успехов». 6 октября Дэвис с нескрываемым опасением пишет министру Х. Каммингсу: «Они делают здесь так много хорошего, что это поистине прискорбно» (8).

В заключение выскажу гипотезу: всесторонний беспристрастный полидисциплинарный анализ социального объекта под названием «СССР 1925–1953 гг.» в качестве результата будет иметь позитивную оценку лица, осуществлявшего стратегическое руководство этим объектом, правда, лишь в случае, если сам этот социальный объект представляет безусловную гражданскую ценность для исследователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мао Цзэдун. Маленькая красная книжица. М., 2007. С. 378.
2. Сомов В.А. Беседина Е.С. А.А. Зиновьев о проблемах исторического познания советской эпохи // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 507-517.
3. Зиновьев А.А. Сталин – нашей юности полет. Социологическая повесть. М., 2002.
4. Зиновьев А.А. Логическая социология. М., 2002.

5. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 23.
6. Figes O. The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia. New York, 2008.
7. РобертБут (Robert Booth), МириамЭлдер (Miriam Elder). В России забраковали перевод Орландо Файджеса из-за обвинений в неточностях // URL: https://inosmi.ru/history/20120525/192567057.html (дата обращения – 18.03.2019).
8. Цит. по: Борисов А.Ю. Мюнхенская трагедия. Размышления о том, чему учит судьба Чехословакии // Международная жизнь. 2017. № 7. С. 115, 117.

Т.П. ФОМИНА

С.А. ЧАПЛЫГИН И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ НАУКИ

5 апреля текущего года исполнилось 150 лет со дня рождения нашего выдающегося земляка Сергея Алексеевича Чаплыгина (5.04.1869 – 8.10.1942). Великий ученый, академик АН СССР, крупнейший специалист в теоретической механике, родился в городе Раненбург, который в 1948 г. был переименован в Чаплыгин (1). После окончания воронежской гимназии в 1886 г. он поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, планируя стать чистым математиком. На его выдающиеся математические способности обратил внимание знаменитый профессор университета Николай Егорович Жуковский, с научными интересами которого и была тесно связана последующая творческая деятельность Чаплыгина.

Научное наследие, оставленное им как в области теоретической механики, так и прикладной математики, разнообразно, очень значимо и было во многом направлено в будущее. Чаплыгин занимался изучением движения твердых тел в жидкости, динамики твердого тела, стесненного связями, движения твердого тела с одной неподвижной точкой, разработкой теории полета, работал над созданием теории крыла (разные профили). Итогом стало решение сложнейших проблем аэромеханики и авиации, в связи с чем его заслуженно считают одним из основоположников гидро- и аэродинамики. Усиленные занятия Чаплыгина по изучению движений твёрдого тела привели его к фундаментальным открытиям в области построения общих уравнений механики. Сергей Алексеевич внес огромный вклад в развитие высшей и прикладной математики. Он никогда не проектировал самолеты, но разработанная им теория движения тел в потоке жидкости или газа позволила производить расчеты и заранее представлять, как поведет себя в воздухе летательный аппарат. Специалисты оперируют такими понятиями, как «формулы Чаплыгина», «параболы Чаплыгина», «уравнение Чаплыгина», «постулат Чаплыгина-Жуковского» (4).

В курсах теоретической механики излагается удобный и достаточно простой приём изучения механических движений методом обобщённых координат Лагранжа. Заслугой Чаплыгина является обобщение уравнений Лагранжа на случаи движений с ограничениями, налагаемыми на скорости некоторых точек движущегося тела. Наиболее существенные исследования проведены им в области аэромеханики, в значительной степени основанной трудами Н.Е. Жуковского и самого С.А. Чаплыгина. Ученый выступил как созидатель новых оригинальных методов исследования в труднейших областях аналитической механики, теории крыла, теории механизированного крыла, неустановившегося движения и аэромеханики больших скоростей. Эти методы вошли в сокровищницу мировой науки как фундамент рациональных расчётов аэроплана.

Следует указать на чрезвычайную сложность всех проблем, которыми занимался ученый. Нужны были необыкновенная проницательность и высокое аналитическое искусство, чтобы в решении этих задач сделать значительное движение вперёд. Уже первые научные исследования характеризуют стиль Чаплыгина: необычайная отточенность предложений, сжатость и даже скупость в выводах, строгая постановка и формулировка проблем с выставлением на вид всех ограничивающих предположений, затем профессиональное математическое исследование. Никаких отступлений и рассуждений по аналогии, всё в рамках строгой логической последовательности суждений. Почти никаких утверждений о важности и актуальности поставленной и решённой задачи, столь излюбленных и пространных у большинства современных авторов.

С.А. Чаплыгин ко всему же интенсивно занимался задачами, которые не относились к теоретической механике. Он исследовал снежные заносы, движение снарядов в канале орудия, занимался расчетом движения поездов. Предложенный им метод приближенного решения задачи Коши для системы обыкновенных дифференциальных уравнений 1-го порядка принадлежит к важнейшим достижениям мировой математической мысли.

Сергей Алексеевич был не только крупнейшим исследователем, но и выдающимся педагогом и организатором. В 1893 г он начал свою педагогическую деятельность с преподавания физики в женском Екатерининском институте, затем преподавал математику и механику в различных учебных заведениях Москвы. С 1894 г. – приват-доцент Московского университета, с 1901 г. – профессор Технического училища (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана), с 1903 г. – профессор Московского университета. В 1905 г. С.А. Чаплыгин был избран директором Высших женских курсов, созданных в 1900 г. группой профессоров и давших женщинам доступ к высшему образованию (тогда женщины не допускались к поступлению в университеты), и заведовал ими до 1918 г. (когда они вошли в Московский университет). Под его руководством Курсы выросли в крупное высшее учебное заведение (он добился их расширения и строительства новых зданий курсов на Девичьем поле в Москве, при нем были открыты медицинский и химико-фармацевтический факультеты), которое подготовило тысячи педагогов, врачей, специалистов по химии, геологии, биологии, истории. Работа директором Курсов создала Чаплыгину высокий авторитет и в 1917 г. он был выдвинут на пост городского головы Москвы, но не был утвержден правительством.

После Великой Октябрьской социалистической революции Чаплыгин начал работать в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ). Первое время он руководил филиалом института под Москвой. После смерти Н.Е. Жуковского, в 1921 г., он избирается председателем коллегии ЦАГИ, а с 1928 по 1931 г. С.А. Чаплыгин – директор. Институт под его руководством превратился в первоклассное исследовательское учреждение. В 1926 г. С.А. Чаплыгин избирается членом-корреспондентом Академии наук, а в 1929 г. – действительным членом. В Академии он возглавил работу группы техники (2).

Уже в 72-летнем возрасте, в конце 1941 г. Чаплыгин организует в Новосибирске практически на пустом месте эвакуированный туда филиал ЦАГИ.

Престарелый учёный каждый день был на строительной площадке и отдавал четкие и ясные распоряжения. Этот филиал ЦАГИ позже стал основой Сибирского отделения АН СССР, а один из учеников Чаплыгина, академик М.А. Лаврентьев, – первым его председателем. Другой его ученик, М.В. Келдыш, в 1957–1975 гг. возглавлял Академию наук СССР (4).

За выдающуюся научно-исследовательскую и организаторскую деятельность учёный в 1928 г. был награждён орденом Трудового Красного Знамени и ему присвоено звание заслуженного деятеля науки. В 1933 г., при праздновании юбилея ЦАГИ, С.А. Чаплыгин награждается орденом Ленина. В 1941 г. он становится – первым из учёных! – Героем Социалистического Труда. 8 октября 1942 г. С.А. Чаплыгин скончался, не дожив до Победы, в которую свято верил и для которой самозабвенно трудился.

Своеобразие и самобытность творческого таланта С.А. Чаплыгина изумляли и восхищали его современников. Результатам его работ, его методам предстоит долгая жизнь. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Указ № 311 «Об увековечении памяти С.А. Чаплыгина и праздновании 150-летия со дня его рождения». По всей стране прошли тематические мероприятия, посвящённые личности ученого (3; 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крапивин Н.Н. Сергей Алексеевич Чаплыгин. Липецк, 1950.
2. Липецкая энциклопедия. Липецк, 2001. Т. 3. С. 476-478.
3. К 150-летию Сергея Алексеевича Чаплыгина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mpgu.su/k-150-letiju-sergeja-alekseevicha-chaplygina/
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shkolazhizni.ru/biographies/articles/15299/
5. Чаплыгин Сергей Алексеевич [Электронный ресурс] // Новосибирская книга памяти: сайт. – Режим доступа: http://www.sibmemorial.ru/node/711.

Н.А. БОЛОТОВ

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ В 1946–1953 гг.

Победа над фашистской Германией поставила перед руководством Советского Союза на первый план вопросы восстановления и послевоенного развития страны. Как отметил в своей работе председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, «задача заключалась в том, чтобы в короткий срок послевоенного периода развития полностью восстановить народное хозяйство освобожденных районов и превзойти довоенный уровень развития всего народного хозяйства СССР» (1).

Главным итогом Великой Отечественной войны была ликвидация угрозы порабощения и геноцида народов СССР. Огромным был масштаб человеческих потерь. Впервые данные о людских потерях были названы И.В. Сталиным в феврале 1946 г., они явно были занижены и оценивались в 7 млн человек. Н.С. Хрущев 5 ноября 1961 г. сообщил уже о двух десятках миллионов жизней советских граждан. К 20-летию Победы 9 мая 1965 г. Л.И. Брежнев сообщил, что страна потеряла в войне свыше 20 млн человек. М.С. Горбачев 8 мая 1990 г. в докладе, посвященном 45-летию Победы, публично объявил, что война унесла почти 27 млн жизней (2).

На территории СССР, подвергавшейся оккупации, было разрушено и разграблено 31850 промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, около 5000 совхозов и МТС, 4100 железнодорожных станций, 3900 больниц, поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 8200 школ, 384 вуза, 1520 техникумов, 427 музеев и 43000 библиотек. Разрушено оккупантами 65 тыс. км. железнодорожных путей. Из 2 млн 567 тыс. жилых домов в городах страны, подвергшихся оккупации, уничтожено и разрушено 1 млн 209 тыс. домов, т.е. свыше 50% всей городской жилой площади, а в сельской местности из 12 млн жилых домов – уничтожено 3,5 млн (3). Это только часть из огромного списка материального ущерба страны. По данным ряда советских и российских историков (Б.С. Тельпуховского, В.П. Попова, Е.Н. Евсеевой), общий ущерб материальных потерь СССР оценивается суммой 2 трлн 600 млрд руб., по данным Г.И. Ханина, эти потери составили порядка 30% национального богатства страны (4). По воспоминаниям А.Г. Зверева (наркома, министра финансов СССР с 1937–1960 гг.), «общие наши потери от прямого уничтожения врагом социалистического имущества достигали 679 миллиардов рублей» (5).

В послевоенные годы треть хозяйства страны лежало в руинах, народ испытывал огромные трудности и лишения. И нельзя согласиться с оценкой ряда либеральных авторов (Г.Х. Попов, В.М. Зубок) и у нас в стране, и на Западе, что И.В. Сталин сразу после окончания войны взял курс на развязывание новой мировой войны, поддерживая сторонников сохранения военной модели мобилизационной экономики в ближайшем своем окружении. Между тем ряд историков (О.В. Хлевнюк, А.В. Пыжиков) говорили о наличии в верхних эшелонах власти разных подходов в определении приоритетов в экономическом развитии страны вплоть до обострения международной обстановки весной 1946 г. (6).

План развития страны в послевоенный период И.В. Сталин изложил в своей предвыборной речи в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. По этому плану к концу 4-й пятилетки, т.е. к началу 1951 г., необходимо было добыть 500 млн тонн угля и 60 млн тонн нефти, выплавить 50 млн тонн чугуна и 60 млн тонн стали и т.д. Это были грандиозные цели, но вполне выполнимые, о чем свидетельствуют итоги непростого 1946 г., когда было добыто почти 164 млн тонн угля и 22 млн тонн нефти, выплавлено 13,3 млн тонн стали и 9,9 млн тонн чугуна (7). Развивались как гражданские, так и военные отрасли народного хозяйства страны.

В конце декабря 1947 г. состоялось расширенное заседание Бюро Совета Министров СССР, где основным вопросом рассматривался проект плана восстановления и развития народного хозяйства страны на новый финансовый год. Одной из главных задач был определен рост материальных благ советских граждан (8). И.В. Сталин поддержал председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского на заседании Политбюро ЦК партии по сокращению объема капиталовложений, финансовые средства предлагалось выделять только на пусковые объекты, сделать основной упор «на производство товарной массы и насыщение потребительского рынка» (9).

Уже к концу 1948 г. валовой объем промышленного производства вместо запланированных 19% вырос на 27% и достиг довоенного уровня, а к концу

1950 г. превзошел его на 75% вместо 48% по плану 4-й пятилетки. Многие видные российские экономисты считают этот экономический рост в СССР, без всяких преувеличений, советским экономическим чудом, так как послевоенное восстановление в СССР шло гораздо интенсивнее, чем в тех же Германии и Японии, развивающихся на помощь и деньги по плану госсекретаря США Маршалла (10). За годы 4-й пятилетки в стране было восстановлено и введено в строй более 6200 промышленных предприятий, в том числе знаменитый Днепрогэс, угольные шахты Донбасса, металлургические заводы Запорожья, тракторные заводы в Харькове и Сталинграде, нефтеперерабатывающие заводы в Баку, Куйбышеве и Омске, газопровод Саратов–Москва и многие другие промышленные гиганты Советского Союза.

Необходимо отметить, что грандиозные успехи в восстановлении экономики страны были достигнуты за счет целого ряда внутренних и внешних факторов. Рассмотрим более подробно внутренние источники индустриального роста. Во-первых, это мобилизационный характер советской экономики, о которых детально рассматривают в своих работах председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский и министр финансов СССР А. Г. Зверев (11), а последующие этапы плана подробно анализируют в своих научных трудах многие историки и экономисты. В рассматриваемый период это выразилось: в усилении административно-командного стиля управления, надзора и контроля за всеми министерствами и ведомствами; в концентрации всех финансовых и трудовых ресурсов за счет социально-экономических программ, сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности; в сохранении довоенной политики навязывания населению государственных займов и неэквивалентного товарооборота между городом и деревней, системным нарушением трудового законодательства.

Во-вторых, трудовой и творческий потенциал советских людей, выражавшийся в самоотверженном труде, производственном героизме и в многочисленных починах разных форм социалистического соревнования, в движении бригад отличного качества, «скоростников», «двухсотников» и т.п. В-третьих, быстрая конверсия военного производства и снижение доли военных расходов в госбюджете страны с 43% до 24% (этот процесс был остановлен начавшейся гонкой вооружения из-за обострения международной обстановки); существенное сокращение численности армии и флота с 11,5 млн до 3 млн человек, что позволило в короткие сроки обеспечивать весь народно-хозяйственный комплекс трудовыми ресурсами от 8-10 млн человек (12). В-четвертых, использование труда спецпереселенцев из числа репрессированных немцев, калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей и представителей других народов СССР общей численностью в 2 млн человек; 2 млн немецких, японских и др. военнопленных; заключенных ГУЛАГа, из числа власовцев, бандеровцев, «лесных братьев», других антисоветских элементов и фашистских прихвостней – их общая численность составляла около 2,6 млн (13).

В-пятых, масштабные изменения всей системы управления экономикой страны. В сентябре 1945 г. были упразднены ГКО с передачей его функций СНК, а с марта 1946 г. СМ СССР; ликвидированы отраслевые отделы в ЦК партии и ряда военно-промышленных наркоматов, министерств; выдвижение на

должности в союзных министерствах молодых управленцев (М.В. Хруничева, Н.К. Байбакова, А.Х. Засядько и многих других) и сохранение на прежних должностях проявивших себя в годы войны руководителей (Д.Р. Устинова, М.Г. Первухина, Н.Ф. Тевосяна, П.Г. Ломако). В-шестых, отмена карточной системы, проведение денежной реформы 1947 г. и ежегодное снижении розничных цен в последние годы жизни И.В. Сталина. Задача была изъять из наличного оборота излишнюю денежную массу, стабилизировать бюджет страны, повысить покупательную способность советских граждан, стимулировать развитие внутренней торговли и оборота.

На быстрый экономический рост советской экономики в послевоенные годы оказывали огромное влияние и внешние источники.

По данным российских исследователей, германские репарации обеспечили почти 50% поставок всего промышленного оборудования, станочного парка с 3500 германских, польских предприятий, в том числе 450 военных заводов (14). На советских предприятиях трудилось около 300 тысяч арестованных и интернированных немцев из числа мирного населения (15). Западные «партнеры» создали максимум препятствий для получения 10 млрд. долларов военных репараций, в силу этих обстоятельств СССР получил только 4,3 млрд долларов. А по мнению ученого-экономиста В.Ю. Катасонова, и того меньше – лишь 3-4% от того гигантского ущерба, причиненного Советскому Союзу войной, более того, значительная их часть шла в виде перечисленного выше демонтированного оборудования. Все эти поставки не могли компенсировать отсутствие крупных иностранных инвестиций. По «плану Маршалла», с лета 1947 г. конгресс США выделил для помощи европейским государствам 17 млрд долларов, принять участие в этом проекте приглашался и Советский Союз. Первоначально политическое руководство СССР предполагало принять участие в работе Парижской международной конференции, даже сформировало официальную правительственную делегацию во главе с министром иностранных дел В. М. Молотовым. Однако, более детально изучив условия представления этой помощи, одним из аспектов которой был ярко выраженный антикоммунизм, СССР отказался от участия в этом «плане», настояв на неучастии в нем и стран «народной демократии» (16).

Необходимо отметить, что «план Маршалла», как и многие другие проекты американской администрации (Т. Трумэна, Дж. Дэвиса), были направлены на разжигание холодной войны и имели ярко выраженный антисоветский курс. Создание в январе 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) с участием СССР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Румынии являлось реальной альтернативой американской экономической экспансии. Это позволило странам «народной демократии» создать единый экономический рынок, проводить согласованную финансовую, таможенную и торговую политику, разрабатывать долгосрочные планы и программы совместного сотрудничества.

Как видно, взаимодействие внутренних и внешних факторов сыграли важную стратегическую роль в быстром восстановлении экономического потенциала СССР в рассматриваемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 157.
2. Александров-Деркаченко П. Горькая правда потерь // Историк. Великая Отечественная война 1941–1945. Специальный выпуск. М., 2016. С. 88.
3. Вознесенский Н.А. Указ. соч. С. 159-161.
4. Спицын Е.Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945–1953 годах. М., 2018. С. 5.
5. Зверев А.Г. Сталин и деньги. М., 2012. С. 163.
6. Спицын Е.Ю. Указ. соч. С. 10-11.
7. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 103.
8. Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана» // ОИ. 2001. № 3. С. 21.
9. Зверев А.Г. Указ. соч. С. 166.
10. Спицын Е.Ю. Указ. соч. С. 19.
11. Вознесенский Н.А. Указ. соч. С. 181; Зверев А.Г. Указ. соч. С. 165.
12. Спицын Е.Ю. Указ. соч. С. 25.
13. Там же.
14. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 18; Катасонов В.Ю. Россия в мире репарации. М., 2015.
15. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 37.
16. Емельянов Ю.В. Сталин: на вершине власти. М., 2007. С. 41.

Е.Е. ТЕМНИКОВА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одно из главных мест в ряду проблем истории советского общества занимает история крестьянства в послевоенные годы. Первые послевоенные годы – это период восстановления хозяйства, в который ценой величайших усилий трудящиеся Советского государства смогли устранить тяжелые раны войны и решить основные задачи по восстановлению народного хозяйства. Недооценка трудностей восстановления сельского хозяйства в первые послевоенные годы была логическим следствием широко распространенной в то время ошибочной точки зрения, будто бы сельское хозяйство вышло из войны окрепшим, что в колхозах выросла производительность труда, укрепилась экономика и в четвертой пятилетке нужно было только развивать, наращивать успехи колхозного производства (1).

Изучение первых послевоенных лет началось сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Однако вопрос в историко-партийной литературе рассматривался под углом зрения руководящей роли коммунистической партии. Авторов публикаций в основном занимали решения партии и правительства по вопросам развития сельского хозяйства. Работы Н.И. Анисимова, Б.А. Степанова и С.С. Сергеева рассказывают о трудовой активности крестьянства, рассматривают проблемы сельскохозяйственного производства в послевоенное время (2). Литература этого периода несет определенный идеологический отпечаток, но при этом содержит в себе огромный фактический материал. Однако не все исследования раскрывают всю сложность восстановительного периода, который рисуется относительно легким. Такая оценка далеко не соответствовала действительности, так как происходило преуменьшение трудностей, имевших место в деревне того времени.

Новый период в исторической науке связан с изменениями, которые произошли в политической жизни страны после XX съезда КПСС. С этого времени

увеличились возможности для углубления исследования сложных процессов, происходивших в послевоенной деревне. В этот период появляются различные статистические материалы (3), был издан ряд сборников документов (4). Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. историки стали уделять большое внимание изучению материального положения крестьянства. Эти проблемы освещены в работах Д. Чершеева, В.Г. Фурова и Н.С. Лагутина (5). Многие монографии данного периода рассматривают время восстановления сельского хозяйства на примере регионов. Эти работы подготовили условия для создания обобщающих трудов, которые позволили глубже изучить особенности восстановления и развития послевоенного сельского хозяйства в различных районах страны. Значительный вклад в исследование аграрной проблематики был внесен И.Е. Зелениным (6). Отличительной чертой его монографии является охват большого объема фактического материала, на основе которого раскрывается сущность организации управления аграрным сектором. Значительное место в его труде отведено вопросам послевоенного восстановления: укреплению материально-технической базы, подготовке кадров, а также бытовому положению работников совхозов.

Особое внимание необходимо уделить трудам, которые появились в науке в период 1970-х – 1980-х гг. В это время историки-аграрники опубликовали ряд обобщающих работ, которые посвящены не только сельскому хозяйству, но и материальному положению крестьян послевоенного времени. Такие сборники, как «Советское крестьянство 1917–1970: краткий очерк истории» и «Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950» (7) раскрывают комплекс важнейших проблем истории советской деревни в первые послевоенные годы: состояние сельского хозяйства страны после Великой Отечественной войны, разработку и осуществление партией и правительством программы его восстановления, создание материально-технической базы и рациональное использование трудовых ресурсов с целью подъема сельского хозяйства. В работах Д.В. Валового и В.Г. Венжера (8) освещается процесс развития различных форм хозяйствования на селе. Также к 1970-м гг. относятся труды В.П. Данилова и Ю.В. Арутюняна (9), которые отражают социально-демографические изменения в деревне. Весомый вклад в изучение истории советской послевоенной колхозной деревни внесла А.П. Тюрина (10). Ее монография о формировании кадров специалистов и организаторов колхозного производства в период с 1946 по 1958 гг. дополняет опубликованные ранее исследования.

Важным этапом в развитии советской историографии по данной теме явился многотомный коллективный труд «История советского крестьянства» (11). Четвертый том этой фундаментальной работы посвящен истории крестьянства в период восстановления сельского хозяйства. Коллективом авторов был изучен и обобщен значительный материал по развитию деревни в условиях перехода к мирному строительству, восстановлению материально-технической базы колхозов в послевоенный период. Впервые в работе исследуется динамика жилищного строительства, а также рост материального и культурного уровня сельских жителей.

Вплоть до 1991 г. историкам-аграрникам так и не удалось выйти из-под влияния партийной идеологии. Только после крушения советской политической системы появились предпосылки для создания более объективных трудов по истории взаимоотношений власти и крестьянства. Ликвидация идеологических установок, а также открытие архивов способствовали рассмотрению аграрных проблем с новой стороны. Все это легло в основу появления многообразия в оценках некоторых событий и явлений. Среди авторов этого периода необходимо отметить работы О.М. Вербицкой и Е.Ю. Зубковой (12). Ими была предпринята попытка нового осмысления истории крестьянства в послевоенные годы. В трудах были раскрыты ранее неизвестные процессы отечественной истории, а также изучены доходы, структура потребления, быт и отдельные стороны духовной культуры крестьянства.

С началом XXI в. стали появляться труды, которые в своей основе имели социально-культурные характеристики деревни на всем протяжении советской истории (13). Также были опубликованы исследования по вопросам повседневной жизни советского крестьянства. Некоторые работы выделялись гендерным подходом к истории советского села (14). В монографии В.Н. Томилина на первый план выдвинуто изучение машинно-тракторных станций послевоенного времени. Автор рассказывает, как с помощью МТС в сельское хозяйство внедрялись индустриальные методы производства, которые позволил государству перераспределять материальные и трудовые ресурсы (15).

Несмотря на огромное количество трудов, которые рассматривают проблемы послевоенной советской деревни, до сих пор существует много открытых вопросов, одним из которых является региональный аспект данной проблемы. Историки-аграрники особое внимание стали уделять восстановительной деятельности районных комитетов партии конкретных территорий. Актуальность данной темы и потребность в ее дальнейшем изучении осознаются и представляются необходимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 годах. М., 1972. С. 5-6.

2. Анисимов Н.И. Советское крестьянство. М., 1947; Степанов Б.А. Воспитание руководящих колхозных кадров. М., 1948; Сергеев С.С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение мелких сельскохозяйственных артелей. М., 1951.

3. Сельское хозяйство СССР. М., 1960.

4. История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917 –1958 гг. М., 1958.

5. Чершеев Д. Дальнейшее повышение материального благосостояния колхозного крестьянства: после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. М., 1959; Фуров В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства, 1953-1959: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей. М., 1967; Лагутин Н.С. Проблемы сближения уровня жизни рабочих и колхозников. М., 1965.

6. Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1945–1950 гг. М., 1969.

7. Советское крестьянство: 1917–1970: краткий очерк истории. М., 1973; Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950. М., 1978.

8. Валовой Д.В. Межколхозная и государственно-колхозная кооперация. М., 1977; Венжер В.Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М., 1979.

9. Данилов В.П. Социальная структура советской деревни: По данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР: сборник статей. М., 1976; Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

10. Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства, 1946–1958 гг. М., 1973.

11. История советского крестьянства. В 5 т. М., 1986–1988.

12. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы (1945–1964). М., 1993.
13. Большаков В.П. Крестьянское бытие: опыты теоретические и практические. Тюмень, 2008.
14. Денисов Л.Н. Женщины русских селений: трудовые будни (в период с 1945 по конец 1990-х годов). М., 2003.
15. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009.

В.Н. ТОМИЛИН

КОЛХОЗЫ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ ПОСЛЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ МТС*

На протяжении длительного периода аграрная политика советского государства выстраивалась таким образом, чтобы обеспечить развитие сельского хозяйства при максимальном перераспределении ресурсов деревни. Главным инструментом ее реализации в 1930-е – 1950-е гг. являлись машинно-тракторные станции. Образование колхозов как крупных сельскохозяйственных предприятий создавало лучшие возможности для использования в земледелии системы машин. Колхозная система могла существовать при подведении под нее определенной машинной базы. Таким материально-техническим базисом колхозной системы стали машинно-тракторные станции. В 1957 г. в СССР насчитывалось 7903 МТС, из них 540 – в Центральном Черноземье. МТС в послевоенное время превратились в крупные центры механизации сельского хозяйства, они механизировали наиболее трудоемкие виды работ в колхозах.

Руководство страны с весны 1954 г. делает ставку на целину. Мечтания об изобилии дешевого целинного хлеба обернулись иллюзией. Сама по себе программа освоения целинных и залежных земель потребовала огромных финансовых и материальных ресурсов. Они отвлекались от старых земледельческих центров. Фактически на протяжении первых трех лет целинного штурма сельскохозяйственная техника в старопахотных районах не только не пополнялась, но даже и не обновлялась.

Низкая эффективность колхозного производства во многом определялась слабостью материально-технической базы. Но руководство страны во главе с Н.С. Хрущевым нехватку техники на колхозных полях объясняло плохой работой МТС (1). В итоге, делается вывод: «Существует два хозяина на одной земле – колхозы и МТС. А там, где два хозяина, не может быть хорошего порядка» (2). Н.С. Хрущев совершенно справедливо говорил о том, что в работе на земле не было «хорошего порядка». Прежде всего, его не было при выработке и реализации партийно-правительственных решений, когда колоссальные финансовые, материально-технические и трудовые ресурсы использовались крайне эффективно. Безусловно, колхозный строй мог бы достичь большего.

В то же время темпы роста сельскохозяйственного производства середины 1950-х гг. во многих традиционных земледельческих регионах достойны удивления. В качестве примере можно привести данные по Липецкой области, которые приводил в своем докладе на пленуме обкома партии первый секретарь К.П. Жуков. В 1953–1958 гг. валовой сбор зерна в колхозах и совхозах области вырос в 1,7 раза, производство молока возросло более чем в 3 раза, мяса – на 40%. Повысилось и материальное благосостояние колхозников. Так, в колхозах Добринского района зоны обслуживания Плавицкой МТС в 1954 г. на трудо-

день было выдано зерна по 0,7 кг и денег по 0,9 руб., а в 1957 г. – соответственно 1,3 кг зерна и 4 руб. денег (3).

Выросла товарность производства сельхозпродуктов в колхозах и совхозах Липецкой области: сдача хлеба государству в рассматриваемый период увеличилась в 2,4 раза, сахарной свеклы – в 3,4 раза, молока – в 2,5 раза, мяса – в 1,5 раза, шерсти – на 36%, яиц – на 73%, плодов – в 1,7 раза (4). Признавая невысокие стартовые показатели развития сельского хозяйства России в начале 1950-х гг., все же необходимо отметить устойчивый рост аграрной экономики в это десятилетие и доминирующее положение в ней производственной системы «МТС - колхозы». При таких обстоятельствах сама постановка вопроса о ликвидации устойчиво функционирующей системы «МТС - колхозы» представляется лишенной логики.

25 февраля 1958 г. был созван пленум ЦК КПСС по вопросу реорганизации МТС. На обсуждение вопроса, который радикально менял жизнь колхозной деревни страны и затрагивал миллионы людей, отвели всего два дня. Доклад Н.С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» пленум одобрил. Методами убеждения, а где-то и принуждения коммунистам удавалось добиться нужных результатов; на собраниях трудящиеся в конечном итоге «одобряли» политику партии. В кругу «близких друзей», каким, несомненно, являлся пленум обкома партии, все же прорывалось скептическое отношение к намечаемой реформе. «У нас в районе, – делился сомнениями первый секретарь Чаплыгинского райкома КПСС Бобровский, – *некоторые колхозы* (выделено мною. – *В.Т.*) по своим экономическим возможностям могут купить тракторы и другие машины уже в этом году, большинство же колхозов района таких возможностей не имеют» (5).

Более того, усомнился в финансовых возможностях липецких колхозов и первый секретарь обкома партии К.П. Жуков. На 1 января 1958 г. в МТС Липецкой области имелось техники на сумму 357 млн руб., с учетом снижения стоимости вследствие амортизации и списания устаревшей техники и тех машин, которые останутся в МТС, колхозам предстояло приобрести машин примерно на 200 млн руб. В предстоящем году был запланирован завоз новой техники еще на 80 млн. руб. В результате общая стоимость продаваемой государством техники колхозам Липецкой области составила порядка 280 млн руб., или в среднем 600 тыс. руб. на колхоз. Насколько тяжело указанное финансовое бремя для колхозов дает представление следующее обстоятельство: в 1958 г. колхозы наметили перечислить в неделимые фонды порядка 100 млн руб., или почти втрое меньшую сумму (6).

При таких условиях, размышлял К.П. Жуков, ряд колхозов может купить технику в текущем году. Но «таких колхозов будет мало. Поэтому встает законный вопрос о том, какой же срок потребуется для того, чтобы в условиях нашей области реорганизовать МТС и продать технику колхозам? Механический подход к этому делу недопустим. Нельзя не считаться с тем фактом, что *некоторые колхозы не могут купить, а главное, не в состоянии использовать технику* (выделено мною. – *В.Т.*)» (7). Обеспокоенность руководителя области имела под собой серьезные основания. Ведь колхозы не имели ни материально-

технической базы для обслуживания тракторов, комбайнов и прочих машин и почвообрабатывающих орудий (гаражей, мастерских, условий для хранения техники и горюче-смазочных материалов, топливозаправочных станций), ни кадров специалистов и механизаторов.

«Всенародное обсуждение» реформы по реорганизации МТС длилось около месяца – с 1 по 25 марта 1958 г. Фактически в марте 1958 г. в СССР проводилась массовая общественно-политическая кампания с тем, чтобы добиться от населения одобрения судьбоносной аграрной реформы. Сессия Верховного Совета СССР проходила с 27 по 31 марта 1958 г. В итоге, был принят «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Высказывания Н.С. Хрущева о том, что МТС исчерпали свои возможности по производственно-техническому обслуживанию колхозов, в Законе доведено до логического завершения (8).

Предстоящая реформа вызывала опасения у тружеников села. В ЦК КПСС поступали тревожные сведения из регионов о низкой платежеспособности значительной части колхозов, которые «не вписывались» в реформу 1958 г. Колхозы, приобретая машины, тратили на эти цели большие финансовые ресурсы. К таким расходам они не были готовы. Райкомы партии прилагали огромные усилия, оказывали на колхозы мощное давление, чтобы в итоге выполнить указания вышестоящего начальства. 27 сентября 1958 г. Задонский райком КПСС и райсовет депутатов трудящихся обратились в обком партии с просьбой разрешить продажу техники Задонской МТС колхозам с уплатой стоимости приобретаемой техники в рассрочку (табл. 1).

Таблица 1

Экономические показатели колхозов зоны обслуживания Задонской МТС Задонского района Липецкой области и стоимости покупаемой ими техники (тыс. руб.)*

Колхозы	Денежный доход		Стоимость техники	Сумма выплат по годам		
	1957 г.	1958 г.		1959 г.	1960 г.	1961 г.
Имени Кирова	214,0	300,0	377,5	77,5	100	100
Заветы Ленина	393,0	510,0	252,1	70,1	100	82
Родина	742,0	1060,0	526,4	150,4	200	176
Имени Жданова	469,0	637,0	278,8	78,8	100	100
«Путь к коммунизму»	463,0	959,0	671,1	200,1	271	200
«Советская Армия»	1175,0	1530,0	549,5	249,5	200	100
Имени Ульянова	469,0	586,0	407,1	100,1	157	150
«Восток»	913,0	1500,0	340,1	140,1	150	50
Итого	4838,0	7982,0	3402,5	1066,6	1278,0	1058

* Источник: ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 9. Д. 101. Л. 47.

При изучении данных табл. 1 следует обратить внимание на чрезмерно оптимистические прогнозы райкомовских расчетов по итогам 1958-го хозяйственного года, согласно которым денежный доход колхозов должен был вырасти в 1,7 раза в сравнении с предшествующим аналогичным периодом. В таком случае стоимость приобретаемой техники составляет около 43% денежных доходов колхозов за год. Но в сентябре год не заканчивается, отсюда райкомовские расчеты по 1958 г. представляются сильно завышенными. Поэтому будет более корректно взять за основу финансовые показатели колхозов за предшествующий 1957-й хозяйственный год. При таких исходных данных оказывается: колхозы должны выплатить за приобретаемые тракторы, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику более 70% (!) денежных средств, заработанных в 1957 г. Это – в среднем.

За усредненными данными скрыты конкретные хозяйства, соответственно и реальный расклад будет иным. В рассматриваемом случае такой подход совершенно неверен экономически и аморален нравственно. Для значительной части задонских колхозов приобретение государственной техники стало «удушающим приемом». В частности, согласно расчетам райкомовцев, колхоз «Имени Кирова» должен был купить техники МТС на сумму 377,5 тыс. руб. А весь денежный доход его в прошлом году составил 214,0 тыс. руб. Это означает: колхоз «Имени Кирова» должен был потратить на приобретение техники в 1,8 раза больше денег, заработанных в 1957 г.

Подобные хозяйства следовало бы оставить на прежних условиях сотрудничества с МТС, потому что финансовое бремя было непосильным для колхозников. Отсюда и предложение растянуть выплату денег на три года. Как покажет практика, многие колхозы страны и за три года не смогут погасить долги перед государством. Парадокс данной ситуации состоял в том, что расходы накручивались как снежный ком. Сложную технику необходимо было обслуживать во время эксплуатации, проводить ее текущий и капитальный ремонт. На базе МТС создавались ремонтно-технические станции (РТС). Одновременно колхозам требовалась и собственная производственно-техническая инфраструктура. Потому они намечают строительство ремонтных мастерских и сараев для хранения техники.

Реорганизация МТС завершается, по сути, к началу 1959 г. К этому времени технику купили от 90 до 99% колхозов СССР. А к началу 1960 г. в Российской Федерации осталось всего 29 МТС. В эти годы колхозами было куплено тракторов, машин и оборудования на сумму 32 млрд руб., из них бывших в эксплуатации МТС на 18 млрд и новых на 14 млрд руб. В результате на колхозы обрушились принудительные платежи, окончательно разорившие многие из них, полностью была разрушена и ремонтная база МТС (9).

Ликвидацию машинно-тракторных станций крайне болезненно восприняли механизаторы. При этом надо отметить тот факт, что проблема кадров трактористов и комбайнеров не была окончательно решена и в период деятельности МТС. Теперь она еще более обострилась, о чем свидетельствуют материалы по Липецкой области (табл. 2).

Таблица 2

Потребность и обеспеченность колхозов и совхозов Липецкой области трактористами к весенне-полевым работам и комбайнерами к уборке урожая 1960 г.*

	Всего	в том числе:	
		в колхозах	в совхозах
Потребности в трактористах – чел.	11759	4265	7494
Наличие трактористов на 1.02. 1960 г. – чел.	10062	3785	6277
Потребность комбайнеров – чел.	4406	2034	2382
Наличие комбайнеров на 1.02. 1960 г. – чел.	3556	1684	1882
Недостаток трактористов – чел.	1697	480	1217
Недостаток комбайнеров – чел.	850	350	500

* Источник: ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 13.

Как видно из данных табл. 2, для работы в сельском хозяйстве Липецкой области в 1960 г. требовалось 16 165 механизаторов, а в наличии их было 13 618 или 84%. Вопрос обеспечения кадрами механизаторов колхозов и совхозов в течение последующих несколько лет не был решен. Более того, обозначилась негативная тенденция. Если на начало 1960 г. в хозяйствах Липецкой области недоставало 2 547 механизаторов, то через три года – на начало 1963 г. – уже 4 885 или почти в 2 раза больше (10).

Одним из аргументов идеологов реформы 1958 г. стал тезис о недостаточной эффективности использования сельскохозяйственной техники работниками МТС. И вот колхозы прибрели тракторы, комбайны, прочие сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия. Насколько производительнее они использовались теперь? Оказалось, сельскохозяйственная техника в колхозах лучше обслуживаться и более производительно, чем в машинно-тракторных станциях, работать не стала. Даже наоборот. Партийно-хозяйственные работники забили тревогу. 15 июля 1958 г. бюро Липецкого обкома КПСС рассмотрело вопрос «О недостатках в использовании техники, купленной колхозом имени Сталина Трубетчинского района в МТС». Следует обратить внимание на тот факт, что постановка вопроса о работе колхоза имени Сталина в новых условиях не совсем означала его исключительности. Напротив. В практике партийных комитетов различного уровня рассмотрение подобных ситуаций носило рядовой характер. Принимаемые решения доводились до сведения нижестоящим инстанциям для внесения корректив в свою работу.

Для получения объективной информации в колхоз имени Сталина были командированы инструктор Липецкого обкома КПСС И. Коровин и заместитель начальника областного управления сельского хозяйства Б. Королев, которые подготовили обстоятельную «Справку», позволяющую проанализировать некоторые аспекты реализации реформы 1958 г. Трубетчинская МТС по материально-технической базе, оснащенности техникой и организации работы считалось одной из лучших в Липецкой области. Теперь тракторы, комбайны и

прочие машины, а также почвообрабатывающие орудия были переданы в колхозы. Картина вскрылась неприглядная. Колхоз имени Сталина купил в Трубетчинской МТС 23 трактора, 14 комбайнов и другой сельскохозяйственной техники на сумму 952,4 тыс. руб. со сроком оплаты на 3 года (11).

Для колхозной экономики это были очень большие деньги. Казалось бы, теперь колхозники будут со своих машин «пылинки сдувать», блюсти, ведь они перешли в их собственность, на земле появился «один хозяин». В действительности, ничего подобного не наблюдалось. Реформа 1958 г. стране была навязана, партийно-государственное руководство страны могло быть удовлетворено лишь тем, насколько успешно решаются вопросы административного характера. У рядовых колхозников реформа энтузиазма не вызывала, выгод от ее проведения они не видели, а потому отношение колхозников к технике хозяйским назвать нельзя. Технический уход за тракторами и другими сельскохозяйственными машинами в колхозах не проводился, даже сроки его определены не были. «Механизаторы пренебрегают ежесменными уходами, – отмечается в справке инструктора обкома партии И. Коровина и заместителя начальника областного управления сельского хозяйства Б. Королева, – а если и проводят их, то сводят к заправке тракторов горючим, водой, маслом и смазкой некоторых деталей. Остальные операции техухода не выполняются» (12).

Проверяющие были поражены тем, насколько плохо в колхозе было организовано хранение дорогостоящей техники. «В тракторной бригаде № 3 (бригадир – член КПСС тов. Щенников Ф.Н.), – отмечают работники обкома партии, – на полевом стане машины и инвентарь разбросаны, сеялки, плуги, культиваторы от растительных остатков и грязи не очищены и не смазаны. Отдельные квадратно-гнездовые сеялки разукомплектованы, а у зерновых сеялок потеряны семяпроводы. Детали к сельскохозяйственным машинам разбросаны по всему стану, ржавеют и растаскиваются». Весенний сев 1958 г. колхоз имени Сталина впервые проводил собственной техникой. И в данном случае отмечается немало серьезных недостатков в его организации. «В тракторной бригаде № 3 во время проведения весеннего сева 6 из 9 тракторов выходили из строя и значительное время простаивали». При проведении посевных работ дорог каждый час, а тут больше половины тракторов останавливалась для ремонта и простаивала «значительное время». В справке об использовании техники колхозом имени Сталина заостряется внимание на вопросе нехватки механизаторских кадров. В частности, отмечается, что «трактор “У-2”» с весны и до настоящего времени не укомплектован трактористом и в работе не используется. Имеются подобные факты и в других тракторных бригадах колхоза» (13).

На момент приобретения техники в колхозах по определению отсутствовала какая-либо инфраструктура. В первую очередь, следовало организовать доставку и хранение горюче-смазочных материалов. По объективным причинам в один день эту проблему нельзя было решить. Ведь речь идет не об одном колхозе. В докладной справке показано неудовлетворительное состояние нефтехозяйства колхоза имени Сталина: «Во всех тракторных бригадах плохо организовано хранение горючего и заправка им тракторов. Цистерны на фундамент не поставлены, а закопаны в землю, ржавеют и тем самым уменьшается срок их

службы. Фильтры для горючего не используются, часть из них разукомплектована. Насосы от них взяты на свиноводческую ферму для кормозапарников, а трактора заправляются неочищенным горючим с посторонней примесью» (14). В итоге: горючее в топливный бак трактор заливали обыкновенным ведром, что, во-первых, было нелегким делом ввиду высоко расположенного заливного отверстия бака, а, во-вторых, при таком способе заправки в топливную систему трактора попадали различные сорные примеси, которые снижали производительность и приводили к преждевременному износу машины.

Колхозы, приобретшие технику, оказались совершенно неготовыми с точки зрения определения порядка ее экономичного использования, исчисления затрат на ее содержание, организации работы и т.д. Положение дел в колхозе имени Сталина – тому пример. «Учет материально-технической части машинно-тракторного парка поставлен неудовлетворительно, –указывается в справке. – В правлении колхоза невозможно установить: сколько и на какую сумму получено запасных частей и горючего от РТС. Сколько и на какой трактор затрачено средств на ремонт. Не учитываются простои по техническим и другим причинам… По предварительным данным получается, что трактора в колхозе работали только 30% рабочего времени, а остальное время простаивали по неизвестным причинам. Остатки горючего помесячно не снимаются, и сейчас неизвестно: сколько его должно быть в наличии, а сколько фактически имеется». После реорганизации МТС и приобретения техники на колхозы обрушилось столько проблем, что они не могли в одночасье с ними справиться. И это не только вопросы материально-технические, финансовые и организационные, это еще и вопросы социальные. Они касаются положения механизаторов, их питания, отдыха, организации и оплаты труда. Рассмотрим положение механизаторов в колхозе имени Сталина. «Тракторные бригады (кроме бригады № 3), – говорится в справке, – не обеспечены вагончиками или помещениями, где можно отдохнуть в свободное от работы время. Общественное питание не организовано. Расчеты за работу с механизаторами систематически не производятся» (15).

При таких условиях работы, при таком отношении к механизаторам неудивительно, что трактора работали только 30% рабочего времени. Кто же виноват в неэффективной работе сельскохозяйственных машин в колхозах? На этот вопрос в справке, представленной областному руководству, есть четкий ответ. Это – Трубетчинская РТС. «Ремонтно-техническая станция (директор тов. Маршутин), – указывают проверяющие, – продав технику в колхоз имени Сталина, считает, что на этом их миссия закончена, что артель сама должна заботиться о ремонте, техуходе и учете парка». Сама постановка вопроса об ответственности ремонтно-тракторной станции за состояние колхозных машин представляется не совсем корректной. Ведь тракторы приобретены колхозами в собственность. И кто, как не они, должны заботиться о своей собственности. Подобные коллизии авторы аграрной реформы не предполагали. Напротив. При обсуждении реформы упор в разъяснительно-пропагандистской работе делался как раз на то, что сельскохозяйственная техника в колхозах будет использоваться более производительно, коль остается «на земле один хозяин»(16).

Дальнейшее развитие событие показало, насколько реформаторы были далеки в своих теоретических воззрениях от реальной жизни. При практической реализации реформы 1958 г. происходит сбой, и РТС, созданные на базе МТС, по мнению областных начальников, должны выполнить производственные функции упраздненных МТС (!), а их работники упрекаются в нерадивости. «Работники РТС мало бывают в колхозе, а если и бывают, то не оказывают должной практической помощи. За колхозом закреплен участковый механик М.А. Осин, однако он на положение дел в тракторных бригадах заметного влияния не оказывает». Каким образом участковый механик мог влиять на положение в тракторных бригадах, если они ему никак не подчинялись? Его роль заключалась в том, чтобы оказывать колхозам консультационную помощь в организации эксплуатации машин, регулировке почвообрабатывающих орудий, определении причин отказа в работе тракторов и путей их устранения и т.д. В работе тракторных бригад было много ненужной импровизации. Ремонт тракторов проводился на полевых станах или в борозде, «на глазок», без приборов, на риск механизаторов. В колхозе сложилось неправильное мнение, что ремонт тракторов в РТС обходится дороже, чем в колхозе. При этом РТС воспринималась колхозом только как поставщик запасных частей и горючего (17).

Но, может быть, сбои при осуществлении аграрной реформы 1958 г. были только в начале ее реализации? Ведь колхозы должны были пройти естественный период адаптации к новым производственным условиям. К сожалению, это не так. Проблемы в организации работы тракторных бригад в колхозах носили системный характер. И суть их заключалось в том, что колхозники не ощущали себя хозяевами на земле, потому что, на самом деле, они таковыми не являлись. Отсюда зачастую нерадивое отношение механизаторов к тракторам, машинам и сельскохозяйственным орудиям.

Ранее отмечалась инициатива Задонского райкома КПСС Липецкой области по поводу полной готовности колхозов района купить технику МТС. Прошло почти два года с начала проведения реформы. Перед посевной кампанией 1960 г. в районах области проводились проверки колхозов с целью определения степени готовности сельскохозяйственной техники. Готовность колхозов Задонского района проверял главный инспектор Министерства сельского хозяйства РСФСР по Липецкой области А. Бабичев. Проверка имела масштабный характер, были охвачены все хозяйства района, для чего привлекались преподаватели и студенты Задонского техникума механизации. По итогам проверки (по состоянию на 29 марта 1960 г.) А. Бабичев представил в обком партии справку «О ходе ремонта тракторов и сельскохозяйственных машин в колхозах и совхозах Липецкой области».

Главный вывод заключался в том, что «большое количество сельскохозяйственных машин не подготовлено к работам… не полностью закончен ремонт тракторов». «В колхозе имени Ленина (председатель А.Д. Абанин), – указывается в справке, – не были отремонтированы 3 трактора, 5 тракторных плугов, 4 сеялки. 4 культиватора, не закончен ремонт сцепов и борон». Не лучше положение было и в других хозяйствах. При этом фиксируются случаи сокрытия председателями колхозов истинного состояния дел перед посевной. «В кол-

хозе имени Орджоникидзе (председатель М.А. Катасонов), – докладывает главный инспектор Министерства сельского хозяйства РСФСР, – не подготовлены к полевым работам 2 трактора, 20 сельскохозяйственных машин различных наименований. Насколько безответственно относятся к ремонту техники в этом колхозе, можно судить по такому факту: 1 марта сего года председатель этого колхоза т. Катасонов представил сводку в районную госстатистику о том, что имеющиеся в колхозе 6 тракторных плугов отремонтированы, а 13 дней спустя подписал акт проверки готовности техники, в котором записано, что к ремонту тракторных плугов колхоз еще не приступал» (18).

Далее в справке характеризуется качество выполнения ремонта сложной сельскохозяйственной техники в колхозе. Речь, по существу, идет о том, что колхоз с ремонтом не справился: «Колхоз имени Орджоникидзе ремонт тракторов проводил в своей мастерской. Вышедший из ремонта трактор «ДТ-54» имеет непригодные к работе опорные катки гусеничной каретки, на тракторе не установлена выжимная вилка муфты сцепления. На тракторе «КДП-35», который также значился отремонтированным, нет пускового мотора, на других тракторах этой марки не исправлены топливные трубки» (19). Как видно, колхозы, приобретшие сельскохозяйственную технику, сталкивались с большими трудностями при ее обслуживании и ремонте. В приспособленных мастерских, при нехватке оборудования, оснастки, запчастей, квалифицированных ремонтников подготовить было крайне сложно, с порой невозможно.

С повестки дня партийных комитетов разного уровня не сходили вопросы бережного отношения к техники и ее сохранности в колхозах. 7 декабря 1960 г. на заседании бюро Липецкого обкома КПСС рассматривалось положение дел в колхозах по части хранения тракторов, машин и почвообрабатывающих орудий после завершения полевых работ. Одна и та же картина наблюдалась в разных районах области. В колхозах имени Ленина и имени Жданова Становлянского района «вся техника» к зимнему хранению не подготовлена, с силосных комбайнов арматурные ремни и цепи не сняты. В колхозах «Россия», «Красный Бор», «Великий Октябрь», «Наша победа» Усманского района «плуги от грязи не очищены и не смазаны, цепи и ножи с отдельных комбайнов не сняты, зерновые и силосные комбайны не очищены от пожнивных остатков». В банках кукурузных сеялок колхоза «Россия» «со времени весеннего сева остались семена и ядохимикаты». В колхозе «Память Ильича» Долгоруковского района «техника с полей не свезена», до сих пор на поле стоит силосный комбайн «СК-2», два плуга и трактор «ДТ-54». «Удобрения из свекловичных сеялок не убраны, туковые ящики ржавеют и выходят из строя» (20). Разумеется, было бы неправильно утверждать, что во всех колхозах сельскохозяйственная техника «брошена на произвол», но и фактов неумелого обращения и даже безразличного отношения к ней со стороны колхозников отрицать также нельзя.

Ликвидацией МТС невозможно было решить проблемы аграрного производства. В результате реформы произошла перекачка средств из колхозов в бюджет государства, финансово-экономическое положение большинства колхозов страны только ухудшилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00386.

1. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 15-19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. М., 1958. С. 422.
2. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: В 5 т. Февраль 1955 г. – январь 1958 г. Т. 2. М., 1962. С. 522.
3. При этом экономические показатели хозяйств очень сильно разнились. В частности, колхоз «Красный луч» Трубетчинского района Липецкой области в 1958 г. собрал с каждого гектара по 15 центнеров зерна, в то время как в среднем по району – 7,3 ц // ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 10. Д. 3. Л. 6, 17.
4. Там же. Л. 7.
5. Там же. Л. 73.
6. Там же. Л. 19-20.
7. Там же. Л. 20.
8. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. М., 1959. С. 138-140.
9. Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001. С. 124-125.
10. ГАНИЛО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 40. Л. 78.
11. Там же. Ф. 34. Оп. 9. Д. 93. Л. 314.
12. Там же.
13. Там же. Л. 315.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. Л. 317.
17. Там же.
18. Оп. 11. Д. 150. Л. 40-41.
19. Там же.
20. Там же. Д. 11. Л. 140.

А.Г. ТРУБИЦИН

МАТЕРИАЛЫ ЛИПЕЦКОГО ОБКОМА КПСС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследование аграрной проблематики советского периода невозможно без привлечения широкого круга источников. И прежде всего как официальных документов партии и правительства, так и документов местных партийных и советских организаций. К последним относятся при изучении региональной аграрной истории (на примере Липецкой области) материалы обкома КПСС. Основная часть этих документов хранится в ОКУ «Государственном архиве новейшей истории Липецкой области» и охватывает период с 1954 по 1991 г. (в январе 1954 г. из ряда районов Воронежской, Орловской, Рязанской и Курской областей была образована Липецкая область. В соответствии с территориально-производственным признаком построения КПСС тогда же была создана областная партийная организация во главе с первым секретарем К.П. Жуковым (1)).

В ОКУ «Государственном архиве новейшей истории Липецкой области» имеется фонд 34 (фонд Липецкого обкома КПСС), в котором находятся свыше 16 тысяч единиц хранения (дел). Материалы Липецкого обкома КПСС представляют собой весьма большой пласт информации: стенограммы и материалы партийных конференций (проводились, как правило, 1 раз в 2-3 года), пленумов обкома (4 раза в год), протоколы и материалы бюро обкома (проводились несколько раз в месяц), совещаний. Эти документы представляют собой весьма содержательные источники по различным направлениям развития Липецкой

области. Часть из них была использована при подготовке очерков по истории Липецкой организации КПСС (2). Постепенно эти документы вводятся в научный оборот, используются в современных исторических исследованиях.

Стенограммы и материалы партийных конференций освещают наиболее общие проблемы в развитии региона за конкретный исторический период (2-3 года). К примеру, I Липецкая областная конференция КПСС состоялась 19-20 марта 1954 г. В повестке мероприятия первым вопросом был поставлен вопрос «О задачах областной партийной организации по выполнению постановлений сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС».

Оба пленума ЦК КПСС были посвящены в основном проблемам развития сельского хозяйства. На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г. Н.С. Хрущев выступил с докладом, который был проникнут резкостью оценок и реалистичным анализом состояния дел в области аграрных отношений, в частности, отмечалось, что в стране потребности населения в продуктах питания не удовлетворяются. Решение пленума предусматривало уменьшение сельскохозяйственного налога в 2,5 раза, списание недоимок по сельскохозяйственному налогу предыдущих лет, увеличение размеров приусадебных участков колхозников, повышение заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию, расширение возможностей для развития колхозного рынка. Около 20 тысяч партийных работников среднего звена было направлено на село для укрепления руководства отсталых хозяйств.

«В постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» основные положения записки Н.С. Хрущева получили директивный характер. Была поставлена задача: расширить посевы зерновых культур в 1954 – 1955 гг. за счет освоения новых земель не менее чем на 13 млн гектаров и получить уже в 1955 г. дополнительно 1100-1200 млн пудов зерна» (3). В постановлении по докладу областной партконференции отмечалось: «…Липецкая область располагает богатыми черноземными почвами, мощной сельскохозяйственной техникой, имеет развитую промышленность, большое количество высококвалифицированных кадров. Однако эти возможности используются неудовлетворительно» (4).

Первый секретарь обкома КПСС К.П. Жуков в своем докладе на конференции приводил следующие данные: «Разукрупнение областей, создание Липецкой области должно обеспечить коренное улучшение руководства сельским хозяйством со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов, приблизить эти органы к районам, МТС и колхозам, обеспечить резкое увеличение производства зерна, сахарной свеклы, маслосемян, махорки, картофеля и овощей, значительный рост поголовья скота и повышение продуктивности животноводства. Липецкая область располагает исключительно благоприятными условиями для сельскохозяйственного производства. За 725 колхозами, насчитывающимися в области, закреплено 1596 тысяч черноземных земель, около 71 тысячи гектаров сенокосов и более 97 тысячи гектаров пастбищ. Сравнительно неплохая обеспеченность осадками создает благоприятные условия для получения высоких урожаев озимых, яровых хлебов и пропашных культур. Колхозы

нашей области имеют все предпосылки к тому, чтобы благоприятные природные условия были полностью использованы для получения высоких и устойчивых урожаев всех сельскохозяйственных культур и мощного подъема продуктивного животноводства. Колхозы обслуживают 79 машинно-тракторных станций, которые оснащены многочисленной и первоклассной техникой. В МТС области насчитывается свыше 6 тысяч тракторов, 2600 комбайнов, большое количество разнообразных прицепных сельскохозяйственных машин и орудий. В машинно-тракторных станциях работает 1228 специалистов сельского хозяйства: агрономов, зоотехников и ветеринарных работников, призванных вести борьбу за подъем культуры земледелия и животноводства в колхозах» (5).

В постановлении конференции обкома, исходившем из решений пленума ЦК КПСС, говорилось о существенных проблемах в развитии сельского хозяйства Липецкой области: «…В ряде районов области в результате непродуманного, шаблонного применения травопольной системы, необоснованного расширения посевов многолетних трав сократились посевы пшеницы, ржи и других зерновых культур. В большинстве колхозов урожайность зерновых и технических культур, картофеля и овощей продолжает оставаться крайне низкой, не выполняется план развития животноводства и повышения его продуктивности. Низкая урожайность сельскохозяйственных культур объясняется прежде всего грубым нарушением агротехники: значительная часть посевов размещается по весновспашке, местные и минеральные удобрения под зерновые культуры применяются в крайне незначительных размерах, сортовые посевы внедряются медленно…» (6).

На конференции шло детальное рассмотрение состояния сельского хозяйства. То, что сельское хозяйство в Липецкой области было приоритетной отраслью, косвенно свидетельствует такой факт: из 119 листов доклада К.П. Жукова, 76 – посвящено сельскому хозяйству, и только 60 – промышленности, т.е. 65% всего выступления. В числе приоритетных задач отрасли стояла задача повышения урожайности зерновых культур. Руководитель области считал совершенно неправильным, когда низкая урожайность зерновых культур объяснялась неблагоприятными климатическими условиями. По его мнению, главным условием получения урожая является уровень организации производства.

На партийной конференции рассматривали не только состояние зернового хозяйства, но и проблемы животноводства. «План развития животноводства в области по крупному рогатому скоту выполнен только на 66 процентов, по свиньям – на 49 процентов, овцам – на 84 процента и по птице – на 43 процента. Особенно неудовлетворительно обстоит дело с выполнением плана развития животноводства в колхозах Чибисовского, Елецкого, Измалковского, Колыбельского, Боринского и ряда других районов. В структуре стада низкий процент занимает поголовье коров» (7). Областная партийная организация вину за развитие животноводства возложила на местные райкомы и райисполкомы партии, которые неэффективно руководили делом развития общественного животноводства. Среди крупных недостатков в развитии животноводства обком партии видел в низкой механизации трудоемких процессов. Неудовлетворительную оценку партийное руководство новой области давало и МТС.

Стенограммы и материалы пленумов обкома содержат оперативную информацию по развитию региона. Подготовка весеннего сева, уборка зерновых, подготовка кормов и семян, работа МТС и партийных организаций в деле увеличения сельскохозяйственного производства и др. нередко становились предметом обсуждения на пленумах. К примеру, в середине 1950-х почти все пленумы Липецкого обкома КПСС были посвящены развитию сельского хозяйства. С середины 50-х гг. еженедельно проводились заседания бюро обкома КПСС. Протоколы бюро позволяют увидеть оперативную информацию практически по неделям. Особо ценными являются материалы к заседаниям. Многостраничные документы в виде докладов, справок позволяют глубже увидеть проблемы по самым разным направлениям развития региона. К примеру, только в 1954 г. было проведено более 50 заседаний бюро.

Кроме того, в архивном фонде хранятся материалы совещаний с руководителями райкомов, МТС, другими специалистами и руководителями предприятий, колхозов и совхозов. К примеру, 22 октября 1954 г. состоялось собрание областного партийного актива Липецкой области, на котором был заслушан доклад председателя Липецкого облисполкома И.С. Пашкина. Эти документы также представляют интерес для исследователей аграрной истории, так как в них рассматривается состояние сельского хозяйства. В своем докладе председатель облисполкома анализирует развитие животноводства в колхозах и совхозах региона, указывает на недостатки, приводит конкретные данные по выполнению государственного плана.

Таким образом, изучая материалы Липецкого областного комитета КПСС, можно проследить тенденции в развитии аграрного сектора региона, увидеть, какие проблемы волновали партийное руководство, как на конкретном регионе проходила аграрная политика Советского государства. Материалы обкома КПСС как исторический источник дают возможность проанализировать состояние сельского хозяйства Липецкой области, а через его призму и аграрную историю Центрального Черноземья. Безусловно, эти документы необходимо тщательно анализировать и вводить в научный оборот, т.к. они представляют интерес как для региональной аграрной истории, так и для изучения аграрной проблематики Советского государства в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Областное казенное учреждение «Государственный архив новейшей истории Липецкой области»: Путеводитель / Сост. М.С. Иванова. Липецк, 2016. С. 45.
2. Очерки истории Липецкой организации КПСС / Ю.Д. Мещерин, Н.С. Перелыгин, Л.Н. Драбкин и др.: научн. ред. А.В. Лосев. Воронеж, 1982.
3. Томилин В.Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. С. 124.
4. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
5. Там же. Л. 6-7.
6. Там же. Л. 10.
7. Там же. Л. 11.

Г.В. УВАРОВ

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС А.Б. АРИСТОВ И ЕГО РОЛЬ В СОБЫТИЯХ 1956 г. В ВЕНГРИИ

Правдивая история венгерских событий осени 1956 г. и участие в них представителей кремлевского руководства уже на рубеже 80–90-х гг. XX в. вышли из категории «запретных тем» и достаточно всесторонне исследованы отечественными и зарубежными специалистами. Но при этом за спинами исторических персонажей, чьи имена у всех на слуху, – Ю.В. Андропова, А.И. Микояна, М.А. Суслова – встают политические и государственные деятели «второго эшелона», чьи оценки происходящего в «братской Венгрии» и участие в принятии судьбоносных решений оказали непосредственное влияние на ход событий, равно как и на выработку конкретных мероприятий по борьбе с «венгерской контрреволюцией». К их числу, несомненно, относится А.Б Аристов, находившийся в то время на посту секретаря ЦК КПСС.

Аверкий Борисович Аристов родился в октябре 1903 г. в маленьком уездном городе Красный Яр Астраханской губернии. Столь необычное и редкое имя было дано младенцу, по всей видимости, при крещении, поскольку его дата почти совпадала с днем памяти святого равноапостольного чудотворца Аверкия, святителя Иераспольского. Согласно сведениям, приводимым в «Словаре русских личных имен», мужское имя «Аверкий» практиковалось в Российском государстве, как и близкая ему разговорная форма «Аверьян» (1). Наделение новорожденного подобным именем, совершенно не характерным для представителей знати, да еще в начале XX в., косвенно указывает на простонародное происхождение нашего героя. Действительно, будущий видный государственный деятель СССР родился в бедной семье казака, зарабатывавшего на жизнь рыбной ловлей и едва сводившего концы с концами. Ранняя смерть отца заставила совсем еще маленького Аверкия вместе со старшим братом уже с восьми лет наниматься на работу к местным зажиточным ловцам.

Приход к власти большевиков позволил семье Аристовых выйти из состояния беспросветной нужды, а для 17-летнего парня открыл перспективы политического роста: весной 1919 г. он вступил в ряды РКСМ и сразу зарекомендовал себя как активный деятель комсомольской организации Красного Яра. В январе 1921 г. Аверкий стал членом РКП(б) и в составе отрядов ЧОН сражался с антибольшевистскими формированиями, действовавшими на территории Астраханской губернии. В дальнейшем амбициозный и не лишенный способностей Аверкий успешно сочетал комсомольскую работу с учебой и деятельностью в низовых партийных организациях ВКП(б), а после завершения обучения в Ленинградском политехническом институте был приглашен на научно-преподавательскую работу (2).

В июле 1955 г. А.Б. Аристов, переживший неоднократные периоды карьерного взлета и падений, с подачи Н.С. Хрущева стал секретарем ЦК КПСС. К этому времени в партийных и хозяйственных кругах различного уровня уже сформировалось мнение тех, кто знал его по совместной деятельности и по долгу службы. Так, например, о нем в самых доброжелательных тонах высказывал-

ся первый секретарь Нижнетагильского горкома КПСС В.И. Довгопол: «Не было случая, чтобы Аристов, когда я к нему обращался как первый секретарь Тагильского горкома, в решении каких-либо вопросов мне отказывал. Несмотря на очень высокое положение, Аверкий Борисович всегда был человеком простым и доступным. Никакого высокомерия у него не чувствовалось… Никаких моментов подхалимажа к начальству со стороны Аристова я не знаю. Перед руководством никогда не пресмыкался, на протяжении всей своей деятельности вел независимую политику, что не всегда нравилось высшему начальству» (3). Находившийся в немилости у Н.С. Хрущева председатель Госплана РСФСР Н.К. Байбаков, встречавшийся с Аристовым в 1958 г. накануне своего назначения председателем Краснодарского совнархоза, вспоминал, что тот «примирительно улыбался» в ответ на его неоправданную запальчивость и, вообще, отличался «доброжелательной мягкостью к людям» (4). Впрочем, не лишним будет вспомнить, что подобного рода характеристики и оценки довольно типичны для мемуаров деятелей хрущевского и особенно брежневского периода.

Во время нарастания политического кризиса в Венгрии А.Б. Аристов находился в Москве и занимался повседневными делами – участвовал в заседаниях Политбюро ЦК КПСС, знакомился с секретной информацией о положении дел в странах «социалистического лагеря», подготавливал вместе с другими высшими политическими и хозяйственными руководителями проекты постановлений Президиума ЦК КПСС по самым разным вопросам экономического и внешнеполитического характера. О его личном отношении к происходящему в Венгрии в это время говорить сложно, но есть все основания полагать, что оно целиком соответствовало позиции Н.С. Хрущева и большей части деятелей кремлевского руководства, которая, в свою очередь, формировалась на основе информации, передаваемой из Будапешта послом Ю.В. Андроповым и предоставляемой Председателем КГБ СССР генералом И.А. Серовым. В связи с этим бросается в глаза тот факт, что деятели более высокого ранга, посещавшие летом 1956 г. в Венгрию (не только весьма либеральный по кремлевским меркам А.И. Микоян, но даже жесткий ортодокс М.А. Суслов), давали более умеренные оценки положения в стране и рекомендации относительно путей разрешения кризиса, нежели советский посол в Будапеште.

Все предшествующие месяцы донесения Андропова упорно и целенаправленно формировали в сознании советских лидеров образ поднимающей в Венгрии голову контрреволюции, направляемой из-за рубежа и поддерживаемой внутри страны католической церковью и «идеологически чуждыми и враждебными» представителями интеллигенции. При этом как Андропов, так и большинство служащих советского посольства оказались заложниками ситуации, которую сами же и создали, ограничив круг своего профессионального общения преимущественно противниками реформ. Последние же, опасаясь за собственное положение, оценивали происходящее все более панически и не упускали любой возможности покритиковать Политбюро ЦК КПСС за нерешительность и уступчивость венгерским «контрреволюционным элементам». Такая критика, становившаяся главным лейтмотивом в ходе бесед, всегда находила понимание Андропова и его подчиненных.

Разумеется, Андропов обладал достаточным интеллектом и аналитическими способностями для того, чтобы понять, что одна из главных причин неуверенности и непоследовательности «венгерских товарищей» кроется в отсутствии должного авторитета партии и власти в стране. «Враждебные элементы пытаются представить такие мероприятия, как уход в отставку т. Ракоши… как их победу, как отступление наших товарищей, – отмечал он в записке в Президиум ЦК КПСС о внутриполитической обстановке в Венгрии от 29 августа 1956 г. – В этих условиях, как нам представляется, было бы особенно важным продемонстрировать твердость партийной линии, крепость государственной власти. Между тем венгерские товарищи, – с сожалением подчеркивал посол, – пытаясь избежать возможных осложнений, идут пока по линии уступок, чем, по нашему мнению, подогревают активность враждебных и оппозиционных элементов. Это особенно проявляется в области идеологии» (5). Поэтому ужесточение линии Политбюро ЦК КПСС в отношении реформаторских сил, подрывающих «основы социализма» в Венгрии, Андропов считал наиболее эффективным способом поддержки дрогнувших и тем самым проявивших в самый критический момент непростительную слабость «венгерских товарищей».

Под влиянием поступавшей из посольства информации в Кремле начали постепенно приходить к убеждению в крайней серьезности положения. Если, например, в ходе заседания Президиума ЦК КПСС 27 сентября 1956 г. присутствующие, среди которых был и Аристов, обсуждали содержание записки первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС по поводу «тревожных сообщений» Андропова о положении в Венгрии и не нашли в нем оснований для серьезных опасений, то уже на заседании Президиума 1 ноября 1956 г. в выступлениях большинства присутствующих отчетливо прозвучали панические ноты. М.А. Суслов заявил, что «опасность буржуазной реставрации подошла вплотную», и «только с помощью оккупации можно иметь правительство, поддерживающее нас»; Предсовмина СССР Н.А Булганин подчеркнул, что, «если не примем меры, – Венгрию потеряем»; член Президиума ЦК КПСС Л.М. Каганович указал на то, что «реакционные силы наступают, а мы не наступаем». Но наиболее безапелляционно в сложившейся обстановке высказались военные. Вторя Булганину, маршал И.С. Конев указал, что в условиях торжества реакции возможно только одно решение проблемы – оккупация, а министр обороны СССР маршал Г.К. Жуков выразился в высшей степени жестко: «Изъять всю дрянь. Обезоружить контрреволюцию» (6).

Кремлевских деятелей можно было понять: 30 октября советские войска, как того требовало сформированное двумя днями ранее правительство Имре Надя, были выведены из Будапешта, и в тот же день столицу захлестнула волна насилия. Самым известным и наиболее шокирующим его эпизодом стала зверская расправа вооруженной толпы над лицами, укрывшимися в здании Будапештского городского комитета ВПТ и вынужденными стать его невольными защитниками ввиду крайней агрессивности осадивших здание повстанцев. В итоге, горком ВПТ был взят штурмом, а все захваченные в его помещениях и оставшиеся в живых – около 20 человек, включая секретаря горкома Имре Мезё – были расстреляны, а их тела развешаны тут же – на деревьях на Площади

Республики. В тот же день правительство И. Надя приняло решение о восстановлении в Венгрии многопартийной системы и создании коалиционного правительства из представителей ВПТ, Независимой партии мелких хозяев, а также воссозданных Национальной крестьянской партии (партии Петёфи) и Социал-демократической партии. Было объявлено о предстоящем проведении свободных выборов. Президиум Центрального Руководства ВПТ принял решение о роспуске Венгерской партии трудящихся (7).

31 октября в Москву из Будапешта прибыли А.И. Микоян и М.А. Суслов. Их возвращение в условиях резкой эскалации напряженности и нестабильности в Венгрии несло в себе некий символический смысл: ставка Микояна на разрешение кризиса политическими методами посредством сочетания выжидательной тактики и взаимодействия с правительством И. Надя оказалась несостоятельной. В Кремле восторжествовала позиция, предусматривающая силовое подавление повстанческих выступлений. В этот же день И. Надь, ссылаясь на принципы только что обнародованной «Декларации Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с письмом, в котором настаивал на необходимости «немедленно начать переговоры о выводе со всей территории Венгрии советских войск» (8).

Несложно понять мотивы, которыми руководствовался венгерский премьер-министр, ибо всем было известно, что выводимые из столицы советские войска никуда не девались; они занимали позиции в непосредственной близости от нее и сохраняли возможность по первому же приказу вернуться обратно. Информация об этом письме была доведена, среди прочих адресатов, и до сведения А.Б. Аристова. Начало обсуждения с венгерской стороной конкретных вопросов, связанных с выводом из страны советских войск, было назначено на 3 ноября, но Аристов, несомненно, знал, что это – не более чем уловка: новые советские подразделения стали усиленно прибывать в страну из СССР для осуществления операции «Вихрь».

Вечером 1 ноября Ю.В. Андропов был приглашен на заседание, как он сам выразился, «узкого кабинета» правительства ВНР для того, чтобы объяснить, почему советские подразделения перешли венгерскую границу и движутся по направлению к столице. Объяснения советского посла, сформулированные в духе полученных им директив из Кремля, члены венгерского правительства ожидаемо сочли неудовлетворительными, после чего приняли единодушное решение о немедленной денонсации Венгрией Варшавского договора и обращении в ООН с просьбой о защите своего суверенитета (9). Все это для Москвы стало еще одним убедительным аргументом в пользу применения военной силы с целью предотвратить победу «контрреволюции» в стране и ее отпадение от «социалистического лагеря».

События в Будапеште тем временем приобрели поистине лихорадочные темпы, на которые в Кремле едва успевали реагировать: 1 ноября по инициативе И. Надя взамен распущенной ВПТ была сформирована новая коммунистическая партия ВСРП (Венгерская социалистическая рабочая партия). Временный

исполнительный комитет во главе с Яношем Кадаром, состоявший из семи коммунистических руководителей, включая И. Надя, объявил ВСРП преемницей «реформаторских коммунистических сил в ВПТ» и занялся подготовкой ее учредительного съезда. Подобного рода формулировки о преемственности реформаторского курса ВПТ-ВСРП, как, впрочем, и явное преобладание в составе Временного исполкома ВСРП сторонников уронившего в глазах советского руководства свой авторитет И. Надя, вызвали неодобрительную реакцию в Москве, в связи с чем были приняты немедленные меры по тайной переброске в СССР венгерских лидеров, на которых в Кремле уже делали ставку как на «своих» – Яноша Кадара и Ференца Мюнниха.

И уже 2 ноября Кадар, не так давно заявлявший, что «ляжет под первый же русский танк, нарушивший границы Венгрии», вел в Москве переговоры с руководителями стран ОВД по вопросу разрешения политического кризиса в его стране. 4 ноября 1956 г. Кадар встретился в Ужгороде с Хрущевым и обсудил с ним вопросы формирования нового венгерского правительства, а 7 ноября, уже в ходе начавшейся операции «Вихрь», прибыл вслед за советскими войсками в Будапешт и ранним утром следующего дня объявил о переходе всей власти в стране к возглавляемому им Революционному рабоче-крестьянскому правительству. К 8 ноября в ходе ожесточенных уличных боев операция «Вихрь» была успешно доведена до конца: сопротивление восставших прекратилось, а Имре Надь и часть членов его правительства укрылись в посольстве Югославии в Будапеште.

Таким образом, кремлевскому руководству удалось удержать ситуацию в Венгрии под контролем; теперь же требовалось разъяснить «прогрессивной общественности» правильность и политико-идеологическую обоснованность примененных советской стороной методов воздействия на «братскую Венгрию», а заодно и целесообразность «заслуженного наказания» организаторов и непосредственных участников «контрреволюционного мятежа». С этой целью в Будапешт была направлена группа высших партийных функционеров КПСС в составе Г.М. Маленкова, М.А. Суслова и А.Б. Аристова. Маленков, менее чем за два года до описываемых событий обвиненный в попытках «завоевать дешевую популярность в народе» и смещенный по инициативе Хрущева с поста Предсовмина СССР, оставался, тем не менее, членом Президиума ЦК КПСС. Он имел богатый опыт по части организации и проведения репрессивных кампаний в обществе – опыт, могущий быть востребованным в процессе «наведения порядка» в Венгрии. Курировавший в то время международные связи КПСС Суслов, который с легкостью мог обосновать все, что угодно, с позиций и в интересах научного марксизма-ленинизма – и с такой же легкостью в свое время обратился от поддержки политики Сталина к поддержке курса Хрущева, – был бы, несомненно, полезен как ловкий и эффективный идеолог-пропагандист «мудрой политики КПСС в странах социалистического лагеря».

Оба они были совершенно уместны в данном месте и в данном качестве – и обоим Хрущев не мог доверять в желаемой мере. Этим, как нам представляется, во многом объясняется присутствие в составе этого политического трио А.Б. Аристова – партийного деятеля, которому он мог довериться в решении

самых сложных вопросов. Свою репутацию лично преданного Хрущеву человека Аристов подтвердил во время заседания Президиума ЦК КПСС 6 ноября 1956 г., на котором обсуждался проект обращения Временного ЦК ВСРП (10) к венгерским коммунистам. После того, как В.М. Молотов и Л.М. Каганович выразили серьезные опасения по поводу перспектив развития намеченных Кадаром новых тенденций в партийно-политической жизни Венгрии и рекомендовали не отказываться полностью от политического наследия «венгерского Сталина» М. Ракоши, Аристов довольно резко заметил, что Молотов и Каганович «как цеплялись за культ личности Сталина, так и цепляются», вместо того, чтобы «одобрить и поддержать товарища Кадара» (11).

11 ноября 1956 г. Маленков, Суслов и Аристов были командированы в Будапешт, где уже вечером того же дня приступили к работе. Их усилия концентрировались в направлении решения двух важнейших задач: воздействия на Кадара с целью превращения его в максимально послушного воле Кремля руководителя и разрешения проблемы «группы Надя», что предполагало создание условий для ее удаления с территории югославского посольства и последующего ареста. Как показали последующие события, эта группа московских деятелей при активной поддержке находящегося там же в Будапеште генерала Серова блестяще справилась с решением обеих задач.

Кадар, демонстрировавший поначалу наличие намерений предложить венгерскому обществу достаточно широкое поле политической свободы, но не сумевший в тот момент достичь взаимопонимания с рабочими советами, под прямым воздействием Маленкова, Суслова и Аристова перешел к существенно более жесткому курсу. «Он производит хорошее впечатление, – докладывали о Кадаре в Москву кремлевские эмиссары. – Как видно по его действиям и поведению в последние дни, стал гораздо лучше понимать необходимость проведения более твердой линии в борьбе с реакцией, проявляет сейчас значительно больше решимости в аресте контрреволюционеров, хотя под действием колеблющихся из своего окружения и сам несколько колебался на этот счет. Тверд в мероприятиях в отношении Надь Имре и его группы» (12). Результатом совместного решения московских деятелей и Кадара явилась чистка редакции газеты «Непсабадшаг» («Народная свобода»), позволявшей себе высказывать вполне независимые суждения и оценки событий политической жизни (13).

Усилия советских представителей в деле решения вопроса о судьбе Имре Надя и членов его правительства прилагались по двум направлениям. Политическую строну дела взяли на себя Маленков, Суслов и Аристов, а техническую контролировал генерал Серов. Последний, как позволяют судить об этом документы, действовал не только весьма активно, но и вполне автономно: организовывал работу и взаимодействие венгерской и советских спецслужб, самостоятельно принимал решения и лишь после этого ставил о них в известность членов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (14).

Что касается политического аспекта вопроса о «группе Надя», то он был в немалой степени осложнен результатами встречи Хрущева и Маленкова с официальными представителями правительства Югославии на одном из островов архипелага Бриони близ хорватского побережья Адриатики 3 ноября 1956 г.,

куда советские лидеры прибыли на самолете инкогнито и под покровом темноты (15). Результаты состоявшихся переговоров со всей очевидностью показали, что желаемый карт-бланш на радикальное силовое решение «венгерской проблемы» советская сторона, несмотря на предпринятые усилия, так и не получила. Тем не менее подчеркнутая осторожность и сдержанность позиции югославских представителей настроила кремлевских гостей на решительный лад. Как вспоминал тогдашний югославский посол в Москве В. Мичунович, Хрущев уже в самом начале беседы, касаясь вопроса об отношении к И. Надю, говорил «очень возбужденно», не вдаваясь при этом в анализ венгерской ситуации. Акцентировав внимание на том, что «в Венгрии режут и вешают коммунистов», советский лидер отметил, что «сейчас не ясно пока, является ли Надь только орудием, или он и сам старый агент империализма» (16). В дальнейшем, когда кто-то из югославских собеседников вновь пытался заговорить об И. Наде, Хрущев «механически» оборвал слова выступающего фразой «в Венгрии режут коммунистов», словно это происходило по приказанию венгерского правительства, отметил про себя Мичунович.

Этот факт укрепляет в мысли о том, что кремлевское руководство уже тогда рассматривало И. Надя как одного из главных организаторов «антисоциалистического мятежа». Маленков, Суслов и Аристов в подобной ситуации иметь собственного мнения, разумеется, не могли. Об этом, кстати говоря, заявлял югославам и сам Маленков во время Брионской встречи после того, как посланцы Белграда поинтересовались, каково мнение о текущих событиях у отдельных членов Президиума ЦК КПСС и какую позицию те считают наиболее целесообразной. Поддержав слова Хрущева о «полном единстве взглядов» среди членов руководства, Маленков добавил, что «так было на каждом этапе событий, и так остается сейчас» (17).

В свете сказанного выше сложно судить о личном отношении А.Б. Аристова к Имре Надю и к уготованной ему судьбе – вероломному аресту и последующему неизбежному судебному процессу с вполне предсказуемым трагическим финалом. Подобных вопросов ему не задавали – да и навряд ли он ответил бы на них предельно честно и искренне. Он был типичным представителем поколения руководителей, вышедших, согласно часто цитируемой фразе, «из сталинской шинели» и считавших сохранение «монолитного единства» взглядов и мнений непременным условием политического выживания и карьерного роста. Он сыграл в венгерских событиях отведенную ему роль, как сделал бы на его месте кто-либо другой, но с той же последовательностью и решимостью в деле защиты «завоеваний социализма».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1966. С. 35-36.
2. Более подробно о жизненном пути, партийной деятельности и профессиональном росте А.Б. Аристова см.: Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург, 2009. С. 101-103.
3. Цит. по: Сушков А.В. Указ. соч. С. 100. Виталий Иванович Довгопол (1911–1999) – доктор экономических наук, профессор, автор более 100 изобретений. Депутат Верховного Совета СССР в 1958–1966 гг. Партийную карьеру завершил на посту второго секретаря Свердловского обкома КПСС. См. о нем: Екатеринбург. Энциклопедия. Научно-справочное издание. Екатеринбург, 2002. С. 163.
4. Байбаков Н.К. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. От Сталина до Ельцина. М., 2011. С. 72. Николай Константинович Байбаков (1911–2008) – доктор технических наук, Председатель Госплана СССР в 1965–1985 гг. С января 1986 –

персональный пенсионер союзного значения, государственный советник при Совете Министров СССР, занимался общественной работой. См.: Славкина М.В. Байбаков. Серия «ЖЗЛ». М., 2010. С. 167.

5. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 242.
6. Там же. С. 495-496.
7. Там же. С. 470. Текст Декларации см.: Там же. С. 464-466.
8. Там же. С. 486.
9. Там же. С. 499-501. Документы, содержащие указания Москвы на то, каким именно образом послу Андропову следует объяснять появление дополнительных советских воинских контингентов в Венгрии, специалистами не найдены, но есть основания полагать, что Андропов пытался мотивировать это началом подготовки к полному выводу советских войск.
10. Состав Временного ЦК ВСРП был сформирован 11 ноября 1956 г. в Будапеште в составе 23 членов и 11 кандидатов в члены. См.: Советский Союз и венгерский кризис... С. 603-604.
11. Там же. С. 600-602.
12. Там же. С. 672-673.
13. Там же. С. 676.
14. Среди прочих документов, доказывающих этот факт, обращает на себя внимание телефонограмма Серова в ЦК КПСС о работе советских органов КГБ на территории Венгрии, в том числе о плане задержания кардинала Миндсенти от 27 ноября 1956 г. Серов подробно докладывает о работе органов госбезопасности в Венгрии, указывает общее количество арестованных –1473 чел., отмечает активное проведение работы «по выявлению враждебных элементов агентурным путем» и даже активно готовится к аресту примаса венгерской католической церкви кардинала Йожефа Миндсенти (1892–1975). Примечательно, что Серов подробно указывает документы, подготовленные руководимыми им органами для доклада Кадару «в целях более четкой организации органов госбезопасности Венгрии», и лишь в самом конце телефонограммы отмечает, что «товарищи Маленков, Суслов и Аристов проинформированы». См.: Советский Союз и венгерский кризис… С. 704-705.
15. В переговорах участвовали: с советской стороны Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков; югославскую сторону представляли И. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович и посол СФРЮ в СССР В. Мичунович. Помимо названных лиц, в помещении, в котором происходили переговоры, никто не присутствовал.
16. Советский Союз и венгерский кризис… С. 525.
17. Там же. С. 531-532.

Л.А. ЧЕРЕШНЕВА

СТРАТЕГИЯ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ СССР И КОМПАРТИЯ ИНДИИ

После распада Советского Союза обращение к исследованию коммунистического движения в нашей стране утратило востребованность, стала проявляться своеобразная идеологическая «зашоренность наоборот». Это происходило и происходит в то время, когда проблематика протестных движений самой разной природы и направленности, самоидентификация страт восточных и западных, южных и северных социумов (классов, конфессий, этнолингвистических групп, каст, профессиональных кластеров и т.д.) приобрела невиданную прежде актуальность в мировой науке. Задача данной статьи – рассмотреть один из аспектов коммунистического движения в независимой Индии при премьер-министре Джавахарлале Неру – реакцию Компартии на переход Советского Союза к стратегии мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем.

XX век для народов Индостана стал временем исторических перемен. Его тренды еще только обозначались, но активизация национальных и освободительных движений в колониальном мире, с одной стороны, и радикализация, резкое полевение общественного мнения в странах Европы стали определяющими чертами с самого начала столетия. Индия вступила в новое столетие в статусе колонии Великобритании, но общественные процессы показывали высокую вероятность фундаментальных изменений ее социального и экономиче-

ского устройства, равно как роли и места в системе международных отношений. Многочисленные партии и организации колониальной Индии, под явным и скрытым контролем британской администрации, стали возникать и активно действовать в конце XIX – первой четверти XX в. Наиболее авторитетной среди них являлась поликонфессиональная партия Индийский национальный конгресс (ИНК), созданная в 1885 г.

На их фоне Коммунистическая партия Индии (КПИ) была образована относительно поздно, в октябре 1920 г. в Ташкенте в среде индийских эмигрантов. В декабре 1925 г. она была воссоздана на объединительной конференции индийских марксистов в Канпуре. Компартия функционировала под эгидой Коммунистического Интернационала и ориентировалась на установки руководства международного коммунистического движения, находившегося в Москве, столице первого в мире социалистического государства. Будучи левой радикальной организацией в британской колонии, КПИ, при всей ее относительной малочисленности и дефиците популярности на фоне буржуазно-либерального ИНК и иных партий, являлась проводником идеи пролетарского интернационализма, антиимпериализма и мировой социалистической революции.

Деятельность Конгресса спонсировали многие промышленники, финансисты из кругов национальной буржуазии Индии, стремившейся к политической власти в стране и ослаблению конкуренции со стороны метрополии и ее национальных компаний в политике и экономической жизни колонии, для получения Индией независимости (свараджа). Коминтерн указывал КПИ на эти тенденции: «Национальная буржуазия добивается успеха при слабости пролетариата, использует реакционную гандистскую идеологию, желает подчинить себе национальное движение. Пролетариат должен завоевать гегемонию в освободительной борьбе» (1). Очевидно, что главную «контрреволюционную» сущность ИНК вслед за Коминтерном индийские коммунисты в 1940-х гг. видели в деятельности лидера Махатмы Ганди, автора методов ненасильственного несотрудничества с властями, и утверждали, что «его тактика живо демонстрирует борьбу буржуазии за господство в национально-демократической революции», и что «Ганди ослабляет крестьянское движение» (2). После роспуска Коминтерна в 1943 г. КПИ продолжала ориентироваться на установки Москвы, получала инструкции от Коминформа.

Вторая мировая война обострила англо-индийские противоречия, катализировала процессы роста национального движения в Индии и передачу власти от англичан политическим силам колонии в 1947 г. Одновременно с окончанием британского владычества на Индостане произошел раздел страны по конфессиональному принципу и образовались два новых государства: Индийский Союз и Пакистан. КПИ, как и СССР при И.В. Сталине, долго не признавала буржуазного правительства во главе с руководителем Конгресса Джавахарлалом Неру. Вдохновляемая также опытом победоносной гражданской войны Компартии Китая против националистического Гоминьдана и образованием КНР во главе с Мао Цзэдуном, КПИ в конце 1940-х гг. начала «революционную» войну против правительства Неру, поднимая восстания в ряде регионов и вызывая его жесткие ответные меры – репрессии и аресты.

В начале 1950-х гг. и особенно активно после смерти Сталина позиция СССР в международной сфере стала меняться в сторону стратегии мирного сосуществования. СССР сумел достичь перемирия в Корейской войне 1950– 1953 гг., выдвинул ряд предложений по нормализации взаимоотношений с Республикой Турция, в 1954 г. завершилась война во Вьетнаме. Для коммунистического движения во всем мире, и в том числе Индии, новые тенденции в политике СССР не могли не означать принципиальных изменений стратегического и тактического характера. Была развернута широкая пропагандистская кампания борьбы за мир, за популяризацию идей коммунизма в некоммунистических странах и парламентских методов борьбы за власть. В 1950 г. Коминформ издал следующую директиву для КПИ: «Движение за мир широкомасштабного характера должно развиваться по всей стране... оно должно стать стержнем всей деятельности партии и массовых организаций» (3). В феврале 1951 г. Москва рекомендовала КПИ забыть о немедленной революции, смягчить риторику в отношении правительства Неру, искать союза с другими «прогрессивными силами» для окончательного вытеснения колониализма (4). Прежний курс был назван «левацким авантюризмом» (5). Вооруженная борьба была окончательно свернута, и в 1951 г. новым Генеральным секретарем был избран лидер «умеренных» коммунистов Аджой Гхош. Ему предстояло преодолеть «левосектантские» настроения в индийском коммунистическом движении и взять курс на создание единого демократического фронта и поддержку прогрессивных преобразования правительства Индии во главе с Неру.

После поездки в Москву в 1951 г. комиссии КПИ, получившей там необходимые инструкции по новой стратегии и тактике, индийские коммунисты предприняли шаги в направлении мирной борьбы за власть, путем выборов (6). КПИ начала подготовку к участию в предстоящих всеобщих выборах, уделила внимание задаче завоевания голосов народа в регионах. При этом Аджой Гхош указывал, что «в то время, как на самом деле всеобщее избирательное право для взрослого населения было зафиксировано в Конституции Индии 1950 г., и оно может и будет использоваться народом, заявлять, что только выборы в соответствии с этой Конституцией могут положить конец помещичье-капиталистическому правлению в этой стране и империалистическому владычеству над жизнью ее граждан – это обман» (7).

На Всеиндийской конференции КПИ 1951 г. была принята новая Программа партии. В документе отмечалось, что, хотя КПИ и имеет своей целью построение в стране социалистического общества, однако на данном этапе, ввиду отсталости экономического развития Индии, видит свою главную задачу в борьбе за искоренение остатков колониализма и феодализма, за осуществление неотложных социально-экономических преобразований в интересах народа, курс на создание единого демократического фронта и поддержку прогрессивных преобразований правительства Индии (8). Аджой Гхош и его соратники также подчеркивали, что «наша революция – это демократическая революция, ядро которой – аграрная революция… Эта революция должна происходить под руководством рабочего класса, в союзе с крестьянством, всеми антиимпериали-

стическими силами, включая национальную буржуазию. Мы не будем слепо копировать опыт Китая, надо учитывать индийскую специфику» (9).

Так, в ходе новейшей истории Индии выявилось, что провозглашенная в конце 1940-х гг. «революционная борьба» КПИ против конгрессистского правительства, по существу, была ударом партии по себе самой, поскольку левым силам не удалось организовать сколько-нибудь эффективных выступлений трудящихся. Однако программа и лозунги свержения правительства Индии дали последнему повод для обвинения КПИ в подготовке вооруженного восстания. Деятельность ряда организаций компартии была запрещена, многие члены партии были арестованы. Особенно пострадала западнобенгальская организация КПИ, которая была объявлена вне закона, а тысячи членов партии были брошены в тюрьмы. Оставшиеся на свободе руководители и члены партии ушли в подполье. Всего в Индии было арестовано 25 тыс. членов партии и сочувствующих ей, 50 тыс. находилось под судом и следствием. В этот период КПИ оказалась во многом оторванной от масс, ее влияние резко упало. Число членов партии сократилось с 89 тыс. во время II съезда КПИ до 20 тыс. к 1951 г. (10). При Аджое Гхоше был начат длительный путь постепенного освобождения Компартии Индии от груза ошибок 1940-х гг. Продолжая идеологическую борьбу с империализмом и капитализмом, коммунисты тем не менее стали выступать «за мир и демократию, в качестве настоящих друзей колониальных и независимых наций против западных стран» (11).

Накануне всеобщих выборов в парламент Индии и законодательные собрания штатов в конце 1951 – начале 1952 г. влияние коммунистов существенно возросло. К примеру, в штате Андхра влиятельная группа политиков отделилась от Конгресса и стала сотрудничать с коммунистами. В штате Андхра это приняло форму автопробегов автомобилей, использовавшихся для агитационных целей, затем они закупили дорогой печатный станок для выпуска ежедневных печатных изданий на языке телугу. Широко распространилось мнение о том, что, за исключением правящего ИНК и Коммунистической партии, никакая другая политическая организация в Индии не располагает достаточно большими средствами для проведения избирательной кампании.

КПИ уверенно показала себя на всеобщих выборах. Конгресс победил и на уровне центра, и в регионах – штатах, получив на выборах в парламент 45% голосов избирателей и 364 депутатских мандата из 489. Однако и она сумела набрать 6,3% голосов и 16 мест в парламенте, вышла на второе место в партийной гонке (12). Результаты выборов показали, как эффективно может сработать хорошо организованная кампания с четкой программой, хорошим финансированием агитационных мероприятий и привлекательными для электората лозунгами. Коммунисты продуманно выбрали свои избирательные округа, тщательно их готовили и в день выборов следили за тем, чтобы их сторонники шли к избирательным урнам. Коммунисты пообещали разным слоям населения то, что те хотели, и сделали это в самой популярной, доступной форме, на простом языке, который все могли понять. Они использовали как агитационные аргументы каждый пример коррупции, кумовства, неэффективности, плохого управления в рядах Конгресса. Таковы были причины успеха КПИ. Всеобщие

выборы дали партии новую жизнь, предоставили ей заслуженную возможность восстановить контакты с широкими народными массами.

Открыв новую страницу в своей политической истории, КПИ наметила широкую программу работы по мирному установлению коммунистического строя в Индии. Проект Конституции был подготовлен для представления членам партии на III съезде партии, состоявшемся 27 декабря 1953 г. Он был выработан в соответствии со стратегией Коммунистической партии Китая и ее программой 1945 г. Первый пункт преамбулы проекта Конституции КПИ определял ее цели: «КПИ является организованным авангардом индийского рабочего класса и высшей формой его классовой организации. Партия представляет интересы всего индийского народа. Хотя на данном этапе она работает над созданием системы народной демократии, ее конечной целью является создание коммунистического общества в Индии» (14).

Во втором пункте была дана характеристика задач партии: «В полуколониальных, полуфеодальных условиях жизни индийского общества, в силу отсталости экономического развития Индии и слабости массовых организаций рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции, задачи партии таковы: внутри страны – сплотить трудящиеся миллионы Индии, рабочий класс, крестьянство, трудящуюся интеллигенцию, средний класс, а также национальную буржуазию, заинтересованные в свободе и процветании нашей страны, объединить их для общей борьбы; на внешней арене – объединиться с международным пролетариатом, угнетенными народами, которые обращаются к нам как к равным, для того чтобы освободиться от сохраняющегося влияния иностранного империализма, создать независимую, свободную, демократическую, единую, процветающей Союзную Республику в Индии, на основе свободного союза всех национальностей, для того чтобы заменить нынешнее правительство органами народной демократии» (15).

Третий пункт преамбулы касался построения коммунизма в Индии: «На первом этапе, когда индийская антиимпериалистическая, антифеодальная демократическая революция одержит полную победу, задача КПИ будет состоять в том, чтобы предпринять необходимые шаги для построения социализма и коммунизма в Индии в соответствии с требованиями социально-экономического развития Индии и волей индийского народа». Четвертый пункт раскрывал принципы организационного устройства КПИ: «Коммунистическая партия Индии организована на основе демократического централизма, как единая организация, спаянная воедино добровольной дисциплиной, обязательной для всех ее членов» (16).

Советское предложение вступить в НАТО в 1954 г., заявление о сокращении Советской армии в 1954 и в 1956 гг., заключение Австрийского мирного договора в мае 1955 г., советские предложения в ходе встречи на высшем уровне в июле 1955 г. об объединении Германии; установление дипломатических и торговых отношений с ФРГ в сентябре 1955 г., провозглашение СССР тезиса о «мирном сосуществовании» и упразднение Коминформа в 1956 г., его кампания за «запрет атомной бомбы», его весомая тяжелая экономическая помощь слаборазвитым странам – все это было результатом советской мирной

политики. XX съезд КПСС в 1956 г. закрепил эти тенденции, постулируя положение о мирном сосуществовании стран с различным социальным строем и в целом – систем социализма и капитализма, о том , что Советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств (17). Наряду с СССР, Китай также стал выступать за мир и провозгласил себя сторонником демократии и мирного сосуществования. В соответствии с этой новой политикой СССР коммунистические партии изменили свою политику. Помимо Индии, в Малайе, Пакистане, Бирме, Индонезии, Филиппинах, Цейлоне коммунистическое движение стало обретать формы мирной борьбы за власть.

Итак, при всей значимости внутренней тактической реорганизации КПИ при Аджое Гхоше, отходе партии от одиозных установок 1940-х гг., было очевидно, что в то время, как позиции Конгресса окрепли, левые силы, из-за их разрозненности и ограниченного влияния в массах, в 1950-х гг. не смогли стать реальной альтернативой правящей партии, которая в этот период значительно упрочила свои позиции. КПИ значительно расширила свою социальную базу, уверенно показала себя в первом применении парламентских методов борьбы, но обрела ли она в действительности потенциальные возможности превратиться в отдаленном будущем в тяжеловесное «ядро» многопартийной системы республики? Способна ли была коммунистическая идеология в ее индийской версии вытеснить националистическую, конгрессистскую в масштабах всей независимой республики? Ответ могло дать только время.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 392. Л. 9-10.
2. Там же. Л. 13.
3. Talwar S.N. Banyan Tree: Communist Movement in India 1920–1964. New Delhi: Allied Publishers, 1985. P. 288.
4. NAI. Ministry of External Affairs. Branch R. and T. File. No. 88-R. and T. L. 105-106, 132.
5. Ibid. L. 106.
6. Sinha V.B. The Red Rebel in India. A Study of Communist Strategy and Tactics. New Delhi, 1968. P. 86.
7. Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. New Delhi, 1971. P. 112.
8. Documents on History of the Communist Party of India // Ed. by M.B. Rao. New Delhi, 1976. P. 959, 970-971; Кацобин П.В. Аджой Гхош и коммунистическое движение в Индии. М., 1985. С. 67-70.
9. Documents on History of the Communist Party of India. P. 973-974.
10. Ibid.
11. Sinha V.B. Op. cit. P. 83.
12. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., 2010. С. 301.
13. Там же.
14. Adhikari G. Documents of the History of the Communist Party of India. P. 114.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. XX съезд КПСС. 14-15 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. С. 99-101 [электронный ресурс] // URL:http:// istmat.info (дата обращения – 12.09.2019)

И.В. УПОРОВ

ОТТОРЖЕНИЕ, ИЛИ ДРАМА МОГУЧЕГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ, НЕ ПРИНЯТОГО НИ ПРОШЛЫМ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ, НИ НЫНЕШНЕЙ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» РОССИЕЙ

Российское общество уже несколько столетий настолько сильно стянуто государственными оковами, что в естественном стремлении россиян к свободе достаточно сильно, равно как и редко, но относительно широко, слышен лишь критико-протестный голос писателей, осмеливающихся его подавать сквозь цензуры и прочие препятствия и обрекающих себя тем самым на непростую судьбу. Слова М.Ю. Лермонтова, обращенные к «жадною толпою стоящим у трона», были охарактеризованы А.Х. Бенкендорфом как «более чем преступное бесстыдное вольнодумство», а император поручал проверить, «не помешан ли» этот сочинитель (1). А.И. Герцен писал о том, что «государство расположилось в России, как оккупационная армия. Мы не ощущаем государство частью себя, частью общества. Государство и общество ведут войну. Государство карательную, а общество партизанскую» (2). Л.Н. Толстой в письме к царю Николаю II указывал на то, что престиж царской власти уже таков, что «во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним» (3). Молодой Лермонтов был убит на дуэли. Герцен в зрелом возрасте умер на чужбине. Толстой к старости был предан церковью анафеме и скончался отшельником.

Эти писатели создавали свои творения и определили свою общественно-политическую позицию в девятнадцатом веке. Наступил век двадцатый – новая, казалось бы, принципиально иная, социалистическая эпоха, но суть парадигмы «общество-государство-личность-свобода» по сути своей не меняется, и на исторической арене появляется советский свободолюб и словотворец – А.И. Солженицын. Он 45 лет назад будет изгнан из Родины, потом, при новой уже власти, вернется, чтобы в 2008 г. упокоиться в своем Отечестве. И его судьба не менее, а, скорее, более драматична, чем у его предшественников – «коллег» по перу, не побоявшихся сделать вызов власть имущим. Этих и других писателей – представителей совести неравнодушных граждан – объединяет, а, точнее, не может не объединять схожесть биографий: они были взращены тем политическим строем, которому поначалу служили и клялись служить верою и правдою, и против которого потом, обретя знания и доведя свой талант до точки кипения, обратили силу литературных строк своих произведений.

Столь масштабных литераторов, гнувших свою линию, несмотря ни на что, единицы. Солженицын один из них, а в прошедшем веке и вовсе, кажется, единственный в СССР. При этом его жизненный и творческий путь полон таких событий и решений, что дает основание в общественной среде как возносить его до небес, так и обносить проклятиями.

Когда 26-летний советский офицер, орденоносец Солженицын накануне окончания Великой Отечественной войны был арестован за крамольные мысли в личной переписке (в том числе за критику самого «пахана»), он еще оставался просоветским человеком, поскольку, как и немногие другие советские граж-

дане, видя несуразности окружающего образа жизни, в том числе преступные злоупотребления и бестолковые решения властных структур и должностных лиц, включая высший властный эшелон, требовал устранения недостатков, но при этом правильность самого советского строя и самой ленинской идеологии у него не вызывала сомнений. Другое дело, что критику и действия критикующих советская власть безжалостно подавляла – как до первого ареста Солженицына, так и после его второго ареста.

Так, организатор подпольного «Союза марксистов-ленинцев» бывший партработник М.Н. Рютин в обращении к членам ВКП(б) в 1932 г. указывал, в частности, что «партия и пролетарская диктатура Сталиным и его свитой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис… Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола» (4). Этот протест не получил резонанса, а Рютин, в итоге, был расстрелян. В 1975 г. капитан третьего ранга В.Н. Саблин захватил военный корабль, где был замполитом, и вышел в радиоэфир с критикой действующей советско-партийной власти, обвинив ее в попрании ленинских принципов. Этот протестный акт, скрытый от общества, был оценен смертным приговором, а морякам, которых он сумел привлечь на свою сторону, было уготовано тюремное заключение (5).

Солженицын, также проявляя недовольство «искажением ленинизма», тогда, в 1945 г., еще не был готов к радикальным действиям, а за свое вольнодумство (ст. 58-10,11 УК РСФСР) получил «всего» восемь лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ и последующей ссылкой. Тем не менее, несмотря на установленную судом антисоветчину и пребывание в местах лишения свободы, в том числе в «шарашке», где Солженицын, видимо, и начал активную литературную деятельность, он оставался верным советскому режиму. Особенно это проявилось после его реабилитации в 1957 г., когда он довольно быстро сумел влиться в советскую литературную элиту, а его «Один день Ивана Денисовича» (начальное авторское название – «Щ-854. Один день одного зэка») стал бестселлером того времени, будучи опубликованным (1962 г.) не где-нибудь, а в «Новом мире» А.Т. Твардовского, который, решая вопрос о публикации, обратился лично к Н.С. Хрущеву по поводу «поразительно талантливой повести». Многие литераторы дали теплые отзывы, Солженицына приняли в члены Союза писателей, было даже представление на Ленинскую премию.

Конечно, такому повороту событий помогли смерть Сталина и «оттепель», начавшаяся после XX съезда КПСС, когда обновленным советским руководством была востребована тема разоблачения культа личности, и тут литературные вещи Солженицына вполне подходили. Как бы то ни было, но в первой половине 1960-х гг. Солженицын поднялся на советский литературный пьедестал. Для этого, правда, приходилось подправлять свои сочинения, чтобы не стопорилась их печать, в частности, в том же «Одном дне…» пришлось в разговоры зеков в лагерном бараке вставить упоминание об «усатом батьке» (Сталине), который «брату родному не поверит» (6). Приходилось и лебезить

перед чиновниками, приближенными к высшему начальству, – в письме одному из них, В.С. Лебедеву (помощнику Хрущева), Солженицын, излагая свои соображения по поводу возможной постановки в театре его пьесы «Олень и шалашовка», писал: «…Мне будет очень больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев» (7). Это все было вполне в типичном советском аппаратно-карьерном стиле. Но очень скоро нашла коса на камень – написав еще ряд произведений и основательно окрепнув в литературном творчестве, Солженицын показал свою самодостаточность, несговорчивость, свой характер, закаленный в ИТЛ, в частности, он счел возможным опубликовать в ФРГ и США, конечно, втайне от КГБ СССР, свои «Крохотки», которые не принимались в советских изданиях, и ряд других произведений.

Очевидно, этот факт стал отсчетным в противостоянии писателя и советской власти, которая уже запретила печатать «В круге первом», «Раковый корпус» (набор первых глав для того же «Нового мира» был рассыпан) и другие его работы, тем более, что он уже трудился над антисоветским «Архипелаг ГУЛАГ», за рукописью которого охотились чекисты. Сложилось официальное мнение: Солженицын очерняет советскую действительность, отходит от принципа социалистического реализма. Все расположение к нему литературно-партийного истеблишмента вдруг разом рухнуло, как карточный домик, он и его бывшие партнеры и коллеги по творчеству оказались по разные стороны баррикад. А после открытого письма съезду писателей (1968 г.), распространенного также и на Западе, Солженицын был, по сути, объявлен врагом советского государства, его исключили из СП СССР и начали травить в советских СМИ. Однако не без помощи западных «друзей», которые использовали советских диссидентов в идеологическом и пропагандистском противостоянии с соцлагерем, Солженицын был удостоен, ни много, ни мало, Нобелевской премии (1970 г.), представление на которую произошло помимо и вопреки желанию советского руководства, что окончательно оттолкнуло Солженицына от СССР в сторону Запада.

Как видно, вторая пятилетка 1960-х гг. круто изменила жизнь Солженицына. Остается только предполагать, что же, на самом деле, произошло с ним, и когда была проведена линия невозвратного отчуждения – может быть, решение начать работу над «Архипелагом ГУЛАГ» с пониманием того, что этот «опыт художественного исследования», обозначенный главой КГБ СССР Ю.В. Андроповым как «политический документ», несовместим с нахождением его автора в той стране Советов? А, может быть, «нобелевка» (за «нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы»), единственный раз за всю премиальную историю присужденная номинанту, опубликовавшему номинантную вещь всего за 8 лет до награждения, была воспринята им за чистую, внеполитическую, монету, и он не удержался, воспарился на крыльях гениальности? В любом случае, нельзя не отметить его гигантской трудоспособности, целеустремленности – при том, что истинная цель стремления, наверное, уже никогда не будет раскрыта.

Между тем солженицынская публицистика к тому времени уже стала отодвигать Солженицына-художника, и в ней (например, в письме «Вождям Советского Союза» 1973 г.) он уже перестал быть просоветским человеком, считая идеологию коммунизма неприемлемой для СССР, но одновременно Солженицын не идеализировал и капиталистический строй, полагая необходимым строить русское национальное государство, опираясь на исторические традиции, чем навлек нападки как слева, так и справа. Бесспорно, нужно было иметь большое личное мужество, чтобы перевернуть свое мировоззрение и отстаивать свою новую позицию антикоммуниста ценой благополучия своей дальнейшей судьбы!

Изгоняя Солженицына из СССР в 1974 г. без советского паспорта, советская власть тем самым громко хлопнула за ним дверь – вон, и не возвращайся! Так Солженицын оказался не нужным советскому государству. И советскому обществу тоже, поскольку советские граждане не очень-то и интересовались этой персоной, будучи не допущенными к информации вокруг всех этих дел и довольствуясь официальными СМИ и мнениями авторитетных советских ученых и деятелей культуры, резко осудивших Солженицына (вместе с А.Д. Сахаровым) за предательство идеалов социализма и клевету на СССР; так, письмо с выражением «глубокого презрения» подписали Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Р. Гамзатов, С. Залыгин, Б. Полевой, К. Симонов, М. Стельмах, А. Чаковский, М. Шолохов и др. (8), то есть едва ли не весь признанный цвет советской художественной литературы на тот момент времени, который по своему «социальному» весу, разумеется, перетягивал общественное мнение советской страны.

Но как скоротечна и непредсказуема жизнь! 20 лет спустя Солженицын триумфально возвращается в новую Россию, по-солженицынски рассекая ее от Владивостока до Москвы. Вероятно, он был очень счастлив в те минуты, когда на вокзалах его встречали овациями. Вот она, победа, не напрасны лишения и борьба за умы сограждан в самиздате, в «Посеве», в многочисленных выступлениях по «Голосу Америки», «Свободе» и прочим западным, антисоветски настроенным СМИ. Вот оно, возвращенное советское гражданство и прекращенное уголовное дело (1990 г.), вот публикация «Архипелага» в том же «Новом мире» (1989 г.), а вот и Госпремия РСФСР (1990 г.) за это произведение, а вот и свое видение будущего России («Как нам обустроить Россию», 1990 г.) – не с пустыми руками Солженицын появляется в белокаменной в мае 1994 г. и не на побывку, а на дожитие, – здравствуй, Родина!

Но как скоротечна и непредсказуема жизнь! После вокзальных приветствий и выступления в Государственной думе начались будни в стране, где лихорадочно решали проблемы рухнувшей экономики, где кремлевские приближенники делили собственность бывшего СССР и где большинству граждан было не до высоких материй. Да, его признали как борца с коммунизмом, его почитали, он стал действительным членом РАН (1997 г.), получил еще одну Госпремию – теперь уже Российской Федерации (2007 г.).

Но элита, ни политическая, ни культурная, не приняла его в свои ряды. Он был тогда уже убежденным антикоммунистом, а новоявленные чиновники и политики новой России еще вчера носили партбилет в кармане и тут же выки-

дывали его, когда ситуация в стране поменялась; с ними, безыдейными и алчными, ему было явно не по пути. Коммунисты, само собой, уже давно считали его литературным власовцем. А интеллигенция не простила ему антисоветскую деятельность – тот же А.А. Зиновьев, аналогичным образом оказавшись за границей, Родину не охаивал. Что до общества в целом, то россияне, как и прежде в СССР, в большинстве своем равнодушны к разного рода солженицыным, зиновьемым, войновичам и прочим бывшим советским диссидентам. Не до них при нынешней жизни. Наверное, общество не право, но оно такое, какое есть. Но тогда – кому знания, опыт, мудрость свою доносить? Солженицын выступал на телевидении по разным проблемам, его книги в большом количестве заполняли библиотеки, но, кажется, все это по большей части проходило мимо общественного сознания. Автору довелось слушать его в Рязанской областной библиотеке на встрече с жителями города (1994 г.) – это был уже уставший, уже с потухшими глазами человек.

Он приехал, чтобы «жить не по лжи», как призывал соотечественников в год выдворения из СССР в этом своем небольшом и пронзительном, как крик отчаяния, эссе (написано о опубликовано в самиздате в 1974 г.). Но он увидел много лжи в постсоветской российской действительности. «Великий нравственник, справедливец, талант», как оценил его В.Г. Распутин, оказался не ко двору современной России. Солженицын пытался робко протестовать (в 1998 г. отказался принимать орден Андрея Первозванного), дистанцироваться от властей, но тщетно – обратная дорога была уже отрезана. И остается лишь надеяться, что пройдет время «безвременья», и наследие Солженицына со всеми его позитивами и негативами будет по-настоящему востребовано в российском обществе, ибо он, соединив в себе неповторимую литературу в громадье произведений, высочайшую гражданственность и личную отвагу, являет собой общественно-культурную ценность как достояние нашей страны, растерять которое ни в коем случае нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 486.
2. Герцен А.И. Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 93.
3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 73. М., 1954. С. 34.
4. История России. 1917–1940. Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др. Екатеринбург, 1993. С. 101; Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. С. 94.
5. Вайс А. Капитан Саблин против брежневского режима // Аргументы и факты. 2005. 11 января.
6. Реабилитация. С. 41.
7. Вокруг жизни и творчества А.И. Солженицына // Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 145.
8. Правда. 1973. 31 августа.

Д.Д. ФРАНЦУЗЕНКО

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ И ИСТОРИИ

Патриотизм, наряду с гражданственностью, федерализмом, государственностью и гуманизмом выступает стержневым элементом общенациональной идеи. Сегодня патриотизм чаще всего определяется как чувство глубокой любви и уважения к Родине. Однако в зависимости от исторического этапа в развитии общества этот термин наполнялся различными смыслами (1). Слово «оте-

чество» понималось в древности как *terra patria* («земля отцов») (2), т.е. понималась как территория, на которой жили и умирали предки, и не было большего наказания, чем лишиться своего отечества. В Римской империи патриотизм разделялся на местный и имперский, первый из которых формировался естественным путем, а второй пытались насаждать сверху (3). В эпоху Великой Французской революции понятие «патриотизм» становится равнозначным термину «национализм» в политическом понимании понятия нации (4).

Если немного абстрагироваться от современности, то вся история России – история патриотизма. Своими корнями патриотические идеи уходят в глубь истории нашего народа, к периоду формирования моральных ценностей, борьбы с захватчиками и становлению христианства (5). Опираясь на исторический опыт, можно отметить, что наибольший интерес к теме патриотизма возникал в ситуациях войн, революций и других социально-политических катаклизмов (6). В письменных источниках впервые отчетливо находим мы патриотические идеи в «Повести временных лет» (7). Другой памятник древнерусской литературы, поднимающий животрепещущую тему патриотизма, – «Слово о полку Игореве» (8), где не только читается призыв к политическому единству, но также имеет место и осуждение предательства княжеского договора чести.

Стоит отметить, что русская революция породила новое отношение к патриотизму, что ярко можно заметить на примере высказывания Л.Д. Троцкого: «Будь проклят, патриотизм, это чудовище!» (9). Конечно, встретив обвинения в антипатриотичности, В.И. Ленин написал: «Защита отечества есть ложь в империалистской войне, но вовсе не ложь в демократической и революционной войне» (10). После революции происходит переподчинение русских и российских интересов задаче интернационализации отношений в обществе. Русское самосознание подтачивалось и видоизменялось, что, естественно, не могло не отразиться на восприятии патриотизма. Однако когда в условиях Великой Отечественной войны поднялся вопрос о защите Отечества, страна испытала небывалый патриотический подъем. Г.К. Жуков отмечал, что «не грязь и не морозы остановили гитлеровские войска после их прорыва к Вязьме и выхода на подступы к столице. Не погода, а люди, советские люди! Это были особые, незабываемые дни, когда единое для всего советского народа стремление отстоять Родину и величайший патриотизм поднимали людей на подвиг» (11).

В постсоветский период о патриотизме снова стало не принято говорить. И, как ни печально это осознавать, современная Россия находится в состоянии духовного кризиса. Конечно, в последние десятилетия тема патриотизма стала активно обсуждаться не только историками и руководящей властью, но и проходит красной нитью сквозь политические, социальные, педагогические науки. Крайне важно не только обсуждать патриотические темы, но и всячески способствовать развитию патриотических чувств у граждан нашего общества и, прежде всего, у подрастающего поколения. Воспитательным потенциалом в первую очередь обладают различные социальные и образовательные институты, среди которых главную роль играют семья и школа. Этот их потенциал усиливается, если главные ориентиры совпадают и не вызывают у детей чувства диссонанса и непонимания (12).

Еще Н.М. Карамзин писал: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» (13). Пожалуй, это определение можно назвать наиболее удачным, ибо привычное «любовь к Родине» слишком уж расплывчатое. «Любить» Родину можно по-разному, и не всегда эта любовь ей будет полезна. Особое внимание стоит обратить на вторую часть высказывания, которую обычно не принято приводить в исследованиях. Неприятно осознавать, согласитесь, что для того, чтобы любить, нужно еще и уметь рассуждать и думать, ибо лишь человек, умеющий мыслить, сможет понять, принять и любить свою Родину в минуты кризиса, любить и стараться сделать все, чтобы из этого кризиса выйти. Только умение мыслить позволит гражданину трезво оценить ситуацию, а не вешать ярлыки и яростно махать кулаками, говоря «эх, как хорошо было, а сейчас…».

Гуманитарные предметы, а история и обществознание в первую очередь, представляют собой тот спектр предметов, которые наиболее благоприятны для работы с патриотическим направлением и формирования мыслительной самостоятельности подрастающего поколения. Вообще говоря, основными «функциями» патриотизма можно назвать воспитательную, регулятивную, интегративную и дифференцирующую (14). Воспитательная функция связана с формированием качеств гражданина-патриота и соответствующих критериев оценки общественных явлений, политических процессов и т.д., регулятивная функция - с влиянием патриотических идей на сознание и поведение личности, а интегративная функция отражает единство этнической, социально-психологической, политической и экономической составляющих общества. Дифференцирующая функция составляет основу процесса идентификации нации, общности, страны и учитывает их специфику.

На уроках обществознания и истории необходимо придерживаться ряда принципов. Первый из них – непрерывность и целостность патриотического восприятия. Это, пожалуй, один из важнейших принципов, так как «одноразовые» мероприятия и концерты не способствуют положительному развитию патриотических чувств у школьников, а воспринимаются как что-то для галочки. Необходимо также включение краеведческого компонента в каждый блок тем, позволяющих на уроках обществознания учащимся лучше понять политическое, социальное и экономическое устройство, а на уроках истории познакомиться со значимыми событиями и людьми своего края. Включаем сюда также и посильную практическую и трудовую деятельность учащихся, направленную на восприятие общественного как «своего», что должно поднять уровень осознанности и уважения к друг другу, а также чужому труду. Не забудем здесь и экопатриотическое воспитание. Его стоит выделить отдельным блоком, так как в последние десятилетия экологическая проблема стоит все острее и острее. Данный принцип направлен на воспитание любви и уважения к природе своей страны и стремление сохранить ее для своих потомков. Наконец, укажем здесь и необходимость, скажем так, гендерного подхода при реализации патриотического воспитания, т.е. формирования социальных ролей для девушек и парней,

закладку верных идеологических установок, в современном обществе зачастую переворачивающихся с ног на голову (15).

Естественно, что эти принципы могут изменяться и дополняться, в зависимости от индивидуальных и возрастных особенностей учащихся, региона и иных условий, однако, как возможно предположить, костяк останется прежним.

Подводя итоги, отметим, что патриотическое воспитание в школе в первую очередь обусловливается такими факторами как духовно-нравственный климат, специфика взаимоотношений между поколениями, культурно-историческими особенностями развития региона. Несмотря на то что единого определения термина «патриотизм» нет, его основу составляет общечеловеческая потребность в любви к Родине, с которой он связан ментально, духовно и географически (не всегда). Формирование патриотизма осуществляется в процессе патриотического воспитания, который происходит как дома, так и в образовательных учреждениях (в первую очередь в школе). Содержание патриотического воспитания многокомпонентно и включает в себя духовную, политическую, историческую и социальную сторону жизни. Как и любой другой процесс, патриотическое воспитание имеет четкие цели и задачи, научные основы, принципы реализации и осуществляется в различных направлениях разнообразными методами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Циулина М.В. Модель патриотического воспитания молодежи в условиях современной школы // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7 (19). С. 276-278.
2. Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010. С. 414.
3. Немировский А. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962. С. 303.
4. Нурлигенова З.Н., Жиенбаев М.Б. Исторический аспект патриотизма и его роль в жизни общества и государства // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 556-560. – URL: https://moluch.ru/archive/100/22547/ (дата обращения: 17.10.2019).
5. Бурмистров В.Б. Идея патриотизма: место и роль в истории России // Симбирский научный вестник. 2012. № 1 (7). С. 11.
6. Башкатова Н.П. Основные направления военно-патриотического воспитания учащихся в современной российской школе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 1. С. 31.
7. Повесть временных лет / Сост., примеч. и ук. А.Г. Кузьмина, В.В. Фомина. Вступ. ст. и пер. А.Г. Кузьмина / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014.
8. Слово о полку Игореве / АН СССР; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1950.
9. Троцкий Л.Д. Русская историческая библиотека. – URL: http://rushist.com/index.php/russia/3463-trotskij-lev-davidovich (дата обращения: 17.10.2019).
10. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. О праве наций на самоопределение. О национальной гордости великороссов. М., 1985. С. 333-334.
11. Жуков Г.К. Воспоминания командующего фронтом // Битва за Москву. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/moscow2/03.html (дата обращения: 17.10.2019)
12. Апанасенко О.Н., Гербет О.И. Патриотическое воспитание в семье и школе // Философия образования. 2008. № 3 (24). С. 139.
13. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости. М., 2013. С.9-15.
14. Башкатова Н.П. Указ. соч. С. 31.
15. Нарежнев А.Е. Патриотическое воспитание как составная часть идеологической и воспитательной работы школы // Наука и современность. 2012. № 17. С. 114.

Г.Л. ЗЕМЦОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТОГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ (1)

Памятники середины I тыс. н.э. на территории верхнедонского региона целенаправленно стали изучаться лишь с середины 1990-х гг. К настоящему моменту в результате раскопок накоплен богатый материал, а историография вопросов, касающихся развития региона в этот период, достаточно обширна (2).

В гуннское время, в конце IV–V в. н.э., на территории Верхнего Подонья распространяются памятники типа Чертовицкое-Замятино. К настоящему моменту утвердилась точка зрения А.М. Обломского, что их появление связано с формированием разноплеменного объединения («княжества»), цель которого – утверждение господства над Донским торговым путем. В составе этого формирования фиксируются раннеславянские, «лесные» финно-угорские, германские, причерноморские и степные компоненты (3).

Памятники этого периода представлены поселениями, городищами и грунтовыми захоронениями. Они занимают верхнедонскую территорию от г. Тулы на севере до г. Воронежа на юге и не составляют компактной группы. Самыми северными памятниками гуннского времени является поселение Упа-2 в черте г. Тулы в Поочье (4), I Перехвальское городище на р. Дон, поселение Коллектив на р. Красивая Меча и городище Крутогорье на р. Воронеж. Самые южные пункты – памятники в районе г. Воронежа (Стрельбище-4, Шилово).

Центром объединения стала территория в окрестностях г. Задонска (так называемая «Острая Лука Дона»). Здесь сосредоточены крупнейшие селища и могильники, которые располагаются на расстоянии около 5 км друг от друга. Центральная группа поселений, возле которой сформировался крупный могильник, расположена в окрестностях с. Ксизово на берегу р. Дон. Площадь Ксизовского археологического комплекса составляет 75,62 га, материалы раскопок опубликованы (5). К северу находится группа поселений, сосредоточенных у с. Замятино, также на берегу р. Дон. На них прослежена развитая ремесленная деятельность – обнаружены мастерские гребенщика и следы кузнечного дела (6). Третий комплекс памятников расположен в глубине Острой Луки Дона. Это городище и два поселения у с. Мухино, которые располагаются на обводненной балке и р. Снова. Четвертая группа селищ находится выше по течению р. Дон, у с. Каменка. Кроме того, на территории Острой Луки Дона зафиксированы отдельные поселения (у с. Тюнино, городище у с. Верхнее Казачье) и многочисленные отдельные находки, датируемые гуннским временем (7). Стоит сделать вывод о плотном заселении этого микрорегиона в конце IV–V в. н.э.

На наш взгляд, памятники Острой Луки Дона можно разделить на две группы. К первой относятся пункты, расположенные рядом или на высоких мысах по берегу р. Дон (у с. Ксизово, Замятино, Каменка, Верхнее Казачье). Вторая группа памятников расположена в стороне от главной речной артерии (поселения и городище у с. Мухино, поселение у с. Тюнино). Видимо, «тыловое» расположение селищ свидетельствует об их обеспечивающей функции.

За пределами Острой Луки Дона памятники гуннского времени находятся на значительном удалении друг от друга и преимущественно представлены городищами. Видимо, цель основания подобных поселений – контроль за окружающей территорией. Чаще памятники имеют незначительную площадь (например, I Перехвальское городище, поселение Коллектив) (8). Пункты гуннского времени располагаются достаточно равномерно через 50-60 км по р. Дон, Воронеж и Красивая Меча. На наш взгляд, это сторожевые посты и места ночевки при путешествии по Донскому торговому пути. По данным исторических реконструкторов водных походов раннего средневековья, за дневной речной переход на весельных лодках можно было преодолеть около 60 км по р. Воронеж и 80 км – по Дону. Эти цифры хорошо согласуются с археологическими реалиями гуннского времени.

Материалы памятников типа Чертовицкое-Замятино обладают определенной региональной спецификой, которая еще недостаточно изучена. Прежде всего исследованы памятники Острой Луки Дона, на которых вскрыты значительные площади. Стоит отметить близость материальной культуры этих пунктов друг к другу. На поселениях присутствует ряд этнокультурных компонентов, которые встречаются в одних объектах в смешанном состоянии (9). «Провинциальные» памятники обладают определенной спецификой. Так, на Подгоренском городище выявлен участок с материалами лесного облика (10). Наоборот, на III Чертовицком городище этот компонент представлен очень слабо (11). Для реконструкции объективной историко-культурной ситуации в регионе необходим сравнительный анализ всех изученных пунктов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках проекта №18-49-480006 р_а.

2. Обломский А.М. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. 2005. № 219. С. 104–120; его же. Этнокультурные компоненты населения Верхнего Подонья в гуннское время (конец IV–V век) / Ред.: Боталов С.С. Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 194-257; его же. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. 2017. № 3. С. 71-88.

3. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) // Раннеславянский мир. М., 2015. Вып. 16. С. 296-304.

4. Колоколов А.М., Грищук М.С., Крухмаль А.И. Раскопки на поселении Упа 2 в черте города Тулы // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2017. Липецк-Воронеж, 2017. С. 191-193.

5. Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V вв.) // Раннеславянский мир. М., 2015. Вып. 16.

6. Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени // Раннеславянский мир. М., 2004. Вып. 6.

7. Акимов Д.В., Бирюков И.Е., Земцов Г.Л., Яблоков А.Г. Тюнинское селище под Задонском на Верхнем Дону // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2017. Вып. 8. С. 54-65.

8. Бирюков И.Е. I Перехвальское городище на Верхнем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998. С. 97.

9. Обломский А.М. Этнокультурные компоненты… С. 194-257.

10. Земцов Г.Л., Бирюков И.Е., Гончаров В.О. Археологическое изучение городища Подгорное (раскопки 2014 г.) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. С. 121-132.

11. Медведев А.П. III Чертовицкое городище (материалы 1-й половины I тысячелетия н.э.) // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А.П. Медведев. Воронеж, 1998. С. 42-84.

А.Г. ТОПИЛЬСКИЙ, Р.М. ЖИТИН

ИЗДАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕМАТИКИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (1)

С середины XIX в. в Галиции рос объем литературы по аграрной тематике, способствуя популяризации знаний о ведении сельского хозяйства. Польскоязычный массив сельскохозяйственных изданий указанного периода условно можно разделить на две составляющие. Значительная часть массива изданий (около 45%) тесно связана с издательской деятельностью польских аграрных институций, которые функционировали во второй половине XIX – начале XX в., таких как:

1. Галицкое хозяйственное общество (1845 г.).
2. Общество земледельческих кружков (1883 г.).
3. Польское общество естествоиспытателей имени Коперника (1875 г.).
4. Общество ветеринарных врачей (1885 г.).
5. Общество лесоводства (1882 г.).
6. Полеводческая школа (1856 г.) в Дублянах (с 1901г. полеводческая академия).
7. Императорско-королевская ветеринарная школа (1881 г.).

Галицкое хозяйственное общество, которое объединяло крупных польских землевладельцев, было основано в 1845 г. и активно работало до 1939 г. Его основная цель на протяжении всего периода деятельности состояла в росте эффективности сельского хозяйства Галиции. Для этого оно организовывало сельскохозяйственные съезды, выставки, курсы профессионального обучения, проводило полевые опыты, защищало в Галицком Сейме права польских землевладельцев. Важным направлением работы общества была издательская деятельность. Первым периодическим изданием стали «Rozprawy c.k. galicyjskiego Towarzystwa gospodarskiego» (Lwow: Narodowego zakladu Ossolinski). Издание выходило в течение 1846–1867 гг. и насчитывало 32 тома. Оно освещало основные направления аграрных исследований края, образовательные и экономические вопросы развития Галиции как сельскохозяйственной территории.

Своеобразным продолжением «Rozpraw...» стал печатный орган галицкого хозяйственного общества «“Rolnik, czasopismo dla gospodarzy wiejskich, organ urzedowy c.k. Towarzystwa gospodarskiego galicyjskiego”. Naczelny redactor, wlasciciel iwydawca Antoni Gostkowski» (Земледелец: журнал для сельских хозяев), который выходил 72 года (1867–1939 гг.), и свет увидело более 100 томов. В течение 1875–1887 гг. около 40% профессиональных статей «Rolnika» были подготовлены учеными Дублянской полеводческой школы (с. Рыльский, К. Тучинский). На протяжении 1880-х гг. в издании «Rolnika» менялись его редакторы, периодичность, объемы, структура, авторы, однако неизменным осталось задача журнала – объединение членов Галицкого хозяйственного общества вокруг идеи развития сельского хозяйства края.

Кроме Галицкого хозяйственного общества, деятельность которого имела универсальный характер, в Восточной Галиции действовали специализированные отраслевые центры, в частности: Полеводческая школа (впоследствии ака-

демия) в Дублянах, Академия ветеринарной медицины, Общество земледельческих кружков (2). Становление аграрной науки и образования в XIX в. связано с историей развития сельскохозяйственного обучения в Дублянах. Заслуги в открытии земледельческой школы (впоследствии академии) в Дублянах принадлежат Галицкому сельскохозяйственному обществу, которое своими ходатайствами перед австрийскими властями настаивало на основании высшей сельскохозяйственной школы.

На протяжении 80–90 гг. XIX в. при высшей полеводческой школе создается сеть научно-исследовательских лабораторий, станций, полей. Так, в 1884 г. начинает деятельность контрольно-семенная станция, с 1890 г. проводит исследования метеорологическая станция, с 1895 г. начинают научную деятельность две станции: ботанико-полеводческая и технически-полеводческая. Получение статуса «Высшей земледельческой школы» (1878 г.) дало разрешение согласно постановлению Галицкого сейма от 11 января 1886 г., на издание Ежегодника Краевой высшей земледельческой школы в Дублянах (Roczniki Wyzshej Szkoly Rolniczej w Dublanach). Вышло 3 тома «Ежегодника»(1888, 1889, 1894). В сборниках работ освещались научные отчеты о выводах теоретических, экспериментальных и производственных исследований в области полеводства, животноводства, агрохимии, экономики сельского хозяйства и других наук, отчеты профессоров и студентов о результатах экспериментов, лучшие студенческие научные труды (3). Украиноязычная сельскохозяйственная литература выпускалась в основном просветительскими обществами, среди которых основную роль играли украинофильская «Просвита» и русофильское «Общество имени Михаила Качковского». Несмотря на широкий спектр деятельности, основной упор делался на издательскую работу, динамика которой зависела от активности руководства и наличия финансирования. Издательская деятельность «Просвиты» росла относительно равномерно (таблица).

Таблица. Издательская деятельность «Просвиты» в 1869–1907 гг. (4)

Год	Тираж	Год	Тираж	Год	Тираж
1869	20000	1882	26710	1895	46500
1870	18000	1883	21000	1896	51600
1871	24000	1884	28505	1897	68000
1872	24000	1885	26525	1898	70000
1873	22000	1886	32275	1899	55000
1874	123105	1887	31785	1900	83000
1875	83515	1888	37735	1901	85000
1876	75230	1889	37790	1902	82000
1877	40850	1890	50470	1903	87000
1878	16960	1891	99030	1904	92000
1879	18400	1892	91610	1905	120000
1880	23340	1893	96340	1906	73000
1881	18970	1894	67860	1907	126000

В начале XX в., идя навстречу запросам землевладельцев, «Просвита» расширила издание экономической литературы, начав выпускать журнал «Экономист». В 1908 г. была основана серия изданий «Хозяйственная библиотека общества «Просвита»». Первой книгой этой серии стал учебник «Образцовый

хозяин». Было издано 6 выпусков в 8 томах (5). После длительного перерыва в начале 1907 года возобновилось издание «Писем из «Просвиты»». Теперь это уже был научно-популярный журнал, выходивший дважды в месяц. В течение 1906-1909 гг. из «Писем из «Просвиты»» было перепечатано немало статей в виде отдельных листков, которые по сниженным ценам распространялись среди крестьян (6). Свою литературу и прессу «Просвита» присылала членам общества, читальням, библиотекам, различным организациям и обществам – «Сич», «Сокол» и др. Местные филиалы нередко издавали свои журналы. Так, в 1901 г. в Бобрках начал выходить образовательно-экономический ежемесячник «Просвита Бобрецка» (7).

«Общество имени Михаила Качковского» делало упор не на издании литературы своими силами, а на ее приобретении и дальнейшей популяризации. На протяжении исследуемого периода оно ежегодно распространяло в среднем по 10–12 наименований печатных изданий. В основном это была литература религиозно-нравственного характера, учебного и хозяйственно-экономического, художественные произведения, причем преобладали литературные и исторические произведения. С 1884 года начало выходить периодическое издание «Календаръ общества им. М. Качковского», с 1907-го – газета «Экономичный листокъ», задачей которого был рост уровня хозяйствования. В 1908 году ее расширили, переименовав в «Листокъ» (8). Из-за нехватки собственных изданий продолжалась приобретаться иная литература. Так, за 1910 год выписывались журналы как собственно австрийские (на немецком, польском, чешском и украинском языках), так и российские – «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества», «Вестник кооперации», «Деревня», «Земледелец», «Крестьянское земледелие», «Прогрессивное садоводство и огородничество» и др. Отдельные книги специально заказывались к составлению в других странах, преимущественно в Российской империи, а печатались во Львове (9).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6.

2. Dublany (Szkoiy i zakiady Krajowe w Dublanac) / [red. Stefan Pawlik, Jan
Pawlikowski, Ignacy Szyszylowicz]. Lwyw : Nakiadem wydawnictwa krajowego, 1897. 186 s.
3. Polski slownik biograficzny. Wrociaw ; Warszawa ; Krakow : Zakiad Narodowy Imienia Ossolicskich. Wydawnictwo PAN. 250 s.
4. Лозинський М. Сорок літ діяльності Просвіти. Львів, 1908. С. 51-52.
5. Шістдесят літ. 1868–1928. Ювілейний альманах товариства «Просвіта» у Львові. Львів, 1927. С. 125.
6. Чуприна В., Біла Н. Культурно-освітня діяльність «Просвіти» та українських політичних партій в селах Галичини (кінець XIX – початок XX ст.) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2010. № 19. С. 138-144.
7. Просвіта Бобрецька. 1901. Ч. 5.
8. Листокъ. – Львов, 1908. – Вып. 1: Додатокъ до книжечки. Ч. 385. Источник: Лозинський М. Указ. соч. С. 51-52.
9. Курилов В.В. Наука о почве и о ей удобренью: короткое практичное руководство для земледельческой химии. Львов: тип. Ставропигіского ин-та, 1906.

А.Г. ТОПИЛЬСКИЙ, Р.М. ЖИТИН

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В ХОЗЯЙСТВАХ ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (1)

Целью статьи является освещение функционирования помещичьего усадебного комплекса в Восточной Галиции в конце XIX – начале XX в., его рентабельности, рачительного подхода к природным ресурсам на примере Ягельницкого имения Карла Лянцкронского. Экономическую основу аграрных отношений в Восточной Галиции в указанный период составляла земельная собственность, которая сосредотачивалась в руках семей польских магнатов: князей Любомирских, Сапегов, Яблоновских, графов Потоцких, Дзедушицких, Голуховских, Замойских, Бадени, Стадиона, Лянцкронских и других. Табулярная собственность края в 1889 г. составляла 2328 тыс. га (42,1%), а в 1902 г. – 2229 тыс. га (40,3%). В 1902 г. магнатам принадлежало 27,2% пахотных земель, 84,7% лесов, 48,6% пастбищ и лугов, 34,1% лугов и огородов (2).

Объектом исследования выступает Ягельницкое поместье графов Лянцкронских (Ягельница становится собственностью Лянцкронских еще в половине XVI ст.), которое находилось в Чортковском уезде. Имение располагалось в южной части галицкого Подолья, вдоль левого притока Днестра – реки Серет, в зоне черноземных и темно-серых оподзоленных почв, пригодных для полевых и огородных культур, которые издавна использовались как плодородные пахотные земли. Имение было довольно типичным для региона. В рассматриваемое время владельцем имения был граф Карл Лянцкронский, один из самых заметных представителей польского магнатства. Согласно завещанию, составленному в Вене 14 февраля 1874 г. его отцом Казимиром Лянцкронским, Карлу, кроме Ягельницкого имения, в Восточной Галиции отошли Комарновское, Яворовское и Роздольское поместья. Также ему принадлежали Мельштинское имение в Западной Галиции, Фрауенвальд в Штирии и Водзиславское имение в российском Царстве Польском (2). В 1890 г. общая площадь галицких имений К. Лянцкронского достигала 35186 моргов земли (1 морг равнялся 0,57 га), из которых 12590 занимали леса, 22596 – другие земли (3).

К Ягельницкому поместью принадлежали земли на территории местечек Ягельница и Улашковцы, а также деревень Антоново, Хомяковка, Долина, Нагорянка, Мухавка, Свидова, Сосулевка, Старая Ягельница, Росохач, Саловка, Шульганивка и Заболотовка. Общая площадь имения на июль 1893 г. составила 14691 морг земли, из них 9489 моргов занимала пашня, 4500 леса, 415 пастбища, 175 луга и огороды. Стоимость этого поместья превышала 2 млн золотых гульденов. Цена одного морга пахотной земли колебалась от 100 до 200 зл., лугов – 50-80 зл., пастбищ – от 30 до 50 зл.

Ведение эффективного хозяйства требовало значительного количества управленческого персонала, который бы занимался его организацией и контролем. Во второй половине XIX в. управление имениями редко сосредотачивалось в руках самого владельца. Например, Карл Лянцкронский большую часть времени жил в Вене, занимаясь административными делами и наукой и не был

в состоянии заниматься непосредственно организацией хозяйства в своих имениях. В его усадебном комплексе структура администрации имела сложившуюся схему руководства и была хорошо укомплектована. Высшей инстанцией, управлявшей всеми имениями, было Главное управление имений (Naczelny Zarzad dobr), которое находилось в г. Комарни. В его штат входили уполномоченный, адвокат, счетовод и кассир. Следующей инстанцией была администрация имения (администратор, кассир и счетовод), управлявшие всем хозяйством на территории имения.

Руководство фольварками осуществляли администраторы (экономы), практиканты, гуменные, полевые, смотрящие за выполнением работ. От ранга управленцев зависела и заработная плата. Самой высокой на 1886 г. она была у уполномоченного Адама Ноэля и составляла 8000 золотых гульденов в год. Кроме денег, Ноэль получал зерна 1078 гульденов, и за счет владельца содержались коровник и огород служащего. Годовая зарплата управляющих имениями составляла 2500-3000 гульденов, администраторы фольварков получали 400-500 гульденов ежегодно. 16 апреля 1886 г. для подготовки и повышения квалификации служащих и других работников в Ягельницах Краевым отделом сейма при помощи помещика Лянцкронского начала действовать земледельческая школа, выпускники которой трудились в поместьях на различных службах (5). Помещиком было выделено для нее 20 моргов поля и строений на сумму около 16 тыс. гульденов (6). Организационным центром магнатского земледелия был фольварк – комплекс жилых и хозяйственных построек, животноводческих ферм, угодий и мастерских, на которых помещик вел хозяйство, применяя наемный труд крестьян. В имении Ягельница насчитывалось 14 фольварков. В основном они специализировались на выращивании пшеницы, в меньшей степени были распространены рожь, ячмень, овес, просо, гречка, кукуруза, горох, фасоль, картофель, лен, рапс.

Капиталистические отношения стимулировали помещика к переходу на новые рациональные методы обработки земли, в частности, применение современных многопольных севооборотов, внесение удобрений, мелиорации. В течение 1874 г. возле фольварка Улашковцы для обеспечения защиты от разливов реки Серет проводились широкомасштабные работы по регуляции ее русла на отрезке 300 саженей (640 м). В результате проведенных работ прекратились разливы реки, была осушена ее пойма, получено в старом русле 8 моргов земли и устранено заиление мельницы (7). Заметное место в агротехнических мероприятиях К. Лянцкронского занимала мелиорация пашни, лугов и пастбищ – дренаж, копание рвов, бетонирование каналов. В 1901 г. на проведение таких работ собственником было затрачено 16838 крон. Не последнюю роль для развития внутреннего и внешнего рынка, роста капиталистического сельскохозяйственного и промышленного производства в помещичьих хозяйствах Восточной Галиции играло строительство железных дорог. Так, в 1896-1898 гг. обществом Галицких железных дорог им. Карла Людвига построена линия Чертков-Залещики длиной 51,2 км, которая шла вдоль Ягельницкого имения.

Непременное условие развития помещичьего хозяйства составляло скотоводство, что не только обеспечивало тягловой силой и удобрениями, давало пи-

тание для административных и наемных работников имения, но и приносило значительные прибыли от продажи самого скота и продуктов его жизнедеятельности. В поместьях разводили волов, коров молочных и мясных, коней, овец. Наибольшую статью прибыли владелец получал от продажи волов. Так, в 1907-1908 гг. из шести фольварков продали 104 вола на сумму 31392 крон. Не последнее место в животноводстве занимало овцеводство, продуктами которого были мясо и шерсть. В 1901 г. продали 106 овец на сумму 700 крон, 1902 г. – 111 овец на 706 крон. Разведение крупного рогатого скота давало молочные продукты. Доходы от продажи молока были следующими: в 1901 г. продано 13470 литров молока на сумму 1052 крон, 1902 г. – 13886 литров на 1242 крон.

Экономическая отсталость Галиции ставила хозяйства помещиков в достаточно выгодные условия развития, обеспечивая им дешевую рабочую силу. Значительная часть землевладельцев, которая не могла приспособить свое хозяйство к новым экономическим условиям, но не желала терять прибыли, сочетала различные методы организации ведения хозяйства. Этим процессам также способствовал устойчивый рост цен и постоянный дефицит земли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых МК-752.2019.6.
2. Bujak F. Galicya. Kraj. Ludnosc. Spoleczenstwo. Rolnictwo. T. 1. Lwow, Warzsawa, 1908. S. 265-266.
3. Taborski R. Lanckoronski Karol z Brzezia // Polski Slownik Biograficzny. Wroclaw – Warszawa – Krakow: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Tom XVI. Zs. 70. 1971. S. 442-443.
4. Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne / pod redakcja T. Pilata. T. XII. Lwow, 1891. S. 48.
5. Alegata do Sprawozdań Stenograficznych z Pierwszej Sesyi Szóstego Peryodu Sejmu Krajowego Królestwa Galicyi i Lodomeryi wraz z Wielkiem Księstwem Krakowskiem z roku 1889. Alegat 72. URL: https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/doccontent?id=45444&from=PIONIER%20DLF (дата обращения: 17.09.2019).
6. Вітенко М.Д. Польське велике землеволодіння в Галичині (кін. XIX – поч. XX ст.) // Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Серія «Історія». Вип. XIV. Івано-Франківськ, 2008. С. 72-78.
7. Wiadomosci statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne / pod redakcja T. Pilata. R. V. Zs. II. Lwow, 1880. S. 156.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.
ВЕ – Вестник Европы.
ВИ – Вопросы истории.
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
ВНР – Венгерская Народная Республика.
ВПТ – Венгерская партия трудящихся.
ВС – Воронежская старина.
ВСРП – Венгерская социалистическая рабочая партия
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.
ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов.
ГАНИЛО – Государственный архив новейшей истории Липецкой области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
ГКО – Государственный комитет обороны.
ГУЛАГ – Государственное управление лагерей.
ДГ – Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования.
ИВ – Исторический вестник.
ИНК – Индийский национальный конгресс.
ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря.
КГБ – Комитет государственной безопасности.
КЗоТ – Кодекс законов о труде.
КГБ СССР – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР (в период 1954–1978 гг.).
КПИ – Коммунистическая партия Индии.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук.
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет.
МТС – Машинно-тракторная станция.
НИОР РГБ – Российская государственная библиотека, научно-исследовательский отдел рукописей.
ОВД – Организация Варшавского договора.
ОИ – Отечественная история.
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ПСР – партия социалистов-революционеров.
ПВЛ – Повесть временных лет.
Политбюро – Политическое бюро.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология.
РАН – Российская академия наук.
РВ – Русский вестник.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков).
РКСМ – Российский Коммунистический Союз молодежи.
РОПиТ – Русское общество пароходства и торговли.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
РТС – ремонтно-техническая станция.
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.
СМ – Совет министров.
СМИ – средства массовой информации.
СНК – Совет Народных Комиссаров.
СНХ – Совет народного хозяйства.
СП – Союз писателей.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СФРЮ – Социалистическая Федеративная республика Югославия.
США – Соединенные Штаты Америки.
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи.
УК – Уголовный кодекс.
ФРГ – Федеративная республика Германия.
ЦК – Центральный комитет.
ЧК (ВЧК) – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.
ЧОН – части особого назначения.
NAI – National Archives of India.

Сведения об авторах

Алленов Андрей Николаевич – канд. и. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Болотов Николай Александрович – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Болотова Елена Юрьевна – д-р и. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историко-краеведческого образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Бочарова Зоя Сергеевна – д-р и. наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Буганов Александр Викторович – д-р и. наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом русского народа Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва).

Вандалковская Маргарита Георгиевна – д-р и. наук, главный научный сотрудник Института

Российской истории РАН (г. Москва).

Гайтерова Кристина Геннадьевна – бакалавр Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Горькова Евдокия Владимировна – аспирант кафедры теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета.

Грот Лидия Павловна – канд. и. наук, директор образовательно-консалтингового предприятия «НОРРКОН АБ» (г. Лулео, Швеция).

Дежкин Игорь Борисович – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Дитяткин Дмитрий Геннадиевич – канд. и. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва).

Долгих Аркадий Наумович – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Дьёни Габор – канд. и. наук, доцент университета имени Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия).

Жиров Николай Анатольевич – канд. и. наук, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина.

Житин Руслан Магометович – канд. и. наук Тамбовског государственного университета имени Г.Р. Державина, научный сотрудник Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов (г. Тамбов).

Земцов Григорий Леонидович – канд. и. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Земцов Леонид Иосифович – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

Исаков Алексей Александрович – канд. философ. наук, доцент кафедры истории и обществознания историко-филологического факультета Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Исакова Любовь Владимировна – канд. и. наук, старший преподаватель кафедры права, философии и социальных дисциплин факультета экономики и права Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.
Клевцова Оксана Владимировна – канд. и. наук, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Кунавин Константин Сергеевич – канд. и. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
Лаухина Галина Владимировна – канд. и. наук, учитель истории МБОУ СШ № 33 г. Липецка имени П.Н. Шубина, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Ляпин Денис Александрович – д-р и. наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Мельникова Алена Романовна – бакалавр института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Мокшин Геннадий Николаевич – д-р и. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.
Наумова Галина Романовна – д-р и. наук, профессор, профессор кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
Олейниченко Александр Владимирович – руководитель аналитического отдела компании UMG (г. Киев, Украина).
Патрина Людмила Николаевна – заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.
Пашков Сергей Владимирович – канд. и. наук , копирайтер (г. Грязи).
Пашкова Людмила Владимировна – канд. и. наук, копирайтер (г. Грязи).
Прошунина Екатерина Валерьевна – бакалавр института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Сабетова Марина Викторовна – заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина.
Свиридов Илья Сергеевич – методист выставочного зала «Страницы истории» (г. Чаплыгин).
Севостьянова Анастасия Владимировна – магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Семеева Светлана Александровна – магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Ситникова Галина Валентиновна – канд. филолог. наук, доцент кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Смирнова Мария Владимировна – студент факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Сомов Владимир Александрович – д-р. и. наук, профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород).

Суковицына Евгения Алексеевна – магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Темникова Елена Евгеньевна – магистрант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Томилин Виктор Николаевич – д-р и. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Топильский Алексей Геннадьевич – канд. и. наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
Тропин Николай Александрович – д-р и. наук, старший научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
Трубицин Александр Геннадьевич – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, учитель истории и обществознания МБОУ гимназия имени Героя Советского Союза П.А. Горчакова (с. Боринское).
Уваров Геннадий Владимирович – канд. и. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Упоров Иван Владимирович – д-р и. наук, канд. юрид. наук, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.
Фомин Вячеслав Васильевич – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Фомина Татьяна Петровна – канд. ф.-м. наук, доцент кафедры математики и физики ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Французенко Д.Д. – магистрант ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Черешнева Лариса Александровна – д-р и. наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Шевченко Иван Александрович – канд. и. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.
Шульгин Владимир Николаевич – д-р и. наук, профессор филиала Академии геополитических проблем (АГП) в Калининграде действительный член АГП.

Научное издание

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ЛИЦАХ И СУДЬБАХ ЕЁ СОЗИДАТЕЛЕЙ: IX–XXI вв.

МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
посвященной 65-летию Липецкой области

г. Липецк, 4 октября 2019 г.

Подписано в печать 13.11.2019 г.
Формат 60х84 1/16.
Бумага для копировальной техники.
Гарнитура Таймс.
Усл. печ. 18, 3.
Тираж 500 экз.
Заказ № 1566.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, г. Липецк, ул. Ленина 42

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина 42